

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН О ЛЮБВИ

*Ольга Бенца
Ирина Мосман*

ОСЕННИЕ ЗВЁЗДЫ

Annotation

«В сорок лет жизнь только начинается», а в пятьдесят, по общему убеждению женщин, она заканчивается. Вкус и острота ощущений притупились. Мечтать — трудно, реализовывать мечты — лень.

Пятьдесят — не возраст! Четыре подруги — Лариса, Валентина, Наталья и Светлана — любят жизнь и живут так, как считают нужным. Они строят планы и осуществляют их, ссорятся и мирятся, воспитывают внуков и влюбляются, попадают в забавные ситуации и с честью из них выходят.

- [Ольга Бенуа](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)

- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)
- [ГЛАВА 28](#)
- [ГЛАВА 29](#)
- [ГЛАВА 30](#)
- [ГЛАВА 31](#)
- [ГЛАВА 32](#)
- [ГЛАВА 33](#)
- [ГЛАВА 34](#)
- [ГЛАВА 35](#)
- [ГЛАВА 36](#)
- [ГЛАВА 37](#)
- [ГЛАВА 38](#)
- [ГЛАВА 39](#)
- [ГЛАВА 40](#)
- [ГЛАВА 41](#)
- [ГЛАВА 42](#)
- [ГЛАВА 43](#)
- [ГЛАВА 44](#)
- [ГЛАВА 45](#)
- [ГЛАВА 46](#)
- [ГЛАВА 47](#)
- [ГЛАВА 48](#)
- [ГЛАВА 49](#)
- [ГЛАВА 50](#)
- [ГЛАВА 51](#)
- [ГЛАВА 52](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

◦ [10](#)

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН О ЛЮБВИ

*Ольга Бенца
Ирина Мосман*

ОСЕННИЕ ЗВЁЗДЫ

Минск
«Букмастер»

Ольга Бенуа
Ирина Мосман
Осенние звёзды

*Имена и фамилии персонажей вымышлены,
совпадения с реальными людьми и событиями —
случайны.*

ГЛАВА 1

Нынешняя зима не удалась.

Бурые медведи в зоопарке мучались от бессонницы, а российские женщины страдали, оставляя в шкафу любимую одежду — шубы. В северных регионах невозможность выгулять главный наряд года расстраивала особенно сильно. Для многих это была трагедия, сравнимая разве что с локальным концом света, отключением электричества на заключительной серии мыльной оперы, очередной морщинкой на переносице.

Шуба — не просто показатель статуса «нашей» женщины. Это — символ, мечта, ради которой можно недоедать, требовать прибавки к зарплате, просить в долг у ненавистной свекрови, даже посягнуть на святое: предложить мужу отказаться от покупки нового финского спиннинга, чтобы потратить деньги с гораздо большей пользой. Не все ли равно рыбе, на какой крючок ее поймают?

Для Ларисы не существовало вопроса, быть шубе или спиннингу. Норковое манто у нее уже «обитало» в шкафу, появления же удочки в хозяйстве не предвиделось. Вопрос о мужских безделушках не поднимался в связи с отсутствием в доме рыболова и добытчика мамонтов. Кем была разведенная женщина до того, как страна узнала слова «феминизм», «капитализм» и «оргазм»? Предметом сочувствия более удачливых подруг. Всего десяток лет назад в составленных на новомодный лад анкетах в графе «ваши личные достижения» жертвы обстоятельств с гордостью писали: «смогла выйти замуж». Для Ларисы развал страны, как и крах семьи, оказался не горьким поражением, а безусловной победой.

Пять упоительных лет свободы! Воплотив в жизнь карьерные планы, она сдала на права, освоила компьютер, уже два раза ездила в Египет с заместителем по финансовым вопросам. Казалось бы, ничего сверхъестественного. Но за год до пятидесятилетия все особенное. В сорок лет жизнь только начинается, а в пятьдесят, по общему убеждению российских женщин, она заканчивается. Мечты угасли, стремления сдулись. Вкус и острота ощущений притупились. Возраст становится оправданием махрового халата вместо шелкового пеньюара. Шпильки заменяют асексуальными шлепанцами, лишние килограммы направляют в семейные трусы с модным названием «бриджи». Мечтать — трудно, реализовывать — лень.

Но Лариса была убеждена: пока попутчик в лифте разглядывает родинку, притаившуюся в глубоком декольте, а дети не достигли пенсионного возраста, женщина не вправе распускаться. Она обязана вгрызаться в жизнь даже искусственной челюстью, отвоевывая у старости право оставаться женщиной. Пятьдесят — возраст элегантности, благородства, время жить для себя. Нужно попробовать успеть все, на что не хватило времени, смелости или наглости за так быстро пролетевшие годы.

С мужем Лариса рассталась интеллигентно, без скандалов и сожалений. Полюбовный раздел имущества лишил ее подержанного «Опеля», приусадебного участка с домиком, а также связанных с ними бесконечных хлопот. Лариса осталась в заново отделанной городской квартире. Единственная дочь жила за границей, с иностранным супругом и проблемами европейского характера. Постепенно так сложилось, что в последние годы подруги по праздникам собирались у нее. Удобно, две автобусные остановки от центра, домочадцы скрылись в голубой дали и помешать не могут.

Уютная гостиная просто создана для дружеских посиделок. Просторная, светлая, без излишеств мебели и безделушек. Расположившиеся полукругом диван и кресла, обтянутые нежной бежевой кожей, напоминают небольшое стадо тюленей, замерших в замысловатых позах. Стену украшает работа известного в городе художника, которую хозяйка привыкла мысленно именовать «натюрмортом с битыми горшками».

Лариса подошла к окну, открыла его, впуская холодный поток влажного январского воздуха. Батареи грели немилосердно, хотя уже неделю термометр показывал два-три градуса выше нуля. Город, по прихоти государевых людей основанный в низине, кутался в тяжелые облака, как в шерстяное одеяло. На горизонте в сером мареве смога виднелась гигантская спичка недостроенной телебашни. Во дворе местами лежали ошметки почерневшего снега. В истаявшем сугробе торчала облезлая елка с остатками мишуры. Рядом две юные мамы развлекали упакованных в разноцветные комбинезончики детей. С трудом поворачивавшийся во множестве одежек малыш ковырял синей пластмассовой лопаткой ноздреватый снег. Сосед Василь Михалыч выгуливал любимого пса. Собака, одуревшая от внеочередной смены сезонов, флегматично обнюхивала чью-то потерянную перчатку. В такую погоду хорошо депрессию культивировать. Решительно, зима не удалась.

— Наталью ждать не будем, все равно опоздает, — Лариса отвернулась

от окна, поправляя на шее изящное кольцо. Украшение застенчиво поблескивало алмазными искрами, намекая на высокопробное происхождение.

— Ой, какая красота! — Светлана, высокая интересная женщина в ярком фартуке с подсолнухами, курсировавшая между кухней и гостиной, затормозила на повороте. Заинтересовавшись украшением, она даже перестала подпевать рекламной заставке, — Белое золото?

— Да, — похвасталась Лариса, — Олег Петрович подарил на Новый год.

На правах хозяйки дома она еще раз переставила блюда на обеденном столе. Достав из комода пачку белоснежных льняных салфеток, принялась сворачивать в форме папской тиары.

— О! Олег Петрович, — хитро улыбнулась Света, упав в мягкое кресло, стоящее напротив стола. Кресло едва слышно крякнуло, но она не обратила на это внимания. Застрыв в эпохе кофточек с люрексом, Света помнила себя на два размера стройнее, предпочитая думать, что лишние наслоения на теле рассосутся сами собой, едва закончатся праздники. — Мне кажется, ему еще сорока пяти нет?

— Правильно, ему сорок два. Пятидесятилетних мужчин не привлекают ровесницы. Им не нужен умный собеседник с тонким восприятием мира. Им подавай стимул, — Лариса выразительно взглянула на подругу.

— Злая ты, Лариска, — полуобожженным-полушутливым тоном заметила Светлана, — если лет шестьдесят, значит, по-твоему, мужик банален и предсказуем, как рулон туалетной бумаги, — увлеченная разговором, она совершенно забыла о кухне и брошенном на столе шейкере.

— Во-первых, я не могу быть злой по определению, — вернулась к салфеткам Лариса, — у меня слишком хорошо налажена личная жизнь. Во-вторых, смотри, что мы имеем. Женщина постбальзаковского возраста, задумываясь о будущем, перекрашивается в блондинку, натягивает кожу живота на лоб, переходит на подножный корм. Ее подгоняет страх остаться на задворках жизни, быть брошенной мужем, уволенной с работы. А мужчина... Самец меняет не себя, а декорации, антураж: молодая жена, спортивная машина, загородный дом, белоснежная яхта. При этом на него, как правило, без слез не взглянешь. Хотя, я согласна, зависит от того, насколько человек себя любил.

— Даже любовь к себе не всегда помогает. Возраст! — философски заметила Света.

— Одного не понимаю, — Лариса стремительно седлала любимого конька, — почему мужчины так наплевательски относятся к своему здоровью и внешнему виду? Лет в сорок пять — пятьдесят ставят на себе жирный крест, забывая о близких! Отращивают пузо — комок нервов, входящий в комнату впереди владельца, обзаводятся пивным целлюлитом в самых необычных местах. Я согласна, с лысиной трудно бороться, но они не могут даже пятки пемзой потерять. Это на человеческие ноги не похоже становится. Больше напоминает неизвестную скальную породу, минерал, туф, базальт! Цокают этими наростами и нестриженными ногтями по паркету, как будто на Коньке-Горбунке едут. Кавалеристы.

— Тише. А то Валя расстроится, — Света посмотрела в сторону кухни. — Ей кажется, что ты слишком критична ко всем мужчинам планеты.

За окном сгущались ранние январские сумерки, разбавленные тусклыми кляксами фонарей. Любившая полумрак Лариса щелкнула выключателем изящного светильника в виде цветка на изогнутой ножке в углу.

— С другой стороны, хорошо Вале рассуждать под крылом почти идеального мужа, — продолжила она.

Света задумчиво кивнула.

— У моего уже пенсия на горизонте, романтика только по телевизору, цветы последний раз покупал тете Маше на кладбище, Восьмое марта — оливье под караоке. Тоска! — вполголоса сказала она, рассматривая геометрический рисунок на тапке.

Сочувственно вздохнув, Лариса присела на заваленный подушками низкий диван, стараясь не помять длинную черную юбку.

— Такова проза жизни: цемент любви и доверия рассыпался в прах, «здание» без капремонта покосилось.

В глубине души Лариса гордилась своим решительным поступком, сочувствуя Светлане, колеблющейся между разводом и попытками реанимации семейного союза. Нажитый опыт, книги, работа, друзья создали в голове Ларисы определенную картину мира. Она считала, что на пути женщины встречаются разные мужчины. Одни годятся для создания семьи, воспитания детей. Для них домашний уют, семья важнее партнерши по браку. Такой тапочко-диванный супруг. Они замечательные люди, порядочные мужья, но довольно серенькие мужчины как в постели, так и в отношениях с женой.

Вторая категория — мужчины для праздника, любви и ананасов в шампанском. С первым будешь вместе стареть, рассматривая пожелтевшие

фотографии. Со вторым будешь жить, несмотря на надвигающуюся пенсию и пересуды окружающих. Старость — болезнь, которую нужно лечить прыжками с парашютом, нырянием с аквалангом, катанием на мотоцикле, а не работой, внуками, огородом. Такова была жизненная позиция Ларисы, и она всячески старалась убедить в ней каждого, в особенности подруг, не желающих стареть, но мечтающих обойтись малой кровью: походом в парикмахерскую и розовой кофточкой.

— Себя, себя нужно любить и лелеять, не устаю повторять. А то «в сорок пять баба ягодка опять», только замужние выглядят, как урюк или алыча засушенная. Давно известно, что мужчина в браке живет дольше. О чем это свидетельствует? Права я, когда говорю, что от затянувшегося замужества женщина черствеет, как забытый бублик на подоконнике.

Светлана опешила.

— Ты преувеличиваешь, — она резко вскочила, едва не задев напольную керамическую вазу, всем своим видом отрицающую консерватизм в искусстве, — у нас с Колей просто эмоциональный кризис, но он любит меня.

— А ты?

— Конечно, он не без недостатков, — ушла от прямого ответа Светлана, — но очень добрый.

— Внутренний голос мне подсказывает, что медом своей души он замазывает глубоко спрятанный сексуальный комплекс, — не унималась Лариса. Не дав подруге опомниться, она поднялась, расправила воображаемые складки на юбке и направилась на кухню.

— Светка, ты что такая задумчивая? Наша свободная и незакомплексованная рассказывала о прелестях жизни разведенной женщины? — Валя, пухленькая брюнетка, душа компании, торжественно водрузила на стол блюдо с мясным ассорти, заняв последний клочок свободного места.

Светлана стояла у окна, покусывая губы. Хмурилась, собирая стайки морщин на лбу. Постоянно чем-то озабоченная, она незаметно упустила из сферы интересов и свой брак, и свой внешний вид. Любящая яркую одежду жизнерадостных, насыщенных цветов, Светлана часто не знала меры. Торопливо подрубала слишком длинную на ее взгляд юбку, утешая себя тем, что огрехов работы никто не заметит. В магазинах обходила стороной вешалки с большими размерами и оставалась без покупки, не поместившись ни в одни брюки из выбранных.

Ей страшно не хотелось соглашаться с Ларисой, признавать, что ее брак, как старый плед, изъеден молью и усеян заплатами. Ни тепла, ни

красоты, одни воспоминания.

— Вовсе нет, — покачала головой возникшая в дверном проеме Лариса, — я пытаюсь объяснить, что совместное проживание — не есть семья, — пояснила она.

— Ларис, мы празднуем, или у нас тематический вечер? — Валентина хотела быстрее закончить спор, ведущийся на протяжении последних пяти лет, — скоро ночь наступит, а мы еще ни одного коктейля не попробовали.

— Ой, правда! Совсем забыла, — очнулась от горестных мыслей Светлана и бросилась на кухню.

Стол блистал великолепием. По традиции заставлен не тем, что хочется съесть, а тем, что хочется попробовать. Нежные ломтики семги соседствовали с маринованными грибами, селедка под шубой — с корейской морковью. Свекла с черносливом скромно пряталась за блюдом с фаршированными помидорами. Удовлетворенно окинув гастрономическое изобилие начальственным взглядом, Лариса снова заявила:

— Наталью ждать не будем. Повезет, если к десерту она определится с выбором трусов. Садимся!

— Давай еще пять минут, она сейчас придет, — Валя, сглатывая слюнки, любовалась ожидающим разрушения столом. Непрístupная цитадель закусок ждала вторжения неприятеля. Хрусталь некогда братской Чехии играл алмазными всполохами. Алебардами вздымались воткнутые в салат мельхиоровые ложки с массивными ручками. Казалось, еще немного — и между украшенным веточкой зелени крабовым салатом и скользкими маринованными опятами взвоет стяг, и невидимый горнист протрубит наступление, упреждая набег вражеского войска.

Валя любила поесть и великолепно готовила. Мечты о талии, самом узком в тушке месте под ребрами, покинули ее еще в ранней молодости, но, лишившись стройной фигуры, она приобрела умопомрачительный бюст четвертого размера, нарушавший координацию движений проходящих мимо мужчин.

— Обожаю «зимний» салат! Так что у нас с коктейлями? — крикнула она, но на пороге появилась энергично встряхивающая шейкер Светлана.

— Наверное, уже хватит? — поинтересовалась Валя, подставляя хрустальные бокалы.

— Нет, наберись терпения, — остановить Светлану мог только внезапный паралич конечностей, коктейли были ее хобби. Пациенты мужа, зубного протезиста, имели склонность к выражению благодарности в жидко-алкогольной форме. Перестроечные времена внесли разнообразие в ассортимент подношений. Виски, ром, пасти, целая батарея разноцветных

ликеров оседали у Николая в сейфе, плавно перетекая в домашний бар. Употреблять экзотические напитки в чистом виде оказалось проблематично: после вечеринок с дегустацией большая часть гостей не выходила на работу, телефонировав начальству об общем отравлении организма. В результате, чтобы добро не пропало, Светлана пристрастилась к изготовлению коктейлей, вырезая рецепты из глянцевого дамских журналов.

— Сногсшибательный рецепт нашла, пальчики оближете!

Валя ласково посмотрела на подругу, радуясь, что разговор повернул в безопасном направлении.

— Только представь: шесть частей бренди, две — сметаны, ложечка сахара, яичный желток! — тараторила Светлана. — Сейчас добавим щепотку муската, и вот он, знаменитый Бренди Флип!

Телефонный звонок прервал ее щебетание на самом интересном месте.

— Алло! Наталья, ты? Что? — Лариса закатила глаза, давая понять окружающим, что она была права.

— Какая норковая шуба? — возмутилась она. — На улице плюс пять. Повесь ее в шкаф, пусть греет твою душу. — На этот раз ничего страшного, служба спасения может расслабиться и выпить чаю. Их обожаемая клиентка выходит из дома. Скоро будет, — резюмировала она, вешая трубку.

Действительно, еще каких-то полтора часа, и Наталья, зеленоглазая женщина-подросток, о ком обычно говорят «маленькая собачка до старости щенков», вечно спешащая и повсюду опаздывающая, присоединилась к подругам.

— Всем привет, пардон за опоздание, — запыхавшись, небрежно бросив дорогой клетчатый шарф на пуфик в прихожей, зачастила она.

— Не прошло и года.

— Да ладно, нужно было рентген для нашего доктора захватить.

Из огромной сумки Наталья вытащила плотный серый конверт и протянула Светлане. Та притворно застонала, посетовав на то, что даже в праздник приходится работать по специальности. Потребовала немедленно положить калорийной селедки под шубой для подкрепления сил и пересела на диван поближе к свету. Она привыкла, что по вопросам, касающимся здоровья, подруги перво-наперво обращались к ней.

— Ты не находишь, что у меня какой-то темный просвет между ребрами? — Наталья озабоченно хмурилась, уписывая за обе щеки бутерброд с красной икрой и пытаясь свободной рукой показать «нужное место».

— Между чем? — Светлана вопросительно посмотрела на нее.

— Вроде между ребрами, — неуверенно сказала Наталья, отвлекаясь от тарелки. — Ты же у нас врач, — добавила она, снимая с себя всякую ответственность.

Светлана, покрутив снимок и так и этак, неожиданно расхохоталась.

— Что там такого смешного? — обиженным голосом спросила Наталья.

Света, утирая слезы и пытаясь справиться с приступами смеха, протянула снимок Валентине.

— Валюш, ты человек, далекий от медицины, скажи, что ты видишь на картинке?

Та пошла, достала очки, пригляделась, через секунду обе подружки повалились от смеха на диван.

— Где? Где здесь легкие?

— Вот здесь, между ребрами, — они опять начали звонко хохотать.

— Да объясните же вы, наконец, в чем дело, — Лариса выхватила рентгеновский снимок из рук Валентины. Бросив на него мимолетный взгляд, она улыбнулась. — Это же челюсть!

— Как? — подскочила к ней Наталья.

Завладев снимком и внимательно его изучив, она разочарованно вздохнула:

— Да, действительно. Наверное, я перепутала. С каждым может случиться.

— Нет, не с каждым, именно с тобой. И случается постоянно. Меня всегда удивляет, как при вечном витании в облаках ты один из лучших юристов в городе.

— Не сравнивай, за мою работу деньги платят, — серьезно ответила Наталья, пододвигая к себе салатницу с винегретом. — А снимок... что ж, в другой раз покажу.

Отсмеявшись, решили перейти к «горячему». Запеченная в духовке курица, по общему мнению, прекрасно сочеталась с Бренди Флипом и вином.

Празднование было в самом разгаре. Четыре подружки собрались отметить пятилетие освобождения Ларисы от уз брака.

Лариса всю жизнь выглядела моложе своих лет. Когда-то давно ей это мешало. Сложно заставить считаться с тобой, когда в двадцать пять лет выглядишь на восемнадцать. Трудно руководить людьми, если в тридцать три тебе дают двадцать пять. Однако в результате Ларисе достались только бонусы: закаленный карьерным ростом характер, высокая должность в

крупнейшем финансовом холдинге региона. С годами молодость оказалась преходящим недостатком, и за возможность сбросить несколько лет большинство ее ровесниц продали бы душу дьяволу.

Лариса не шла на поводу у заманчивых иллюзий. Она не была классической красавицей, но естественное очарование и тщательно возвращенное умение подать себя делали свое дело. Здравый смысл и врожденное чувство стиля помогли встретить зрелость во всеоружии, не цепляясь за поезд, уходящий в прошлое.

Она наслаждалась жизнью на двести процентов. Оказалось, что унылую повседневность, состоящую из давно надоевшего маршрута «дом — работа», можно разбавить хобби, развлечениями, душевными посиделками с подругами. Разумеется, юбилей развода был только поводом для встречи, с тем же успехом они могли собраться в День взятия Бастилии. Отпраздновать же развод — символично.

Решившая послушать прогноз погоды Наталья щелкала пультом в поисках нужного канала. Взбивая очередную порцию коктейля, Света заинтересовалась происходящим.

— Стой, не выключай! Париж показывают!

— ...подробнее в репортаже нашего корреспондента Павла Кокошкина...

— Живут же люди, во Францию ездят, — мечтательно протянула Светлана, когда Эйфелева башня исчезла с экрана.

— Да-а, — подхватила Валя. — Я бы тоже не отказалась.

— Опять хочу в Париж. Ты там бывал? Нет, но уже хотел, — съязвила Лариса. — Мечтать мы все умеем, — продолжила она, наполняя бокалы, — пора заняться воплощением.

— Ну все, — всплеснула руками Валя, — теперь Ларчик заставит нас писать бизнес-план.

— А почему бы и нет? Вы хотите в Париж, я хочу в Париж, все хотят в Париж, так неплохо бы приложить хотя бы минимальные усилия! — в голосе Ларисы зазвучали стальные нотки заместителя управляющего.

— Усилия? — Наталья мечтательно прикрыла глаза. — Нет, лучше так! Просыпаюсь я утречком у бассейна, тепло, солнце светит. Метрдотель: «Мадам, ваш самолет подан!»

Лечу на завтрак в Париж, захожу в ресторан «Максим», там все вы сидите. На завтрак икра в хрустальной вазочке на колотом льду, хрустящий багет, кофе со сливками, и хватит — у меня диета. Прогулка по Люксембургскому саду, выходим на Елисейские поля, цветут каштаны, обедаем в «Лион дэ Брюссель», его Крылов на прошлой неделе очень

хвалил. Мидии там замечательно готовят. Снова гуляем, ах, эти улочки, кафе, бутики! Едем в открытом авто до Эйфелевой башни, пьем кофе в ресторане «Жюль Верн», любимся на закат. В сумерках прогулка по Сенс с ужином на кораблике, фуа-гра, хвост лангуста гриль, антрекот из телятины, ночной город, огни, огни, огни. Кругом французы! А на утро просыпаюсь я у бассейна...

— На каком языке ты собираешься с ними разговаривать? — вернула ее Лариса на грешную землю. — На ломаном английском?

— Да, — прервала ее Светлана, — давайте выучим язык и поедem на майские.

— Согласна! — загорелась идеей Валя.

Изрядная порция алкоголя и кофе с ликером подогрели мгновенно вспыхнувший энтузиазм.

Остаток вечера они вспоминали знакомые по фильмам французские слова и представляли экзотические коктейли, которые наверняка подадут в «Максиме».

Заехавший за Валей муж, красивый статный полковник, обнаружил подружек, хором подпевающих диску Джо Дассена:

— Э си тю некзите па, пуркуа муа жэкзистерэ! — выводила его обожаемая половина, прижимая к груди пухленькие ручки.

Окинув снисходительным взглядом гостиную, Михаил поинтересовался:

— Почему дверь нараспашку? Никого не боимся?

Лариса укоризненно покачала головой, а Наталья изобразила улыбку виноватого ребенка.

По опыту зная, в чем дело, Михаил только махнул рукой, скомандовав хорошо поставленным голосом:

— Дамы, на выход! Подмерзать начинает, мне еще вас по домам развозить.

Идея поездки в Париж витала давно. После ухода гостей Лариса достала подаренный Олегом стильный ежедневник из тончайшей телячьей кожи, набросала план.

Первым делом курсы французского. Не хочется, как большинство русских туристов, пастись стадом и выглядеть альтернативно одаренными, заказывая дежурное блюдо в ресторане. Почему-то «наши» люди считают, если говорить по-русски медленно и отчетливо, аборигены рано или поздно поймут их. Граждане не присоединившихся к рублевой зоне стран ведут себя с той же потрясающей логикой, наклоняют голову, преданно заглядывают в глаза, пытаются по их выражению понять смысл сказанного.

Видно, что им очень хочется хоть как-то догадаться о желаниях и потребностях праправнука Кирилла и Мефодия, но получается плохо. Мучения заканчиваются, когда обе стороны признают себя побежденными и переходят на язык жестов. Тяжело, конечно, в нашем возрасте начинать с нуля, но нам не в Сорбонне лекции читать. Второе — позвонить Ирочке в турбюро, узнать цены на путевки. Третье — косметолог... Хотя мы и так красавицы. Лариса прекрасно помнила, что мужчины гораздо больше внимания обращают на фигуру, чем на лицо.

Косметолог был безжалостно вычеркнут. На секунду она задумалась и каллиграфическим почерком вывела: «Педикюр, эпиляция, витамины».

Откинувшись на спинку дивана, Лариса устало вздохнула: «Как хорошо, теперь не надо, как в советские времена, тащить кипятильники, утюги, икру, водку, чтобы оправдать деньги, вложенные в поездку. Осталась в прошлом характеристика с места работы. Стало легко и просто: приходишь, платишь, летишь. Все для вас: Лувр, Сена, Мулен Руж».

Отложив ежедневник, Лариса направилась в спальню.

Если вся квартира была отделана вполне традиционно, то спальня поражала воображение каждого, кому доводилось хотя бы заглянуть в приоткрытую дверь. Трудно было представить, что здесь обитает женщина, заставшая кукурузного генсека, торжественно принятая в комсомол и, казалось бы, твердо усвоившая, что демонстрация обнаженного тела — это разврат и происки запада. На полу лежал толстый белый ковер. Зеркальный потолок с подсветкой отражал огромную кровать. Лариса подошла к шкафу, прикидывая, что нужно приготовить на завтра.

«На корт заглядывать почаще не помешало бы, два килограмма за выходные — это много», — отражение в зеркале было неумолимо. Лариса, повернувшись в профиль, втянула живот.

Это в молодости можно было поглощать салаты тазиками, не поправляясь, на зависть постоянно худеющим подругам. Теперь же приходится за собой следить. Расцвет расцветом, но природу не обманешь. К счастью, давно любимый теннис неизменно помогал поддерживать форму. Не хотелось признаваться, лишние килограммы волновали не только в связи с внезапно наметившейся поездкой в Париж. Наличие сорокадвухлетнего бойфренда, который был и партнером по теннису, обязывало держать себя в тонусе. «Расслабишься один раз — пиши пропало, второй подбородок уже назад не загонишь, брюки придется покупать на размер больше, здравствуй диван, телевизор, вредная шоколадка на ночь», — так Лариса рассуждала, осторожными похлопываниями нанося на лицо ночной крем от морщин.

ГЛАВА 2

По дороге на работу Света заскочила в фотосалон, надеясь получить отданные в печать фотографии.

— Как не готово? Я же еще в прошлый понедельник сдала, а сегодня четверг, — горячилась Светлана. Она всю неделю пыталась выкроить время, чтобы забрать заказ, и теперь была разочарована. Наталья уже дважды звонила, интересовалась результатами праздничной фотосессии. Что скрывать, подружки все меньше любили фотографироваться на память, поскольку снимки отражали физический, но не душевный возраст. Удачный же снимок обеспечивал хорошее настроение и дарил надежду, что старость, сумерки жизни, не наступит никогда.

Приемщица только разводила руками, обещая к вечеру выяснить причины задержки.

— Безобразие, — буркнула на прощание Света, отчетливо понимая, что напрасно поднялась на полчаса раньше.

Пасмурное утро приводило в минорное настроение, внушая стойкое желание прогулять работу. Дождь вместо снега, влажный, налетающий порывами ветер. Создавалось впечатление, что осень, начавшаяся в сентябре, будет продолжаться до весны, минуя зиму. Светлана поправила воротник и поглубже засунула руки в карманы. В сквере было пусто, шумели голые деревья. Под мокрыми скамейками бугрился черный снег вперемешку с мелким мусором. Стайка воробьев терзала хлебную корку.

Светлана перешла через дорогу и, завернув за угол, направилась в сторону медсанчасти, где работала кардиологом последние десять лет. Поздоровавшись с охраной, она быстро переоделась в халат, вошла в кабинет и села за стол.

Кабинет находился на первом этаже, толстые решетки на окнах придавали ему сходство с тюремной камерой. От тоскливой ассоциации спасали цветы, занимавшие каждый клочок свободного места. «Надо бы купить пару кашпо», — подумала Светлана, разглядывая облупившееся детское ведерко с денежным деревом на подоконнике.

— Танечка, ты сегодня вовремя, — улыбнулась она вошедшей медсестре, — не иначе, снег пойдет.

Медсестра у Светланы была замечательная и очень красивая девушка. Высокая, с шикарнейшей копной каштановых волос. Огромные голубые, словно безоблачная высь, глаза в обрамлении пушистых ресниц смотрели

на мир по-детски открыто. Фигура топ-модели, которую не обезобразишь даже домашним халатом. Мужчин это сочетание притягивало, как кот валерьянка. Тане яркая внешность доставляла массу неприятностей. Пока откажешь всем претендентам на знакомство, на работу опоздать проще простого.

— Здравствуйте, Светлана Валерьевна! Меня муж подвез.

Светлана удивленно взглянула на нее.

— Так тебе же идти минут десять.

— Мы с мужем вчера на картинг ездили, — замогильным голосом сообщила Таня, — друзья позвали. В выходной, говорят, там народу слишком много. Вот мы на неделе и собрались.

— Ну и как? — заинтересовалась Светлана, отвлекаясь от погодной хандры.

— Там здорово! Огромный ангар, в центре платформа для тех, кто ждет своей очереди, а внизу трасса, — блеснула Таня новой терминологией, — ужасно сложная! Столько поворотов!

— Наверное, только молодежь катается?

— Что вы! Кого только нет! Мы сами удивились. На платформе уютное кафе, можно заказать напитки, перекусить. Вы же знаете, у меня всегда к вечеру аппетит разыгрывается, — рассказывала Таня, с тихим стоном переобуваясь.

— Да что с тобой сегодня? — забеспокоилась Светлана. — Рассказывай скорее, ты меня пугаешь.

— Я и рассказываю. Поехала, чтобы компанию составить, но меня убедили попробовать. Зачем я это сделала? — Танечка так осторожно опустилась на стул, словно на голове у нее красовалась хрустальная ваза. — Я совершенно разбита. Я труп. Наверное, если бы по мне проехал каток, результат был бы похожий. Трасса такая извилистая, что вечно врезаешься в бортики, а заднего хода на этом чуде техники нет. Видимо, сэкономить решили, — в голосе медсестры прозвучала злая ирония.

— Мою машину постоянно выталкивали. Сначала они чуть не поссорились, кто мне будет помогать первым.

Светлана улыбнулась, представляя суетящихся вокруг Тани мужчин.

— Но после десятого раза энтузиазма у них поубавилось, — Танечка продолжала повествование голосом, полным страдания. — Так я и ездила: тридцать секунд еду, три минуты стою. Муж с друзьями четырнадцать кругов проехали, а я только три.

— Бортики не ломаются от ударов? — любопытствовала Светлана.

— Они из покрышек сделаны, — отмахнулась Таня. — Правда, их

поправляли потом, очень уж я часто на них наезжала. Но самое страшное то, что сиденья безумно твердые. Пока катаешься — терпимо, но когда приехали домой и я смогла разглядеть в зеркале спину, мне стало дурно. Сплошной синяк! Сегодня утром не могла руки поднять, волосы мне муж расчесывал.

Таня перевела дух, ожидая реакции начальства.

Выразив положенное по случаю сочувствие, Светлана взглянула на висевшие напротив круглые часы.

— Времени предостаточно. Давай, Танюш, сначала чайку, потом больных. А то, чую, сегодня мы не только без чая, но и без обеда останемся. Погода премерзкая, все пациенты наши.

Медсестра направилась к умывальнику, налила воды, включила старенький электрический чайник.

В дверь постучали. Женщины переглянулись. Не дождавшись ответа, в кабинет ввалились двое мужчин, поддерживая под руки третьего. За ними рысцой бежал охранник, крича, что здесь ведомственная медсанчасть, а не приемный покой.

Вошедшие осторожно, не спрашивая разрешения, усадили мужчину на покрытую клеенкой кушетку. Один остался рядом, помогая сидевшему освободиться от дорогого пальто и светло-серого кашемирового шарфа. Второй вышел в коридор и начал что-то вполголоса втолковывать охраннику, шелестя купюрами. Через несколько секунд инцидент был исчерпан.

— Что ж я, не человек? Понимаю, — говоря это, вахтер аккуратно положил в нагрудный карман «честно» заработанные дензнаки с бесстрастными лицами американских президентов.

От такой наглости Светлана потеряла дар речи.

— Вы доктор? — проявил сообразительность первый, делая знак напарнику остаться за дверью. — Это наш шеф.

Он указал на мужчину.

— Очень приятно, — выдавила Светлана.

— У него что-то с сердцем в машине приключилось, до больницы, может, не довезем, поэтому давайте посмотрите, вколите что надо, мы заплатим.

— Что значит «что-то с сердцем»? — ее голос дрожал от возмущения. — Что вколоть?

— Откуда я знаю, что, — ее собеседник начинал злиться. — Вы же врач, а не я. Плохо ему. Знаю, что валидол все время с собой носит.

На кушетке сидел рослый широкоплечий мужчина. Сидеющие на

висках волосы аккуратно подстрижены. Гладко выбритое лицо, черты которого трудно было назвать правильными, было, тем не менее, приятным и притягивало взгляд. Пациент тяжело дышал, прижимая руку к груди. Светлане бросились в глаза его длинные сильные пальцы, сминающие тонкую ткань отутюженной рубашки. Вдруг он дернулся, как от сильной боли, и стал заваливаться на кушетку.

Светлана вскочила, больно ударившись об ящик стола, и, схватив мужчину за руку, попыталась нащупать пульс.

— Таня, подключай томограф!

В голове мелькнуло: «Господи, только этого мне не хватало!»

— Расстегните ему рубашку, да не три пуговицы, все.

Мужчина рванул рубашку на груди своего шефа, пуговицы полетели в разные стороны. Его напарник заглянул в кабинет и застыл у двери, держась за ручку, не в силах отвести взгляда от сцены, достойной сериала «Скорая помощь».

Светлана начала делать массаж сердца, но через секунду поняла, что это бесполезно, прибор не фиксировал пульс.

— Таня, не стой как статуя, давай дефибриллятор! — прикрикнула она на медсестру.

Дальнейшее Светлана делала автоматически. Побледневшая Таня молча помогала, забыв про синяки и ушибы.

— Разряд!

Ток, пронзивший безжизненное тело, заставил его подпрыгнуть, но сердце не хотело работать.

— Еще разряд, — Светлана почти физически ощущала утекающее словно песок сквозь пальцы время. Пять-десять минут промедления — и человек гарантированно отправится на кладбище.

«Господи, миленький, ну давай же, оживай!»

Она была врачом от Бога, лучшей на курсе. На практике в больнице ассистировала сложнейшие операции, наработывая клинический опыт. Позже, работая самостоятельно, тяжело переносила смерть пациентов, ночами анализируя историю болезни и выискивая свои ошибки. Слишком человечная для жесткой профессии хирурга, она хотела спасать людей, не желая признавать, что на всех ее сил не хватит. Старенький профессор посоветовал своей любимице сменить профиль, уйти в терапию. Она сдалась, только когда перестройка и хозрасчет оставили в операционных лишь скудный минимум, как в военное время.

— Разряд! — Светлана увеличила мощность. «Не может такого быть, — проносилось в голове, люди не умирают в кабинете кардиолога».

— Таня, давай на всю.

— Вы что, Светлана Валерьевна?! — в расширившихся глазах медсестры плескались тяжелые волны страха.

Светлана строго посмотрела на нее и тихо сказала:

— Уволю, — затем добавила: — Разряд.

Тело дернулось в очередной раз, и по кабинету поплыл терпкий запах обожженной кожи.

— Да что ж вы делаете, доктор?! — заорали сопровождающие одновременно. Мужчина, стоявший рядом с кушеткой, клетчатым носовым платком вытирал выступивший пот. Руки у него тряслись. Тот, что оставался у входа, быстро пришел в себя, с треском захлопывая за собой дверь, ринулся в кабинет.

— Вы же его зажарили! — рывкнул он на Светлану. — Да я... да мы...

— Есть пульс, — сказала бледная как полотно Танечка.

Светлана, также следившая за показаниями прибора, удовлетворенно кивнула. Дело было сделано.

Через несколько мгновений в кабинет ворвалась вызванная охранником бригада «скорой помощи».

Когда голоса за дверью стихли, Светлана без сил упала на стул. Проведя рукой по ушибленной ноге, машинально отметила затяжку на колготках.

— Ну вы, Светлана Валерьевна, даете, — Танечка смотрела на начальницу как замороженная.

— А что было делать, — Света потеряла виски. — Объясняйся потом с главврачом, почему у меня в кабинете человек скончался. Как говорится, у каждого врача есть свое персональное кладбище. Будем надеяться, что мое сегодня не пополнится.

Посмотрев девушке прямо в глаза, добавила:

— Танюш, извини за резкие слова, нервы сдали. И спасибо, ты была молодцом.

Медсестра зарделась от удовольствия.

— Так, сейчас по сорок капель валерьянки, чай отменяется. Пять минут на восстановление, и будем принимать. Пациентов, я имею в виду, а не очередного умирающего, — Светлана вымученно улыбнулась.

ГЛАВА 3

Наталья уже битый час слушала молодую пару, выразившую желание развестись.

Мужчина, высокий голубоглазый блондин, приехавший из дальнего зарубежья, то ли Швеции, то ли Швейцарии, эту деталь Наталья пропустила, производил неизгладимое впечатление. Цвету его волос, пепельному с легким мышинным оттенком, позавидовала бы любая крашенная блондинка. Жена, невзрачная, скучная, как дождливый день, являла собой неудачный вариант победы духовного над телесным. Таких берут на шпионскую работу: сто раз увидишь и на сто первый с трудом вспомнишь, как она выглядит.

Слегка коснувшись рукой тщательно уложенных волос, Наталья подумала, что в свои пятьдесят выглядит куда лучше. Пусть она не так молода, зато ей не стыдно смотреться в зеркало.

По мнению Натальи, супругам требовался не юрист, а психиатр. Во всяком случае мужчине. Интересно, он женился с закрытыми глазами? Куда он смотрел, когда, приехав в наш город, из всех красавиц, стаями порхающих в поисках мужа, он выбрал именно это убогое и бесполое создание?

Девушка теребила край безразмерного свитера цвета грязного асфальта, готовясь вот-вот расплакаться.

— Так, в чем у вас проблема? — в очередной раз пыталась выяснить Наталья, обреченно постукивая «монбланом» по раскрытому на чистой странице блокноту. Про себя она отметила, что в таком виде даже за картошкой вряд ли пошла бы. Мышь серая. Золушка с кандидатской степенью.

— Понимаете, мы любим друг друга, но разница менталитетов ставит под вопрос достижение гармонии, — оставив в покое свитер, «мышка» полезла в объемистый рюкзак, служивший ей сумочкой.

— В чем это выражается? — устало поинтересовалась Наталья.

— Мы по-разному смотрим на мир! У нас разные политические и религиозные убеждения. Вы знаете, я агностик, — сделав это заявление, девушка извлекла из рюкзака пачку одноразовых носовых платков. — Кроме того, мне ближе демократические отношения в семье, а Пауль пытается насадить домострой.

— Девушка, я не семейный психолог, я занимаюсь разводами.

Имущество будете делить?

— Какое имущество? — подняла на нее непонимающие глаза собеседница, забыв о салфетках.

«Понятно, развод отменяется», — Наталья переставила карандаши в стакане, вздохнула, делая еще одну попытку.

— Если можно, объясните конкретнее, что вы хотите от меня.

— Понимаете, — начал ее неотразимый спутник. Наталья с грустью подумала, что молодой человек годится ей в сыновья, а своего отца, наверняка такого же сногшибательного, он, к сожалению, с собой не захватил. В голове пронеслось: «Эх, была бы я лет на пятнадцать моложе», — Верочка отказывается переезжать ко мне, — швед или швейцарец, кто их разберет, говорил по-русски с легким оккупационным акцентом, что добавляло ему шарма. — Она считает, что женщина в первую очередь должна состояться как личность и только потом может посвятить себя семье.

— Вот именно, — вмешалось пугало с хвостиком на затылке, явно седлая любимого конька. — Семья должна держаться не на борщах, а на близости интересов, родстве душ. Еще мне претит подход к отношениям с точки зрения «моя половинка». Почему сразу «половинка»? Разве я сама по себе не целостная самодостаточная личность? Если я одна, разве я ущербна, неполноценна? Нет на этом свете моей половинки, есть люди, с которыми я «на одной волне».

— Любимая, но я же не против, — мужчина с обожанием посмотрел на жену. — В конце концов, мы могли бы искать смысл жизни вместе, а не по отдельности. Неужели тебе было так плохо эти два месяца жизни со мной? Захочешь, будем жить в городе, поближе к библиотекам. Если нет, поедем в Альпы. В горах удивительно тихо, очень способствует сосредоточению на работе. Будешь заканчивать монографию.

После этой тирады Наталья чуть не взвыла. Она готова была задушить девушку собственными руками. Мало того, что она, пусть не уродина, но далеко не красавица, подцепила иностранца как с журнальной обложки, так он еще и всю домашнюю работу готов делать, пока она будет искать себя.

— Послушайте, — задушевно обратилась к «мышке» Наталья, стараясь скрыть свое раздражение, — зачем все усложнять? Зачем пробивать стену головой, если рядом есть дверь. У вас прекрасный муж. Поезжайте и посмотрите. В конце концов, наймете садовника, повара, домработницу. Тогда вопрос о мытье посуды при наличии трех дипломов отпадет сам собой. Реализуетесь как личность на все сто пятьдесят процентов. Надоест — вернетесь, я вас быстренько разведу.

Девушка растерянно кивнула. Такое простое решение явно не посещало ее ученую голову.

Наталья повернулась к глянцевоу красавчику.

— Все, забирайте жену, отведите ее в ближайший магазин. Ничто так не поднимает женщине настроение, как внеплановая покупка.

— Вы думаете? — девушка смотрела на нее, как на оракула.

— Я не думаю, я знаю! — победоносно заключила Наталья, захлопывая открытый для солидности гражданский кодекс.

— Тогда мы пойдем. Спасибо вам.

Пара встала из-за стола. Мужчина поднялся первым, помогая жене, затем аккуратно придвинул оба стула. Рассыпаясь в благодарностях, супруги направились к двери.

До Натальи донеслось:

— Знаешь, по дороге я заметила букинистический магазин. На витрине стоит потрясающий словарь Даля в четырех томах. Судя по переплету, начало прошлого века.

Наталья передернула плечами. Ей срочно захотелось пройтись по магазинам и какой-нибудь новой тряпочкой или кремом от морщин успокоить свою мятежную душу, в которой разгоралось пламя ненависти к несправедливой судьбе.

Наверное, занимаясь разводами и имущественными претензиями, ежедневно копаясь в грязном белье человеческих душ, намного проще быть уверенной в том, что выходи замуж, не выходи — результат будет неутешительный. Розовый период сменяется черно-белой арифметикой брака. Сначала идет сложение двух судеб, затем вычитание. Вычисление длины рогов, умножение обид и подсчет поражений только приближают финал. А заканчивается все делением чашек и ложек.

В институте сокурсники падали к ее ногам, ослепленные сиянием бездонных зеленых глаз. Мужчины появлялись и исчезали, как листки в отрывном календаре, но ни один из них не предложил ей обручального кольца. Вероятно, они испарялись, устав от непостоянного настроения Натальи, от соседства с пороховым складом на действующем вулкане, грозящим в любую минуту взорваться радостным смехом или пролиться горькими слезами. Те, кто узнавали ее лучше, даже после расставания испытывали к ней самые добрые чувства, предпочитая, однако, быть вне зоны ее досягаемости.

С годами Наталья стала отдавать преимущество приятельским отношениям, предпочитая сохранить интересного, нужного знакомого, чем закрутить короткий и бесперспективный роман. Блеск зеленых глаз не

потускнел, но, несмотря на приятную внешность, подкорректированную усилиями салонов красоты, и девичью стройность, она оставалась одна. Ее семьей были подруги и мама, живущая в соседнем доме. Восемьдесятдвухлетняя Марианна Сергеевна обожала звонить дочери на мобильник и, как ни в чем не бывало, заявлять: «Наташенька, хотела повесить занавески, но табуреточка так качнулась, что я решила дождаться, когда у тебя найдется минуточка для мамы».

Парочка сумасшедших интеллектуалов удалилась в букинистический решать семейные проблемы. Наталья, дождавшись хлопка двери, быстро сгребла папки со стола. Наскоро утрамбовав документы в шкаф и сейфе, облегченно вздохнула.

Проходя через приемную, она бросила секретарю:

— Люда, меня во второй половине дня не будет.

Секретарша, студентка юрфака, хотела что-то сказать, но успела только открыть рот. Наталья уже исчезла, простучав каблучками по коридору и с шумом захлопнув дверь. Через секунду о ней напоминали лишь едва уловимый горький запах духов и забытые перчатки.

ГЛАВА 4

Где бы ни жили Валентина и ее семья, кухня становилась главной комнатой в квартире. Для Валентины это было не только место приготовления и поглощения пищи, но и центр ее небольшой вселенной. Она считала, что умеющий безупречно справляться с хозяйством так же легко может управлять собственной жизнью.

Четыре года назад супруги раз и навсегда решили квартирный вопрос, сменив место жительства. Увидев будущую кухню-столовую, Валя едва сдержала слезы радости: сбывалась ее мечта. Михаил, желавший доставить жене удовольствие, выделил на воплощение проекта значительную сумму. Валентина, много лет довольствовавшаяся несколькими квадратными метрами и древней газовой плитой, научилась создавать уют буквально из ничего. Получив в свое распоряжение весь современный арсенал, она немного растерялась, но затем с энтузиазмом взялась за дело. Проект кухни обсуждался множество раз. Закрывая глаза, Валентина представляла, где разместятся поваренные книги, любимый прабабушкин таз для варки варенья, овальный стол под клетчатой скатертью.

Настал день, когда мечты стали реальностью. В каждой тщательно продуманной детали сквозила неувядающая классика. Фасады из натурального дерева казались теплыми на ощупь, гранитная столешница сияла, современная бытовая техника как будто сошла со страниц каталога. Интерьер дополняли сшитые на заказ шторы, алоэ на подоконнике и маленький телевизор, призванный развлекать хозяйку во время приготовления еды.

Прошло время, но Валентина по-прежнему по-детски радовалась, что теперь можно с удобствами попить чаю, а не уютиться, сиротливо поджимая ноги и упираясь коленями в дверцы посудного шкафа.

Солнечные зайчики играли, перепрыгивая с одного бокала на другой. Воскресенье началось многообещающе, от многодневной погодной хандры не осталось и следа. Намазав кусочек свежего батона маслом, Валентина положила сверху толстый ломоть колбасы. На столе дразняще дымилась большая чашка кофе по-турецки. Валя, любившая вкусно поесть, худышкой не была даже в юности. Родив дочку, она обнаружила, что приятная взгляду округлость форм трансформировалась в легкую полноту, по-разному оцениваемую окружающими. В ход пошли овощные салаты без масла, каши на воде, а на холодильник Валентина повесила вырезанную из

«Огонька» фотографию Гурченко. Кроме землистого цвета лица Валя не добилась ничего. Тогда она совсем перестала есть. Через неделю упала в голодный обморок. Откачавший ее муж с военной прямоотой заявил, что ни вдовцом, ни мужем скелета быть не намерен. С тех пор вопрос лишнего веса был закрыт.

Известно, что к серебряной свадьбе большинство пар эмоционально выдыхаются, основательно устав друг от друга. Семьи не распадаются ближе к пенсии только потому, что супругов держат вместе общие заботы, рутина, привычка, страх перед разделом имущества. Семья Валентины являла собой мечту каждой девушки в подвенечном платье. Со дня замужества их отношения с мужем остались прежними, разве что бурное пламя юношеской страсти переродилось в ровное горение домашнего очага. Свою любовь на людях они не афишировали, но наблюдательные друзья могли заметить нежное пожатие руки и взгляды, полные теплоты. Что ж, оставалось признать, что исключения из правил существуют.

Хозяйка довольно улыбнулась, предвкушая приятный завтрак под бормотание Крылова по телевизору. Однако звонок в дверь сообщил, что безмятежное утро закончилось.

Вздохнув, она пошла открывать, даже не глянув в глазок и не прокричав традиционное: «Кто там?». Зачем спрашивать, если заранее известно, что за дверью не почтальон Печкин. По выходным, с утра пораньше и без предварительного звонка, появлялась только любимая дочь с внучками.

— Мамоchка, привет! Помнишь, я тебе говорила дней десять назад, у Леши симпозиум в Вене, и так удачно сложилось, что он сможет взять и меня. Это решилось буквально вчера!

Эльвира с мужем работали в научно-исследовательском центре, результаты деятельности которого периодически скрывались в тумане коммерческой тайны. Процветавшие на базе высоких технологий разнообразные ООО и Ltd позволяли сотрудникам сосредоточиваться на научных разработках, обеспечивая коммерческую составляющую процесса.

— Там будет столько нового по моей теме! Я тебе рассказывала, помнишь? «Направленная термическая десорбция частиц в бета-лучах». Вообще, у нас неделя сплошных недоразумений. Девочки, поздоровайтесь! — Эльвира захлебывалась от переполнявших ее эмоций, одновременно помогая двухлетней Маше снять розовый комбинезон.

— Доброе утро, — Элин муж был как всегда ухожен, спортивен, дорого одет, напоминая скорее удачливого бизнесмена, чем научного работника, который в представлении непричастных к изысканиям

народных масс должен быть бледен, небрит, близорук и слегка не от мира сего.

— Доброе, Лешенька, доброе, — Валентина тепло улыбнулась зятю. Прекрасный отец и заботливый муж, Алексей безропотно сносил все Элины причуды, все вечера проводил с семьей, хорошо зарабатывал и с большим уважением относился к теще и тестю.

Передав внучку бабушке, Эля переключилась на старшую девочку. Младшая незамедлительно занялась Валиными сережками, морща носик и безуспешно пытаясь выковырять блестящие камешки.

— Леша, коляску в тамбур, вещи в комнату, — отдала Эльвира распоряжение мужу и продолжила, — а у Анжелы два раза в неделю дополнительный английский. Репетитор придет на дом, я дала ваш адрес.

— Элечка, ты уверена, что ей не тяжело? — озабоченно поинтересовалась Валя, беспокоившаяся за внучку, которая пошла в школу с шести лет.

— Не беспокойся, ей нравится, — отмахнулась Эля. — Заинька, — обратилась она к семилетней девочке, державшей в руках громадного плюшевого пса, — остаешься за старшую. Будете хорошо себя вести — куплю вам щенка, как договаривались.

Девочка подняла на мать сияющие глаза.

— А теперь покажи, как ангелы смеются, — попросила Эльвира.

Лицо ребенка озарила улыбка от уха до уха.

— Только имя я сама придумаю, — заявила она.

Едва Валентина опустила на пол Машеньку, Анжела, терпеливо дожидавшаяся своей очереди, бросилась на шею бабушке. Звонко поцеловав ее в щеку, повернулась на пятке и побежала в комнату, куда папа понес большую сумку с игрушками.

— Собаку, я так понимаю, тоже мне будешь привозить? — спросила Валентина, усаживаясь с младшей внучкой на диван.

— Мамуль, не волнуйся. Песика будем на передержку сдавать.

— Куда? — изумилась Валя.

— В собачью гостиницу, — растолковала Эля, раскладывая в шкафу детские вещи, — в городе уже две открылись.

Времена менялись стремительно, каждый день удивлял новыми неизвестными словами. Эля понимала, что идти в ногу со временем поколение Валентины не успевает, и, будучи внимательной дочерью, старалась обо всем рассказывать родителям. Демонстрация же технических новинок обычно поручалась фантастически терпеливому Алексею, умевшему доходчиво объяснить, как пользоваться новомодными

девайсами.

Валя недоверчиво покачала головой.

— Элочка, хочу заранее тебя предупредить: на майские мы с девочками собрались в Париж, так что я очень тебя прошу, постарайся в эти дни обойтись без меня.

— Хорошо, мамуль, — крикнула скрывшаяся в соседней комнате дочь, и Валя поняла, что она даже не слышала, о чем речь.

— Эльвира, я серьезно — Валентина последовала за ней, стараясь придать голосу твердость. — Ты забудешь позвонить, и придется тебе стоять перед закрытой дверью.

— Почему закрытой, — успевшая распаковать две сумки и уже углубившаяся в компьютерную распечатку Эля на миг замерла, пытаясь осмыслить информацию. — Но папа ведь никуда не уезжает? Ты, мамочка, не переживай. Поезжай в свой Париж и отдыхай. Если что, дед справится.

— Я тебя умоляю, — Валя всплеснула руками, не в силах описать непригодность деда к воспитанию внучек. — Ты заметила, что его нет дома? Он на полигоне.

— Да? — дочь удивленно обвела глазами комнату, убеждаясь в правдивости слов матери. — Хорошо, я поняла. Мамуль, главное, сообщи мне дату вашего отбытия. Я позвоню Лешиней коллеге в Париже, она вас подстрахует.

— Элочка, но мы же с группой. К тому же мы решили на курсы французского записаться. Выучим язык, тогда уж точно не потеряемся.

Элины глаза вспыхнули энтузиазмом.

— Леша, — крикнула она мужу, погребенному под ворохом диванных подушек, которыми закидывала его старшая дочь.

— Я весь внимание, — сдавленно донеслось с другого конца комнаты.

— Мама с подругами собралась на курсы французского. Мамуль, это же замечательно!

Переквалифицировавшись еще в начале перестройки в бухгалтера, Валя успела поработать на полную ставку, но после рождения Машеньки оставила хорошую работу, чтобы иметь возможность помогать дочери. Эля разрывалась между семьей и карьерой, которая только-только пошла в гору. Найти подработку труда не составило, и вот уже больше года Валентина вела на дому учет двух малых предприятий, что приносило ей моральное удовлетворение и видимость финансовой независимости от мужа. Обслуживаемые ею гиганты малого бизнеса зарабатывали деньги на перепродаже всего, что плохо упало с грузовика. Особенностью этой непроизводительной деятельности являлись практически нулевые балансы,

по которым даже гений финансов и кредита не смог бы «прочитать» ровным счетом ничего.

— Ты, главное, слова учи и старайся говорить как можно больше, а грамматика в экстренных случаях необязательна.

— Элечка, мы поедем всего дней на десять.

— Мама, я знаю, что такое групповые экскурсии. Они целый день будут таскать вас по Лувру и Версалью, а потом отведут в плохой ресторан, который платит им комиссионные с туристических посещений. В рестораны низкого класса наверняка тайно завозят мясо, напичканное гормонами, — картины, рисуемые бурным воображением Эли, приводили в ужас ее саму. — Или вовсе не удосужатся организовать вам питание, и вы будете питаться фаст-фудом.

— Нет, что ты, — Валя покачала головой. — Но я с удовольствием попробовала бы лягушачьи лапки.

— Мама, как ты можешь? — Элины глаза сверкнули. — Это издевательство над животными. К счастью, во многих ресторанах Франции запретили это душегубство на потеху туристам. Ой, совсем забыла, я продукты привезла.

Увлечение Эли здоровым питанием давно приобрело размах стихийного бедствия. В разряд ядов попадало практически все, что могло доставить гастрономическую радость. Не попавшие под запрет съедобные продукты готовились так, что, по мнению Вали, автоматически переходили в разряд несъедобных.

Эльвира направилась к оставшимся у порога сумкам. Валентина метнулась к столу, надеясь скрыть от дочери намечавшийся праздник чревоугодия, но не успела. Дочь с неодобрением окинула взглядом кухню.

— Мама, я понимаю, что самой проращивать семена тебе и в голову не придет, но это не оправдание. В двухстах метрах от дома есть замечательный биомагазин, там есть все! Как хорошо, что я успела туда забежать, а то и сама голодная, и детей нечем кормить было бы. Вы с папой должны начинать утро со стакана теплой воды с лимонным соком, я уже устала объяснять, почему это надо делать. Перед каждой едой стакан воды с тремя ложками яблочного уксуса. А масло? Что это за масло? Я же говорила, надо покупать только холодного отжима. Опять эти креветки! Да, я в курсе, что в них нет жира. Но ты подумала, сколько там холестерина? И вообще, эти твари ползают по дну океана и собирают всякую гадость. Как ты можешь есть ходячее помойное ведро? Кто не ходит, а ползает? Хорошо, ползучее ведро, — легко согласилась Эля.

Валя уже знала, что услышит дальше, и не обманулась в своих

ожиданиях.

— Ну вот, опять ростки сгнили, зато появилась новая банка майонеза и китайский соус. Ты знаешь, сколько там химии? Да, китайцы его едят и их все равно миллиард триста миллионов, но это не повод травить себя. Вижу, ты опять убрала пароварку. А это что за запах? Так и есть, жареные котлеты, — Эльвира подняла крышку со сковороды. — Мама, ты же знаешь, папе нужна щадящая диета, а кого, скажи мне, кого пощадил котлеты? Они только помогают прокладывать дорогу в больницу. Вы оба любите докторов больше себя! Стоишь у плиты, жарить котлетки, тем самым давая им работу.

Бесплодный монолог о вкусной и здоровой пище был прерван телефонным звонком. Звонила Лариса.

— Сегодня в пять в нашем кафе, — объявила она в своей обычной манере. — Ничего, Миша уже вернется к тому времени, почитает внучкам сказки. Мы недолго посидим, не волнуйся. И я сама вас подвезу, — покончила она с возникшими сомнениями Валентины.

ГЛАВА 5

Солнце медленно падало за частокол многоэтажек, когда Лариса остановила свой «Пежо» возле дома, где жила Наташа. По опыту было известно: если хочешь, чтобы все было сделано как надо, сделай это сам. Если не заехать за Натальей, она появится в кафе ближе к закрытию. Однако сегодня звезды расположились в правильном порядке, Наталья была почти готова. Не ее вина, что перед выходом от блузки отлетела пуговица. Ей срочно пришлось переодеваться и накладывать макияж в соответствии с новой цветовой гаммой.

В машине Наталья болтала, привычно перескакивая с одной темы на другую:

— Ларчик, ты не представляешь, девица выглядит словно пугало, а мужчина — Аллен Делон тихо плачет и кусает локти — готов ей и звезду подарить, и повести к краю вселенной. И вообще, в последнее время жизнь повернулась ко мне филейной частью. Начала читать книгу, очень интересная, но вчера забыла ее в трамвае. Мама увидела мое новое платье, заявила, что ей нечего носить, и требует повести ее по магазинам. Платье оказалось бракованное, молния расходится. Еле удалось сдать, но моего размера больше нет. Деньги мне не отдали, пришлось взять три пижамы на эту сумму. Скажи, зачем мне три шелковых пижамы, если я постоянно мерзну и сплю в шерстяных носках? И на работе проблемы. Роберт Аркадьевич слег с воспалением легких, свалив мне двух срочных клиентов. Людочка позвонила в пятницу вечером, сообщила, что взломали наш сайт. Вместо названия фирмы череп с костями и надпись «Юристы маст дай». Причем здесь «маст дай», ума не приложу. Так, кажется, кричали японские камикадзе.

— Камикадзе кричали «банзай», — ответила Лариса, аккуратно перестраиваясь в левый ряд. — На вашем сайте просто похулиганил хакер. Детские шалости. Тебе срочно нужен программист.

— Нужен! — подхватила воодушевленная Наталья. — Наш-то уволился на днях, а искать нового никто не собирается, всем некогда.

Наталья достала из сумочки пудреницу, посмотрелась в зеркальце, поправив выбившуюся прядь.

— Позвони Светлане, пусть ее Илюша зайдет. Он, правда, седьмой год университет не может закончить, очень уж нестандартно мыслит, но в компьютерах разбирается. Во всяком случае, с сайтом он вам поможет, а

потом кого-нибудь найдете.

— А Светланка сегодня появится? — вопросительно качнула головой Наталья.

— Нет, она звонила, говорит, что не в форме, — вздохнула Лариса, не вдаваясь в подробности.

— Что, у них опять проблемы в семье?

— Ничего нового, — пожала плечами Лариса. — Илью едва не отчислили, он завалил важный зачет и забыл пересдать, Николай рвал и метал, Света пила валерьянку. В итоге сын учится дальше, муж все выходные лежит перед телевизором, а Светка продолжает пить валерьянку и в кафе идти не в настроении.

— Ясно. Бедная Света.

— И еще попроси Илью, чтобы он показал тебе, как пользоваться интернетом. Сто раз уже тебе говорила, пора осваивать новые технологии! Сходи на сайт знакомств, вдруг с кем-то приличным познакомишься. И не надо на меня так смотреть. Вполне современный способ. Уверена, та серая мышь, про которую ты только что так красочно рассказывала, полжизни проводит в интернете, вот и результат — такой мужчина попался.

Наталья рассмеялась. Лариса свято верила, что идти в ногу со временем жизненно необходимо. Если мы были лучшими, считала она, надо держать свои позиции, иначе ранняя молодая поросль обойдет на повороте. Чтобы этого не случилось, нужно быть в курсе новинок, словом, не отставать от молодых. В это понятие входило умение пользоваться компьютером и гулять по всемирной паутине. Наталья же упорно сваливала рутинную работу на секретаря, а о том, чтобы узнавать погоду на новостном портале, даже и не помышляла. Вам мало термометра за окном и «Погоды» по телевизору?!

— Хорошо, я попробую, — махнула она рукой.

— Замечательно, — Лариса припарковалась и заметила входящую в кафе Валентину.

— Валя! — окликнула она подругу.

Та услышала, оглянулась. В кафе они вошли вместе.

Кафе «Зеленый попугай» было у них любимым. Здесь запрещалось курить. Мягкий свет, фонтан в центре зала, искусственные деревья и встроенные в стены аквариумы были призваны создавать атмосферу тропического леса, дополнявшуюся трансляцией то тихой музыки, то «звуков природы». Бурная фантазия хозяина и неумеренность в декорировании зала оставляли для посетителей лишь островки для приема пищи. Однако заведение процветало.

Хозяином кафе был старый знакомый Ларисы. Никто толком не знал, как именно пересеклись их пути: в спальне или исключительно в деловой плоскости. Об их предполагаемом романе ходили разные слухи, но при встрече они разговаривали как лучшие друзья и так мило улыбались, что, зная характер Ларисы, приходилось отбросить данное предположение как несостоятельное. Лариса умела или любить, или ненавидеть. Исключение составлял только бывший муж Константин. Несмотря на распавшийся брак, Лариса сохранила к нему самые добрые чувства, питавшиеся теплыми воспоминаниями о прошлом. Их отношений, подорванных в основном скукой, развод не ухудшил, показав, что Костя был и остался порядочным человеком.

Так или иначе, умевшая заводить полезные знакомства Лариса входила в число избранных, для кого всегда был в наличии столик под зеленой скатертью.

Подруги были частыми посетителями. Удачно расположенное кафе находилось в пяти минутах ходьбы от мест их работы, и до дома для всех четверых отсюда тоже было удобно добираться. Конечно, здесь не посидишь, как дома, целый вечер, но все же живое общение лучше, чем по телефону.

За «их» столиком сидела веселая компания. Мужчина, облаченный в пуловер с изображением Че Гевары, что-то рассказывал, оживленно жестикулируя. Симпатичная девушка смеялась, встряхивая рыжей гривой с ярко выделяющимися черными корнями. Другой мужчина старательно ухаживал за своей соседкой, подливая красное вино в бокал, та застенчиво улыбалась, отводя глаза.

Валя разочарованно вздохнула, поняв, что ее любимое место на мягком диванчике рядом с искусственным деревом в кадке занято.

Лариса отреагировала несколько иначе.

— Так, — протянула она с видом налогового инспектора, почувшего недобросовестного плательщика, — наш столик занят.

Она сердито взглянула в сторону двери с надписью «Администрация», но вспомнила, что воскресенье Рафаэль Маркович, владелец кафе, проводит с многочисленной родней на даче. Энергия, не имея иного выхода, принимала вербальную форму.

— Я же просила! Кто у них сегодня работает, интересно?

— Вон у окна есть свободный столик, пойдете туда, — уставшей после тяжелого дня с внучками Валентине хотелось поскорее сесть. Она очень не любила разбирательств и по возможности старалась их избегать.

— Нет, ну это же надо, — Лариса села у окна, продолжая ворчать. —

Разве так сложно поставить на стол карточку «зарезервировано»?

Лариса тщательно следила за мимикой, считая, что новые морщины появляются из-за излишней эмоциональности. Лишь в минуты задумчивости или раздражения, как сейчас, поперечная морщинка на лбу выходила из-под контроля.

— Здесь тоже неплохо, — к Вале возвращалось привычное миролюбивое настроение.

— Как вы не понимаете, — продолжала Лариса. Она перестала хмуриться, вспомнив о морщинке, — дело не в столике, а в принципе. Когда Рафаэль Маркович приходит ко мне по делу, то я всегда к его услугам, и мои подчиненные в первую очередь занимаются его делами, отложив в сторону более важные.

— Не кипятись, лучше посмотри вон туда, — Наталья успела рассмотреть сидевших за столиком, отметила роскошный бюст одной из них и, помрачнев, толкнула Ларису локтем, — везет же некоторым. И почему мне Бог не дал такую грудь?!

Та, проследив, куда смотрит Наталья, насмешливо обронила:

— Должно же что-то уравновешивать необъятную попу.

Наталья повеселела, прикидывая, во сколько раз ее пятая точка меньше.

Необычно румяный официант подал дамам меню и удалился, старательно огибая мебель.

— Похоже, новенький, — заметила Наталья после его ухода. — Странный какой-то.

Проголодавшиеся подруги полностью сосредоточились на выборе блюд.

— О, возьму-ка я салат с гранатом, ни разу не пробовала, — к Ларисе вернулось хорошее настроение. Все-таки жизнь хороша, рядом подруги и приятный вечер впереди.

После того как заказ был доставлен, Наталья подняла бокал с красным вином и с пафосом произнесла:

— За нас, красивых. Красота спасет мир.

— Знаешь, — заметила вновь нахмурившаяся Лариса, — пусть мир другие спасают, я лучше в сторонке постою.

— Лар, — не выдержала Валя, — что-то случилось? Ты какая-то странная сегодня.

— Ничего. Наше здоровье, — она чокнулась с ничего не понимающей подругой и уткнулась в тарелку.

Валя с Натальей переглянулись. Наталья пожала плечами и взялась за

еду.

Валентина с удовольствием поглощала коктейль из креветок, поскольку осталась голодной после спагетти из кабачков, приготовленных дочерью. Украдкой она поглядывала на Ларису, которая с озадаченным видом ковыряла вилкой в салате.

— Что ты там ищешь? — Наталья тоже заметила загадочные манипуляции.

— Салат должен быть с гранатом. Сначала я решила, что я до него еще не добралась, но теперь вижу, что его там нет.

— Как нет?

— Вот так. Все есть, а граната нет.

Лариса подозвала официанта.

— Молодой человек, я заказывала салат с гранатом, а здесь граната нет.

— К сожалению, гранаты не завезли, — покровительственно улыбнувшись, официант начал переключать приборы на столике. Наталья ошарашенно наблюдала за наведением порядка. Странный юноша вызывал все большие подозрения.

— А почему в меню в составе салата гранат все-таки указан?

— Не вычеркнули, — пробурчал официант, продолжая поправлять то вазочку с цветами, то салфетницу, то специи.

— Понимаете, я специально заказала этот салат, хотела попробовать, а вы меня даже не предупредили.

— А зачем вы его ели, если вас не устраивает салат без граната?

— Я его там искала. Думала, может быть, где-то в середине слой.

— И что, так и не нашли?

Подруги внутренне замерли, ожидая, что Лариса взорвется и поставит невежу на место, но она только холодно заметила:

— Потрудитесь, пожалуйста, сменить тон, молодой человек.

Вопреки ожиданиям подруг, он не почувствовал надвигающейся и временно прошедшей стороной бури и даже не взволновался от выраженного недовольства Ларисы, неизменно приводящей в трепет окружающих.

— Принесите еще хлеба, пожалуйста, — ласково попросила Валентина, надеясь отвлечь дуэлянтов друг от друга.

Официант отбыл в сторону кухни, а Наталья озвучила общее подозрение, переросшее в уверенность:

— Он же пьян.

— Недолго он здесь проработает, — хмыкнула Лариса.

— Я удивляюсь, что ты его не приструнила, — подняла брови Наталья. — Обычно ты даешь понять, кто главный, и все забиваются под веник до следующего раза.

Доставленный хлеб оказался порезан тонкими, почти прозрачными кусочками.

— Это за придирки к салату? — подумала вслух Лариса.

Подруги развеселились, обсуждая способы виртуозной резки хлеба, изобретенные, чтобы продать по цене одного куса целых три.

Рядом вновь возник пошатывающийся официант с очередной корзинкой хлеба в руках. Куски были нарезаны в два раза толще нормального. Когда он удалился, подруги прыснули.

— Мы же больше ничего не просили! — всхлипывала Наталья. — Зачем он его принес?

— Знаешь, я хотела заказать мороженое, — вытирала уголок глаза Лариса, — но теперь боюсь, что он мне в него плюнет. Мне казалось, Рафаэль Маркович более серьезен в подборе персонала. Он сам терпеть не может хамство советского общепита, да и заведению такие персонажи могут повредить. Распугают клиентов, так и прогореть недолго.

— Лично я переживу плохое обслуживание, лишь бы вкусно кормили, — философски заметила Валя, расправившаяся со своим заказом и оттого вдвойне благодушная. — Элины биточки из брокколи, морковные торттики и вареная рыба без соли довели меня до ночных кошмаров. После ее визитов мне снятся сочные бифштексы, румяные куры-гриль и огромные дымящиеся куски мяса с жирком, капающим на раскаленные угли.

Валя облизнулась.

Упоминание о дочери Валентины как ластиком стерло улыбку с лица Ларисы. Она мгновенно помрачнела. Подруги замерли, ожидая продолжения, но Лариса молчала.

— Дарья беременна, — неожиданно выдала она новость, которая весь день не давала ей покоя. — Сегодня в обед звонила.

— Ларчик, поздравляю! — Наталья подняла бокал.

— Добро пожаловать в ряды бабушек, — присоединилась к ней Валентина.

У Даши, дочери Ларисы, в жизни была одна проблема: неподходящий, по мнению мамы, муж.

— Господи, вот с чем вы меня поздравляете? — распаялась Лариса. — Она же умница, красавица, три иностранных языка. Дипломов, как у нобелевского лауреата, а вышла замуж за нищего! — последнее слово было произнесено с подходящим случаю пафосом. — Все выбирала,

копалась и получила приз, наконец. Такие из подросткового кризиса плавно переходят в старческий маразм. Какие дети, когда он до сих пор носит маме стирать белье, когда Дашка в командировке?

— Да ладно, Лариса, ты преувеличиваешь. Все у них получится. Посмотри на моих.

— Вот именно, — с жаром продолжила Лариса. — Твоя Элечка такая умница, и мужа себе нашла замечательного, такая прекрасная пара получилась. Я ей говорила: найди мальчика из своего института, своего круга. Так нет, ей, видите ли, за границу захотелось. Выиграла грант, уехала туда, в первый же месяц познакомилась в супермаркете с этим недоразумением, влюбилась и выскочила замуж. А то, что у парня за спиной что-то вроде техникума, — это ей не важно.

— Так у него же своя фирма?

— Фирма, — язвительно заметила Лариса. — В офисе три человека, а весь бухгалтер Даша ему сама делает в свободное от работы время. Я ее спрашиваю: «На что вы жить втроем собираетесь?». Она смеется и говорит: «В кредит». Вот и ребенка брали бы в кредит. Они в прошлом году ремонт делали, так «прынец» заморский все заботы на нее свалил. Она и с рабочими договаривалась, и окна сама шкуркой отдраивала, чтоб сэкономить на мастерах, а у него на все один ответ: «я не умею, я не знаю, у тебя лучше получается». Разве она для этого универ с красным дипломом заканчивала?

Валя взволнованно комкала светло-зеленую салфетку с вышитым машинной гладью попугаем.

— Ты прямо как будто не рада, — Валентина никак не могла понять, как можно не хотеть внуков, даже если это сопряжено с финансовыми трудностями. — Мы же их вырастили. На трех работах работали и ничего.

— Ой, Валь, да не сравнивай ты, что было в прошлом веке. Муж должен обеспечить нормальные условия для ребенка.

— Не расстраивайся ты так, — Наталья о внуках и связанных с ними проблемах знала лишь по рассказам друзей и знакомых, но очень хотела успокоить подругу. — Дашка у тебя золотая. Обязательно справится, да и вы с Костей достаточно зарабатываете, на пятерых внуков хватит. А муж у Даши, может быть, просто экономный.

— Мужчина не может быть экономным. Он добытчик, и грош цена добытчику, который урвал на охоте уши мамонта, засолил их на черный день, заныкал про запас и выдает семье военным пайком, — начала опять заводиться Лариса. — Женщина может быть экономной, она мать, а мужчина нет. Меня бесит, что он и пальцем не пошевелит, чтобы жене

шубу к зиме купить.

— Зачем ей шуба, там зима мягкая, — заметила Валя.

Лариса разлила остатки вина по бокалам.

— Последний раз домой приезжала такая худющая, — грустно заметила она. — Зачем надо было брать билет на самолет? Ее можно было и по факсу отправить. Одни глаза на лице. Вы бы видели, как она на пельмени, соленые огурцы да на пирожки с мясом набросилась. Такое впечатление, что ребенок с необитаемого острова вернулся.

— Ты преувеличиваешь, — заметила Валентина. — Элечка рассказывала, что в Европе у продуктов другой вкус, а наши разносолы только в специальных русских магазинах можно купить. Даша просто соскучилась по домашнему.

— Может, ты и права, — вздохнула Лариса. — Когда мы с Олегом были в Египте, я через неделю на баранину с курицей смотреть не могла. Ужасно хотелось жареной картошки. Знаете, что меня больше всего потрясло в Египте? Отношение местных к белым женщинам. Мы ездили на кораблике к коралловым рифам, я впервые попробовала плавать с аквалангом. Ощущение незабываемое, помните, я вам рассказывала? Такое впечатление, что находишься в аквариуме, а не в открытом море. Мы даже мурену лицезрели во всей ее зубастой красоте. Так вот, возвращаясь к аборигенам. В нашей группе были молоденькие итальянки и пара немок чуть старше меня. На удивление, матросы и наши инструктора, а среди них были такие экземпляры — греческие боги отдыхают... Олег, глядя на них, даже пытался натянуть на себя костюм на два размера меньше...

— Лар, ты не отвлекайся на мужские задницы, — подтрунивала Наталья, потягивая коктейль.

— Ах да, — вернулась к теме Лариса. — Короче говоря, итальянки со своей подгоревшей до цвета черного шоколада кожей и волосьями, как уголек, встречали скучающие взгляды туземцев. В то же время белесые, обожженные немки с красными носами вызывали охи и ахи. Итальянки были расстроены. Видать, они надеялись на морское приключение, а тут облом, да еще из-за кого — из-за двух матрон, которые им в материгодились. Они не знали, что для многих арабских мужчин белая женщина — это почти богиня, вне зависимости от возраста, да и вес... — Лариса посмотрела на Валю. — Наша Валентина ушла бы за тридцать верблюдов.

Все рассмеялись, а смущенная Валентина поправила шарфик на груди. Но шарфик — мужского рода, поэтому даже он всячески старался сползти то с одной стороны, то с другой, демонстрируя веселый характер своей хозяйки четвертого размера.

— Я же всю обратную дорогу, — продолжала Лариса, — помогала инструктору делать домашние задания по русскому языку. К завершению поездки Олег был готов выкинуть меня за борт в качестве приманки для ловли рыбы, так его сжигала ревность. Он, как тигр, носился по розовому кораблику от носа до кормы и пожирал глазами меня и моего бестолкового ученика, который, проглатывая буквы, читал тему «Сын и отец».

— Вы только читали? — невинно поинтересовалась Наталья.

— Фи, что за намеки? Я, конечно, нахожусь в свободном плавании, но в данный момент нас в шлюпке двое, и выбрасывать Олега за борт я пока не собираюсь. Ой, девочки, какой он был в ту ночь... Ревность плюс бронзовый загар — основные компоненты коктейля «незабываемая ночь», — и со вздохом добавила: — Как вспомню наши с Костей вечера под одеялом в четыре ноги...

— Кстати, как у вас с Олегом? — поинтересовалась Наталья, с удовольствием переводя разговор с темы внуков на отношения между полами.

— Без изменений. Кричит о вечной любви, — иронично покачала головой Лариса.

— А ты?

— Что я? Понимаешь, не любовь это. Комплекс. Мальчик из области, из бедной рабочей семьи, единственный из четверых детей получил высшее образование, сам поступал. В девяностые он пытался доказать всему миру, что появилась новая звезда, гений бизнеса и финансов. Сама знаешь, что такое молодой специалист без опыта работы, с кучей амбиций и проектов. Хватался за любую работу, сидел на макаронах. Затем постепенно вырос в профессиональном плане, а комплекс борца остался. Продолжает вести вечный бой, чтобы все было на уровне, самое лучшее: машина, квартира, работа, любовница-начальница.

— Так брось его. Зачем и ему, и себе жизнь портить?

— Головой понимаю, что служебный роман затеян Олегом не столько ради моих стройных ног, — Лариса вытянула ногу в ажурном чулке, — сколько ради тщеславного желания утереть нос сослуживцам. Ему скучно просто затащить женщину в постель, ему интересно раскрутить ее на любовь. Вот где охота и азарт. И потом, — Лариса понизила голос, — я даже представить себе не могла, что секс может играть такую значимую роль в отношениях. Думала, что главное романтика, комплименты, шелковое белье, свечи и прочий антураж, а физическая близость вроде дополнения. В общем, пока плыву по течению и стараюсь не задумываться.

Вздохнув, Лариса расправила плечи, словно сбросив с души тяжесть.

— Давайте, что-ли, выпьем за Дарью. Конечно, я рада, но с другой стороны душа болит за нее, как она там.

Подруги расплатились по счету и собирались расходиться, когда Лариса, умиротворенная приятным времяпрепровождением, извлекла из сумочки ежедневник.

— Совсем забыла, — зашуршала она страницами, — я записала всех нас на французский! Занятия по вторникам и пятницам.

Валя и Наталья с улыбкой переглянулись, понимая, что прогулять не удастся.

ГЛАВА 6

Что ни говори, а распродажа — это зло, дьявол в облике тряпок, косметики, обуви и прочей никому не нужной ерунды. Соблазн в чистом виде. Вроде бы идешь по улице, гуляешь, или возвращаешься с работы, или отправляешься перекусить, а на тебя с витрин магазинов тарачится какая-нибудь юбочка и зовет, притягивает, манит. И ты знаешь, что нечто подобное у тебя уже имеется, догадываешься, что наденешь ее лишь разок-другой, но эта цифра, перечеркнутая два раза, гипнотизирует, лишая воли. Еще хуже обстоят дела с косметикой. Жадная рука тянется ко всему, что может захватить, зацепить хотя бы мизинцем. Только потом, дома, рассмотрев все купленное, ты понимаешь, что это не твои цвета, не для твоей кожи, в общем, яд и гадость. Тут же даешь себе клятву больше никогда, ни за рубль, ни за что, ни при каких обстоятельствах, но на следующий день, проходя мимо очередной витрины, неуверенно шепчешь: «Я только на минуточку, только посмотрю, в последний раз, а потом ни-ни!». С такими мыслями отправлялась Наталья в недавно открывшийся торговый центр.

— По идее, гардероб ломится от тряпок, но не в шубе же мне, в самом деле, в Париж ехать в мае месяце? Я ж не старуха с подтяжкой на лице, маскирующая недостатки мехами. Мне необходим дорожный костюм. И все. Только костюм, — с этим заклинанием она понеслась по этажам, отводя глаза от манящих витрин обувных магазинов.

На втором этаже располагался внушительных размеров бутик одной из престижных марок. В обычное время Наталья избежала бы соблазна, зная, как кусаются цены, но Париж, «распродажа» — заветное слово, выведенное большими буквами на витрине, и мысль «костюм и только костюм» лишили ее способности рассуждать здраво.

Товарное изобилие поражало женское воображение. Брючки, свитерочки, о которых она давно мечтала, хотела, из-за которых ночами не спала. В них было бы так удобно гулять по Елисейским полям, так приятно кататься на кораблике, любуясь ночным Парижем. Шаль из кашемира, тонкая, как паутина, обнимет озябшие плечи в холодные вечера.

— Так, эти синие капри, кофточку... — задумавшись, она начала подсчитывать, сколько она в состоянии выбросить денег на новый гардероб. Цены, в принципе, устраивали ее кошелек. — Ерунда, наберу тысяч на семь. Конечно, следовало бы купить новый диван, но за такие

деньги, наверное, только ножку от него купишь в приличном магазине, а поездка в Париж — событие неординарное. Все равно я никогда не научусь экономить, так хоть потрачу с удовольствием.

Собрав вещи в охапку, она направилась в примерочную, в надежде, что одна из них не подойдет и можно будет спокойно отложить ее, ни о чем не сожалея, но, к ее удивлению, выбранная одежда сидела потрясающе. Как правило, при ее невысоком росте брюки приходилось укорачивать, отрезая в районе колена. Модные силуэты превращали вполне стройные ноги в безобразный икс, заканчивающийся волочащимися по полу хвостами. Любая модель туго облегла бедра, безнадежно болтаясь на талии. Однако в этот счастливый день одежда сидела идеально.

— Ну и ладно, — уговаривала себя Наталья, — это знак сверху. Если так прекрасно сидит, то надо брать.

С ворохом вешалок она подошла к кассе, где «милая девушка» обслуживала пожилую пару, покупавшую «блузочку для внучки».

— Если блузка окажется маловата, несмотря на распродажу, мы с удовольствием обменяем на больший размер, но деньги, к сожалению, вернуть не сможем, — заученно вещала улыбающаяся продавщица.

— Да, это было бы замечательно. Знаете, как с детьми — вроде бы ее размер, а потом оказывается, что здесь узко, там широко. А в магазин их не заманишь, — одетая в норковый полушубок бабулька поправляла то аккуратный шиньон на затылке, то вспыхивающую в распахнутом ворота алмазную брошь.

Наконец ее молчаливый спутник выудил пухлое портмоне, демонстрируя готовность расплатиться за покупку.

— Сто пятьдесят, — девушка повернула ключ, открывая кассу, — платить будете в евро?

— В рублях по курсу.

Услышав последнее, Наталья побледнела и чуть не выронила вещи из внезапно ослабевших рук на стеклянный, идеально вымытый, хитро подсвеченный изнутри пол. «Я думала, цены в валюте запретили», — недоумевала она, положив вещи на прилавок.

Она судорожно стала искать ценник. Цифры были написаны ярко и перечеркнуты жирной линией. Злосчастные «У.Е.», напечатанные мелким шрифтом, она не заметила. «Выходит, набрала я на семь тысяч евро? Делать-то теперь что?»

Ни при каких обстоятельствах и мировых катаклизмах Наталья не смогла бы выдать из себя фразу: «Извините, мне это не по карману». Чтобы чертова кукла на кассе даже на минуту заподозрила, что у нее,

Натальи Семеновны, ведущего юрисконсульта самой крупной и дорогой юридической консультации города, нет денег. Да она зарабатывает в пять раз больше, чем эта пигалица. Да у нее квартира в центре города и сапфир бабушкин на пальце. Стоит только захотеть, она оплатит выбранные вещи. Пусть дорого, пусть уйдет значительная часть отложенных денег. Главное, она сохранит лицо, а продавщица будет завистливо смотреть ей вслед. Ради этого взгляда и сиюминутных амбиций Наталья была готова на любую жертву.

Тем временем, продавщица, распрощавшись с покупателями блузки, все внимание обратила на нее:

— Добрый день!

Деваться было некуда, не отходить же от кассы, если тебя уже заметили. В этот момент жаба-скупердяйка подняла голову, намекая, что отдавать приличную сумму денег за тряпки прошедшего зимнего сезона глупо.

Но Наталья начала демонстративно рыться в кошельке.

— Девушка, — она собрала всю твердость духа, нахмурилась, принимая серьезный вид и представляя перед собой очередного желающего развестись, — можно я оставлю вещи на прилавке и схожу в банкомат за наличкой, а то сами понимаете, набрала я много, боюсь, не хватит.

— Конечно, — девушка продолжала резиново улыбаться, — но если хотите, вы можете оплатить кредиткой прямо в нашем магазине.

— Нет! — почти вскрикнула Наталья. — Я могу снять только в банкомате.

Опустив глаза и старательно пряча улыбку, девушка согласилась. Наталья, поспешно покинувшая бутик, пропустила, как та сказала своей напарнице, подошедшей, чтобы побыстрее обслужить клиентку с большим количеством покупок:

— Болезнь «совка». Называется «понты дороже денег».

Работая продавцом в дорогих магазинах, она прекрасно разбиралась в подобных случаях.

Выбежав из чертового бутика, Наталья рванула к маленькому кафе на первом этаже, чтобы пережить произошедшее и выпить чашку кофе, но страх, что девушка из магазина может случайно сюда заглянуть, погнал ее на улицу.

«Кажется, пронесло, — подумала Наталья с облегчением, к которому примешивалось беспокойство. — Жаль, хороший бутик. Придется забыть про него на пару месяцев, вдруг продавщица меня запомнила».

ГЛАВА 7

Трамвай шел в парк, поэтому Светлане пришлось идти пешком лишнюю остановку.

«Ничего, — подбадривала себя Светлана, борясь с хандрой, — двигаться полезно. Вон Лариска на теннисе по два часа скачет, поэтому такая стройная».

Полученные две недели назад фотографии с Ларкиной вечеринки во всей красе показывали, что с лишним весом Светланы нужно что-то делать. Оставалось решить, что именно. Можно меньше есть, но тогда жизненной энергии не хватает даже на обогрев собственного раздавшегося в бедрах и талии тела. Можно заняться спортом, но на такие глобальные поступки Светлана решиться пока не могла. В конце концов, разве мало она двигается?

«Вот сейчас прогуляюсь, сразу похудею, — решила она. — А если буду каждый день ходить пешком, тогда наверняка стану стройной, как раз к поездке».

Вспомнив о Париже, Светлана приободрилась, предавшись приятным мечтам. К реальности она вернулась на лестничной площадке, услышав шум хоккейного матча, доносящийся из ее квартиры.

— Так, значит, сидят без ужина с чипсами и пивом, — открыв дверь и сбросив пальто, Светлана направилась в комнату.

На диване перед телевизором сидел Николай в старых тренировочных штанах с лампасами и застиранной футболке. На журнальном столике громоздились разноцветные банки, небрежно разорванные пакеты с чипсами и сухариками. Илья открывал новую жестянку пива. Актеры, декорации, реквизит, все на своих местах в пьесе «Вечер в кругу семьи».

— Ты когда-нибудь выкинешь этот хлам? — набросилась Света на мужа. — В конце концов, почему надо для каждого матча по телику надевать это рванье?

Николай засопел и, ничего не ответив, сделал вид, что обидные слова относятся к сыну или стенке.

Он обожал хоккей, в юные годы играл за местный клуб. То ли клуб развалился, то ли Николай оказался слишком слабым ребенком, но клюшку и шайбу пришлось оставить. Однако трепетную любовь к спорту настоящих мужчин он сохранил на всю жизнь, стараясь попасть на любой матч, проходивший в городе. Когда возможности не представлялось, а матч

транслировался по ТВ, Николай доставал атрибуты заядлого болельщика, треники с лампасами, майку ЦСКА и, повязав шарф соответствующих цветов, усаживался перед телевизором. Ни уговоры жены, ни подтрунивания друзей — ничто не могло заставить его изменить традиции.

— Ты бы хоть добрый вечер сказала, а то прямо с порога орать на весь дом, — беззлобно заметил он, не отрываясь от экрана.

Светлана махнула рукой, зная по опыту, что разговаривать бесполезно. Выйдя в коридор и протерев сапоги тряпкой, она направилась на кухню, с грустью осознавая, что она лошадь, бегущая по кругу от одного станка к другому. От больных к плите, из дома на работу. Жаль только, что работа не могла заменить ни душевной теплоты, ни пожелания спокойной ночи, ни нежного объятия, когда двое возвращаются домой из театра. Вот так придешь к финишу, имея за плечами только работу и воспоминания о прошедшей молодости, растеряв в пути любовь, семью, друзей, за алой ленточкой реет полотнище с надписью «пенсия», а дальше ждет пустота, походы по магазинам в поисках дешевых яиц, посиделки на скамейке у подъезда.

На кухне царил утренний бардак. Грязные кофейные чашки стояли в раковине. «Господа» не потрудились поставить их в посудомоечную машину, которая была презентована Свете на день рождения. Пол был усыпан крошками, словно венецианская площадь Сан-Марко, где туристы кормят голубей. На столе валялись пробки и пустые пакеты. Дверцы кухонных шкафов открыты настежь. Очевидно, мужчины прибежали домой в последнюю минуту до начала матча.

Светлана любила их уютную квартиру, и домашнее хозяйство не было ей в тягость. После свадьбы, еще до рождения Ильи, они жили у свекрови. Николай был воспитан одинокой мамой строго, почти в спартанском стиле, и делал в ее присутствии любую домашнюю работу, от стирки носков до лепки пельменей. Переехав с женой в новую отдельную квартиру, он решил, что деньги «на витамины» для наследника важнее, чем стирка и глажка пеленок. Поначалу Светлана была довольна старательно зарабатывавшим мужем и полностью взяла быт на себя, но, выйдя из декретного отпуска, с удивлением обнаружила, что Николай готов и звезду достать, и целину распахать, лишь бы избежать натирки паркета и мытья кастрюль в свободное от работы время. То, что Светлана тоже работала, да еще там, где ошибка могла стоить жизни человека, воспринималось как должное. Сын пошел весь в отца. Если один вечно работал, то второй вечно учился. Окончание университета постоянно откладывалось на неопределенный срок, поскольку довольно способный Илья силы и время

употреблял на сборку и разборку персонального компьютера, время от времени скачивая из интернета курсовые и рефераты. Периодически рискуя быть отчисленным, бестолковый отпрыск продолжал учиться, иногда подолгу задерживаясь на одном и том же курсе.

Сполоснув посуду, Светлана стала загружать ее в машину.

— Мать, — заорал сын из комнаты, — мы уже поужинали с батей. Так что не готовь там ничего сложного, чисто так, перекусить.

Это было выше ее сил. Захлопнув с грохотом дверцу, Светлана схватила лежавшую на столе пачку сигарет и выбежала на балкон, кутаясь в старый шерстяной кардиган, пропахший табаком. Она давно собиралась бросить курить, но пока не решалась сделать последний шаг. Ей казалось, сорвись первая попытка избавиться от пагубной привычки, и она уже никогда не поверит, что это возможно, поэтому продолжала утешать себя тем, что почти не курит. Сигарета была для нее, как спасительный счет до десяти во время стрессовых ситуаций, — средство, чтобы пропустить мимо ушей, не сорваться на крик, в особенности дома, где в последнее время часто находился повод для раздражения.

Внизу раскинулся ночной город. Светлана смотрела вниз, слезы щипали глаза. С годами ее реакция на проблемы практически не изменилась. Детство и юность давно остались позади, но окончательно стать взрослой решительно не получалось. Семейная жизнь с Николаем не была безоблачной, но с возрастом он становился все более неподатливым, все меньше напоминая того человека, за которого Светлана вышла замуж тридцать лет назад. Господи, как же ей все осточертело. Она не заметила, как сзади подошел Николай.

— Светк, ты чего? На работе проблемы? — чувствуя себя виноватым, правда, смутно догадываясь, в чем именно, он решил поинтересоваться проблемами жены. Все-таки он мужчина в доме. — Ладно, не переживай. У всех бывает.

Вытерев слезы носовым платком, Светлана взглянула на мужа и поняла, что в его голову даже мысль не может закрасться, что она плачет о прошлом. Сын вырос, любовь и взаимопонимание на критической нулевой отметке. В душе копится страх, что семейная жизнь превратится в унылое сосуществование: почти как соседи, под одной крышей, без общих интересов, но со стаканом воды.

— Коль, неужели так сложно убрать за собой? Неужели трудно приготовить ужин и поесть всей семьей?

— Но ты же знаешь, сегодня матч, — нудил тот, переминаясь с ноги на ногу. — Ужин... Ну давай, если ты так хочешь, я быстро сбегать в

супермаркет, как раз перерыв в игре, куплю салаты, сосиски в тесте, разогреем в микроволновке. Свет, я даже могу треники переодеть, если тебя они раздражают, — заглядывал он в глаза жене, пытаюсь сообразить, что бы еще сказать, чтобы она перестала плакать.

— Не в старых штанах дело! — взорвалась Светлана. — Ты действительно не понимаешь, что все рушится?

— В смысле? — искренне удивился муж. — Я работаю, мамонта приношу домой, — пытался он направить разговор в безопасное русло.

— Ты приносишь деньги, на которые я этого мамонта покупаю, кормлю вас, а потом свинарник убираю. А между делом собирательством занимаюсь, то есть на работу хожу, если пользоваться твоей терминологией. Я же не железная. Я устала. Устала от вашего хоккея. Ты сутками на работе, никакой помощи по дому, на меня ноль внимания, только деньги, деньги, деньги, — такое впечатление, что ты решил заработать все деньги мира. Когда мы последний раз отдыхали? Когда вместе ужинали, ходили в ресторан или театр? Мне надоело ждать, когда ты всему свету вставишь зубы! — Светлана почти кричала.

— Это моя работа, — начал кипятиться муж. — Я не могу делать только то, что хочется. У меня действительно нет времени выводить тебя в свет, да и не думал я, что тебе так необходимы походы по увеселительным заведениям. Ты всегда подружками обходилась.

— Правильно, а почему? — закурив еще одну сигарету, Светлана закашлялась, подумав, что курить все-таки надо бросать. Откашлявшись, она продолжила: — Потому что тебя вечно нет дома, а если ты и есть, то или у телевизора, или спишь, как медведь в зимней спячке.

— Я устаю, — сравнение с медведем задело грузного Николая.

— А я? Ты обо мне подумал? — Света опять расплакалась, то ли от жалости к себе, то ли от раздражения на мужа, который не мог понять ее.

— Ладно, Светк, — при виде вновь появившихся слез Николай сразу сник. Как средство воспитания мужей слезы перестают действовать еще в первый год совместной жизни, однако Николай по-прежнему расстраивался от вида плачущей жены. — Если хочешь...

— Ничего я не хочу, — тихо сказала она.

Затушив сигарету, Светлана направилась внутрь квартиры. Подобные обидные разговоры у них случались и раньше, но еще лет десять назад они заканчивались более романтично: поцелуями и примирением в постели.

Закрывшись в ванной, она набрала номер Ларисы.

— Ларис, привет. Да, я. Ты одна? Можно я приду? Хорошо, целую.

Одевшись, она вышла из дома. Черные силуэты тополей выделялись

на фоне темно-синего неба. Ветер стих, и в наступившей тишине был слышен шум идущего по улице транспорта.

Светлана быстро поймала машину и через четверть часа уже звонила в дверь Ларисиной квартиры.

Еще через десять минут, налив по бокалу вина и уютно устроившись в обнимку с сырной тарелкой, подруги сидели на диване.

— Я тебя предупреждала, — Лариса взяла микроскопический кусочек сыра, — чем больше ты для них делаешь, тем меньше они это ценят. Сели тебе на шею и ножки свесили. Желание искать выход должно быть обоюдным, а ты, как паровоз, весь груз на себе тянешь, стараешься домашних не напрягать своими проблемами.

— Я надеялась, что они все видят, понимают, — с грустью заметила Светлана.

— Считается, что семейная жизнь должна быть как праздник. Ваш праздник, видимо, слишком затянулся. Может, у тебя просто синдром семейной усталости? В Париж...

— Лар, — перебила ее Светлана, — я не только в Париж, я уже никуда не хочу. Мне пятьдесят три года. Это кошмар! Я старая, замужняя, но одинокая женщина.

— Прекрати ныть, — взвилась Лариса. Любые упоминания о возрасте приводили ее в негодование, усиленное пониманием, что и ей через год придется разменять шестой десяток. — Каждое утро мое зеркало пытается убедить меня в том, что только круговая подтяжка лица поможет мне, но я твердо знаю: «Врет». Женщине столько лет, на сколько наглости хватает. Как наглость закончилась, так все — саван и белые тапочки.

— Ты о героях и титанах или об обычных людях с обычным мышлением и обычной психикой? — сквозь слезы пошутила Светлана. — Ларчик, пойми, я не способна бегать рысью и пыхать огнем, как ты, — добавила она сдавленным голосом.

— Нет, ты не права по существу, — Лариса обняла подругу. — Понимаешь, жизнь женщины начинается тогда, когда она осознает принадлежность к данному полу, и продолжается до тех пор, пока она чувствует себя женщиной. Какая разница, сколько нам лет? Прекрати считать, сколько осталось. Надо просто жить сейчас. Главное — оставаться собой при любых обстоятельствах.

Разговор шел по давно накатанной колее, Светлану убаюкивала расслабляющая атмосфера и возможность пожаловаться на жизнь. Наконец она вздохнула:

— И что мне делать? Развестись? А что изменится?

— Любовника тебе завести надо. Давно бы плюнула на всех и устроила свою личную жизнь. Ребенок вырос, переживет, — Лариса была спокойна, словно обсуждала новое средство для чистки раковин.

Светлана поперхнулась вином.

— Смеешься? Кому я нужна?

— А пациенты?

— Ох, так они же старые... — испуганно пробормотала Света. — У большинства в самой ближайшей перспективе, прости за цинизм, утка и кровать, а потом и вовсе гранит и оградка. Или молодежь на диспансеризацию приходит.

— Наверняка есть достойные экземпляры! — Лариса цокнула языком. — Сама же говоришь, что мужчины после пятидесяти еще очень ничего есть, так и выбери себе ровесника. В конце концов, что значит «старый»? Тебе же его не варить!

Светлана не удержалась от улыбки. Она положила в рот кусочек сыра с орехами, размышляя, попробовать датский ананасный сыр или на сегодня хватит.

— Купи красивое вечернее платье, — продолжала подруга.

— Куда я хожу вечером? На кухню? — Света вспомнила, что сегодня не ужинала, и датский сыр постигла участь французского и швейцарского.

— Пойми, — принялась вновь философствовать Лариса, машинально сворачивая кораблик из бумажной салфетки, — не в твоей семье дело, хотя обнаглели они у тебя — это факт. Все проблемы в тебе. Займись спортом, брось курить, обнови гардероб. Кстати, о гардеробе — давно пора его менять!

— А что с моим гардеробом? — удивилась Света, поправляя любимый пуловер с рукавами-реглан.

Лариса замялась, но деваться было некуда.

— Свет, ты красивая женщина, надо подчеркнуть это. А ты как влезла в эту кофточку с люреком еще в начале перестройки, так и ходишь в ней.

— Она почти новая! — упиралась Светлана. — К тому же она мне идет.

— Очень может быть, — не стала спорить Лариса, закусывая камамбер виноградной, — но, во-первых, она тебе мала, а во-вторых, ты не девочка тридцатилетняя, чтобы одеваться, как в голову взбредет.

— Какой смысл, как Наталья, выкидывать ползарплаты на тряпку только потому, что на ней пришта фирменная этикетка? — поджала губы слегка уязвленная подруга.

— Я не предлагаю гнаться за лейблами, просто займись собой, давно

пора. Хотя бы начни, тебе понравится. И не закатывай глазки! Ты отвергаешь, даже не попробовав, — всплеснув руками, возмутилась Лариса.

— Хорошо, успокойся. Я поняла. Гардероб, курсы французского, любовник, правда, последнее я тебе не обещаю. Только объясни, для чего все это?

— Ну, конечно, куда приятнее в перспективе превратиться в дряхлеющую старуху, считающую дни до пенсии и мечтающую осесть на приусадебном участке кверху задом на грядке с картошкой. Твой муж точно оценит, и ваша семейная жизнь забьет ключом.

— Все у тебя так красиво получается, а я даже похудеть никак не могу, силы воли не хватает.

— Бесспорно, жизнь продолжается даже с целлюлитом, но... — скомкав салфетку, Лариса на секунду задумалась. — Хочешь, пойдем со мной на фитнес? Я могу тебе устроить пробное занятие в нашем клубе.

— Давай, — согласилась Светлана, но без особого энтузиазма.

— Тогда на следующей неделе в субботу я заеду за тобой в половине десятого. Будет у нас еще лебединая песня. Так что допивай вино, а то уже спать пора. В нашем возрасте главное — с пользой проведенная ночь, я имею в виду полноценный сон, — Лариса многозначительно подняла указательный палец.

Домой Светлана вернулась после окончания матча. Николай уже ушел спать. Из-за двери комнаты сына доносились звуки компьютерной перестрелки. Светлане вдруг снова стало тоскливо, хоть волком вой.

Она отправилась в ванную, закрыла за собой дверь, включила воду и разрыдалась. Даже идея поездки в Париж, о которой она так давно мечтала и так радовалась, что теперь ее мечту можно будет осуществить, да еще вместе с девчонками, не грела ее. Какой Париж, когда жизнь прошла.

Взглянув на себя в зеркало, Светлана пожалела, что дала волю чувствам. Глаза покраснели и опухли от слез, тушь растеклась, сделав лицо похожим на маску. Она пригладила растрепанные волосы, сняла остатки макияжа, с грустью рассматривая обозначившиеся морщинки. Из тюбика со средством для умывания выдавилась только мутная капля, напомнившая Светлане, что она снова забыла купить новое. Умылась с мылом, подумав, что необходимо все же посоветоваться с Ларисой по поводу кремов, и дала себе обещание посещать косметолога хотя бы раз в месяц. Какой смысл в деньгах, если они тратятся только для создания бытовых удобств и никогда для красоты и удовольствия?

Все когда-нибудь заканчивается, подошел к концу и этот неприятный

день, последний троллейбус отправился в парк, на рабочих местах заснули сторожа, и только Светлана, приняв душ и нацепив старую ночнушку, до часу ночи ворочалась с боку на бок, обреченно слушая раскатистый храп мужа. Она впервые серьезно подумала о разводе.

ГЛАВА 8

Секретарша уже собиралась уходить, когда на пороге офиса появился долговязый молодой человек в ярком пуховике. Промычав приветствие, он стряхнул в угол выдавший виды найковский рюкзак.

— Вы к кому? — Людочка совершенно точно знала, что никаких встреч на сегодняшний вечер не назначено, но на распространителя спутниковых антенн или китайских прокладок посетитель тоже не походил.

— Люда, это ко мне! Совсем забыла предупредить, товарищ по поводу проблем с сайтом, — выглянула из кабинета Наталья. — Заходи, Илюша.

Молодой человек снова издал серию неопределенных звуков. Вспомнив, что рассказывала в последнее время про сына Светлана, Наталья попросила:

— Людочка, прошу вас, сделайте нам кофе и можете идти, — Наталья сделала вид, что не заметила взгляда секретарши. Приятно осознавать, что в глазах окружающих вас могут связывать с молодыми людьми не только деловые отношения.

Через полчаса в пустом офисе остались лишь Наталья и Илья. Втянув в себя три кружки кофе и все оставшиеся от обеда булочки, он, наконец, разговорился.

— Извините, устал очень, прошлой ночью к зачету готовился. Пересдать никак не могу.

— Сложно учиться, наверное, — проявила сочувствие Наталья.

— Зачет по этике и психологии делового общения, представляете? И зачем он мне? Игры, в которые играют люди, и люди, которые играют в игры. Я так наигрался, что потерял счет времени. И профессор такой вредный! Как, говорит, вы себя поведете, если вам надо будет убедить собеседника в своей правоте? Я рассказываю, а он: «Ага, вы сцепили руки в замок, это говорит о вашей неискренности». В общем, сошлись на реферате. Найду завтра что-нибудь в инете и разойдемся миром. Только с ним мне проблем и не хватало.

Наталья сочувственно качала головой. Илью она помнила еще ребенком, и он пробуждал в ней какое-то подобие несостоявшихся материнских чувств.

— Ну что, какие у вас проблемы? — перешел к делу изливший душу юноша. — Мне передали, хакнули вас?

— Что? — Наталья озадаченно подняла брови, округлив глаза.

— Спокойствие, только спокойствие, — улыбнулся Илья, — давайте я вам про интернет расскажу, а завтра займусь сайтом.

— Давай.

— Компьютером пользоваться умеете? — придвинулся он.

— Да, но рутинную работу делает Люда.

— Понятно. Давно диск на вирусы проверяли?

— Вирусы... — Наталья задумалась. — Я как раз хотела спросить. Тут был клиент, не мог найти документы, весь портфель мне на стол вытряхнул, и там было дискет штук десять. Они вот здесь лежали. Не мог мой компьютер от них вирусы подхватить?

Хмыкнув, Илья пояснил, что эти вирусы передаются только через близкие контакты.

— Допустим, компьютер уже включен, — продолжил он ликвидацию Натальиной безграмотности. — Кликаем сюда.

— Я законспектирую, — Наталья потянулась за блокнотом.

— Кликаем, — Илья и не думал сдаваться, — выходим в интернет. Что нас прежде всего интересует?

— Ну, — робко протянула Наталья, — а есть в интернете какое-нибудь оглавление, чтобы найти нужную информацию?

Илья озадаченно воззрился на собеседницу.

— Какое оглавление?

— Кто-то же это все в интернет выложил, да? Значит, должно быть оглавление.

— Наталья Семеновна, — с чувством произнес молодой человек и умолк, не находя достаточно слов для выражения охвативших его чувств.

— Понятно, — пробормотала Наталья, — оглавления нет.

Еще через час она усвоила основные приемы поиска, а через полтора, уютно устроившись в кресле с очередной чашкой ароматного кофе, углубилась в безграничные дебри «Яндекса». За окном было темно, дома никто не ждал.

— Где тут у нас сайты знакомств? — Наталья отхлебнула кофе и пощелкала мышкой.

Увидев количество найденных ссылок, Наташа пришла в радостное возбуждение. Получалось, что люди только и делают, что знакомятся через интернет! Надо же, вот так всю жизнь проживешь и не узнаешь, что есть жизнь на Марсе.

Поддавив искушение кликнуть на баннер с жуткой надписью «Занавески для душа могут убивать!», Наталья решила заполнить анкету. Тщательно изучив ее, она споткнулась на графе «возраст». Предлагалось

выбрать из нескольких возрастных «вилок». Прокрутив список до конца, Наталья с возмущением выяснила, что попадает в последнюю возрастную группу «от 50 лет и старше»! Хотите сказать, что пятьдесят лет, что восемьдесят — одно и то же, вышли в тираж? Да ну вас! В сердцах она закрыла «окно», решив почитать что-нибудь для души. К счастью, Илья успел внести в «избранное» несколько полезных ссылок, сообщив, что в интернете прекрасный выбор разнообразной литературы.

Через час блуждания по электронной библиотеке Наталья прошла по ссылке в раздел «Специальной литературы», где ее внимание привлекло забавное произведение чье-то, как ей показалось, воспаленного воображения, «Волшебство на каждый день». Написано было очень занимательно.

В главе «Поиски» описывалось, как найти утерянные вещи, смысл жизни, пропавшую кошку, мужчину или женщину своей мечты. Пояснения, как именно все это работает, были даны довольно размытые, однако кое-какие инструкции прилагались.

Параграф «Чулочно-носочный ритуал» был лаконичен и строг в описании пути к женскому счастью: в течение двенадцати дней надо было ежедневно обходить вокруг дома семь раз, размахивая парой мужских носков. Затем следовало у входа в квартиру изобразить переход мужских носков через порог. В течение неполных трех недель в жизни женщины должны были произойти кардинальные изменения.

Наталья старательно объяснила себе, что ни на грош не верит в такие штучки, но...

ГЛАВА 9

Переделав с утра домашние дела, Валя взялась за работу, слегка запущенную за время пребывания в гостях Маши и Анжелы.

В тот момент, когда она в очередной раз прибавляла нуль к нулю, раздался телефонный звонок. Звонила рыдающая Эльвира. Молниеносно собравшись, Валентина отправилась к дочери. Балансы были забыты, намечались дела поважнее.

Напоив трясущуюся мелкой дрожью Элю валерьянкой и кофе с коньяком, Валя смогла, наконец, выудить подробности подкосившего ее дочь происшествия.

Утро начиналось буднично. Эля накрыла стол к завтраку, накормила детей и мужа диетически безупречным омлетом, и, чмокнув жующего Лешу в аккуратно приглаженную макушку, понеслась на работу. Обычно муж уходил раньше, но сегодня оказалось, что на утро у него назначена важная встреча, и что на работу он подъедет после обеда. Эля должна была успеть сдать отчет, поэтому хотела прийти чуть раньше и внести пару поправок.

Высадив Анжелу у входа в школу, Эля отвезла Машуню в открывшийся полгода назад частный детский сад. Вот так всегда, вечно спешишь, куда-то торопишься. На глубокие раздумья как обычно не было времени.

К половине десятого утра отчет был успешно сдан, Эля расслабленно откинулась на стуле, думая о том, что дома наверняка осталась гора грязной посуды после завтрака. Алексей помогал по хозяйству, но сегодня готовился к встрече и, скорее всего, не успел помыть. Иногда муж утюжил себе брюки, но горы рубашек всегда оставлял жене. Редкий мужчина хорошо управляет с утюгом, заключила Эльвира мысленно и испытала подобие удара током. Утюг! Она забыла выключить утюг! Лешка наверняка не обратил на него внимания, когда уходил. Эля судорожно вцепилась в мобильник, пытаясь нажать нужные кнопки трясущимися пальцами. Алексей не отвечал. Эля бросилась к начальнице и, получив согласие, устремилась вон из офиса, на ходу натягивая куртку.

Подъезжая к дому, она почти успокоилась: все выглядело как обычно, вокруг не сигналили пожарные машины, из окон не рвалось неукротимое пламя. Открыв дверь, она бросилась в комнату. Выключенный утюг стоял на гладильной доске. Эля обессилено упала на диван и перевела дух.

— Элечка, ты вернулась?

Из кухни выглянул удивленный Алексей.

— Леша? Почему ты дома? — Эля вскочила.

— Встреча сегодня сорвалась. Вот, вынес мусор и решил помыть посуду. Скоро поеду в лабораторию.

Эльвира прошла за Алексеем на кухню и застыла на пороге.

Она точно помнила, что вчера вечером решила помыть любимые бриллиантовые серьги, слегка утратившие первоначальный блеск. Вынула их из ушей, бросила в одноразовый стакан, залила теплой водой с мылом, оставила киснуть.

Стакана не было. Пустое мусорное ведро, которое Алексей не успел вернуть на привычное место под раковиной, стояло посреди кухни. Эля начала медленно сползать по стене, чувствуя, как лезут седые волосы. «Боже, это же Леша подарил, дорогушие, — пронеслось в голове, — нельзя ему ничего говорить!»

Обернувшийся в это мгновение Алексей увидел бледнеющую на глазах жену с перекошенным лицом.

— Милая, тебе плохо? — бросился он на выручку. Смочив полотенце, приложил ко лбу, похлопал по щекам.

— Стака-аан, — простонала Эля, закатывая глаза, — стакан с водоо-ой!

— Сейчас, Элечка, потерпи! — по-своему интерпретировав нечленораздельные звуки, Леша бросился к посудному шкафу. С шумом открыв дверцу, схватив первую попавшуюся чашку, он метнулся к столу, намереваясь принести жене попить.

В открытом шкафу Эля увидела одноразовый стаканчик. Силы вернулись незамедлительно. Через секунду она уже держала в руках стакан с мутной жидкостью, в которой отмокали сережки. От радостного крика жены Алексей едва не выронил тяжелый хрустальный графин.

— Что случилось?! Тебе лучше?

— Представляешь, вчера сама этот стакан убрала в шкаф, от греха подальше, а потом забыла, — Эля облегченно улыбалась.

Муж перевел дух, радуясь, что все в порядке.

Зазвонил мобильный телефон, Алексей отвечал, делая знаки жене, что в лаборатории случилось что-то непредвиденное и ему нужно срочно бежать. Через минуту за ним хлопнула входная дверь.

Эля вернулась на кухню. Она собрала со стола оставшиеся тарелки и тут заметила рядом с раковиной чайную чашку со следами помады. Эля недоумевающее повертела ее в руках, не решаясь додумать до конца

пришедшую в голову мысль. Вернувшись в прихожую, она тихо опустилась на пуфик возле телефона и набрала номер родителей. Услышав в трубке голос Вали, она не выдержала свалившихся на нее в это утро потрясений и разрыдалась.

Вытирая катящиеся слезы тыльной стороной руки, Эля вымыла посуду, за исключением «той» чашки. О том, чтобы снова ехать в офис, не было и речи. Сделав еще один звонок, на этот раз начальству, Эля отправилась в спальню, начала менять белье, яростно выдирая шерстяное верблюжье одеяло из пододеяльника, не замечая неприятных уколов статического электричества. В голове не осталось никаких мыслей, только вопрос: «Ну как же так?» Она ничего не понимала. Получается, как только она ушла, к ее мужу заявила женщина, которая пила из ее чашки. То, что это не она сама, было совершенно точно. Во-первых, цвет помады, во-вторых, утром она всегда пила кофе. Следов кофе не было, зато были отпечатки губ. Любовница! Вот и помада какого-то развратного цвета. Валентина застала ее в состоянии, близком к нервному расстройству.

— Элечка, ты уверена в том, что говоришь? — Валя с трудом представляла Алексея, за спиной жены приводящего в дом женщину, да еще с утра пораньше.

— Конечно. Соберу его вещи и выкину, когда явится с работы. Если он, конечно, там, — Эля вложила в последнюю фразу весь накопившийся в душе яд. — Мамочка, как я устала! Сейчас такое напряженное время, я думаю только о своей теме, все забываю. А ты ведь знаешь, как я ненавижу беспорядок. Вот, например, уверена, что два дня назад у меня был начатый кочан цветной капусты, а теперь я его не могу найти. Его нет в холодильнике. Остается ждать, когда где-то начнет плохо пахнуть. То ли я его случайно куда-то в шкаф положила и забыла, то ли вовсе выбросила в ведро. Не помню. То же самое было уже несколько раз с начатыми луковицами. Еще потеряла после стирки Машенькин носок. Не ищу, чтобы не нервировать себя. Сегодня утром забыла, выключила ли утюг, потом решила, что потеряла сережки, чуть разрыв сердца не случился. А тут еще муж завел интрижку.

Эля говорила, перескакивая с одного на другое, нервно ломая пальцы.

— Надо было проверить его мобильник.

— Доченька, в жизни так много интересного кроме записных книжек и карманов мужа, — мудро заметила Валентина. — Вам бы лучше объясниться, — предложила она.

— Вот еще, — дочь фыркнула, показывая, что интеллигентные люди не опустятся до выяснения отношений. — Вообще, каков фрукт! Я кручусь

между диссертацией и домом, а он даже цветы перестал поливать!

Эля осеклась и, прижав руку к груди, стала хватать ртом воздух.

— Элочка! Что с тобой? — Валя не на шутку испугалась.

Стремительно залившись краской, Эльвира выдавила:

— Я вспомнила. Перед выходом я решила быстренько сбрызнуть цветы. Воду как раз в эту чашку наливала. Это моя помада, как я могла ее не узнать? — она закрыла лицо руками. Ласково погладив дочь по голове, Валя поднялась, решив сделать ей кофе. Бросив взгляд на мать, Эля ахнула:

— Мамочка, что с твоей юбкой?!

Действительно, синяя твидовая юбка Валентины, привезенная Элей в прошлом году из Англии, была изрезана сзади. Внимательно рассмотрев повреждения, женщины пришли к выводу, что над ней поработали умелые ручки Элиных дочерей. Судя по всему, во время последнего посещения Валентины и Михаила они решили сделать аппликацию, вырезав маникюрными ножницами несколько цветочков из подола бабушкиной юбки.

— А я-то думаю, что на меня народ в автобусе косится? Пальто короткое, как раз все художества на виду были, — Валя покраснела от смущения и досады. Юбку было жалко, но и на внучек долго сердиться она не умела. — Я так торопилась, что схватила первое попавшееся в шкафу, не рассматривая.

Домой Валентина вернулась на заказанном дочерью такси, понимая, что работу придется отложить до завтра. Вечером нужно было ехать на курсы французского.

Когда она уже была практически готова выходить, в дверь позвонили.

— Наталья, ты? — Валентина удивленно смотрела на стоявшую на пороге подругу.

— Решила за тобой заехать. Я сегодня, похоже, немного простудилась, с работы пораньше ушла.

— А что ты сразу на курсы не поехала? Тебе же крюк пришлось сделать.

Вместо ответа Наталья сняла пальто и стянула водолазку, повернувшись к Вале спиной:

— Будь другом, помоги приклеить пластырь. Купила в аптеке перцовый, чтобы простуду лечить, но, сколько ни терлась спиной о косяк, расправить его не получается! Я и так, и этак. Решила к тебе заехать за помощью.

ГЛАВА 10

Светлана проснулась в пустой квартире. Николай работал, Илья уехал в университет на очередную пересдачу. Лениво прошлепав из спальни в гостиную, Светлана включила телевизор, мимоходом смахнула пыль со «стенки» шоколадного цвета. Финансы позволяли купить что-нибудь другое, но то, чем были заполнены магазины, поражало воображение либо некачественным исполнением, либо заоблачной ценой. Ни Николай, ни Светлана не были готовы распрощаться с изделием Сыктывкарского мебельного завода, которое удалось купить со склада в последние годы тотального дефицита. Такой же долгожительницей оказалась приобретенная по благу румынская мягкая мебель «Палермо». Света вспомнила, как грузчики, матерясь, тащили два дивана и кресло на девятый этаж по лестнице, поскольку в пассажирский лифт они не вошли, а грузового в доме никогда не было.

Мысли о еде привели Светлану на кухню. Ее взгляд случайно зацепился за висевший на стене календарь. Суббота была отмечена надписью «фитнес», сделанной красным фломастером. Забыв про завтрак, она бросилась к платяному шкафу. Молниеносно проанализировав его содержимое, Светлана выудила оттуда более-менее подходящую одежду. Вспомнив слова Ларисы о недопустимом состоянии гардероба, она раздраженно передернула плечами. Замечание подруги ее задело, хотя она не желала себе в этом признаться. Вечно Лариса преувеличивает. Вещи в большинстве своем выглядят вполне пристойно. Да, не писк моды, зато смотрится нарядно. Яркие цвета, Света была в этом уверена, делали ее моложе. Какой смысл натягивать на себя кошмарный серый балахон? Ни радости, ни разнообразия после набившего оскомину белого халата.

Как же она могла забыть про фитнес?! Ничего, краситься нет смысла, причесаться успела. Жаль, конечно, что нет подходящего костюма, но можно купить позже, когда будут видны первые результаты занятий.

Лариса рассказывала, что понадобится как минимум три месяца тренировок. Светлана зажмурилась, представляя час икс — превращение лягушки в самом расцвете лет в Василису Прекрасную. В крайнем случае, Премудрую. До майских как раз успеваем.

В спортивном клубе Лариса выбрала для Светланы подходящий, по ее мнению, курс и, уладив все формальности, предложила:

— Сходи одна, так даже лучше. Сможешь сама присмотреться,

подходит тебе или нет. Для меня эта тренировка слишком легкая по нагрузке. А я пока на тренажерах побегаю.

Лариса скрылась за поворотом, ободряюще взмахнув рукой.

«Силовая тренировка с элементами степа», — прочитала Светлана в расписании. Не ожидая подвоха, переделась в раздевалке. Когда она подошла к нужному помещению, ее воодушевление несколько померкло. Стеклозанные двери зала позволяли лицезреть стайку юных дев, разогревающих перед тренировкой безупречные тела, затянутые в спортивные костюмы самых радужных оттенков. Они то вертели головой, то сосредоточенно подпрыгивали, словом, разминали бицепсы, трицепсы и другие «-псы». Когда вперед вышла красотка-тренер, рядом с которой Джейн Фонда выглядела бы жалкой любительницей, Светлана с восхищением залюбовалась стройной фигурой, представив, что у нее тоже осиная талия и идеальные ножки мирового стандарта.

Внутренний голос врача-кардиолога вернул ее к действительности, подсказав, что гонка за молодыми принесет вред здоровью. Все-таки возраст и отсутствие регулярных нагрузок могли сыграть злую шутку, если начать тренировки слишком рьяно. Света на минуту задумалась, пытаясь найти компромисс между желанием похудеть и нежеланием слишком для этого напрягаться. Оглядевшись, не вернулась ли случайно Лариса, новоиспеченная спортсменка рванула на занятие йоги, перенесенное в маленький зал по соседству. Об этом замечательном факте извещало объявление, приклеенное к косяку двери кусочком липкой ленты.

— Умно придумано, — промурлыкала себе под нос Светлана, в голове которой безнадежно перемешались основы ушу, йоги и производственной гимнастики. — Приятное занятие для пенсионеров. Каждый второй китаец, перешагнувший столетний рубеж, стоит себе в парке и ручками плавно разводит, медленно приседает, тренируется на глазах общественности. Ни тебе прыганий-скаканий, как в аэробике, ни мышечных извращений, как на тренажерах.

Открыв соседнюю дверь, Светлана возликовала. Молодых и стройных яблонь не наблюдалось. Женщины находились в самом соку, переливающимся у некоторых через край в районе талии. Градус настроения повысился еще на пару черточек. Приятно осознавать, что не одна ты предана душой и телом наипервейшему другу женщины — холодильнику.

— Здравствуйте, — громко сказала Светлана и подошла к дамам, стоящим около штабеля ковриков в ожидании инструктора. Ей приветливо ответили.

Тренировка началась. Поначалу они растягивали, разогревали группы мышц, учились правильно дышать. Было скучно. Лежавшей на коврик Светланой овладела дремота.

«Спать на коврике за деньги я могла бы и дома», — было последним радужным впечатлением от занятия. Начались позы.

«Кобра». Лежа на животе лицом в пол, нужно было попытаться приподнять верхнюю часть тела, но не в позе черепахи, как будто поедательница одуванчиков одну лишь мордочку из домика высунула, а именно торс с прилегающим бюстом. Присутствующие женщины возлежали на нем, как на воздушной подушке, убежденные, что, откидывая голову назад, они приподнимаются целиком без остатка.

Поза «Крокодил» была легка и удобна. Лежа на спине, Света рассматривала потолок, делая дыхательную гимнастику по методике йогов. На счет «три» пришлось перекинуть ногу в сторону через себя и опустить ее рядом с соседом, причем, как сказал тощий инструктор, «пасть крокодила» должна быть открыта не на уровне колена, а хотя бы бедра. Светланин крокодил продемонстрировал вывих челюсти.

В позе «Свечки-березки» ей вспомнилось заунывное «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина, головой склоняясь до самого тына». Начинаящие йоги склонили только головы, так как оторвать тын от земли удалось лишь тренеру. Остальных притягивало к земле бескомпромиссным всемирным законом. Кое-кому с третьей попытки удалось приподнять ствол «дерева», но он раскачивался в разные стороны, как мачта корабля во время шторма. Казалось, еще минута — и она завалится или вправо, или влево, но точно навсегда. Светлана даже не решалась поднять то, что весило столько же, сколько остальное тело целиком вместе со спортивным костюмом и белыми носками, потому что ей казалось, что шейные позвонки просто переломятся.

Началось упражнение «Складной нож». «Интересно, — подумала Света, — как можно притянуть хранилище души четвертого размера к сосуду удовольствия, расположенному на талии толщиной с хорошую китайскую напольную вазу, если в исходном положении одно плавно переходит в другое».

Упражнение «Встреча солнца» прошло без проблем. Женщины были еще в состоянии поднять руки над головой. Прощание со светилом выглядело более плачевно. Говорить «до свидания» не хотели ни руки, ни ноги, ни тем более мозг, который отключился где-то в районе упражнения «Пальма». Российские йоги женского пола старались изо всех сил, как вещал окончательно ушедший в нирвану тренер в позе лотоса, «достичь

гармонии тела и духа».

Остальные позы Светлана делала в состоянии, приближенном к коматозному. Она, конечно, пыталась закидывать, забрасывать, отводить, поворачивать, но все силы организма приходилось концентрировать на вдохе-выдохе. Нехватка кислорода в связанном узлом теле давала себя знать, и Света боялась рухнуть в обморок прямо на синенький коврик.

Перед Ларисой, встречавшей ее у раздевалок, Светлана предстала в самом жалком виде, выдавив только:

— Ларчик, это же кошмар какой-то.

Отдышавшись после душа в фито-баре, она смогла развить свою мысль:

— В общем, я считаю, женщинам, которые решаются на какие-то тренировки, молоко бесплатно выдавать надо.

— Не преувеличивай, — улыбнулась Лариса не без некоторого оттенка превосходства, — дело привычки.

Через три четверти часа они сидели на краю бассейна и болтали ногами в голубоватой воде. Силы покинули Светлану после трех взмахов руками по водной глади. Для нее это было открытием. В молодости она довольно прилично плавала, и, начав задыхаться после кролля, а потом с трудом поднявшись по лестнице («взлететь» на бортик не удалось, хотя пару раз делала непринужденную попытку изобразить данное гимнастическое упражнение), она поняла, что курение и сидение с плюшками на диване четко обозначили маршрут: лишние килограммы, больные колени, артрит. Сколько раз она злилась и ругала мужа, намекая на его выпирающий «комочек нервов», пугая сердечными заболеваниями в надежде сподвигнуть супруга на совместные вечерние прогулки, но свою физическую форму она оценивала и как врач, и как женщина на твердую «четверку».

Ей казалось, что стоит только захотеть, и она, как двадцать лет назад, без напряжения пробежит пару-тройку километров, едва касаясь земли. Желание бросить курить было, но сопутствующих процессу обстоятельств как-то все не складывалось. Светлана уже и книжку А. Карра проштудировала, и иглоукалывание пробовала, и гипноз, но, как только она видела сигарету у прохожего или чувствовала запах дыма, мозг радостно мурлыкал, что это та самая палочка, дающая наслаждение и покой. Ругая себя, она доставала пачку, испытывая двоякое чувство: с одной стороны — блаженство, а с другой — разочарование.

Сегодняшнее посещение спортивного центра расстроило ее. Она, конечно, понимала — молодость преходяща, но, глядя на вечно молодых

звезд экрана, а также на подругу, лелеяла мысль, что если появится стимул, то за месяц, максимум два она вернет свою пусть не девичью, но фигуру молодой женщины. Учащенное сердцебиение, одышка и круги перед глазами говорили, что она глубоко заблуждается.

— Все, — сказала Светлана, пытаюсь дышать ровно, — с сегодняшнего дня курение — враг номер один. Посмотри, тетки на второй дорожке лет на пятнадцать меня старше, а плавают, как дельфины, туда-сюда, туда-сюда, я же чуть не утонула, пытаюсь догresti до бортика.

— Я тебе давно говорила, но ты упрячилась, что как врач знаешь лучше, и что одна-две сигареты вредят твоей красоте, но никак не твоей физической форме. Реальность же говорит об обратном, силы оставляют это прекрасное тело, созданное для любви и ласки. Кстати, как там у твоего зубодера дела?

— Ларис, посмотри, — перебила ее подруга, хватая за руку.

— Куда? — Лариса pokrutila головой, пытаюсь понять, куда именно смотрит Света.

— В шезлонгах.

На противоположной стороне, там, где из огромных окон открывался вид на по-весеннему радостно освещенную солнцем лесопарковую зону, на возвышении располагался уголок отдыха, милое местечко с топчанами и раскладными креслами-шезлонгами. Великолепная панорама, подогретый пол и близкое расположение кафетерия соответствовали представлению о достойной релаксации после выходного, посвященного спортивным достижениям.

— Кого я вижу — маман Натальи! Да не одна, а с кавалером.

— Ничего себе, вот это я понимаю, а я замороженным минтаем на волнах качалась.

— Не-е-е, у тебя просто такой шляпы нет.

— Ага, и тряпочки вокруг бедер.

— Парео, — осуждающе поправила Лариса. — Светик, стыдно так отставать от жизни. Ты же не престарелая редиска, хотя, глядя на Натальину родительницу, я начинаю подозревать, что корнеплоды в наше время цветут и пахнут, а домашние фикусы — чахнут.

— Я, может, к восьмидесяти тоже распушусь, как японская сакура.

— Если тля и колорадский жук не сожрут тебя до урожая.

Марианна Сергеевна, меццо-сопрано, бывшая оперная прима, пережившая четырех мужей, возлежала в шезлонге в огромной шляпе. Очки с затемненными стеклами скрывали половину лица. Именно головной убор помог распознать в шикарной даме мать Натальи. Шляпу, как и парео,

Лариса привезла из Египта для Натальи, под заказ, но маман перехватила.

Блистательная исполнительница партии Амнерис понимала, что скрыть возраст на лице помогут килограммы на талии. Массивность фигуры молодила ее, крича о хорошем аппетите и бокале красного вина перед обедом. В жизни женщины однажды наступает момент, когда худоба в стиле «божий одуванчик» служит показателем болезни и воспринимается окружающими как превращение в старушку. В то же время дамы в теле напоминают пышнотелых див с картин великого Кустодиева и жалости отнюдь не вызывают.

— Ты только посмотри! Вылитая Монсеррат Кабалье. Звезда, королева, как она берет бокал! Кстати, а что кавалер предлагает выпить нашей примадонне? — Света заерзала на насиженном месте.

— Думаю, безалкогольно-витаминное.

— Мне тоже надо, я бросаю курить, впечатлилась примером маман и решила зарядиться витаминами.

— Давай сделаем так: я пойду в бар и принесу напитки, а ты передислоцируешься к столикам, — предложила Лариса, и, заметив грустный взгляд, добавила: — Ты тоже хочешь коктейль в шезлонг?

— Да, но я понимаю, что лучшие места на сцене уже заняты, и нам остается галерка в баре.

Светлана подобрала полотенце, обернулась им, как мумия Тутанхамона. Лариса наоборот, выставив на всеобщее обозрение красивые ноги, продефилировала в сторону кафе. Светлана с завистью смотрела ей вслед.

Бармен широко улыбнулся, увидев постоянную посетительницу. Они расцеловались через стойку, как старые знакомые. Работники спортивных секций уважают людей, почтительно относящихся как к своему телу, так и к здоровью. Он предложил коктейль «Золотая пена», поведал о новом специалисте по хот-стоун массажу.

Так сложилось, что секретарей для своего офиса Лариса находила в данном заведении. Она предпочитала молодых людей секретаршам, считая, что коммерческие тайны у мужской части трудящихся за три рубля на заколки не выкупишь, слишком им дорого их место и зарплата. В спортивном центре часто подрабатывали студенты, любители попотеть с железом в свободное от учебы время. Именно здесь она нашла своего первого, а теперь и нынешнего секретаря. Благодарные как за возможность подработать в солидной фирме, так и за хорошие премиальные, за строгую, но всегда корректную начальницу, они были готовы разорвать любого на лоскутный коврик. В холдинге посмеивались над Ларисиной блажью, но

признавали, что мальчики вышколены, говорят на иностранных языках и все как один шикарно выглядят в костюмах. На презентациях и прочих мероприятиях, участие в которых было обязательно, Лариса появлялась в сопровождении секретаря, таким образом, надобность в эскорт-услугах, к которым часто прибегали брехоносители, в ее ситуации отпадала.

Лариса с двумя стаканами подошла к столику.

— Слушай, Лариска, как же классно ты выглядишь, — печально сказала Света. Усевшись на стул, она осмелилась показать лишь плечи и верхнюю часть купальника.

— Свет, прекрати. Сравнивая себя с другими и завидуя, ты признаешь, что они являются победителями, а ты — проигравшим. Ты же знаешь, что я регулярно встаю в шесть утра и бегаю по часу, плюс фитнес, бассейн и теннис.

— Не, я так не смогу.

— И есть надо поменьше.

— Может, как-нибудь так? — с надеждой протянула Светлана.

— Нет, «как-нибудь так» не бывает, — передразнила Лариса.

Светлана грустно отвернулась и неожиданно пришла в крайне возбужденное состояние.

— Ух ты, только посмотри на Марианну Сергеевну и кавалера! Он ей ручку целует, шепчутся, прям два голубка, — схватив стакан, она отпила сразу половину.

— Ум, — подняла она палец вверх, забыв о парочке. — Здесь действительно умеют удивить клиента. Как называется?

— «Олимпийский резерв», — воодушевленно ответила Лариса. Ей было приятно, что подруга оценила старания бармена, тем самым признав высокий класс посещаемого заведения.

— И говоришь, ни капли алкоголя?

— Естественно, зачем лишние калории. Сок апельсиновый и манговый по две части, ананасовый, лимонный и гренадин — по одной.

— Надо будет взять на заметку, наверное, я с коктейлей пухну.

— Светка, ты булки прекрати есть.

— Какие булки? Да я питаюсь, как птичка, — возмутилась та. — По-твоему, надо рот закрыть на замок. А откуда энергию брать?

— От солнца! — ответила Лариса и решила вернуться к волнующему вопросу, глазами показывая сладкую парочку. — Интересно, Наталья знает?

— Хороший вопрос. Как думаешь, у них это давно? — спросила Светлана, пытаясь растянуть удовольствие от коктейля.

— По внешним признакам — месяц, максимум два.

В этот момент Марианна Сергеевна поднялась с шезлонга. Мужчина предложил даме руку, и они направились напрямик в сторону бара.

Подруги молниеносно нырнули под стол, изображая поиски того, что могло выпасть из полотенца. Маневр был напрасным, так как маман по закрепившейся на уровне рефлексов привычке шла, как по сцене, распрямив плечи и высоко подняв голову, предлагая окружающим восхищаться и умирать у ее ног. Сидя под столом, подруги смогли вблизи рассмотреть мощные икры «кавалера», покрытые густым волосом. Немолодой мужчина, потряхивая волосами, собранными в длинный богемный хвостик на затылке, с достоинством эскортировал закатившуюся звезду провинциальной оперы. На вид лет пятидесяти пяти-шестидесяти, высокий, подтянутый, на фоне величавой примадонны он выглядел мелковато, несколько теряясь в ее тени. Вместе они напоминали сухогруз и буксир, пробирающиеся к пристани.

— Куда ведет сия дорога? — тихо поинтересовалась Светлана.

— В сауну.

— Я тебе как врач говорю, в ее возрасте в парилку нельзя.

— Знаешь, в ее возрасте уже все можно, — скривилась Лариса и предложила: — Вылезаем.

— А там как, голышом или в одежде? — продолжила Светлана мысль, не дававшую ей покоя.

— Кому как нравится, — подмигнула подруга.

— Блин, — Светлана, стоящая в позе французской женщины, собирающей помидоры, задела головой ножку стола.

— Успокойся, шучу я, все прилично и пристойно, — фыркнула довольная собой Лариса. — Так и будем на полу беседовать?

Они выбрались из-под стола. Народу в баре было мало. Любители поплавать с утречка предпочитали на глупости не отвлекаться, а завсегда и появлялись ближе к вечеру.

— А вдруг у него меркантильные интересы? — неожиданно разволновалась Светлана, вспомнив взгляд мужчины, полный интереса к персоне Марианны Сергеевны.

— Свет, хоть раз откажи себе в удовольствии видеть монументальное в обычной встрече мужчины и женщины. Лучше скажи, как у вас с Николаем, помирились?

Подруги направились в раздевалку.

— Он даже не заметил, в котором часу я от тебя пришла. Мне иногда кажется, исчезни я на пару дней, мои домочадцы обнаружат пропажу, когда чистые рубашки закончатся или холодильник опустеет. Я прекрасно

понимаю, что любовь проходит, но я ведь женщина, и мне хочется любви и ласки от близких. Думаешь, мать Натальи от хорошей жизни по бассейнам да с кавалерами? Одиноко ей, — устало вздохнула Светлана.

— Сомневаюсь. Это у тебя кроме работы ни одного увлечения. И твоя депрессия в последнее время — страх выхода на пенсию. Ты боишься остаться один на один с собой в пустой квартире. При этом я тебя с трудом из дома вытаскиваю. Работа и решение бытовых вопросов твоих мужиков — все твои занятия. Валентина с внуками сидит, подрабатывает и всегда готова в театр, кино, просто прогуляться. Наталья, только крикни «распродажа», готова, как пионер. А тебя я неделю уговариваю по магазинам пройтись. Половина твоего гардероба висит в шкафу и ждет, когда моль проголодается и сожрет юбочки и кофточка, бывшие свидетелями войны с Наполеоном. Я в гробу буду с маникюром, а ты даже макияж не каждый день делаешь. Что тебя сегодня остановило?

— Так ведь спорт, — пробурчала Светлана, переодеваясь.

— Что сегодня тебя порадовало? Что разбудило положительные эмоции? Что взволновало в последнее время? — продолжала Лариса. — Встрепенись, в конце концов, — она замерла на полуслове, взглядом голодного василиска уставившись на стоящую в нижнем белье Светлану. — Что это? — сдавленным голосом спросила она.

— Ты о чем? — озираясь, Светлана искала причину ступора подруги. Кроме них в раздевалке никого не было.

— Я о грибочке на твоём нижнем белье.

— А-а-а-а, — хохотнула Светлана, — дырочка была, я решила аппликацию сделать. Симпатичненько, правда?

— А пижама у тебя, я так понимаю, с мишками и зайчиками, — Лариса закрыла лицо руками. — Господи, дай мне силы! А потом удивляемся, что у мужиков один хоккей на уме. Нижнее белье — твоя вторая кожа, то, о чем знаешь только ты, но догадываются многие. Обладает сокровенным языком, понятным лишь двоим. Подчеркивает, обманывает, манит. Для мужчин женское белье, брошенное на кровати, как экзотический зверь, живущий своей жизнью. Оно должно быть дорогим и красивым, а главное, оно должно быть новым, как одноразовый шприц. Единственная часть гардероба, которую позволительно стирать руками, — разглагольствовала Лариса, пряча кружевные трусики от постороннего взгляда под длинное белое шерстяное платье.

— Шикарная вещь потеряется в моих габаритах, — сопротивлялась Светлана, — да и фигуру простое белье лучше корректирует.

— В особенности данный продукт парашютной промышленности,

выпущенный по программе конверсии, — сделала круглые глаза Лариса, приводя в порядок прическу, — а подосиновик метка для снайпера.

— Лариска, отстань. Это креатив — ручная работа. Мне действительно жалко выбрасывать уйму денег за две тряпочки и две тесемочки. У меня обычный советский муж, привыкший к изделиям «Большевички». Желание поражать его воображение кружевными панталонами и бюстгалтерами на меху осталось в прошлой жизни. Между прочим, данный комплектик мы с Валюшкой покупали, — наябедничала Светлана.

— Что ж, это еще раз доказывает: полутона в нашем возрасте противопоказаны.

— В смысле?

— Удовлетворять нужно чувство вкуса, а не голода. Одеваться под девизом «кто знает, где ты окажешься вечером». Рыба гниет с головы, а превращение женщины в бабульку начинается с кальсон с начесом. Представляешь — мы в Париже. Ты или Валентина падаете в обморок под впечатлением от Моны Лизы. Приезжает «скорая», случайно задирается подол, и тебя роняют с носилок при одном виде подосиновика в столице моды, Мекке чулок и подвязок. И Версаль будешь осматривать в гипсе.

Лариса взглянула на часы.

— Сегодня мы уже не успеваем, я обещала Олегу пойти с ним на открытие нового ресторана, владелец — его бывший сокурсник. А на следующей неделе готовь купюры.

Светлана облегченно вздохнула.

На следующий день Свету разбудил звонок. Постанывая, она с трудом добрела до разрывающегося телефона.

— А, привет, Ларчик. Как дела? Я еле двигаюсь! Такое впечатление, что я спала в работающей бетономешалке. Могу шевелить только глазами и чуть-чуть пальцами.

Пожаловавшись на жизнь, Света положила трубку с четкой уверенностью, что лишние килограммы и легкие выпуклости можно маскировать просторной одеждой.

ГЛАВА 11

Тщательно изучив руководство волшебника, Наталья купила на ближайшем мини-рынке пару дешевых носков неизвестного производства, а вечером исполнила ритуал. К счастью, на дворе стоял февраль, темнело рано, поэтому ее упражнения с носками прошли мимо внимательных соседских глаз.

На следующий день в очереди в кассу с ней пытался познакомиться невзрачно одетый мужчина. Ботинки давно не чищены, портфель с наполовину оторванной ручкой, а туда же:

— Вам не тяжело будет все это нести? Давайте я помогу.

Наталья, закупавшая продукты для мамы на неделю, моментально оценила незнакомца. Явно не герой ее романа.

— Спасибо, я донесу.

Взяв такси, она погрузила покупки и всю дорогу старательно игнорировала натужные попытки водителя завязать с ней игривую беседу. Машина попала старая, раздолбанная, гроыхающая на поворотах. На задних сиденьях ремни безопасности начисто отсутствовали. «Наверное, «скорая помощь» срезала», — мрачно подумала Наталья, борясь с иррациональным желанием перекреститься на приклеенный к облезлому кокпиту «иконостас». Вместо ремня на переднем пассажирском сиденье в крепление была продернута широкая черная веревка, призванная заменить утраченное, но не дотягивавшая до искомого ни по утилитарным, ни по декоративным свойствам. Усевшаяся на заднее сиденье Наталья провалилась почти до земли, чувствуя каждую колдобину затянутой в модные брючки частью тела. Под бубнеж водителя она напряженно думала, что же в ней изменилось в худшую сторону, что такие типы стали считать возможным знакомством с ней.

В течение двух последующих дней количество претендентов, похожих на предыдущих как близнецы-братья, достигло шести человек. Наталья задумалась. Неужели это связано с ее испытаниями руководства волшебников? Ерунда какая-то. Умом она не надеялась не только на быстрый, но вообще на какой бы то ни было эффект, но в глубине души маленькая девочка радостно хлопала в ладоши в ожидании чуда.

Обещая себе, что «малышка» празднует победу в последний-распоследний раз, Наталья зашла после работы в недавно открывшийся магазин «Рибок».

— Здравствуйте! Чем я могу вам помочь? — пестревший фирменными логотипами юноша ослепительно улыбался.

— Мне... — Наталья на секунду оробела, — мне носки. Мужские. Размер? Размер побольше!

Носки оказались дорогие и белые, как рафинад.

Через пару дней Наталья возвращалась с работы непривычно рано. Назначенная на вечер встреча была отменена. Клиент добился прощения супруги-рогоносицы, и в настоящий момент скорее всего разрывался между горечью потери кругленькой суммы, ушедшей на покупку бриллиантового гарнитура, и радостью, что не придется делить нажитое в связи с намечавшимся разводом.

Фонари еще не зажглись, но небо уже налилось вечерней синевой, разбавленной яркой полосой заката. Помахивая портфелем, она шла мимо замершего за оградой дендрария. Можно было никуда не торопиться, погода располагала к приятной прогулке и размышлениям о смысле жизни. Впрочем, Наталья предпочитала помечтать, чем предаваться серьезным раздумьям.

Неожиданно из ворот парка, мимо которых она проходила, вылетел мужчина, едва не сбивший ее с ног.

— Ой, что же вы! — Наталья отшатнулась, пытаясь сохранить равновесие.

— Извините, я не хотел, — мужчина слегка смутился, но, быстро справившись с собой, принялся с интересом разглядывать собеседницу. — Как раз пульс считал, отвлекся.

— Ничего, бывает.

Обветренное лицо и поджарая фигура выдавали в нем любителя бега.

— Вы часто здесь одна гуляете?

Наталья закашлялась, пытаясь выиграть время.

— А я, знаете ли, каждый вечер здесь тренируюсь, — незнакомец продолжал бег на месте, пояснив: — Нельзя останавливаться, чтобы не переохладиться.

Приняв робкую улыбку Натальи за приглашение к дальнейшей беседе, мужчина сбавил темп и мелко трусил рядом. Спортивный костюм, легкая куртка, кроссовки марки «Пума» и... белые носки! Марку Наталья определить затруднялась, но заметила, что были они безупречно-белоснежные. Совсем как те, которыми она размахивала вчера вечером. Сердце сделало паузу, а Наталье начало казаться, что все это происходит не с ней.

— Ежедневная пробежка — залог здоровья, — бодрый голос вернул ее

к действительности.

— Да? Замечательно, — невпопад брякнула окончательно сбитая с толку любительница чудес.

Новый знакомый оказался чрезвычайно разговорчивым человеком. За неполные пятнадцать минут Наталья узнала, что он тренер по теннису, вдовец, дети выросли, бег — залог здоровья, физическая культура — основа здоровья нации. Другие темы, очевидно, были вне его круга интересов.

Утомленная бесконечной лекцией, выразительно посматривая на часы, Наталья пробормотала, что ей «уже пора», «дать телефончик» отказалась. Вернувшись домой и перелопатив пособие волшебников в сотый раз, задумалась. Что-то определенно происходило.

ГЛАВА 12

После тяжелого рабочего дня Лариса уютно устроилась в кресле с книгой и чашкой чая. Работы было, как всегда, много, времени для отдыха почти не оставалось. Она наслаждалась минутами одиночества. Часы показывали уже десять вечера, завтра надо было снова рано вставать, бросаться в вечный бой с веселым названием «трудовая деятельность». Лариса подумала, что жизнь была бы гораздо хуже, если бы не было этих счастливых минут под теплым пледом с хорошим романом в руках. «Кайф, — думала она, — это когда ты полумертвый приполз с работы и не надо готовить и обслуживать домашних. Не надо выслушивать проблемы и новости мужа, при этом что-то бормотать в ответ, пытаясь найти нужные слова. Затем вместе просматривать последние известия и волноваться, не беспокоит ли милого ночник, стоящий на прикроватной тумбочке».

Лариса улыбнулась, потянулась, устраиваясь поудобнее. Идиллию нарушил звонок в дверь. Выражение ее лица менялось, как калейдоскоп, улыбка сменялась удивлением, удивление — сожалением и досадой. В дверь продолжали звонить. Вскочив с дивана и бросив взгляд на часы, Лариса пошла открывать, размышляя, кто бы это мог быть. Соседи были людьми тихими и воспитанными. Подруги обычно предупреждали о приходе, но неожиданный визит мог объясняться очередной Светкиной семейной драмой, не стоившей в глазах Ларисы выеденного яйца.

Да, скорее всего, за дверью вновь окажется Светлана с ее проблемами. Если так, она ее обязательно убьет. Потом, разумеется, утешит и напоит чаем, куда деваться.

Открыв дверь, она увидела книжный шкаф. Лариса подняла брови, забыв о том, что победа над мимическими морщинками никогда не бывает окончательной. Выйдя на площадку, она обнаружила, что все пространство перед лифтом занято мебелью, рулонами ковров. Рядом с пирамидой из картонных коробок с бытовой и видеотехникой суетился Олег. Приведя в равновесие грозившую обрушением башню, он жизнерадостно улыбнулся окаменевшей от удивления Ларисе.

— Ты чего так долго не открываешь? — шепотом начал он. — Я к тебе по делу. Давай вначале вещи занесем.

— Олег, объясни, пожалуйста, что все это значит? — холодно осведомилась Лариса. — Ночь на дворе, а ты с вещами и мебелью... — закончила она фразу, провожая взглядом Олега, заносящего в прихожую

тумбочку.

— Извини, не успел предупредить, батарея в телефоне села, — пожал плечами Олег. — Жена неожиданно решила со мной развестись. Три года думала и созрела! Киви черноземная.

Лариса погрузилась. Олег был некстати, а сваленные у двери вещи еще более осложняли ситуацию.

— Лар, помоги лучше, — Олег вытер выступивший пот.

— В смысле? Нет, я носить ничего не собираюсь, но могу предложить чаю. Оставь это и заходи, — не теряя королевской осанки, Лариса направилась на кухню.

Одетая в мягкий домашний костюм цвета «увядшей розы», она хорошо выглядела, несмотря на поздний час. Автоматически проводив ее взглядом, Олег еще какое-то время повозился у порога, потом нарисовался на кухне, держа в руках голубое помойное ведро.

— Во, Лар, презент тебе, — ухмыльнулся он. — Шучу, шучу! Ой, Ларчик, ты прости, я даже поздороваться забыл и извиниться.

Он махнул рукой, направился к Ларисе и хотел поцеловать ее, но она смотрела на него с каменным выражением лица, как на собрании крупных инвесторов.

— Лар, ты чего? — такого приема бойфренд явно не ожидал.

— И что теперь? Ты можешь внятно объяснить, без сказаний и былин? — Лариса немного пришла в себя, но никак не могла взять в толк, что происходит.

— Что тут объяснять? — усевшийся было на стул Олег вскочил и подошел к окну. — Моя бывшая решила на развод подать, отсудить половину совместно нажитого, представляешь? Совместно нажитого! Не выйдет! Вот, вещи забрал из квартиры, — он развел руками. — Имущество она делить надумала! Я все вывезу, пусть докажет. Правда, не знаю теперь, куда все это девать.

— М-да, Олег, ты как китайский комсомолец, — покачала головой Лариса, разливая чай в изящные чашки, — сначала создаешь себе трудности, а потом героически их преодолеваешь.

С женой Олег расстался, когда начались их неслужебные отношения с Ларисой. Узнав, что супруг закрутил очередной роман, его жена собрала вещи и уехала жить к маме. Развода, однако, не требовала, надеясь, что блудный муж одумается и приползет просить прощения.

Олег со вздохом упал на стул.

— Что за бессовестная ба... женщина, — осекся он, поймав стальной взгляд Ларисы. — Всю жизнь просидела в библиотеке, формуляры за

конторкой заполняла и книжки дефицитные читала, а теперь решила имущество делить! Мной, между прочим, нажитое. Я горбатился как вол, а теперь, видите ли, по закону я должен ей отдать половину. Разбежалась! Все, что у нас с ней имеется, куплено на мои деньги и останется за мной. Еще и на квартиру захочет лапу наложить!

Бойфренд пригорюнился, но потом шумно отхлебнул чаю, сунул в рот крекер и снова воспрял духом:

— Зато вещей ей не видать! Я их у тебя оставляю, да?

— Как ты себе это представляешь? — подняла брови Лариса. — Нет, дорогой, так не получится. У меня квартира, а не склад.

— Ты что, сердишься, что я барахло к тебе приволок? Но пойми, мне некуда больше! Ты последний человек, у которого будут искать.

— Почему? Твоя прекрасно знает, что мы с тобой не только дебет с кредитом на работе сводим.

— Правильно, но она также знает, что никогда я не обращусь к женщине за помощью! Тем более в таком деликатном вопросе.

Это было правдой. Самолюбие у Олега стояло на первом месте.

— Лар, ты же мне рассказывала про Дарью и ее беспомощного мужа. Вдруг сбудется твоя мечта, бросит она его, дело дойдет до развода. Предложишь дочери поделить имущество поровну или все же к Наталье и ее коллегам побежишь за советом, как оставить иностранную пивку без российского хрусталя с серебром?

Лариса молчала, обдумывая ситуацию.

— Неужели приданое любимой дочери, собираемое по крупицам, должно остаться в лапах иностранного государства, чтобы через сто лет потомки империалистов поедали с коллекционного фарфора фуа-гра и эскарго? Не-е-ет, — зам по финансам картинно погрозил пальцем воображаемым «захватчиком», — ты никогда не допустила бы подобного надругательства над достоинством республики.

— Олег, прекрати паясничать и дай сосредоточиться, — перебила она веселящегося бойфренда.

Олег моментально затих, с удвоенной энергией захрустев крекерами.

— Хорошо, в чем-то ты прав, — сказала Лариса, растягивая слова. Заметив, что чайник опустел, она снова налила воду и поставила кипятить. — Валютный дождь пролился на наши с тобой головы в благодарность за трудовые подвиги. Действительно, если вспомнить, сколько времени мы с тобой рыли землю, наращивая обороты, подбирая команду. Сколько сил, дней и ночей было потрачено...

— Твоя правда, в особенности ночи... — Олег мечтательно закатил

глаза, — как мы работали... напряженно, до первых петухов, не покладая головы на подушку, обливаясь потом. Лар, а Лар?!

Олег встал и подошел к ней.

— Давай оставим мебель, в твоём подъезде опять починили кодовый замок, авось до утра не сопрут, и направим наши стопы к ложу любви и разврата, — зарычал разбушевавшийся зам, расправляя плечи и пытаясь прижать начальницу к широкой груди.

— Олег, да угомонись ты наконец, — рассердилась Лариса, но нотки раздражения вибрировали на грани заигрывания.

— Весь стимул погубила, — гордо сказал он, возвращаясь на стул, — осталась ты на сегодняшний вечер без сладкого.

— Зато с мебелью.

— Да, но мебель чужая, а десерт был бы весь твой без остатка, — обиженным голосом заключил Олег. Отодвинув корзинку с крекерами, метнулся к холодильнику и, открыв, начал внимательно изучать содержимое.

— Что ты там ищешь?

— Я же сказал, раз мы сегодня без секса, то надо его чем-нибудь заменить. А что равноценно ласкам любимой женщины? — Олег наставительно поднял палец. — Правильно! Хороший кусок мяса или ма-а-аленькая котлетка, плавающая в большой тарелке спагетти с соусом.

— Вылезай из холодильника. Мог бы сразу сказать, что голодный, а не трескать печеньё.

Лариса достала сотейник с тушеным мясом и овощами и поставила на конфорку рядом с закипающим чайником.

— Я сразу признался, но надеялся, что мой голод утолит твоя женская ласка, — он схватил Ларису и усадил к себе на колени, она не сопротивлялась. — Но встреча на Эльбе оказалась далека от радушного приема. Я понял, что меня не ждали. Признавайся, женщина, ты прячешь в спальне мужчину?

Олег обнял ее.

— Ты меня любишь?

— Глупый вопрос, — она поцеловала его.

— Прости, надо было позвонить. Уже хотел уходить, как Ленка притащилась в офис с повесткой. И завела шарманку, что она вся такая порядочная, но пришло время подумать о будущем, оставаться в подвешенном состоянии ей надоело. И все это тихим, спокойным голосом в позе монашки со сложенными на груди руками, сидя на краешке стула. Смотрел на нее, и поражался, как она смогла меня в ЗАГС затащить — то

ли блондинка, то ли дура крашенная. Совсем я балбес был, женился на последнем курсе.

На плите, выплевывая мелкие брызги кипятка, засвистел чайник. Мясо с овощами уже давно тихо шкворчало под стеклянной крышкой.

— Ты сиди, я сам, — Олег усадил Ларису на стул и начал греметь посудой, помешивая деревянной лопаткой в сотейнике.

— Тебе чай? — Он прекрасно знал, что есть поздно вечером Лариса не будет даже по законам гостеприимства.

— Да, завари свежий, пожалуйста, «Дольче Вита».

Олег начал перекидывать еду на тарелку, пытаясь решить, съесть все или оставить пару ложек на дне емкости. Здравый смысл победил и Олег вытряхнул остатки из сотейника. Аппетитный запах щекотал ноздри.

— Еще про детей тарахтела, к чему бы это?

— К алиментам, родной, — пожалала плечами Лариса.

Олег уронил лопатку и замер. Лариса сидела с невозмутимым выражением на лице.

— У меня есть замечательный друг — гинеколог. Ни одна женщина перед ним устоять не может...

— Правильно, там стоять не положено.

— Лар, я не понял, ты на чьей стороне?

Заварив чай, поставил дымящуюся чашку перед Ларисой. Подумав, себе тоже налил чаю в большую кружку с изображением танцующей коровы.

— Смени свою мужланскую пластинку и постарайся в моем присутствии подбирать слова, говоря о женщине, и все мои стороны будут в твоём распоряжении.

Он сел напротив и набросился на еду, прихлебывая обжигающий чай.

— И готовила она плохо.

Лариса знала жену Олега. Целых полгода она ходила за ней и умоляла повлиять на мужа, заводившего краткосрочные романы. Тогда они еще были только начальница и подчиненный.

Лариса никогда не понимала, зачем искать мужика, который тебя бросил? Чтобы спросить почему?! Или принимать обратно мужа, у которого случился внезапный перерыв между интрижками. Что за постоянные унижения? Позже Елена выбрала выжидательную позицию, надеясь, что кобель нагуляется, но Олега страшно устраивало состояние женатого по паспорту и свободного по жизни мужчины. И вот на тебе... решила подать на развод.

— Ты бы видела! Пальтишко до пят, шарф намотан, как будто на улице

минус двадцать, сапожки «в последний путь».

— Она выглядела на свою зарплату.

— Точно, а теперь решила выглядеть на мою. Молодец, книжек начиталась, сериалов насмотрелась. Слушай, а нам крокодильчик в бассейн на полставки не нужен? А то аквариум с пираньями клиентам уже приелся.

— Успокойся, я с Натальей переговорю. Добро твое, так и быть, постерегу, но... — остановила она Олега, оторвавшегося от тарелки, как только речь зашла о трудом нажитом имуществе, — только до следующего вторника. Возьмешь пару дней за свой счет, я дам ключ, отвезешь на дачу, в пристройку и на чердак. Костя туда почти не заглядывает, а на следующей неделе по делам в Москву собирался.

Услышав имя бывшего мужа, Олег поморщился, но благоразумно промолчал. Он никак не мог взять в толк, как можно развестись и сохранить хорошие отношения, позволяющие пользоваться бывшим совместным имуществом.

— Ты наелся?

Она смотрела как Олег подбирает остатки подливки кусочком хлеба.

— Мне нужно много есть, я еще расту, — сказал он жалобно, видя, что Лариса за ним наблюдает.

— Слушай, а давай ты татуировку сделаешь.

— Зачем?

— Скучно, можно будет порассматривать.

— Так сделай себе.

— Я хочу не на себе, а на тебе. Знаешь, как давно хочу?

— Сколько?

— Почти год.

— Так ведь больно! — возмутился Олег.

— Ты же мужчина. Неужели трудно сделать маленького дракончика или скелетик и надпись «Никогда тебя не забуду»? Два-три часа и готово. Я твои ковры стерегу.

— Но я не хочу, — занял бойфренд.

— Вот именно, опять «я», «я», «я»! Эгоист ты, Олег. У всех есть, а у тебя нет.

— Так и у тебя нет.

— Потому что это больно.

— А мне нет?!

— Ты можешь потерпеть. Мы, женщины, терпим, когда рожаем, а ты не можешь какое-то тату?

— А инфекция?

— Тату не хочешь, инфекции не хочешь, а что ты вообще хочешь?

— Подойди к вопросу вплотную, на научной основе! К примеру, как известно, влияние женщины в темное время суток на мужчин значительно возрастает!

— Пойдем в комнату коньяк пить с кофе и мороженым, — сменила тему Лариса вместе с интонацией голоса.

— Да, — легко согласился Олег, — ты как всегда права: сытый желудок убивает страсть. Рюмочка-другая с кофеином разбудят во мне силы Минотавра, — разглагольствовал Олег, направляясь в комнату. Из бара, замаскированного под подставку для цветов, извлек пузатую темную бутылку и смерил взглядом содержимое.

Лариса осталась на кухне варить кофе, который Олег мог пить в любое время суток лошадиными дозами. Положив изрядную порцию ванильного мороженого в чашку с дымящимся напитком и вылив сверху рюмку коньяка, она накрыла сервировочный столик. Именно врожденное чувство прекрасного, присущее Ларисе, все и всегда делавшей красиво, аристократично, как считал Олег, и отвернули его от простеньких молоденьких козочек, которые облизывали «брошенного женой» симпатичного, хорошо обеспеченного. Начальница была «штучный товар», женщина до ногтя на мизинце, понимающая, что главная цель женской одежды — украшать, а не завлекать. Таких уже не выпускали. Вне офиса она была мягкая, покладистая, пушистая. Как она говорила, в женщине должно быть только одно твердое, железобетонное — ее характер. Внешне она должна быть не амазонкой с выжженной грудью, не дикой тигрицей, а домашней кошкой. Мужчин поражала ее женственность, она всегда была в юбках, чулках и туфлях на каблуках, что страшно злило претендентов помоложе, которые брали напором и нахрапом. Вулкан бушевал у Ларисы внутри, о чем по внешним проявлениям можно было только догадываться. Таких женщин Олег еще не встречал. Аристократка. Королева. Любая вещь в доме была не просто вещью, а маленьким произведением искусства, рассказывавшим свою историю и историю своей хозяйки.

Себе она налила коньяк в пузатую рюмку. Удобно устроившись на диване, они завели разговор о работе. Лариса традиционно посетовала, что «хозяин» в очередной раз предлагал ей завизировать сомнительную сделку. Пока она могла себе позволить не соглашаться: работа банка организована благодаря ее усилиям, убрать ее с этой должности можно только с риском нарушить прохождение финансовых потоков всего холдинга.

— Что ты, — обнял ее за плечи Олег, — банк практически на тебе держится. Ну, может, чуть-чуть на мне, — игриво подмигнул он Ларисе. —

Холдингу без своего банка никуда. Жаль, что «шеф» наш только в производстве разбирается.

Закруглив разговор о расстановке сил в холдинге, она сообщила:

— Я с девчонками собираюсь в Париж.

— Почему не со мной?

— Потому что мне требуется отдых, — сказала, попивая коньяк, Лариса. — Я вижу тебя чаще, чем собственного мужа в медовый месяц.

— Тебя это огорчает?

— Нет, но мое жизненное пространство слишком сузилось, — обвела она комнату глазами, показывая на аккуратно сложенные в углу вещи. Олег успел протащить в квартиру две прикроватные тумбочки орехового дерева. Рядом с ними высились штабеля коробок. Пароварка, аэрогриль, электробутербродница... Олег был помешан на кухонных гаджетах.

— Девочка моя, одна неделя без тебя...

— Олег, давай спать, утром на работу, — она поднялась с дивана в поисках тапочек. — Куда я их подевала?

— На ногах под колготками смотрела?

Лариса бросила на Олега уничтожающий взгляд и босиком направилась в ванную.

Тот начал убирать посуду. Страсти к чистоте и порядку он не испытывал, но по собственному опыту знал, что Лариса, не задумываясь, без единого слова встанет с кровати и пойдет убирать кухню, а ожидать желанную женщину намного сложнее и мучительнее, чем ополоснуть две чашки.

Лариса недоумевала, как могло случиться, что Олег все-таки к ней обратился. Таким нервным и суетливым она его никогда не видела. Бойфренд-заместитель неприятно удивил ее. Как она могла все эти годы не замечать таких очевидных черт его натуры? Вероятно, глаза ей застилал не только туман любовной привязанности, но и обстоятельства, которые свели их в одной постели. Тогда, три года назад, схоронив мать, Лариса была уязвима как никогда. Подруги, разумеется, разделили ее боль, но, купившись на вечную маску железной женщины, не почувствовали, что их участия было недостаточно. Бывший муж, никогда не отказывавший в поддержке, как раз в это время куда-то исчез, не отвечая на звонки. Ларису мучила бессонница, время до рассвета тянулось неимоверно долго, она приходила на работу измотанная до предела, но с виду все такая же непробиваемая, укрытая железобетонным панцирем шефины, руководителя большого коллектива. Никто ничего не заметил. Заметил только Олег. Не остался равнодушным, понял, поддержал, утешил, как умел. Лариса горько

усмехнулась, удивляясь, как легко она попала на крючок собственной слабости.

ГЛАВА 13

После ссоры из-за хоккея Светлана ушла в себя, она думала о разводе. Внутренне и внешне она была спокойна, поскольку решение было принято. Его реализация была вопросом времени. Встревоженный странным поведением жены, которая редко дулась по нескольку дней, Николай решился на экстраординарный поступок: убедившись, что сын вечером занят, сам приготовил ужин.

— Нет, — заявил он привычно направляющейся на кухню Светлане, — сегодня моя очередь.

«Забавно, — подумала Света, — почему моя очередь длилась так долго? Ну, хорошо, пусть приготовит. Правда, кухню после от пола до потолка отмывать придется, но нельзя наступать на горло инициативе».

Рассудив подобным образом, Светлана смогла получить удовольствие от импровизированного ужина тет-а-тет. В конце трапезы, смущенно ковыряясь в тарелке, Николай поинтересовался, что с ней происходит.

— Ты какая-то сама не своя. На работе что-то случилось?

— Нет, все хорошо.

— А что тогда?

— Как-то жизнь проходит, а ничего не сбывается, — пространно пояснила Света.

— Что ты такое говоришь? Что у тебя не сбылось? — Николай непонимающе смотрел на жену.

— Взять хотя бы вождение. Машину мы купили, а водишь ее только ты. Лариска надо мной уже смеяться перестала, что я на права так и не доучилась. Видимо, поняла, что я неспособная.

Николай вскинул голову.

— Завтра же поедем тренироваться!

Светлана с удивлением подняла на него глаза.

— Завтра? Так зима на дворе, гололед! Или растает всё, или замерзнет, погода ужасная.

— Ничего, тяжело в учении — легко в бою. Научишься ездить в сложных условиях, ближе к лету сдашь с первого раза. Как раз у тебя завтра короткий день, ты сама говорила, и я пораньше закончу, у меня после трех прием не расписан.

На следующий день Николай заехал за Светланой, чтобы провести первый урок. Еще подъезжая к санчасти, он начал сомневаться, что же на

него вчера нашло, что он сам предложил учить жену вождению. Но отступить было поздно.

Они сели в машину.

Николай покосился на Светлану и напомнил:

— Не забудь пристегнуть ремень.

— Мне с ним неудобно, — поморщилась Светлана, — не повернуться и на грудь давит.

— На грудь? — хмыкнул муж. — Пристегни, не лъсти себе.

Пристегнув в свою очередь ремень, он положил руку на ручник, всем видом показывая, что предстоит долгий, а главное, опасный путь.

— Ты бы еще шлем надел, — раздосадованно заметила Светлана.

Пропустив ее слова мимо ушей, Николай забубнил:

— Сперва поставь зеркала. Затем включи поворотники, тихонечко трогай.

— Я же не первый раз, что ты, право, как с умственно отсталой, — Светлане стало обидно и она решила продемонстрировать все, на что была способна.

Машина плавно выехала на улицу, взяв курс в сторону дома.

— Так, молодец, — похвалил муж, — теперь пристраивайся за красной машиной и до поворота.

Светлана кивнула.

— А-а-а-а! — заорав не своим голосом, он схватился за руль. — Ты куда на встречу едешь?

— Ты же сам сказал «за красной машиной»! — рявкнула испуганная и раздраженная Светлана.

Выкрутив руль, муж вытер пот со лба.

— Давай все-таки внимательно смотри и слушай, что я говорю, а главное, соображай. Еще раз. После поворота прямо, а затем налево. И выключи эти чертовы дворники, — уже спокойнее сказал он. — А теперь задние. А теперь и те и другие.

Светлана никак не могла сообразить, как их выключить и просто включить поворотник.

«Надо было перед поездкой в машине посидеть, рассмотреть все. Эх, хотя чего теперь голову ломать», — подумала она, справившись, наконец, с помывкой стекол.

— Теперь налево, после светофора. Я же сказал «налево», а ты куда едешь?

— Я поняла, что налево, но за каким светофором?

— Ты что, его не видела? — удивился муж.

— Видела, когда проезжала мимо.

— И не гони! Куда ты разогналась? — занудил Николай. — Ты даже просто прямо еле-еле едешь, все время машина вихляет.

Это было неправдой, и Света нахмурилась.

— Я же в армии на погрузчике работал, поэтому мне было легче научиться. Поэтому как сел за руль, так и поехал.

— Да, так до сих пор и едешь двадцать километров в час, — пробурчала Света. — Вообще ты такой нервный, что уже меня задергал. Я же учусь!

— Хорошо, сейчас будет круговое движение. Пропускаешь машины, идущие слева.

Через некоторое время Николай раздраженно поинтересовался:

— Ты решила здесь заночевать? Сзади уже сигналият!

— Ты же сам сказал, что пропускать надо.

— Попробуй вклиниться!

Светлана мысленно перекрестилась, делая жалкие попытки продвинуться вперед, но бесконечный поток пугал ее.

В этот момент слева, объехав по бордюру их «Тойоту», притормозил здоровенный джип, тонированное стекло опустилось, и поросшая щетиной физиономия радостно прокричала:

— Давай, тетка, жми! Я прикрою!

Под истерические сигналы клаксонов и скрип тормозов неизвестный робин гуд нагло ворвался в поток машин, перекрыв движение. Вырулив на круг под этим импровизированным прикрытием, Светлана услышала голос мужа:

— Все, хватит. Тормози. Только не посреди улицы! К тротуару, к тротуару рули. Так, теперь прижимайся. Да не ко мне, к правому краю. И не надо на бордюр заезжать, у нас ведь не джип.

Отдышавшись, Николай почти успокоился, однако от критики не удержался:

— Ужасно. Просто ужасно. Ладно, давай еще раз попробуем.

Через час они наконец-то благополучно подъехали к дому.

— Теперь припаркуйся, — скомандовал муж, бледный от нервного напряжения и мокрый как мышь.

— Это как? «Попой вперед»? — спросила в общем и целом довольная поездкой Светлана.

— Хоть чем! — он возвел глаза к небу, но расслабляться было рано. Он снова схватился за руль. — Что же ты делаешь, там же места только для велосипеда хватит!

— Я бочком, — Светлана пыталась оценить свободное место на глаз.

— Каким бочком! — обычно спокойный Николай потерял за поездку килограмма три и чувствовал себя комком нервов. — Сейчас от бочка нашей машины ничего не останется. Все, вылезай, я с тобой больше не поеду. Тренируйся с инструктором. Дорого, зато я нервы сберегу. Мне завтра на работу, а руки трясутся. А если так каждый вечер ездить, трясушка станет хронической.

Выключив мотор, Светлана демонстративно хлопнула дверцей и направилась к подъезду. На скамейке у входа сидел молодой человек в длинном кашемировом пальто, рядом лежал огромный букет роз и красиво перевязанный пакет.

— Наверное, это к Маше с пятого этажа, — к Светлане вернулось хорошее настроение. — Растут девчонки, вон какие кавалеры ходят.

Догнавший ее Николай только хмынул в ответ.

— Извините, — молодой человек поднялся, изобразив приятную улыбку, — у меня поручение, хозяев дома нет, и код подъезда я не знаю.

— Вы к кому? — поинтересовался Николай голосом вахтерши женского общежития.

— Я в сто двенадцатую квартиру к Ивановой Светлане Валерьевне.

Муж и жена переглянулись.

— Странно, Иванова — это я, но я вас не знаю, — Светлана была удивлена.

— Конечно, не знаете, — обрадовался элегантный порученец. — Дело в том, что меня послал мой шеф. Вы спасли ему жизнь, но он пока в больнице, не может лично поблагодарить вас. Послал меня. Это вам!

В руках Светланы оказались цветы и обернутый хрустящий дорогой бумагой пакет.

— Ой, ну что вы! Скажете тоже, спасла. Это моя профессия. Выполняла свой долг, — смущенной Светлане вспомнилась только эта казенная фраза.

Николай насупился, но молчал.

— А как вы меня нашли?

— Я сначала в санчасть приехал, а там только ваша Танечка, — сказал парень с теплотой в голосе, как говорят о приятном воспоминании. — Она и сказала, что вы ушли домой.

Распрощавшись с молодым человеком, супруги вошли в подъезд.

— И с каких это пор, Светлана Валерьевна, вы подарки от пациентов берете? — муж яростно нажимал на кнопку вызова лифта, но она не загоралась.

— Ой, прекрати. Это и не пациент даже. Принесли умирающего с улицы, а он приличным человеком оказался, даже вспомнил, кто его откачивал, — Светлана была занята пакетом. Проковыряв в нем дырку, она пыталась понять, что же там лежит. — Согласна, неожиданно все это. Я, как ты понимаешь, не за подарки его спасала.

Николай достал почту из ящичка. Вновь пощелкав кнопкой лифта, сделал неутешительный вывод:

— Лифт сломался.

Подойдя к лестничному пролету, он взглянул вверх, как будто оттуда мог прилететь ковер-самолет. Пришлось идти пешком. Первые два этажа Николай бурчал что-то про Светланину работу и мнимых кавалеров. К третьему оказалось, что жить на девятом этаже совершенно ненормально и противоестественно для человека как живого существа. Пятый оглашался охами-вздохами и просьбой померять ему пульс. Светлана, поглощенная своими мыслями, заметила, что вместо сидения перед ящичком надо заниматься спортом. К восьмому полностью выдохшийся Николай не думал ни о чем, кроме мягкого дивана. Ревность, злость, раздражение — все было не так важно, как добраться до родной квартиры, хотя бы и ползком.

Войдя в квартиру, супруги разошлись по комнатам. Николай упал в кресло и решил, что останется здесь навечно, а Светлана открыла пакет и вытряхнула оттуда огромный мягкий легкий, как перышко, шарф, вызвавший в ее сознании иностранное слово «пашмина».

Светлана очень давно не получала подарков от посторонних мужчин. Пусть это был всего лишь пациент, которого она больше никогда не увидит, внимание было приятно. Просто подарок, ни к чему не обязывающий, но окрасивший ее день, а может, и всю неделю радужными оттенками надежды. Света набросила пашмину на плечи, подошла к зеркалу, разглядывая отражение. Провела рукой по лицу. «Может, правда купить что-нибудь новенькое», — подумала она.

ГЛАВА 14

День выдался по-весеннему теплым. Вышедшая на прогулку с гостившими у нее внучками Валентина сидела на скамейке, подставив лицо ласковым солнечным лучам. Морщин, появляющихся от солнца, она не боялась, несмотря на постоянные предостережения дочери, привозившей ей из зарубежных командировок защитные и питательные кремы. Следы прожитых лет на лице не казались Вале чем-то ужасным, требующим истребления и какого-либо вмешательства, они были ценным грузом, расставаться с которым не хотелось. Внутреннее содержание, душа всегда казались ей более важным, чем телесная оболочка. Отношения с мужем только укрепляли в этой мысли.

Машенька копалась в оттаявшей песочнице, Анжела с гиканьем носилась с соседскими детьми.

— Мамуля, привет! — Эльвира появилась совершенно неожиданно.

— Что стряслось? — Валя не любила сюрпризы, поэтому от незапланированных визитов дочери не ожидала ничего хорошего.

Рядом с Элей стояло лохматое чудище огромных размеров: шерсть свисает до земли, глаза скрыты пышной «челкой», мокрый нос с интересом нюхает влажный воздух.

— Мамуль, нам так повезло, — зачастила она. — Лешины друзья уехали на пару дней. Я их неделю уговаривала, чтобы они своего щеночка нам дали на время. Нам необходимо срочно определиться, посмотреть, сможем ли мы сосуществовать с собакой. Я ведь давно Анжеле обещала собаку, все не могу собраться.

Валентина смотрела на волосатого монстра и никак не могла представить, что это щеночек.

— Элечка, а что за порода?

— Веревочный пудель. Ему всего восемь месяцев, а уже такой крупненький. Вот что значит клубный, вскормленный на сыроедении, — гордо ответила дочь, словно величина собаки была ее личным достижением.

— Мне казалось, что пудели намного меньше. Этот зверь скорее на пони смахивает, чем на болонку. Может быть, стоило взять для тренировки кого-то поменьше?

— Мам, я хочу иметь в доме приличную собаку, а не половую тряпку размером с кошку.

— Элочка, но как бы девочки не испугались.

— Они должны учиться владеть собой и преодолевать свои страхи, — отрезала дочь. — Кстати, где они?

— Вон там, на горке, — и Валя крикнула: — Девочки, идите скорей сюда. Смотрите, кого мама привела.

Дочки, увидав мать, рванули со всех ног.

— Ой, мамуля, какой он красивый. А он у нас навсегда? Можно он будет со мной спать? — закидала вопросами старшая дочь, обожавшая любых животных, всех пород и размеров.

Младшая, бежавшая за сестрой к матери, резко остановилась на полдороге, увидав рядом с ней нечто лохматое. Это чудовище напоминало жуткого монстра — музыкальную игрушку, «охранявшую» папин кабинет, куда входит Машеньке строго воспрещалось.

Анжела его не боялась, а Маша никак не могла преодолеть свой страх перед противной мелодией, которую он издавал при нажатии.

В глазах ребенка отразился ужас. Чудище вдруг замотало головой и высунуло длинный розовый язык. Было забавно. Маша передумала плакать, правда, на всякий случай спряталась за маму.

— Вот видишь, мам, а ты говорила! — торжествующе заметила Эля и тут же добавила несвойственным ей сладким голосом: Мам, одна проблема. Понимаешь, у нас сегодня вечеринка по поводу Вервиной защиты. Мы обязаны с Колей быть, а собаку нам уже дали и только на три дня.

До Валентины стало доходить, что сейчас впридачу к внучкам она получит в свое полное распоряжение еще и собачку.

— Эля, но так же нельзя. У меня сегодня французский на вечер назначен. Папа не сможет присмотреть и за девочками, и за собакой. Я и так боюсь его одного с ними оставлять, а тут еще ваш пони.

— Мамуль, ситуация безвыходная. Всего на один вечер, а завтра я и девочек, и собачку заберу. Только один вечер. Он же уже большой. С ним никаких хлопот. Пару раз выгулять и пару раз покормить, я домой сумку отнесла с его провиантом. И корзинку для сна в коридоре поставила. Ну, пожалуйста.

Валентина вздохнула, покачала головой. Наверное, правы девчонки, говоря, что дочь подчинила ее своим интересам.

«Ради чего жить, если не для детей и внуков? Что может сравниться с их любовью, привязанностью, даже если приходится думать о них чаще, чем о себе». Валя улыбнулась своим мыслям и машинально погладила попавшую под руку макушку собаки. Тот в ответ лизнул ее пальцы. Эльвира поняла увиденное как положительное решение.

— Ой, мамуль, ты прелесть!

— Но только чтобы в последний раз!

— Конечно, в последний, — с готовностью заверила дочь. — Я там на столе записку положила, как его кормить.

Поцеловав Валентину и девочек, всучив матери поводок, Эля убежала. Глядя ей вслед, Валентина осознавала, что этот «последний раз» будет повторяться вечно.

— Ладно, девочки, покатайтесь на горке еще минут десять и пойдем домой, смотреть мультики и нового жильца устраивать.

Вопреки мрачным предчувствиям, обуревавшим Валентину, в тот вечер Михаил справился и с внучками, и с подкинутой «собакой Баскервиллей». Правда, пока Валя на курсах спрягала французский глагол «есть», песик сожрал пластиковое помойное ведро вместе с его содержимым и уже хотел приняться за шнур от телевизора, но был обезврежен бдительным полковником.

Об этом Вале сообщил по телефону усталый, но довольный собой Михаил.

— Как твои занятия? — поинтересовался он, закончив сводку с поля битвы.

— Только что закончились, уже бегу домой, — поспешила сообщить ему Валя.

— Девочки уже спят, барбос тоже, — послышалось в трубке. — Не волнуйся ты так, я же контролирую ситуацию.

Валя покачала головой, представив, как горд муж. Привыкший командовать, ее бравый полковник редко получал под свое начало столь недисциплинированных субъектов.

— Ты вроде хотела с подругами в кафе зайти.

— Ну что ты, я домой, ты и так с ними замучался, — Валя искренне переживала за мужа и внучек.

— Завтра все равно выходной, я детектив смотрю, так что отдыхай, только такси потом возьми. И позвони, чтобы я не волновался.

— Ну что, в «Попугай» на посошок? — резюмировала Наталья, когда Валя убрала телефон в сумку и кивнула замершим в ожидании подругам.

Едва они вошли, навстречу со всех ног бросился официант, тот самый. Подбежал к Ларисе с криком «Какая гостья!» и торжественно подвел их к любимому столику.

Все переглянулись, Лариса подмигнула.

Усадив подруг за стол, официант принес заказанные коктейли, расставил и замер возле Ларисы, ожидая указаний.

Подруги были в недоумении. Лариса загадочно улыбалась.

— Спасибо, Павлик, все замечательно, — сказала она и дотронулась до рукава официанта, отпуская его.

— Девочки, — подняла она бокал, — пьем за дружбу.

— Ларис, — заныла Наталья, будучи не в силах терпеть, — в чем причина таких метаморфоз?

— Ты о чем?

— О Павлике.

— Аа-а-а, я думала, есть более интересная тема. Павлик был помилован. Как оказалось, он с Дашей в одном классе учился. Мать его ко мне приходила. Ужас, я ее даже и не вспомнила. Была очень интересная женщина, хорошо одевалась. А тут опустившаяся бабка в облезлом берете. Муж на шесть лет моложе ушел к другой, у Павлика теперь есть братик двух лет от роду.

— Лар, может, у нее проблемы, — вступилась Валентина.

— О, голос совести! А нас проблемы стороной обходят? Посмотри на Наталью, а точнее, на ее маму, мужа потеряла одного, другого, но как выглядит! Как ходит, как разговаривает с мужчинами! Какая женщина, не устаю повторять!

— А где это ты мою маман видела, а главное, с кем? — вскинулась заинтересованная Наталья.

— Натуль, спутника мне твоя мама не представила, а видели мы ее со Светланой в бассейне на Тухачевского.

— Да что ты переживаешь, нормальный такой мужчинка с ней был. Правда, мне показалось, что несколько зелен он для Марианны Сергеевны.

— Сколько?

— Да разве в этом дело? Главное, что кавалер еще бодр и товарного вида не утратил, — Лариса допила коктейль и помахала официанту, желая повторить удовольствие.

— Ох, — только и смогла выдать Наталья.

— Слушай, я имела в виду... — Светлана замялась, понимая, что ситуацию надо спасать. — В общем, не переживай, мама твоя с дядечкой вели себя прилично. Он ей напитки приносил безалкогольные, других там не подают. Затем они вместе ушли.

— Кстати, а чего ты так испугалась? Мама взрослая женщина, вдова, имеет право на мелкие радости. Тебе бы у нее поучиться, как мужиками крутить и под венец затаскивать. К тому ж не быдло, а люди образованные, с достатком.

— Не-е, замуж — это без меня, — замахала руками Наталья. —

Насмотрелась, наслушалась. А маман... Я их тоже видела, все совпадает. Встретила на днях возле дома, но темно было, галантного кавалера рассмотреть не удалось.

— Девочки, отвлекитесь, — вдруг прервала их Валентина. — Обратите внимание на соседний столик.

Все обернулись. Неподалеку сидели две женщины — ровесницы подружек. Официант только что унес грязную посуду, и по дымящимся перед ними чашкам кофе было ясно, что ужин подходит к концу. Они о чем-то разговаривали вполголоса и украдкой бросали взгляды из-под опущенных ресниц. Предметом их интереса был столик, наполовину скрытый пальмой. За ним сидели двое мужчин и тоже поглядывали на женщин.

— Я за ними минут пятнадцать наблюдаю. Они, видать, понравились друг другу, а познакомиться ни те ни другие не в состоянии. Наверняка думают, что это по-детски — подойти и просто познакомиться.

— А сидеть и идиотски улыбаться из-за листьев пальмы — это уж точно по-взрослому.

— Лар, все люди разные.

— Я вообще со своим бывшим в «тринадцатом» трамвае познакомилась, — напомнила Лариса известный подругам факт.

— В молодости проще знакомиться. А в нашем возрасте не только общественный транспорт, уже и ресторан отпадает, осталось только кладбище, — цинично заметила Наталья.

— Почему так пессимистично? Еще есть театры, консерватории, библиотеки, на худой конец.

— Угу, вот именно, что на худой, — подмигнула Лариса Наталье, вспоминая историю с морковкой.

— Говорят, в санаториях или домах отдыха хорошо знакомиться, — задумчиво протянула Валентина. — Миша рассказывал, как в их ведомственном санатории двое познакомились. Она давно с мужем разошлась, а он вдовец.

— Не иначе, в очереди на анализы познакомились, — хихикнула Светлана.

— Да ну тебя, Светка, их судьба свела! Когда они поближе познакомились, выяснилось, что они уже приезжали в этот санаторий в молодости в одно и то же время и не встретились. А когда уезжали, была нелетная погода, они двое суток сидели в аэропорту Минводы и не встретились!

Подруги затаили дыхание. Наталья машинально складывала веером

зеленую салфетку.

— Мало того, — торжествующе продолжила Валя, — после запуска в космос Савицкой был большой прием, на котором были и этот мужчина — он тогда развелся с первой женой и со второй еще не познакомился, и эта женщина — она тогда разошлась с мужем, и на прием ее пригласил друг, который был в числе проектировщиков космического корабля. И они снова не встретились.

— Еще неизвестно, может, через пару лет они пожалеют, что все-таки встретились, — глубокомысленно заметила специалист по разводам.

— Может быть, это все-таки судьба? — с надеждой произнесла Светлана.

Подруги повернулись к ней.

— Кстати, все хочу спросить, где ты такой шарф отхватила? — переключилась на новую тему Наталья.

— Это не шарф, а пашмина, — поучительно сказала Лариса, не терпевшая неточностей.

— Какая разница, — отмахнулась Наталья, — ты только посмотри, какая шикарная вещь! Неужели где-то в городе есть неохваченный мной бутик эксклюзивной одежды, решивший сделать фантастические скидки, а я еще не в курсе?

— Мне пациент подарил. Помните, я вам рассказывала, как ко мне с улицы сердечника доставили?

— Что-то смутно припоминаю, — потрясла головой Наталья, недоверчиво вздыхая. — Даже если это подделка, она должна стоить кучу денег. Если же лейбл, который я успела разглядеть, не врет, то эта безделица стоит две моих зарплаты. Кого это к вам приносили с улицы? Олигарха?

— Да бросьте, — смутилась Светлана, — с чего вы взяли?

— С того, что мы немного разбираемся в шмотках.

Пока подруги обсуждали обновку Светланы, Валентина потихоньку встала и направилась в сторону кухни. Вернувшись через некоторое время, она молча села на свое место. Еще через минуту к столику грустно потягивающих кофе дамочек приблизился Павлик с бутылкой шампанского и что-то начал объяснять, склонившись в полупоклоне и артистично отклячив тощий зад. Дамы заулыбались, хлопнула пробка. Нашим подругам было хорошо видно, как официант разлил шампанское по бокалам, затем сбегал за ведерком со льдом и торжественно водрузил его на столик.

— Хороший мальчик, — заметила Валентина.

— Ты? — удивленно протянула Лариса. Подруги переглянулись.

Дамы подняли свои бокалы, открыто взглянули в сторону мужчин и засмеялись. Те улыбнулись в ответ, выпячивая грудные клетки и всячески проявляя готовность к знакомству.

Не прошло и пяти минут, как мужчины заняли места за дамским столиком. Подруги сидели молча, а Валентина сияла как медный грош. Еще одно маленькое одиночество было разрушено хотя бы на этот вечер.

ГЛАВА 15

К покупке следующей пары носков Наталья подошла ответственно. Был выбран самый дорогой в городе магазин мужской одежды. Носки цвета «шварц» стоили совершенно неприличных денег, но ею уже владел азарт.

Немного поразмыслив, Наталья решила проявить смекалку и опрыскала носки дорогим мужским одеколоном из завалявшегося пробника, затем, немного поколебавшись, обмотала золотым браслетом.

Браслет был мужской и достался ей по наследству, поэтому за ориентацию потенциального спутника жизни можно было не беспокоиться.

На улице уже стемнело, фонарь разбили еще месяц назад, но за время ежевечерних прогулок вокруг дома она изучила каждую кочку. Иногда ей даже казалось, что она начинает неплохо видеть в темноте.

Поприветствовав ставших уже почти родными соседей-собаководов на последнем в сутках выгуле их питомцев, Наталья приготовилась к ритуалу. Не успела она отойти и десятка метров, как ее окликнули.

— Извините, не подскажете, откуда можно позвонить?

— На углу есть телефон-автомат, — Наталья неопределенно махнула рукой в темноту.

— Он сломан, — незнакомец расстроено вздохнул. — Еду к другу детства. Вот нашел же, где поселиться! Что за район такой — дороги разбитые, автоматы не работают.

Наталья сжала губы. Район как район, не хуже других.

Осекшись, мужчина замялся:

— Извините, просто вечер не задался. Шину проколол, в телефоне села батарея, где друг живет — не могу вспомнить, в общем, мне сегодня не слишком везет.

Поколебавшись, Наталья решила, что бросать человека в затруднительной ситуации негуманно, объяснить, где находится другой телефон-автомат — слишком долго, а ей еще нужно сосредоточиться для проведения ритуала, как того требовало пособие. Проклятое человеколюбие в очередной раз победило здравый смысл.

— Звоните, — Наталья протянула незнакомцу свой мобильник. — Ну что вы! Не надо мне ничего платить за две минуты разговора!

Мужчина производил приятное впечатление. Сделав пару звонков, в сервис и другу, он с благодарностями вернул мобильник. Словно желая

продолжить знакомство, он переминался с ноги на ногу, однако Наталье было некогда. Незнакомец отправился встречать рембригаду. Попрощавшись, Наталья исчезла во тьме, бодро размахивая носками, но как следует подумать о ритуале в этот вечер у нее не получилось.

Конечно, типаж явно не подходил к выбранным носкам. С виду ничего особенного, наверняка ездит на ломающейся в неподходящее время колыхаге, но было в его глазах что-то, заставившее Наталью сожалеть о поспешности, с которой она распрощалась с ним.

Вернувшись домой, Наталья продолжала думать о недавней встрече. Странное чувство не позволяло ей выбросить из головы совершенно незнакомого человека. Неожиданно ее осенило. Это был он, мужчина ее мечты! Ну конечно, как она сразу не догадалась? Наверняка воротила бизнеса. Решив повидать друга детства, демократично оделся, отпустил охрану, а тут неприятность, машина сломалась. Наверняка не банальный серебристый мерседес, а, скажем, кремовый «Астон Мартин». Она ему понравилась, это же ясно. Наталья никогда не ошибалась, когда речь шла о ее привлекательности. Да, было темно, зато в темноте морщинки меньше заметны.

Усевшись в кресло, Наталья погрузилась в размышления.

Номер ее мобильного можно будет узнать там, куда он звонил. Таким образом, если он захочет, сможет ей позвонить и назначить встречу. А потом он пришлет ей корзину роз. Хотя, нет, «корзина роз» звучит так же пошло, как «ящик водки». Пусть будет просто изысканный букет.

Кстати, надо бы проверить мобильник, вдруг там уже десяток SMS? Воодушевленная Наталья подскочила и бросилась в прихожую. Телефона в кармане не оказалось. Проверив еще раз, она обнаружила в кармане дыру.

«Вот так всегда, — обреченно вздохнула Наталья, — опять мне досталась дырка от бублика». Потерянный мобильник было жалко. Еще хуже становилось при мысли об исчезнувшем принце.

«Все равно я зря размечталась, — хмыкнула Наталья, возвращаясь к действительности, — никакой это был не принц и даже не никелевый магнат, так, ехал человек, проколол шину. Забудь!» Она еще целый час щелкала пультом телевизора в поисках интересной передачи, не подозревая, что автомобиль случайного знакомого стоит в гараже, что в темноте под кустом звонит ее потерянный телефон, что чудо было совсем близко.

Спать не хотелось, Наталья подошла к окну. В домах горел свет. Окна комнат, как правило, были зашторены, но иногда можно было рассмотреть чью-нибудь освещенную кухню с традиционным набором: стол, плита,

холодильник. Люди сидели за вечерним чаем или убрали со стола, смотрели телевизор или разговаривали. Наталье стало грустно. Она редко получала от судьбы бесплатные подарки. Фортуна не отказывала ей в своем покровительстве, но любыми путями старалась отлынивать от работы. Полной противоположностью была «маман». Высокая, статная, роскошная женщина, муза многих поэтов и художников. Называть ее на французский манер начала Лариса, еще много лет назад, так и повелось. Марианна Сергеевна родилась, как говорили в шутку, с серебряной ложкой во рту и бонусом — чайным сервизом впридачу. Если ей попадался мужчина, то он был сказочно богат и патологически щедр. Если партия в опере, то заглавная. Если дочь, то боготворящая мать.

Мать и дочь жили в соседних домах. Это был тот максимум, который позволила маман и тот минимум, который отвоевала себе дочь. Она преклонялась перед матерью, восхищалась ее напором, фонтанирующей энергией, талантом. Наталье достались по наследству и жажда жизни, и бурный темперамент, но до мамочкиного уровня ей было далеко.

Подруги по-разному воспринимали семейный тандем. Лариса восхищалась бывшей оперной дивой, но считала, что Наталья задержалась в маминой тени. Светлана восторгов по поводу Натальиной мамы не разделяла, намекая, что пора перерезать пуповину. Валентина умилялась трогательной привязанности между матерью и дочерью.

Наталья заметила, что все окна маминой квартиры ярко освещены. Учитывая поздний час, это было немного странно. Домашний телефон не отвечал. Накинув теплое пончо, писк моды позапрошлого сезона, в котором теперь Наталья выносила мусор, она отправилась проведать маму.

Нажав кнопку звонка, Наталья прислушалась. Наконец, послышалось движение, дверь распахнулась.

— Мамуль, что-то случилось?

— В каком смысле? — Марианна Сергеевна в лиловом платье, открывающем лишь носки туфель, с непониманием смотрела на дочь.

— Свет горит так поздно, телефон не отвечает, — развела руками Наталья.

— В моем возрасте неприлично принимать гостей с утра, — пожала плечами примадонна, разглядывая пончо так, словно дочь носила на себе живого лемура — вроде интересно, но и противно одновременно. — Что это на тебе? Привет от Луиса Корвалана?

Не дожидаясь ответа, маман впустила дочь в квартиру.

— Мы задержались после партии в покер в связи с чрезвычайными обстоятельствами.

Последовала пауза.

— Я сегодня, — пауза, — приобрела мобильный телефон, — многозначительная пауза, — но так как поколению пива Балтика, — театральным поворот головы в сторону дочери, — сложно разговаривать на правильном русском языке, пришлось обратиться к Ивану Сергеевичу.

Далее маман поведала, что вечер прошел превосходно.

— Собрались все наши. Между третьим и пятым бокалом великолепного кьянти выяснилось, что Галина давно мечтала о подобной игрушке, но боялась не справиться с управлением, — примадонна саркастически усмехнулась. — Она так и сказала «с управлением». И можешь себе представить, умница Иван Сергеевич в трех словах сумел объяснить, как пользоваться мобилкой, даже такой дуре, как она. Конечно, она решила завтра же купить себе такую же трубку, как у меня. Кто бы сомневался! Видите ли, моя «нокия» приглянулась ей классическим дизайном. «Ха-ха» три раза. Да она просто боится, что на другом аппарате она кнопки не найдет, — тут Марианна Сергеевна изменилась в лице. — Боже мой, где мои хорошие манеры?! Держу тебя в прихожей, раздевайся, проходи, выпьешь наливочки перед сном, — маман исчезла в недрах огромной квартиры, оставив Наталью одну в полумраке прихожей. Проплывая мимо горшка с орхидеей, бросила: «Если не зацветешь в этом месяце, в следующем отправишься на помойку».

Заседание проходило в столовой, огромной комнате, вмещающей рояль и антикварный обеденный стол на двенадцать персон, на котором с размахом были сервированы джестивы, различные ликеры, наливки. Кружок Марианны Сергеевны состоял из бывших работников театра, ценителей оперного пения и поклонников маман. Наталья знала их всех с колыбели, поэтому они навсегда остались для нее дядями и тетями.

Комната была обставлена в обожаемом Марианной Сергеевной пышно-эkleктичном стиле. Тяжелые драпировки на окнах, массивная мебель красного дерева и полуметровая фарфоровая собака соседствовали с минималистичным белым ковром из «Икеи». Едва «половичок» начинал терять первозданную белизну, Марианна Сергеевна покупала новый, безжалостно выбрасывая предыдущий.

— ...У каждого человека имеется свой скелет в шкафу, — развивал начатую еще час назад мысль бывший тенор Аполинарий Евгеньевич.

— Ваш скелет какого пола, мужского или женского? — Иван Сергеевич был давним поклонником маман, профессором технического университета. В силу таланта и отменного здоровья он до сих пор преподавал.

— Да, в наше время как было просто: если застали с женщиной, то это любовница, сейчас же нельзя ни на минуту расслабляться, ведь это раньше были собутыльники, а теперь... кто его знает, чем они соображали.

Подавшая реплику Галина была ближайшей подругой матери, звездой ролей второго плана, женой директора театра. Они были старыми врагами, но с возрастом, когда близких им людей становилось все меньше и меньше, встречаясь то на похоронах, то на поминках, однажды они примирились, в слезах заключив друг друга в объятия. В душе, однако, продолжали считать друг друга выскочками и бездарностями.

— Поэтому и существует в армии понятие «прикрытие тыла», которое выполняет жена.

— Наташенька, — Галина вспорхнула как могла быстро со стула и подошла к вошедшей Наталье, подставляя щедро нарумяненные щеки для поцелуя.

Все повернулись в сторону Натальи.

— Великолепно выглядишь, просто на удивление, не стареешь. Как тебе удастся? — щебетала Галина Григорьевна. — Хотя, что я спрашиваю... Гены! — слащаво улыбнулась она, ожидая ответный комплимент от примадонны.

— Абсолютно с тобою согласна, красоту не спрячешь, — ответила маман, одним махом опрокинув рюмочку вишневой наливки. Галина поджала губы и вернулась на место.

Наталья стала обходить присутствующих, расцеловываясь со всеми.

— Гены, конечно, хорошо, но здоровое питание плюс гомеопатия, идущая рука об руку с традиционной медициной, — наше все, — выпрямляя спину и втягивая живот, произнесла жаждавшая реванша Галина.

От природы сухощавая, покинув сцену, она ударилась в различные диеты, оздоровительные процедуры. Стройность, помноженная на возраст и очищение печени, перешла в пугающую худобу.

— Ничего не имею против эффекта плацебо. Если помогает, то хоть стекло протертое ешьте, — спокойно заметила Екатерина Николаевна, компаньонка маман, секретарь и главная ее помощница. Именно она брала на себя роль домоправительницы, когда приходили гости, а также решала, чем и как будет лечиться Марианна Сергеевна в случае недомогания.

Познакомились они давно. Микробиолог, младший научный сотрудник, «мэнээс», как она себя когда-то называла, Катерина была далека от театра. Ее муж был другом детства второго мужа нашей примадонны. Начав дружить домами много лет назад, Катерина успела похоронить

первого и единственного мужа, а Марианна второго и последующих. Поддавшись на уговоры подруги и использовав удачное стечение обстоятельств, Катерина переехала в соседнюю квартиру, чтобы иметь возможность явиться по первому зову.

— От маразма еще ни одна гомеопатия или народная медицина не помогли, — сверкнула глазами маман.

— Так здесь не медицина, а физика. Потенциальная энергия плавно перетекает в кинетическую. Чем больше делаешь, тем больше производишь энергии. Работать надо не только мускулами, но и головой, напрягать извилины. Нужно отдавать все силы каждодневной борьбе с медленным старением.

— Умирать проще, чем жить, поэтому человек стареет от безделья, а не от возраста, — разглагольствовал Николай Федорович, мужчина с генерал-майорскими погонами и душой театрала. — Сколько раз у нас такое было! Служит человек, никогда не болеет, только стоит выйти в отставку — все, пиши пропало, тут же болезни вылезают. Хорошо, если остаток жизни будет бегать по врачам, но многие «сгорают» за считанные месяцы.

Аполинарий закивал с пониманием, поправляя платочек «а-ля Вознесенский», и сказал:

— Гете, господа, еще великий Гете говорил: «У этих людей нет смелости прожить дольше».

— Угощайтесь, — Катерина держала в руках роскошную коробку с пирожными, принесенную Николаем Федоровичем. Водрузив ее на стол, достала трофейный позолоченный сервиз «Мадонна», стала накрывать для чаепития. Наталья принялась помогать ей.

— Я на ночь не ем, — традиционно объявила Галина.

— Ну и дура, — таков был ожидаемый «отзыв» со стороны маман. — Стройнее не станешь, а положительных эмоций себя лишаешь. Катюш, мне с кремом и орехами. Я всегда могу себя порадовать, сделать праздник, — продолжила она, обращаясь к присутствующим. — Людям, кто абсолютно равнодушен к еде, приходится изощряться. Представьте, если праздник для него сопоставим только с хорошим сексом или новой тряпкой, которую уже и на талию не натянуть, и денег стоит.

— Галина Григорьевна, у вас рюмочка пустая.

— Аполинарий Евгеньевич, мне достаточно, да и голова что-то разболелась, — кокетливо ответила та.

— Голова не жопа — завяжи и лежи, — последовал мгновенный ответ от нацелившейся на очередное пирожное примадонны.

— Иногда ты такая грубая.

— Знаете, я тут подумал, — начал Иван Сергеевич, — благодаря герою вечера — мобильнику, мне пришла в голову интересная идея. Настало время собирать камни. Мы — поколение людей с мозгами, многое повидавшие, привыкшие быть при деле. Дети уже выросли, у большинства и внуки отошли на задний план. Никому мы особо не нужны, кроме нас самих, а ведь у Познера карьера началась в пятьдесят два, а настоящая любовь после семидесяти. Вот и подумалось мне, а не создать ли нам клуб «Помоги себе и другу»? Знаете, в Европе есть популярное развлечение для пенсионеров, называется «Институт третьего возраста» — курсы при университетах для освежения знаний. Принимают туда не раньше семидесяти лет. Можем и наше неофициальное собрание назвать «Третий возраст». Такой клуб, где собираются нестареющие душой люди, вкладывающие свои «гробовые» не в акции, не в лекарства или биодобавки, а в достижения цивилизации. А то какую нынче книгу ни возьмешь — или маразматичная бабка, гремя брильянтами, всем мешает жить, или вредный старик умирает на мешке просроченных продуктов. Начнем с малого — навыки пользования мобильным телефоном, у кого еще нет, затем микроволновка, DVD-плеер и тому подобная мелочь. Второй шаг — компьютер. Третий шаг — автомобиль. Разумеется, для тех, кто еще не умеет, но всю жизнь мечтает научиться. Те, кто умеют, будут помогать другим. Наша цель — обмен опытом, а главное — поддержка друг друга, ведь так трудно начинать сначала.

Все молчали. Марианна Сергеевна поднялась, подошла к оратору, погладила его по седым волосам и сказала с чувством:

— Ваня, я всегда говорила, что ты гений. Дай я тебя поцелую! — она облобызала зардевшегося профессора.

Гости зааплодировали.

— Предлагаю выпить шампанского за полноценную жизнь и эту великолепную идею. Принимаем в клуб для начала всех присутствующих, ну, кроме Натальи, она еще слишком молода, — заключила хозяйка.

Раздалась трель дверного звонка.

— Да ну их к черту, кто еще пришел на ночь глядя? — возмутилась маман, обводя комнату взглядом и понимая, что все приглашенные уже здесь. — Даже не пойду смотреть, кто там явился. Я как раз собралась открыть припасенную бутылочку «Абрашки», — так Марианна Сергеевна именовала знаменитое «Абрау-Дюрсо». — Прошлой осенью мы с Катериной ездили отдыхать, были на дегустации в подвалах, — ударилась она в воспоминания.

— Помню, во время дегустации погас свет и пришлось пить шампанское при свечах, — вставила Катерина.

— Да, подвалы на глубине двадцати пяти метров, мерцание свечей, благородный напиток, — подхватила Марианна Сергеевна.

— Как романтично, — всплеснул руками Аполинарий Евгеньевич, но прима его перебила.

— Это единственное место в России, где шампанское делают по технологии шампенуаз, выдерживая в бутылках, а не в вульгарных цистернах, как повелось при советской власти.

— Цистерны там тоже есть, — назидательно поднял палец Николай Федорович, — я по телевизору передачу видел. И шампанское пил, то, что обычным способом делают, хорошее.

— Не сравнить с тем, что вы сейчас отведаете. Шампанское совершенно дивное. Тонкий фруктовый вкус, пузырьки не бьют в нос, но напиток не выдыхается до десяти-двенадцати часов, — торжествующе заключила она.

— То есть, надо понимать, налил это шампанское в бокал с вечера, и на утро им еще можно похмелиться? — игриво спросил Аполинарий Евгеньевич.

Все засмеялись, а Марианна Сергеевна строго погрозила шутнику, пообещав лишить сладкого.

В дверь снова позвонили. Проходя мимо, маман пропела «никого нет дома» и вернулась с бутылкой. Наталья достала фужеры для шампанского, Николай Федорович сорвал золотистую фольгу с горлышка бутылки, хлопнула пробка. В этот момент страшный грохот потряс квартиру, и в столовую вбежали люди в камуфляже.

— Не двигаться! Руки!

Старики так и остались стоять с бокалами в руках. Вошел главный.

— Кто хозяин притона? Где прячем девочек?

Бойцы уже обшарили квартиру и, не найдя никого, сделали отрицательный знак командиру.

— Почему только девочек? У нас еще и мальчики.

— Понятно. В какой комнате?

Говорил только он, остальные молча следили за происходящим сквозь прорези масок.

— Товарищ майор, могу я попросить ваши документы и узнать, на каком основании вы врываетесь в частную собственность? — выступил вперед Николай Федорович, жалея, что он сегодня в штатском.

— Поступил сигнал, а вы, я так понимаю, гость. Ваши документы.

— С превеликим удовольствием обменяюсь с вами книжечками, заодно отзвонюсь генералу Демину, поинтересуюсь о ваших полномочиях.

— Разберемся. Поступил сигнал, — тянул время майор, возвращая документ. По его лицу было видно, что ситуация перестала ему нравиться, но он не знает, как из нее выйти.

— Можно полюбопытствовать, что за сигнал? — поинтересовалась примадонна.

— Не положено.

— Мы готовы сотрудничать со следствием, — начала Катерина Николаевна.

— У нас есть информация о наличии притона в этой квартире.

— Какая прелесть, у меня дома бордель! — восхитилась Марианна Сергеевна. — Надеюсь, не дешевый?

— Господи, это какое-то недоразумение, — разволновался отставной тенор.

— Аполинарий Евгеньевич, возьмите себя в руки.

Галина начала падать в обморок. Аполинарий обмахивал ее платком.

— Ах, мне плохо, душно.

— Видите, что вы натворили! «Скорую»! — крикнул он куда-то вглубь коридора.

— И труповозку, — добавила Марианна Сергеевна.

Все посмотрели на нее с удивлением, а Галина с ненавистью.

— «Скорая» все равно приедет с опозданием, а плохо в нашем возрасте может быть только в случае инфаркта, — примадонна развернулась к Галине. — Душечка, у тебя с правой стороны колет?

— Ты бессердечная, — начала всхлипывать та, — прикладывая платочек к глазам.

— Видишь, тебе уже лучше. Давай я тебе накапаю наливочки, а потом, я думаю, тебе разрешат пойти домой, потому что, глядя на тебя только, дурак подумает, что ты имеешь отношение к сексиндустрии. Осквернение могил, но не насилие над трупами...

В салоне раздалось тихое похрюкивание.

— Прекратить смех, — рявкнул майор, пряча улыбку.

Николай Федорович обратился к нему, вновь пытаясь найти логику в происходящем:

— Вы уверены в том, что говорите? Владелица данной квартиры — заслуженная артистка, звезда, прима нашего оперного театра. Всего несколько лет назад вы могли видеть ее на сцене!

— Ну и что? Прима не может держать бордель? Что ни день, скандалы

с участием людей искусства, и все на сексуальную тему, — слабо сопротивлялся майор, которому ситуация начала казаться киношной: столовая, рояль, коллекционный фарфор, люстра, как в колонном зале, прилично одетые старые люди...

— Может, пока вы будете разбираться, я предложу мальчикам чаю? — величественно произнесла маман. — Покрепче не предлагаю, вы на службе.

— Мам, ты еще спой для них, — вылезла вперед Наталья.

— Петь не буду, ночь на дворе, акустика плохая, да и двери теперь нет, соседей потревожим.

К майору подошел один из черномасочников, что-то зашептал на ухо.

— Убью Петухова, — зашипел майор. — Приношу свои извинения, дом перепутали. Я даже и не знаю, как мы можем загладить свою вину. За дверь не беспокойтесь, завтра же починят.

— Наточка, принеси из кладовки... хотя нет, я сама, — маман покинула комнату и быстро вернулась с портьерой, которую бравые парни прибили вместо входной двери.

— На ночь оставлю вам охрану, — заверил майор.

— Это лишнее, я могу постоять за себя. У меня имеется лыжная палка.

— Мамуль, может, я у тебя останусь?

— Ни в коем случае, тебе завтра на работу. Так что сейчас все-таки выпьем шампанского, как собирались, и пойдешь потихонечку домой.

Наталья догадалась, что маман просто не хотела, чтобы она видела, кто из мужчин останется для охраны. Ей страшно хотелось посмотреть, но еще сильнее хотелось спать.

Выпив шампанского, которое и правда оказалось замечательным, расцеловавшись со всеми гостями, Наталья пошла к себе, размышляя, почему на вечере не было нового кавалера маман. С другой стороны, ничего удивительного, новые знакомые были для Марианны Сергеевны не редкость, но в узкий круг избранных они почти не допускались.

Полное отсутствие таланта у дочери в музыкальной сфере привело к полному и окончательному распределению ролей в семье. Маман — королева, созданная для восхищения и преклонения. Наталья — неудавшийся проект. Марианна Сергеевна любила дочь, но держала ее под неусыпным контролем, считая ее наивной, беззащитной и довольно бестолковой. Умри она завтра, ее маленькая девочка окажется на паперти с протянутой рукой. Акулы жизни заманят в сети, если не обманом, то лаской. Горячие поцелуи любящей матери чередовались с игнором и нравоучениями, если дочь пыталась настоять на своем мнении.

ГЛАВА 16

Выйдя из подъезда, Светлана направилась в магазин. Из-за свинцовых туч подмигивало солнце, стесняясь показаться во всей красе. Казалось, еще немного, и зиме конец. Северный ветер не давал иллюзиям окрепнуть, однако запах ранней весны витал в воздухе. Люди улыбались, предчувствуя скорое тепло и время праздников.

Светлана считала, что начинать с нуля, создавать хорошие традиции и избавляться от вредных привычек — все это следует делать не с последним ударом курантов в новогоднюю ночь, а именно весной, когда все оживает, природа просыпается и начинается новая жизнь. Глубоко вздохнув, Света подумала: пусть она не счастлива с Николаем, как раньше, но без него было бы совсем одиноко. Обходя лужи, она повернула за угол и услышала, как кто-то ее окликнул:

— Светлана Валерьевна!

Посмотрев по сторонам, она обомлела. К ней приближался «пациент».

— Здравствуйте! Вы уже на ногах?

— Да, уговорил выпустить под подписку. Я же абсолютно здоров, да и вас хотел увидеть.

— В смысле? — растерянно спросила Светлана.

— Спасибо сказать. Если бы не вы, гулял бы я сейчас по райским кущам, — мужчина развел руками.

— Да будет вам. Я выполняла свою работу. Хотя, честно говоря, здорово вы меня напугали с вашими амбалами. Просто боевик из девяностых.

— Вы уж извините моих ребят. Они сами перепугались. Надеюсь, они вели себя прилично? И еще раз спасибо.

С этими словами он достал из-за спины букет и протянул Светлане.

— Ой, ну что вы, — смутилась она. — Ваш помощник уже приносил цветы.

— Мой подарок вам очень к лицу, — кивнул ее собеседник.

Светлана покраснела. На ней, действительно, был подаренный шарф.

— Ох, простите, забыл представиться. Александр Владимирович. Мы ведь тогда так и не познакомились.

Они стояли посередине улицы. Людской поток огибал их с двух сторон, как полноводная река. Светлана понимала, что по всем правилам теперь следовало попрощаться и идти дальше, но почему-то совсем не хотелось.

Так не хотелось, что хоть волком вой. Она смотрела на почти незнакомого ей человека и улыбалась. Его синие глаза цвета несбыточной мечты притягивали. Она представила, как берет его под руку и, прижавшись к сильному плечу, прячется от пронизывающего ветра.

«Господи, совсем на старости лет умом тронулась», — она тряхнула головой, отгоняя наваждение.

— Спасибо большое. Мне пора. Знаете ли, семья, муж, — со всей возможной серьезностью сказала Света, хмуря брови.

«Что я несу, он же наверняка знает, что у меня не семеро по лавкам».

— Светлана Валерьевна, что вы скажете, если я приглашу вас в ресторан? — улыбаясь, как голливудский актер, Александр Владимирович сделал вид, что ничего не слышал. Его явно не ввели в заблуждение плохие актерские способности Светланы.

— Зачем? — глупо спросила она.

— Отметить мое воскрешение.

— А вам не с кем? Ой, я не то хотела сказать, — Светлана покраснела. — В общем, понимаете у меня муж...

— Муж, дети, хозяйство, — легко подхватил Александр.

Они оба рассмеялись.

— Мне есть с кем сходить в ресторан, но я хотел бы с вами, — подчеркнул он.

— Но я вас совсем не знаю, — запротестовала она.

— Я, наверное, должен сказать: «Вот там и познакомимся», — его глаза смеялись. — Светлана Валерьевна, я не маньяк. Я нормальный мужчина, который всего лишь хочет пригласить понравившуюся ему женщину в ресторан. Не вижу в этом ничего предосудительного или криминального. Согласны?

Светлана подумала, что принимать приглашение нельзя, что мама говорила... «Господи, при чем тут мама? Мне пятьдесят три года, а я рассуждаю, как девчонка шестнадцатилетняя, честное слово.»

— Хорошо, — она улыбнулась, старательно поправляя волосы. — А теперь мне действительно пора. До свидания.

— До встречи, — слегка прикоснувшись к ее руке, он направился к припаркованному у дороги автомобилю.

Светлана повернула к магазину, глупо улыбаясь выглянувшему солнцу и прижимая к себе букет.

— Ресторан, свечи, свидание. Что там Лариска по поводу любовника говорила? — на этой мысли Светлана замерла, боясь додумать то, что пришло к голове. — Какой любовник, какие свечи? Как говорит сын, я

сбрендила, нет сомнений. Вижу человека второй раз в жизни. Причем разговариваю с ним впервые, если учесть, что в прошлый раз он был при смерти.

«Так, — приказала она себе, — возьми себя в руки и не глупи. Он даже не спросил номер телефона, не назначил время, а ты-то размечталась».

Вместо того, чтобы успокоиться, Светлана затосковала. Получается, ее никуда не пригласили. Стало совсем грустно. Пройдя по магазину, она купила намеченное по списку, хотя пару минут назад собиралась прихватить дрожжи, чтоб испечь вкусненькое домашним. Желание стоять у плиты испарилось вместе с настроением.

ГЛАВА 17

Уже целый месяц подруги посещали курсы французского. Занятия проходили в одном из зданий госуниверситета. Фирма-организатор курсов, гордо именуемая себя «Интерлингва», снимала здесь по вечерам четыре аудитории. Кроме подруг на курсы ходили несколько молоденьких девушек, с интересом поглядывавших на группу прилежных учениц. Все они годились им в дочери и осваивали язык куда легче, казалось, прилагая гораздо меньше усилий. Светлана объясняла это малой изношенностью организма, хорошим метаболизмом и большим количеством свободного времени. Валя тихо завидовала хорошей памяти, Наталья — цвету лица, а Лариса считала, что все проблемы от лени и плохой организованности.

Оставалось пять минут до начала. Когда Лариса вошла в аудиторию, Светлана, Валентина и даже Наталья уже сидели на своих местах.

— Ты в курсе? — голос Натальи вибрировал от возбуждения. — Мы только что видели нашу преподавательницу, она нам сказала.

— Да что стряслось? Говори толком.

— На следующее занятие к нам на курсы придет настоящая француженка! — выпалила Наталья, ожидая бурной реакции собеседницы.

Лариса вздохнула и покосилась на невозмутимую Валентину.

— Ну и что? Замечательно.

— Это же грандиозно! Посмотрим, что носят настоящие парижанки в этом сезоне! Нам сказали, что она учится в Сорбонне на славистике, приехала практиковаться в русском, и вот ее пригласили провести на курсах пару занятий. Только ты постарайся не пропускать, а то у меня пары нет для диалогов, — Наталья с серьезным видом открыла учебник Китайгородской, делая вид, что ищет заданные на дом упражнения.

— Постараюсь.

Упрек был обоснованный, в прошлый раз из Москвы прикатило начальство с проверкой, пришлось задержаться после работы. Хотя у нее все равно язык идет лучше, чем у других. Это естественно. Во-первых, она его учила в институте, во-вторых, базовое знание английского очень помогает.

Тяжелее других приходилось Вале. Все ее познания ограничивались парой фраз школьного немецкого. Нет, не «Гитлер капут» и «хенде хох», но пользы от них в нынешней ситуации было мало. После двух недель занятий она призналась подругам, что курсы стали для нее кошмаром. Бесконечные

письменные упражнения навевали тоску, а после усиленного приготовления домашних заданий она видела сны, в которых бегло говорила на изучаемом языке. Просыпалась Валя совершенно разбитая.

Первая половина урока прошла по обыкновению вяло. Надежда Владимировна, молоденькая преподавательница из пединститута, уставшая на занятиях со студентами до полного изумления, методично следовала упражнениям из учебника. Присутствующим предлагалось по очереди вставлять в предложения подходящие артикли.

— «Дом» женского рода? — удивлялась Валя.

— Переименуй в «постройку», будет легче запомнить, — с видом знатока подсказывала Лариса.

— У меня сейчас голова лопнет, — жаловалась уставшая на работе Светлана, мечтая дожить до девяти вечера, когда занятие закончится.

К восьми часам на присутствующих снизошло второе интеллектуальное дыхание, группа оживилась, отрабатывая простые диалоги.

— Когда же мы перейдем к темам «ресторан» и «магазин»? — нетерпеливой Наталье процесс обучения совсем не нравился, но желание говорить по-французски побеждало.

— Скоро, — улыбнулась Надежда Владимировна.

Когда занятие завершилось, вернувшись к жизни Светлана предложила:

— А не посидеть ли нам в «Попугае»? Возьмем по коктейлю, отметим месяц плодотворных занятий.

Идею поддержали все.

Через некоторое время, заняв любимый столик, подружки перелистывали меню. Оставив на время это увлекательное занятие, Лариса достала из сумочки программку и торжественно помахала ей в воздухе.

— Что-то давно мы никуда не выбирались. Предлагаю сходить в филармонию!

— Куда? — предпочитавшая театр Наталья скривилась. — Это же скучно.

— Ничего подобного, — Лариса торжествующе улыбнулась, — филармония организует вечера симфо-джаза! Знакомые ходили на днях, очень хвалили. Музыка приятная, в стоимость билета включены вино и конфеты, и, как они поняли, не возбраняется принести с собой что-нибудь перекусить.

— С ума сойти, — воскликнула Наталья, — скоро и в Оперном балет с консумацией будут устраивать.

— Ты же представляешь, какие там зарплаты, — возмутилась Лариса. — Если в Оперный билеты раскупают, то от одного слова «филармония» у людей начинают болеть зубы. Надо же как-то заманить неискушенную публику. А симфо-джаз — приятная вещь, не знатоки вполне способны оценить.

— Мы как раз не знатоки, — выбрав коктейль, Валя захлопнула меню.

— Добрый вечер, — к столику приблизился официант, — вы уже определились?

— Мне «Маргариту», — Валя решила вернуться к коктейльной классике, — только желток не добавляйте, пожалуйста.

— Возьму-ка, я, пожалуй, «Золушку», — Лариса была за рулем и решила ограничиться безалкогольным напитком.

— Смотрите, что я нашла, — Светлана водила пальцем по странице новинок, — коктейль «Том, русский попугай»!

— Да, на прошлой неделе внесли в меню, — приосанился официант, — с целью разнообразить ассортимент. Только я вам его не советую, он очень крепкий. Вчера группа господ напуга... напробовались, пришлось до такси на себе нести.

— Тогда мне тоже «Маргариту», — Светлана была слегка разочарована.

— «Бэ-пятьдесят два», — Наталья, любившая заказывать коктейли наугад, ткнула в первую попавшуюся строчку.

Когда же заказ принесли, она всплеснула руками:

— Что это?! Как я это буду пить?

Действительно, коктейль горел. Синим, подрагивающим в полумраке пламенем.

— Смотри, Наталья, не спали брови, — хихикнула Валентина.

Подружки дружно расхохотались.

— Все бы вам шуточки шутить, — нахмурилась Наталья, тем не менее с опаской поглядывая на коктейль.

Подруги вновь вернулись к обсуждению предстоящего визита француженки.

— Вот интересно посмотреть, в чем она придет, — мечтательно протянула Наталья.

— Ты и так у нас модница, — заметила Валентина, разглядывая кофточку Натальи, надетую поверх обтягивающего формы топика и застегнутую только на верхнюю пуговицу.

Та, заметив ее взгляд, вспыхнула:

— Представляешь, что мне сегодня на работе сказали? Роберт

Аркадьевич совсем с ума сошел. Спрашивает у меня: «Вам кофточка мала или теперь так модно?»

Подруги покатались со смеху.

— Ничего, смейтесь, я видела в журнале, так все сейчас носят, — хмыкнула Наталья, добавляя последний убийственный аргумент, — и в Париже тоже!

— А у меня новость, Олег перевез ко мне вещи.

— Так у вас что к Мендельсону идет? — подмигнула Наталья. Коктейль ей не понравился, в настоящую минуту она мучалась вопросом: заказать другой или ограничиться соком. Взяв меню, пробежав глазами снизу вверх она со вздохом отметила, что цены за последние двадцать минут остались прежними. Пить захотелось сильнее.

— Я смотрю, французский ударил тебе в голову, — с раздражением заметила Лариса.

Наталья оторвалась от меню, вопросительно взглянув на подругу.

— С чего вдруг подобная агрессия на невинную шутку?

— Библиотечный червь решила на развод подать, Олег спасает движимое и недвижимое у меня на даче. А что вы на меня так смотрите? Осуждаете? Нет, я, конечно, понимаю. Если б там дети были, а так... Я же лучше других знаю, сколько Олег работал. Она же пиявка, всю жизнь на его шее. В бешенство прихожу от этих молодых да ранних. В семью с одним полотенцем пришла, Олег все на свои заработки покупал, а как дело до развода дошло, то куда вся наша гордость девалась, оставим мужика без штанов, — схватив бокал, она допила оставшееся одним большим глотком, закашлялась попавшим кусочком льда.

— Лар, а как же женская солидарность? — вяло поинтересовалась Светлана, теребя край скатерти. — Тебе ее что, совсем не жалко?

Валентина стучала подругу по спине.

— А при чем тут жалость? — сдавленным голосом переспросила Лариса. — Ей кто-то мешал учиться, переквалифицироваться, развиваться, пока муж деньги в дом лопатой греб? Сейчас бы тоже на серебре завтракала. Нет, она двадцать лет за конторкой сидела. Зато какое преобразование, как только речь о деньгах, диванах да чашках с ложками зашла. Возвышенность и утонченность испарились.

— Лар, но ведь он знал, кого в жены брал. Или тогда она изучала иностранные языки, занималась спортом и развивалась-развивалась?

— Вот именно, брал он тихую, спокойную, в надежде, что у человека в голове не две извилины, а чуток больше. Какой дурой надо быть, чтобы не понимать, что одними борщами мужика в доме не удержишь, ему еще и

гордость за свою жену нужна.

— А зачем? — Валентине тема не нравилась. Она понимала, что Ларисино раздражение направлено не на жену Олега. Лариса переживала за дочь, перенося борьбу со своими страхами на ситуацию, изначально мало ее задевавшую.

— Красота уходит, дети, если они есть, вырастают, и с чем остается семья? Мужчина достиг высот, стал космонавтом, например, а жена как была клушей, так и осталась. Конечно, курица в бриллиантах — тоже хлеб, да только перед друзьями, коллегами, партнерами мужику хочется блеснуть своей второй половиной, а не навешанными на ней бирюльками. И если жена с мозгами, то должна понимать: у нее есть только один шанс не быть замененной на новую красивую игрушку — попытаться стать самодостаточной личностью. Сегодняшний мир — это не только тарелка, кастрюлька. Ведь почему-то мы гордимся достижениями своих детей или мужей, а мужикам в этом отказываем, — закончила она, стараясь поймать ускользающий взгляд официанта.

Народу в «Попугае» было немного. Официанты болтали за барной стойкой, ожидая сигнала посетителей. Сидеть им строго воспрещалось. В свое время владелец заведения поездил по Европе и был поражен работой австрийских кафешек, где при наличии даже одного гостя работники продолжали чинно стоять возле бара и ждать указаний, а не отправлялись на кухню чай гонять. К тому же, если во время «ничегонеделания» одну часть работников занять уборкой, протиркой посуды или приемкой товара, разумеется, в подсобных помещениях, а не на глазах публики, то можно прилично сэкономить как на уборщицах, так и на рабочих, передав часть денег официантам в виде премиальных. Рафаэль Маркович был строг, но справедлив, экономил на людях, но не на их зарплате.

— В чем-то ты права. Когда у Николая монография вышла, его в Китай приглашали на семинар, я тогда так радовалась за него, приятно было, что из всего коллектива клиники пригласили лишь троих, и мой муж оказался в этой тройке.

— С чем не согласна? — напряглась Лариса. Подозвав официанта, без слов, жестом попросила повторить напиток. Наталья в порыве бережливости заказала сок.

— Меняется человек при этом, становится, как машина, офисный планктон, когда работа на первом месте, а жена, семья — где-то между тарелкой и диваном.

— Над отношениями, климатом в семье работать надо. Просто так только в шалаше рай, и то до первого дождика.

Спорить с подругой у Светланы не было настроения. По опыту было известно, что в вопросах семьи и брака ее точка зрения менялась кардинально в зависимости от контекста. То надо было все бросать и бежать без оглядки, доверившись чувствам, и если любовь умерла, нет смысла держаться за семью, то с жаром доказывала обратное. Светлана прислушивалась к себе и удивлялась, что разговоры, посиделки и подружки в настоящий момент отошли для нее на тот самый второй план, о котором она только что говорила.

Она в очередной раз переживала встречу с Александром, вспоминала тепло его руки при прощании. Он заворожил ее своим голосом, очаровал. И этот шарф, который по стечению обстоятельств подходил под цвет ее глаз. Разве способен угадать мужчина с цветом, если плохо знает женщину? А может, просто совпало, и остальное — это плод ее воображения, фантазия, порожденная жаждой душевного тепла и комплиментов. Это напоминало весенний ветер в начале ноября, когда создается ощущение, что зима решила задержаться, а осень завела интрижку с апрелем. Погода меняется по три раза на дню, как настроение у беременной или кормящей, от радостно-восторженного до раздраженно-истеричного. Утром заморозки, к полудню дождь, а к началу вечера солнечная тишина и весенний ветерок, который бывает только в конце зимы.

— Значит, я пиявка, — грустный голос Валентины прозвучал довольно громко в воцарившейся за столиком тишине.

— Валюш, да при чем тут ты, — закричали все разом.

— Ну как, вот вы по-умному рассуждаете, что только восьмичасовой рабочий день превращает обезьяну в человека и делает из домохозяйки женщину. Что умирающие семейные отношения можно реанимировать повышением зарплаты, новым назначением, трудовыми успехами. Человек просто вырос из данных отношений, как из детского пальто, и даже если оно шито в самом дорогом ателье, никакая гордость, что сам великий Армани ночей не спал, когда его кроил, не заставит человека надеть его снова.

— Валюш, ты не приравнивай себя к бывшей Олега. Ты всю жизнь работала, сейчас у тебя перерыв, временный отпуск. Младшая немного подрастет, и ты прекрасно на полставки на работу выйдешь. Ты же знаешь, что в бухгалтерии все на опыте и старых кадрах держится, — трещала Лариса, не давая собеседницам опомниться. — Ты работу найдешь, только свистни. В конце концов, чуть подучишься, окончишь компьютерные курсы, и я тебя к себе возьму.

Валя улыбнулась, в очередной раз восхитившись, как легко умеет

Лариса пропустить реплику собеседника, и вернуть тему разговора к изначальному, ее точке зрения. И скажи она подруге, что жизнь в настоящий момент ее абсолютно устраивает, что она счастлива в роли бабушки, общаясь с внучками, та вряд ли оценит, а главное, поймет. Вале не хотелось разочаровывать Ларису, объясняя, что для нее важно помочь дочери, которая хоть высыпаться периодически стала, а то была как загнанная лошадь. Она не понимала, как подруга ставит на первое место работу, спокойно рассказывая, как бывает тяжело Дашке за границей. Легко критиковать бестолкового зятя, но это ж твой ребенок, хоть и подросший, и в первую очередь ты родитель, а уже потом начальник. И твоя основная задача быть не где сложно на производстве, а где плохо твоей кровиночке. Ведь никакая работа, деньги, развлечения не смогут успокоить, если вдруг у твоего ребенка что-то пойдет не так.

— Кстати, Натуль, я Олегу посоветовала вашу контору и тебя лично.

— Хорошо, посмотрю завтра, где есть «окно».

— Ты им организуй все по-быстренькому, как нас с Костей. Квартиру покупал Олег. Я считаю, что честно будет без дележа, чтобы она на деньги согласилась.

— Ларис, давай я лучше сначала заинтересованные стороны лично выслушаю, а потом твои пожелания.

— Хорошо.

— Свет, а ты чего молчишь весь вечер? С Николаем у вас как? Может, вас тоже за компанию развести, поделить?

— Да ну вас, девчонки, — очнулась та, — чего я в свободной жизни не видела? Куда я на старости лет да в другой порт?

— А кто говорит о другом? Мы предлагаем тихую гавань, шхуна и бородатый шкипер с трубкой в зубах в кресле-качалке любит на закат, а ты выходишь из пены...

— Если пивной, то я согласна, — Светлана решила подыграть, а про себя отметила, что вот он, подходящий момент, чтобы рассказать, что один импозантный мужчина считает ее привлекательной, что Париж — это всего лишь мечта, а он — живое обещание счастья. И он пригласил ее в ресторан. Не важно, что ресторан, похоже, накрылся. Главное, что пригласил. Утешиться этой мыслью получалось плохо, желание поделиться новостью отпало. Валентина, конечно, посочувствует, Лариска поругает за нерешительность, Наталья будет интересоваться биографией кавалера, а все вместе они будут ее жалеть, и тогда она просто разревется прямо здесь, и будет оплакивать горькими слезами свое несостоявшееся бабье лето, обещанную Лариской лебединую песню.

— Кстати, о Шекспире. Я обещала Коле сегодня пораньше прийти, он по вечерам мне уроки вождения дает, скоро пойду на права сдавать, — неумело стала она врать, собирая сумку. — Ну все, я побежала, всех целую.

Вскочив из-за стола, едва не опрокинув стул, она стремительно выбежала из зала, на ходу путаясь в рукавах пальто. На улице холодные капли дождя смыли первые выступившие слезинки, но горький комок в груди нарастал, и вот уже слезы двумя ручейками побежали по лицу, победив природное явление.

— Что это было? — нарушила молчание Наталья.

— Может, просто устала? — предположила Валентина.

— Так устала, что решила покататься по ночному городу с мужем? — Лариса поболтала остатки коктейля в стакане.

— Зря ты так. Николай вполне мог согласиться помочь жене с вождением.

— Конечно, — с пафосом ответила та, — если хоккеем по телику отменили. Завтра позвоню, узнаю, с чего вдруг ей так домой захотелось, а сегодня я угощаю. Олег выдал деньги на хозяйство, но я думаю, это он мне за пристроенные вещи заплатил, как в камере хранения.

— Блин, — чертыхнулась Наталья. — Надо было коктейль вместо сока заказывать. Как на халяву, так вечно я пролетаю.

Подруги рассмеялись.

— Заказывай свой коктейль, только без выпендрежа на этот раз, — улыбнулась Лариса.

— Давайте я вам про нашего щенка расскажу, — предложила Валентина, когда мурлыкающая что-то про «есть в жизни счастье» Наталья с очередным коктейлем устраивалась на диванчике под фикусом.

— Я всегда считала, — начала Валентина, — что собака — это домашнее животное, которое большую половину дня спит тихонечко на коврик в углу, но то, что приобрела моя дочь, больше похоже на... — она запнулась, подыскивая слово, — я даже затрудняюсь подобрать должное определение сему произведению природы. Что-то среднее между зубром и кавказской овчаркой. Смейтесь, смейтесь! Это только по внешнему виду. Характер, темперамент и поведение у данного существа напоминает среднестатистического мужчину, о котором так любит рассуждать Ларочка.

— С пультом от телевизора, шершавыми пятками и чешет след от резинки семейных трусов? — на одном выдохе с неподдельным ужасом спросила Лариса. — Какой кошмар!

— Представляете, — пропуская реплику подруги, продолжила Валентина, — он лежит на подстилке на боку, стараясь дотянуться правой

лапкой до стенки, при этом перекручивая оставшуюся часть туловища на девяносто градусов. Все хозяйство на улице...

— Как у зубра? — поинтересовалась Наталья.

— Вот она, несправедливость! У женщин домашнее хозяйство, а у мужчин все в штанах умещается — и кухня, и стиралка, и пылесос с дрелью.

— Да, — с театральной грустью подхватила Наталья, — мелковат мужик пошел. Видно, природа решила отдохнуть и сконцентрировала все силы на братьях меньших.

— Девочки, у вас вечно одна тема.

— Неправда. Наталья который год бьется над проблемой размножения денег. Светланка стоит на берегу семейной реки и смотрит на проходящие мимо суда, а на берегу все то же старое корыто, — перефразировала подруга строчку из сказки Пушкина. — А я пытаюсь примирить Олега с наличием нового члена в нашей кровати — французского разговорника. Так что там дальше было? Извини, отвлеклись.

— Так вот, лежит, пытается дотянуться. Наконец, попав лапой на белую поверхность стены, не удерживается и проводит по ней когтями. Затем, потеряв одно ему ведомое равновесие, падает. Грохот — словно шкаф рухнул. Еще песик любит подойти к двери спальни и медленно сползает по ней, принимая позу «очень устал». Дверь при этом толкается всей массой тела. Когда же он чешется, то удержаться на трех лапах да на скользком паркетном лаковом полу ему редко удается, поэтому, если чесание проходит не на застекленной лоджии, то заканчивается процедура очередным грохотом. А как он пьет!!!

— Водку?! — веселились Наталья с Ларисой. Валентина отмахнулась от них.

— Вода мимо миски. Морду вытирает о скатерть, попавшуюся на пути, или о брюки мужа. При этом если я с тряпкой подловлю, вытру, то он сразу идет к поилке и утоляет жажду снова, хитро поглядывая на меня «начитанными глазами», как подметила внучка. Днем я спокойна, слишком много звуков, но с приходом ночи... Я стараюсь успеть заснуть между падением тела, стучением когтей по паркету и питьем, похожим на всплеск весел. Муж проваливается в сон, как только доносит голову до подушки. Ему хорошо, он может спать и стоя, и сидя, главное, чтобы была установка — приказ на сон. Я же всю жизнь страдаю чутким сном, просыпаюсь от любого звука. Подъезжающие машины, двери лифта, песни запоздавших гуляк — все это фон, но шуршащая по дому псина, периодически появляющаяся у кровати с моей стороны в поисках ласки или с

напоминанием, что после водопоя самое время «отлить», и так по четыре-пять раз, превращает ночь в кошмар. На днях салют запускали. Видимо, родился или женился кто-то в соседних домах. Этот монстр размером со слона прыгнул на кровать, прижался ко мне всей массой, мимоходом чуть не удушив, и дрожал от ужаса, как овца на заклании. Хотели сдвинуть пса на пол, но собачка весит под шестьдесят килограммов, что означает силу около тонны, а Михаил все же не Геркулес. Пришлось спать всем вместе, пес словно прирос к кровати. Так и проспали: я, прижавшись к Михаилу, и собака, прижавшись ко мне.

Во время рассказа Валентины подруги хохотали как заведенные, утирая слезы.

— Валюш, тебе в юмористы надо, такой талант пропадает, — размазывая остатки косметики, рыдала Наталья.

— Я-то переживала, как Олег перенесет секс на троих с разговорником, а оказывается, книжка в кровати — это прошлый век. Настоящая русская женщина и коня на скаку остановит, и на печку рядом с собой положит. Жаль, Светланка домой улетела.

Лариса посмотрела на часы и охнула.

— Девчонки, вы знаете, который час? Валюш, твоя «фея», видимо, уже уснул, раз не звонит.

— Внучки его заездили.

— А по нему так удобно ориентироваться. Появление твоего мужа или звонок означают, что детское время истекло, пора по койкам, а сегодня... Скоро светать начнет, а мы все еще резвимся. Все, давайте допивайте и по домам, — Лариса махнула рукой официанту.

ГЛАВА 18

Лариса, подвозившая подруг, решила не ставить машину в гараж, а припарковаться на ближайшей к дому стоянке.

Настроение было отличным, впереди ее ждала горячая ванна и чашка чая. Нырнув из ярко освещенного прямоугольника платной парковки в чернильную темноту мартовской ночи, Лариса не обратила внимания, что за ней идет мужчина.

Входя в подъезд, Лариса с неудовольствием отметила, что кодовый замок снова сломан. Дом, где она жила, с годами нравился ей все меньше, но она привыкла к своей квартире, виду из окна, хорошему району. Неухоженная двенадцатиэтажка, не видевшая ремонта уже лет пятнадцать, производила впечатление изгоя среди окруживших ее благополучных новостроек, выросших на месте уничтоженного частного сектора. Из всех благ нового времени дом заплучил железные двери на подъезд и вечно неработающие замки. Время от времени их меняли, но по странному стечению обстоятельств через несколько дней они оказывались сломанными. Искореженные почтовые ящики наводили на мысль о пронесшемся по подъезду торнадо, который заодно прихватил и обшивку дверей лифта, ободранных и испорченных настенной живописью.

Лариса подумала о том, что какой-то невоспитанный житель дома уже который год настойчиво выкладывает замысловатый узор из кусочков жвачки на вентиляционной решетке внутри лифта. «Наверное, каждый раз возвращаясь домой, вынимает жвачку изо рта и приклеивает», — невпопад подумала она.

Лариса нажала почерневшую кнопку вызова лифта. Вслед за ней в подъезд вошел незнакомый мужчина. Одет он был прилично, коричневая кожаная куртка, черные джинсы, подозрений не внушал, но предстоящий тет-а-тет поздно вечером в лифте с незнакомым мужчиной Ларису не прельщал. Она решила схитрить и отправилась к своему почтовому ящику, расположенному в полутемном углу и от того почти не пострадавшему за эти годы.

Демонстративно перебирая рекламные проспекты, которыми регулярно захламлялся подъезд, она сказала в сторону лифта:

— Не ждите меня.

Реклама турагентства с броской надписью «Увидеть Париж и...» привлекла внимание.

Когда же она подняла глаза, то к немалому своему изумлению увидела, что незнакомец никуда ехать не собирается, напротив, стоит возле лифта, держа руку на открытой ширинке брюк. «Извращенец», — подумала Лариса, прислоняясь спиной к ящикам. «Вот ведь безобразие развели в доме, то наркоманы и бомжи на черной лестнице спали, еле выгнали их, теперь эксгибиционист пожаловал. Ну почему именно сегодня? Почему ему приспичило именно в наш подъезд зайти? Все настроение испортил», — Лариса окончательно раздосадовалась.

— Нравится? — хриплым голосом спросил мужчина, решив, что Лариса от испуга и удивления потеряла дар речи.

Не зная, что теперь делать, Лариса стояла молча, отводя глаза. «Все, завтра сразу с утра позвоню дежурному, потребую собрания жильцов и сбора денег на домофон».

Незнакомец тем временем медленно пошел на Ларису, неприятно ухмыляясь и приговаривая:

— Испугалась, что ли? Ты не бойсь, я хороший.

«Маньяк!» — пронеслось в голове у Ларисы, испытавшей прилив крови к щекам. В желудке стало пусто и холодно. В ужасе сползать по стенке не входило в ее планы. Вслед за страхом ее захлестнули раздражение и злость. Она нащупала в кармане баллончик, который всегда носила с собой для гипотетической защиты от бродячих собак, обитающих в соседнем парке. Думая только о том, что надо как-то выбираться из тупика с почтовыми ящиками, она пошла вперед, одновременно вскидывая руку с баллончиком. Позднее ей вспоминалось, что мужчина двигался как-то необычно медленно, даже не успел отвернуться или закрыть лицо руками. А может быть, правду говорят, что для людей в стрессовых ситуациях время идет иначе?

Как бы там ни было, невыносимо долгую секунду спустя Лариса изо всех сил нажала на кнопку, выпуская прямо в глаза незнакомца едкую струю перцовой смеси, и выбежала на крыльцо. Чуть погодя за ней последовал грязно ругающийся, обливающийся соплями и слезами гореманьяк. Лариса отошла на безопасное расстояние, размышляя, что кричать теперь уже и смысла вроде как нет, тем более мужчина справлялся за двоих. Его жуткие вопли могли поднять мертвого, но из окон так никто и не выглянул.

Все еще прижимая руки к горевшему огнем лицу, незнакомец скрылся в темноте. Лариса достала мобильный телефон и набрала номер ближайшего отделения милиции.

— Здравствуйте! На меня только что пытались напасть. Нет, не

пострадала. Зачем звоню, если трупа нет? Или вы хотите дождаться, когда он на кого-нибудь нападет удачно? Да что ж такое! — наконец возмутилась она. — Как телевизор включишь, впечатление создается, что милиция выезжает даже на убийство кошки, а тут на человека нападают, и никому дела нет!

Наряд милиции приехал через двадцать минут. Лариса описала сбежавшего извращенца, понимая, что зря все это затеяла. Еще через полчаса привезли собаку, которая, немного покружив по дворам, потеряла след на пустой автобусной остановке.

Ларисе, проклинаящей все на свете, пришлось поехать в отделение милиции, чтобы под присмотром душераздирающе зевающего лейтенанта написать заявление. Когда она уже собиралась уходить, в кабинет заглянул радостно улыбающийся милиционер.

— Петрович, там Земчук вернулся, говорит, поймал вашего «маньяка». В «обезьяннике» отдыхает.

— Да ты что! — оживился Петрович, сбрасывая сонное оцепенение. — Скажи, мы идем.

В клетке действительно находился человек среднего возраста, в коричневой куртке, в полном соответствии с описанием Ларисы. Правда, ростом он был гораздо выше.

— Это не он, — тихо сказала она.

Задержанный бросил на нее колючий взгляд, от которого она непроизвольно поежилась, и что-то пробормотал.

— Точно? — лейтенант, мысленно уже ставивший «галочку» за раскрытие «преступления», был разочарован.

Распрощавшись с лейтенантом, Лариса вышла из отделения, прикидывая, как теперь будет добираться до дома. Подумав, набрала номер Олега, кратко обрисовала сложившуюся ситуацию и попросила приехать за ней.

— Ларчик, ну куда я сейчас поеду? Я уже и машину припарковал, и носки снял, — Олег глупо хихикнул, явно довольный шуткой. — Тот мужик наверняка больше тебя испугался, только штаны расстегнул, а ты его уже из баллончика.

— Мне надо было дождаться, когда он меня по голове стукнет? — холодно поинтересовалась Лариса. — Хорошо, обойдусь без тебя.

Не слушая закудахтавшего в трубку Олега, она отключила телефон и тут заметила, что ее догоняет арестованный, очевидно, уже выпущенный из «обезьянника» за ненадобностью.

Поравнявшись с Ларисой, он смерил ее ненавидящим взглядом и

выдавил:

— Ну, сука, не была бы ты одного возраста с моей матерью, дал бы в морду, чтоб больше по ночам не бегала, а дома сидела, носки вязала, зараза.

Мужчина скрылся в темноте, а Лариса осталась стоять под фонарем, сжимая в руках мобильник и сглатывая подступившие слезы. Она показалась себе слабой, никому не нужной и бесконечно одинокой.

ГЛАВА 19

Проснувшись на следующее утро с раскалывающейся от боли головой, Лариса с трудом добрела до кофеварки, затем тщательно, но без вдохновения оделась и отправилась на работу.

У лифта ее настигла местная достопримечательность.

— Лариса Михална, постойте! Лариса Михална, одну минуточку!

Лариса обернулась на голос, жалея, что не родилась глухой. К ней неслась соседка с пятого этажа, мадам Селезнева, как ее называли в доме. Обожавшая одежду в стиле городской сумасшедшей, вдова носила шляпки и невероятные сумки-саквояжи, то ли украденные из лавки старьевщика, то ли позаимствованные у старухи Шапокляк.

За неимением семьи мадам занимала себя сбором сплетен, следила за моральной устойчивостью соседей. Нет, она никого не осуждала, не порицала, но странным образом знала все и про всех, дополняя деталями из просмотренных днем сериалов. Вот это ее знание, происходящее непонятно из каких источников, наводило на обитателей дома трепет и стойкое желание как можно реже встречаться с сарафанным радио.

— Ларочка, вы слышали о вчерашнем нападении на женщину в нашем доме? — мадам Селезнева догнала Ларису и перекрыла ей путь к выходу выдающимся бюстом.

— Да что вы говорите? — Лариса сделала удивленное лицо, подняв брови и театрально взмахнув руками.

— Я давно говорила, — продолжила женщина, — что дом без консьержа — это неприлично в наше время, мезальянс.

— Не комильфо, — машинально поправила Лариса.

— Я и говорю, — не моргнув глазом продолжила соседка, — опасно в наше время. Кодовый замок на двери любой может открыть. Хоть бы домофон установить решили! Представляете, на женщину напал маньяк, разорвал одежду и надругался, ирод. Когда приехала милиция, бедняжку пришлось заворачивать в одеяло, ничего из одежды на ней не было цело, одни лохмотья.

Лариса опешила, представляя, что придется менять квартиру. Быть жертвой насильника и встречать утром и вечером сочувствующих соседей или, еще хуже, приходящих с предложением помощи, было ей в настоящий момент не под силу.

— А имя жертвы известно? — с замиранием сердца поинтересовалась

Лариса.

— В том-то и дело, что нет. Был наряд милиции, но в нашем отделении теперь какой-то новенький участковый и все твердит «не положено». В подъезде никто ничего не слышал, — с сожалением в голосе откликнулась соседка. — Знать бы, кто это, мы бы помогли человеку справиться с первым шоком, ведь в данной ситуации главное выговориться, облегчить душу, рассказать о своих страхах. Вы согласны со мной?

— Да, полностью поддерживаю вас, — выдохнула Лариса, с облегчением понимая, что переезд отменяется.

— А вы ничего не слышали, Ларочка?

— Нет, я вчера рано спать легла, — поспешно соврала Лариса.

— Странно, — внимательно посмотрела на нее мадам Селезнева, — выглядите вы на удивление хорошо, это даже ненормально в вашем возрасте. Аристократическая бледность вам очень, очень к лицу. Ну, не буду вас задерживать. Хорошего дня!

Мадам встрепенулась, увидав очередную жертву, соседа Василь Михалыча, возвращающегося с собакой с прогулки. Не дожидаясь ответа Ларисы, она антилопой рванула ему навстречу.

Лариса быстро дошла до стоянки, села за руль и, взглянув на себя в зеркало, потянулась за косметичкой.

— Кошмар какой! Вот что значит полночи бегать по городу, а потом плохо сделать макияж, — приговаривала она, припудривая лицо, отдававшее нездоровой зеленью.

Лариса вздрогнула. Сперва показался букет красных роз, а за ним — свежесбритое, улыбающееся лицо Олега. Ветер развеивал небрежно повязанный шарф «Банана Репаблик», презентованный ему Ларисой на День защитника Отечества. Благодаря военной кафедре, армия обошла его стороной, но повод как выпивать в сей день, так и принимать подарки остался на законных основаниях. Минуту они смотрели друг на друга. Олег демонстрировал радость щенка от встречи с хозяйкой, Лариса боролась с желанием дать полный газ. Правила хорошего тона оказались сильнее, она опустила стекло.

— Девочка моя бедненькая, — начал Олег шутливым тоном, пытаясь заслужить хотя бы улыбку. Лариса молчала.

— Ну, прости дурака. Спросонья был, задремал перед телеком. Ситуация показалась беспроблемной. Думал, такая женщина, как ты, сама разберется, а утешение... — развел он руками. — Разве ты позволила бы мне вытирать твои горячие слезы и отпаивать ромашковым чаем, как какую-нибудь истеричку? Нет, ты из тех женщин, которые обезвреживают

преступника, а затем сдают его правосудию. Лар, ну прости, — заглядывал он ей в глаза, пытаясь просунуть голову в окно для поцелуя. Отсутствие реакции на прибаутки его пугало.

— Ларчик, да, я виноват, не прибежал по первому зову, — изображавший раскаяние Олег жалостливо смотрел на Ларису и теребил листья на букете.

— Зато мебель перевез ко мне.

— Опять права, всегда и во всем. Эгоист законченный, но это в последний раз. Сознаю свою вину меру, степень, глубину, — заныл Олег стихами.

— Не трогай классику, — сладким голосом сказала Лариса, глядя ему в глаза. — А сейчас, Олег, извини, мне пора на работу, кстати, и тебе тоже. Несмотря на то, что мы вместе спим, я еще и твой начальник по совместительству. Она нажала кнопку стеклоподъемника, отгораживаясь сначала от букета, затем от модного галстука и, наконец, от улыбки чеширского кота. Настроение у нее улучшилось, но каково было ее удивление, когда Олег плюхнулся рядом с ней на сиденье.

— Спрячь меня, — заговорщицким шепотом начал он, — там ваша чокнутая мадам Селезнева. Если она меня поймает, я точно на работу опоздаю. И ты лишишь меня премии, а себя подарка, — он протянул букет. — Давай-давай, — шептал он, — медленно поехали, пока она нас не заметила.

— Прекрати сейчас же этот театр и выматывайся из машины, — Лариса толкнула его в бок, приходя в ярость. — Ты мне нужен был вчера, понимаешь, а сегодня я без тебя обойдусь.

— Не-а, не обойдешься, — и он со всей силы прижал ее к креслу автомобиля, закрыв рот поцелуем.

«Запрещенный прием», — в последнюю секунду подумала Лариса и обвила Олега руками. Еще минут десять он шептал извинения вперемешку с шутками и словами любви, ласковыми прозвищами, а Лариса слушала. К ней возвращалось спокойствие и румянец на щеках.

— Лар, давай сделаем так: пару дней я поживу у тебя, телохранителем. А то, смотрю, больно много ценителей женских фигур развелось в вашем районе. Машину я оставил на стоянке, будешь подбирать меня после работы возле парка, чтобы не дать сотрудникам повода для сплетен и хорошего настроения.

— Олег, все давно в курсе наших отношений.

— Нет, Ларис, никто свечку не держал, значит, это догадки, предположения, домыслы, — серьезно заметил он и ласково добавил: —

Так что блузочку застегните, товарищ начальник.

Лариса рассмеялась, начала поправлять одежду.

— Ты меня всю помял и растрепал, — сдавленным голосом заметила она.

— Правда? А мне казалось, я вел себя прилично.

— Спасибо, что предложил пожить у меня, — она положила свою руку на его, но Олег тут же схватил и начал целовать ее пальцы.

— Ларочка, это минимум, который я мог предложить, чтобы искупить мой непотребный поступок.

— Хорошо, я тебя прощаю, — сказала она, завела мотор и поехала со двора.

ГЛАВА 20

Еще на подходе к дому Наталья увидела белеющий клочок объявления. «Только бы не вода, только бы не вода», — умоляла она небеса и отдел жилконторы. Но в такой прекрасный солнечный день зарплаты, отмеченный приобретением сногшибательного костюма песочного цвета, должно было появиться маленькое недоразумение в виде отсутствия воды для помыва. Конечно, оставался старинный способ мытья с помощью кастрюли и тазика, но к костюму Наталья приобрела новую краску-шампунь для волос. Поливать крашеную голову из ковшика было несподручно. Войдя в квартиру, Наталья проверила краны, убедилась, что объявление чистая правда и набрала мамин номер. Абонент был вне зоны досягаемости. Наталья стала собираться к маме для принятия водных процедур.

Дома, в соответствии с ожиданиями Натальи, никого не оказалось. Для полной уверенности она прошла по комнатам, заглянула даже в кладовку, словно маман могла развлекаться игрой в прятки, и принялась за дело.

Когда Наталья намылила шампунем голову, послышался шум открывающихся дверей и голос маман, разговаривающей, очевидно, с кем-то из соседей. Наталья надела застиранную длинную футболку, на голову пристроила пакет — так советовала приложенная к краске инструкция.

— Мам, не пугайся, это я. У нас воду отключили, — закричала она в сторону входной двери и вышла в коридор. Наталья была слегка близорука с детства, но считала, что очки ей абсолютно не к лицу. Она пробовала несколько раз контактные линзы, но в силу своей постоянной рассеянности и забывчивости то теряла, то забывала их, то наступала на эту «тонкость глазного искусства». Кроме того, вопреки обещанию на коробочке, краска безбожно текла, норовя попасть в глаза.

— Девочка моя, что за сооружение у тебя на голове? — послышался томный голос примы.

— Пакет, я волосы оттеняю в красноватый.

— Наточка, ты потеряла работу?

— Нет, — удивилась Наталья.

— В стране новый кризис? — судя по звукам, маман присела на пуфик и по своему обыкновению картинно схватилась за сердце.

— С чего ты взяла?

— А почему тогда ты занимаешься этим сама? Согласна, в нашем

городе мало хороших мастеров, а к такому вопросу, как оттенок волос, нужно подходить очень серьезно. Учитывать твой тип, общую цветовую гамму, тона повседневного макияжа. У Ларочки, если мне не изменяет память, имеется прекрасный мастер, молодой человек лет сорока. Он мне в прошлый раз сделал очень авангардную покраску. Я вначале сомневалась, но он был так мил, с прекрасными манерами, напомнил мне моего Петю, упокой, Господи, его душу, такой же галантный. Третий муж Марианны Сергеевны был директором одного секретного НИИ, три раза в год — в день знакомства, день свадьбы и Восьмого марта — дарил жене бриллианты и четыре раза в год вывозил в Ялту. Умер он от сердечного приступа в тот день, когда НИИ рассекретили и приказали поделиться наработками с американцами.

Марианна Сергеевна расчувствовалась и, поблескивая кольцом, полезла в сумку за носовым платком, салфетки она не признавала.

— Да, Наточка, познакомься. Это мой старинный друг, Лев Валентиныч. Сто лет его не видела и вдруг неделю назад встречаю в «Пассаже».

— Очень приятно, — донеслось из полумрака прихожей.

— Мам, что ж ты не сказала, что не одна, — Наталья рванула в ванную комнату, из-за дверей до нее донеслось:

— Видите, Лев Валентиныч, как все-таки тяжело с подросшей дочерью. Сама выскочила, а потом, как всегда, мать виновата.

— Да-да, трудно сейчас с молодыми. Нервные, нетерпеливые, как я вас понимаю. Знаете, я вот что подумал. Может, взять вашу дочь с нами на сеанс?

— Вы думаете? — засомневалась маман. — А участники группы?

— Почему нет? Я уверен, что мы встретим понимание. У всех дети, проблемы, да и девочка в таком возрасте, знаете, когда необходима направляющая рука.

— Ах, как вы правы! Наточка замечательная, но проблемы в личной жизни, отсутствие мужчины, вы меня понимаете, это же так вредно для здоровья в ее возрасте. Да и моя душа успокоилась бы, передай я мою девочку в крепкие, надежные руки. Тогда и о себе можно было бы подумать.

Наталья включила душ. Продолжение разговора она могла пропустить.

Через два часа Наталья была готова: волосы высушены и уложены, костюм сидел идеально. Она надеялась, что за это время маман и ее гость успеют выпить кофе и куда-нибудь уйти. Общаться с Львом Валентинычем, заставшим ее в столько непрезентабельном виде, не

хотелось.

Однако ее терпеливо ждали. Слушать возражения дочери маман не пожелала, и вся троица отправилась на такси на таинственный сеанс, про который Наталье отвечали кратко: «Сама увидишь».

Такси остановилось возле серого дома, построенного в тридцатые годы прошлого века. Вокруг стояли такие же мрачные сооружения, образуя микрорайон, прозванный в народе «городок чекистов». Когда-то квартиры в этих домах распределялись исключительно между служащими известного комитета. Со временем потомков сталинских соколов здесь почти не осталось, но название прилипло намертво.

Наталья последовала за маман и ее другом на второй этаж. Дверь, обитая дермантином винного цвета, распахнулась. На пороге стоял величественный старик с совершенно лысой головой. Поприветствовав Льва и его спутниц, он проводил их в гостиную.

— Это хозяин квартиры, Валерьян, — прошептала маман на ухо Наталье.

За круглым деревянным столом сидели люди. Большинство из них по прикидкам Натальи давно перешагнули семидесятилетний рубеж. Никто никого не представлял, люди тихо переговаривались, как бывает в ожидании какого-либо действия. Маман и Льва поприветствовали кивками головы, на Наталью посмотрели со сдержанным интересом. Через некоторое время Валерьян дал знак. Шторы немедленно были задернуты, зажглись свечи.

— Дамы и господа, — лысый хозяин квартиры взял слово, — начнем.

В центре стола появились кусок исписанного ватмана и перевернутое блюдечко. Присутствующие поставили на него кончики пальцев, и ведущий забубнил:

— Дух Казановы, приди! Дух Казановы, приди! Дух Казановы, ты здесь?

Ничего не происходило. Старик надрывался минут пять, на все лады призывая Казанову. Камлание выглядело забавно. Наталья, изо всех сил сдерживающаяся, чтобы не расхохотаться, не выдержала и прыснула. На нее посмотрели, как на шкодливую девчонку, а Валерьян строго сказал:

— Среди нас есть человек, настроенный крайне скептически. Ему не следует участвовать в сеансе.

Наталья смутилась, но решила не перечить. Усевшись на плюшевом диванчике в углу комнаты, она стала наблюдать.

Казанова откликнулся на следующий же призыв «ведущего».

Блюдечко поехало по столу, нарисованная на нем стрелка указала на

выведенное на ватмане жирное «да». Участники спиритического сеанса оживились, но пальцев с блюдца не сняли, явно опасаясь нарушить духовную связь.

Часа два задавались самые разные вопросы. На одни следовал однозначный ответ «нет» или «да», на другие блюдечко начинало выписывать по ватману зигзаги, указывая написанные буквы и цифры. Их записывали, складывая ответы, иногда совершенно несообразные.

Наконец, все закончилось. Задремавшую Наталью растолкала маман, и они отправились домой. Сидя в такси Наталья недоумевала:

— Ерунда какая-то. Я уверена, что блюдце толкает сам ведущий или один из присутствующих, а остальным кажется, что оно само едет.

— Ты ничего не понимаешь! Это дар, подкрепленный силой духа соединенных в единую цепь людей, — восклицала маман, — а Валерьян и сам лично может говорить с духами умерших. Лев мне рассказывал, что Авиценна открыл ему древний рецепт, по которому Валерьян вырастил себе новый зуб взамен выпавшего.

— Так не бывает, — покачала головой Наталья, — разве что зуб был молочный.

— Много ты понимаешь, — фыркнула маман и всю дорогу до дома молчала.

Наталья задумалась. Может, напрасно она была так недоверчива? Сама-то она потратила немало времени, бегая вокруг дома с носками. Вероятно, больше толку было бы, задай она пару вопросов Казанове. С другой стороны, не хотелось бы выставлять свои проблемы перед чужими людьми. Стоит ли доверять Валерьяну, вопрос остался открытым.

ГЛАВА 21

Михаил уже минут пять терзал дверь, пытаясь попасть ключом в замочную скважину, производя как можно меньше шума. Наконец его усилия увенчались успехом. Он ввалился внутрь, запнувшись за развалившегося на коврике пса.

Щенок, прозванный Валентиной «чудовище» и «овцебык», к радости внучек оказался дан не на время, а навсегда. Историю с одолженным на три дня животным Эльвира выдумала, решив приучать родителей к мысли о собаке постепенно. Для собачьей гостиницы щенок был, по ее мнению, еще мал. Оставаясь один дома, песик начинал скучать, грызть мебель из массива ценных пород деревьев и отдирать от стен венецианскую штукатурку. Теперь щенок, как и предполагала Валентина, давался в довесок к внучкам.

Стащив с себя куртку и обувь, Михаил обнял пса за шею.

— Это кто здесь у нас? Здравствуй, морда! Ты хвостом только не маши. Или не махай? — Михаил задумался. — Не виляй! Ты им стучишь громко, бабушку Валью разбудишь, она сердиться будет. Давай мы с тобой потихонечку пересечем минное поле — это там, где бабушка спит, и доберемся до кухни. Да-а-а, мне тоже это слово нравится. Пошли.

Пес радостно вилял хвостом, но с места не двигался.

— Понятно, в пригилиги-провилиги... привилегированном отношении, ща-а, — Михаил встал на четвереньки. Довольный щенок сразу начал его облизывать. От таких ласк хозяин квартиры завалился на бок. Это щенку понравилось еще больше, поскольку походило на игру. Играть пес любил, поэтому Михаилу пришлось отбиваться.

— Слушай, друг, не надо меня мыть, обойдемся без водных проце... проце... дур. У нас с тобой был приказ — добраться до кухни, а ты его нарушаешь. Нехорошо. Поползли.

Михаил изобразил пересечение минного поля, затянутого колючей проволокой. Пес склонил голову, внимательно посмотрел, но решил просто идти рядом. Так они добрались до кухни.

— Почти у цели, — прошептал Михаил собаке, но обрадоваться не успел, поскольку увидел перед собой Валины домашние тапочки. Судя по радостному повизгиванию глупого животного, в тапочках была Валя.

— Извини, — поднял голову Михаил, пытаясь пожать плечами, — так получилось. У генерала день рождения был.

На следующий день Михаил проснулся от криков внучек.

Оказалось, девочки играли в школу. Младшая и щенок выполняли роль учеников. Анжела была учительницей, обучала сестру и собаку правилам письма. Но у Машеньки карандаш никак не хотел правильно держаться в руке, а пес, получив инструмент в зубы, сразу разгрызал его на мелкие кусочки. Старшая сердилась.

— Все ясно, — сказала она выразительно и твердо, подражая матери, — с вами каши не сварить, останетесь на второй год.

Малышка непонимающе посмотрела на собаку, потом на сестру и начала тихонько всхлипывать — на всякий случай. Щенок тоже заскулил и попытался спрятаться под детскую кровать, как он всегда делал дома. Однако кровать оказалась ниже, он застрял и начал с ужасом подвывать, пытаясь вылезти. Младшая, решив, что самое время зареветь, набрала воздуха и зарыдала в голос. Старшая металась от сестры к собаке, пытаясь успокоить одну и вызволить другого, а потом с криком и слезами бросилась из комнаты.

Михаил освободил собаку, успокоил внучек и обнаружил, что Валентины нет дома. Как пояснила Анжела, ушла в магазин.

Желая загладить свое непрезентабельное возвращение домой, Михаил принял спасительную таблетку и решил проявить себя на стезе воспитания.

Муж Валентины, в отличие от многих военных, был трезвенником. Ему, как смеялись еще в училище, достался дефективный ген. В семье существовала легенда о прапрабабке Михаила, которая, устав от пьяных выходок мужа, отправилась к известной колдунье аж в саму Москву, — подвиг немислимый, если учесть, что железные дороги в те далекие времена еще отсутствовали. Дошла ли она до Москвы или с полдороги воротилась, никто не знает. Но рассказывали, что испекла она на праздник кулич заговоренный. Отведав его, прапрадед Михаила долго болел, а когда выздоровел — изменился до неузнаваемости. Односельчане только руками разводили. Стал хозяйственный, работающий, на чужих баб не заглядывался, а главное, не только бабы, но и водка перестали интересовать его. И, видать, такое сильное зелье получилось, что трое рожденных один за другим сыновей, а затем и внуки, и правнуки — никто в семье не прикасался к спиртному по доброй воле. Если же оказия случалась, то хватало им одного мерзавчика, чтобы напиться до чертиков в глазах. Легенда передавалась из поколения в поколение и могла бы сойти за семейную байку, если бы не суровый факт: все мужчины, рожденные в этой семье, пьянели чуть ли не от кефирной крышки. Бокал пива был максимумом, который Михаил употреблял по собственному желанию. На

службе от него давно отстали, решив: раз организм не принимает, зачем добро переводить, но бывали праздники, на которых не выпить было нельзя. К таким мероприятиям относились обмывания звездочек и дни рождения высшего комсостава. Сослуживцы посмеивались, говоря, что Михаил так продвинулся по службе с одной целью: иметь над собой как можно меньше начальства и как можно реже выпивать.

Валентина жалела мужа, понимая, что каждый раз, напиваясь в стельку, Михаил страшно переживал, ему было стыдно перед женой. И как Валентина ни пыталась его успокоить, уверяя, что она все понимает, никоим образом не думает о нем, как о последнем алкоголике, муж страдал после каждой попойки. Поэтому, когда подобное случалось, Валентина старалась сгладить ситуацию, избавить любимого супруга от мук совести, облегчив его страдания.

В этот раз она решила испечь обожаемый мужем маковый рулет. Купив недостающие ингредиенты, после магазина Валентина забежала в ювелирную мастерскую и забрала обручальное кольцо, отданное на растяжку. Кольцо было массивное, старинное и передавалось в семье Михаила по наследству.

Проходя мимо помойки, Валентина выпотрошила карманы пальто от накопившегося мусора. Мусорных бачков в городе поставили, по ее мнению, еще недостаточно, бросать на землю не позволяло воспитание, поэтому чеки, трамвайные билеты и фантики от внучкиных конфет Валя привыкла рассовывать по карманам, опустошая их по мере необходимости.

Сумка была легкой, небо ясным, и Валентина решила пройтись остановку. Она шла и представляла, как Михаил обрадуется рулету, а внучки захлопают в ладоши, так как им будет позволено повозиться с тестом и напечь из него фигурки. Подул ветер, Валентина решила надеть перчатки и тут увидела, что кольца на пальце нет. Если бы рядом оказалась скамейка, она, наверное, как в кино, рухнула бы на нее. Поблизости ничего не было, и Валентина, охнув, выронила сумку из ослабевших рук.

Успокоив немного дыхание, она побежала назад, думая, где могла обронить кольцо. Просчитав весь путь и возможные варианты, пришла к выводу, что наверняка выбросила его вместе с бумажками из кармана.

Добежав до помойки, она затянула внутрь. По закону подлости контейнер был заполнен ровно на одну треть. К счастью, он был довольно новым, относительно чистым и не очень высоким. Сознывая неизбежность того, что сейчас произойдет, Валентина нашла пару ящиков и полезла внутрь, повязав платок так, чтобы закрыть рот и нос. Сначала она хотела снять пальто и оставить вместе с сумкой снаружи, но потом испугалась, что

пока она будет искать кольцо, брошенные вещи могут обзавестись ногами, а она сама простудится. Внутри мусорного контейнера было довольно мило. Видимо, близлежащие дома имели мусоропроводы, а эту мусорку использовали в основном для строительных отходов и ненужных вещей. Валентина рылась минут двадцать и нашла, наконец, кольцо.

Проскользнув в квартиру, Валентина спешно привела себя в порядок. Было подозрительно тихо. Заглянув в дальнюю комнату, она застала идиллическую картину. Все трое сидели на полу, что-то клеили, вырезали, рисовали. Лежавшему рядом псу разрешалось облизать марку, прежде чем ее наклеивали на самодельный конверт.

— Бабуль, смотри, мы поздравления делаем на Восьмое марта, — радостно бросилась к ней Анжела.

Валентина посмотрела на мужа и улыбнулась.

ГЛАВА 22

Войдя в кабинет после обеденного перерыва, Светлана в замешательстве остановилась на пороге. Весь кабинет был завален цветами. Танечка, словно античная Деметра, стояла среди этого великолепия с серьезным лицом, омраченным неразрешимой проблемой. Уже около четверти часа она прикидывала, что делать с доставленными букетами.

— Таня, что это? Откуда?

— Ой, Светлана Валерьевна, понятия не имею.

— Поклонник? — улыбнулась Светлана.

— Не знаю. Может быть, опять какой-нибудь псих меня увидел и решил покорить. Ну что будешь делать с этими мужчинами? Позавчера один симпатичный юноша интересовался моим адресом, не он ли?

Они уже привыкли к тому, что у Тани имелись тайные воздыхатели, которые заваливали ее то цветами, то конфетами, то мягкими игрушками, безуспешно пытаясь произвести впечатление на замужнюю красавицу. Было всякое, но чтобы так, весь кабинет — такое было впервые.

— И что теперь делать? Светлана Валерьевна, вы же понимаете, что я не могу их домой отнести. Муж и так готов меня, как мумию, в тряпочку завернуть.

— Давай, Танюша, оставь нам пару симпатичных букетов, а потом собери эту оранжерею и разнеси по кабинетам. Пусть наши женщины порадуются. Все-таки завтра Восьмое марта.

Тут Светлана заметила розы необычного алого цвета с темно-бордовыми вкраплениями на лепестках.

— Танюша, а можно этот букет я себе оставлю? Такие красивые, и цвет необыкновенный.

— Конечно, можно, — Таня была рада сделать приятное.

Собрав часть букетов, она вышла из кабинета.

Наполнив вазу водой, Светлана поставила приглянувшийся букет на рабочий стол. Она смотрела на цветы, чувствуя, как где-то в глубине души поднимается тщательно скрываемая от окружающих тоска. Она прекрасно понимала, что Николай никогда бы не разорился на подобный презент. Нет, он не был жадным, и если бы она попросила, то обязательно купил бы. Но ей не хотелось просить, хотелось спонтанного искреннего внимания, порыва. Порыв Николая обычно ограничивался торопливой покупкой

чахлого венчика гвоздик у первой попавшейся бабульки на автобусной остановке. А ведь она еще не старая женщина. Тогда почему так тошно и так не хочется возвращаться по вечерам домой? Да потому, что прошла любовь и осталась привязанность. Слово какое-то некрасивое. Рубанул по привязанности, она и развязалась. А так хочется, чтобы тебя любили, дарили тебе цветы и делали комплименты.

Танечка вернулась раскрасневшаяся и взволнованная.

— Ой, Светлана Валерьевна, что сегодня у хирургов было! Вы не представляете! Помните, к медсанчасти пес прибился?

В городе было много собак. Народ жалел, подкармливал выброшенные за ненадобностью «подарки» ко дню рождения, «дворян» или бракованных элитных. У многих больниц, магазинов, рынков были свои четвероногие постояльцы. Медсанчасть не являлась исключением.

— Он, бедный, или под машину попал, или кто-то специально его покалечил. В общем, нашли его у входа окровавленного и с переломанной лапой. Какой умный! Знал, куда ползти. Лев Алексеевич его подобрал и прооперировал. Правда, лапу пришлось частично ампутировать, но, главное, жить будет. Сейчас он у техников в подвале отлеживается. Так я все цветы хирургам отдала, так сказать, в благодарность от спасенного. Мужчины так обрадовались. Ведь сейчас перед праздниками каждая полумертвая веточка целое состояние стоит.

— Молодец, Танюш. Правильно сделала.

Таня сгребла остатки цветов и вышла, намереваясь осчастливить еще необукеченных коллег из соседних кабинетов.

Восьмое марта неумолимо надвигалось.

В каждом мужчине есть что-то от большого ребенка. Если женщина рано или поздно взрослеет, то большинство мужчин остаются в возрасте семилетнего сорванца навсегда. Не важно, носит ли молодой сотрудник банка стильный костюм и галстук, просвечивает ли лысина на макушке перспективного хирурга средних лет, отрастил ли внушительное брюшко серьезный заместитель директора предприятия — все это не важно. Важно, что все они в душе не желают взрослеть. Как дети накануне праздника, мужчины радуются предстоящему выходному дню, веселому застолью, встречам с друзьями, приятному вечеру в кругу семьи. И только канун Восьмого марта вызывает в мужской душе двойственные чувства. Станный праздник с туманным происхождением и неясными задачами. Спасибо, как говорится, товарищу Кларе Цеткин. Если бы не она, мужчины бы и горя не знали. С одной стороны, все вышеназванные приятные вещи, с другой — надо исполнять обязательную программу. Выражение любви и

благодарности всем женщинам принимает самые причудливые формы. Уже за несколько дней на мужских лицах появляется печать озабоченности. В канун же праздника у прилавков магазинов толпятся те, кто не озаботился должным образом заранее и теперь расплачивается за свою непростительную халатность. Случайно затесавшихся в предпраздничную давку особ женского пола осаждают жаждущие бесплатного совета:

— Девушка, это хорошие духи?

Девушка морщит носик:

— Эти? Вы цену видели? По цене отечественного клопомора духов не бывает.

Девушка презрительно окидывает взглядом прилавков, давая понять, что в этом магазине она совершенно случайно, зашла за освежителем воздуха. Рядом топчется замученный предпраздничными хлопотами мужчина, судорожно пытающийся придумать, что купить жене Клаве, и убедить себя, что покупка крошечного пузырька с ядовито-желтой жидкостью — необходимая инвестиция в семейное спокойствие до следующего раза.

— Что же мне купить? Чтоб на эту же сумму, — мужчина на грани отчаяния.

Девушке становится его жалко:

— Возьмите, этот всем подойдет, — девушка показывает на флакончик нейтрального цвета, реклама которого обошла все каналы, — он хотя бы пахнет приятно.

— И цветы, — добавляет она, но мужчина ее уже не слышит.

Удачно решившие проблему выбора подарка мужчины получают благодарность своих сослуживиц, подруг, спутниц жизни. Облегченно вздохнув, мужчины усаживаются за заботливо накрытый женскими руками стол, чтобы забыть о неприятной обязанности что-либо выразить до следующего праздника. Хотя какие у нас праздники? День свадьбы? Кто о нем помнит? Новый год? Здесь все едины. День рождения? Я вас умоляю, не напоминайте. Так что можно расслабиться вплоть до следующего Восьмого марта.

На следующий день Светлана проснулась от того, что солнечный лучик настойчиво щекотал ее нос. Она повернулась на другой бок, потянулась и окончательно открыла глаза. А ведь сегодня Восьмое марта! Что-то в квартире необычно тихо. Наверное, решили ее не будить в честь праздника.

Интересно, что приготовили ей ее мужчины? Еще три дня назад о чем-то шептались, а вчера что-то прятали в комнате Ильи. Вот было бы здорово

получить те духи, что она видела на днях в парфюмерном. Начальная нота сирень и магнолия, шлейф — ирис и ваниль. Во всех этих нотах Света решительно не разбиралась, но духи пахли умопомрачительно. Или то невероятной красоты постельное белье, которое она присмотрела в Пассаже, но не решилась купить из-за цены. На таком белье, наверное, и сны снятся особенные. Нет, лучше просто белье для нее, для Светланы. Рядом с парфюмерным недавно открылся новый магазин дамского белья. В таком белье она была бы не хуже любой парижанки. Лариска права, надо себя любить, носить красивые вещи, хотя бы время от времени баловать себя.

— Можно? — в дверь просунули головы радостно улыбающиеся муж и сын.

Пригладив волосы, Светлана поудобнее уселась на кровати. Судя по всему, предстоит вручение подарков. Она не ошиблась. Николай и Илья торжественно вошли в комнату, держа в вытянутых руках по новенькой сияющей кастрюле. По предварительной оценке Светланы, у мужа в руках была пятилитровая, а Илье, как младшему в семье, досталось нести трехлитровую. Света со стоном упала на подушки.

ГЛАВА 23

Поставив точку в последнем переведенном предложении, Валентина перевела дух и с облегчением закрыла учебник французского. Успела! Теперь нужно одеться поприличнее и бежать на курсы. Сегодня на занятие должна была прийти долгожданная француженка. Ее визит дважды переносился, подружки успели порядком понервничать, что так и не смогут услышать настоящий французский прононс.

Телефонный звонок разрешил проблему выбора одежды. Валя схватила первое попавшееся платье.

— Мамуль, у нас ЧП!

Валентина знала, что дочь склонна преувеличивать, но сердце все равно тревожно екнуло.

— Господи, Элечка, что случилось?

— Леша уронил на себя гирю. Я давно ему говорила, что надо записаться в фитнес-клуб и заниматься на тренажерах, но он меня не слушал, и вот результат.

— Он жив? В больнице? — состояние здоровья любимого зятя взволновало Валю не на шутку.

— Нет, дома. Ты же знаешь Лешу, он терпеть не может больницы. К тому же ушиб не слишком сильный, через несколько дней все будет нормально, но сейчас он стонет, как белый медведь в жаркую погоду, и требует эксклюзивного внимания. Я уже позвонила папе, он сейчас Заедет, заберет девочек и песика. Хорошо?

— А собаку обязательно? — Валя вздохнула, понимая, что встреча с француженкой отменяется.

— Мам, ты же понимаешь, что сейчас мне будет не до выгула. А через три дня...

— Конечно, конечно! — спорить было бессмысленно.

Закончив разговор, Валентина поспешила на кухню, чтобы сделать ревизию продуктов, привезенных дочерью в прошлый раз. Быстро отправив в мусорное ведро просроченные биоделикатесы, она побежала в магазин за лакомствами для внучек.

Увешанная пакетами с таким количеством еды, которого хватило бы на альпийский поход армии Суворова, она бросилась домой, надеясь успеть до прихода мужа, однако столкнулась с ним уже у подъезда. Михаил застегивал на ходу куртку с каракулевым воротником, торопясь к

служебному автомобилю.

— Привет, девочки дома, я побежал, — поцеловав жену, он уехал.

Подходя к двери квартиры, Валя обнаружила, что забыла дома ключи. Она нажала кнопку звонка. Послышались легкие шаги и с другой стороны прозвучало:

— Кто там?

— Анжела, солнышко, это я, бабушка. Открой, пожалуйста, я ключи забыла.

— Дедушка сказал «дверь никому не открывать, а у бабушки есть ключ».

— Так ведь это я, бабушка, а ключ я забыла.

За дверью наступила напряженная тишина.

— Если ты бабушка, то спой песенку.

— Какую песенку, милая?

— В сказке про козлят мама спела песенку, ее козлята узнали по голосу и впустили.

— Хорошо, — Валентина попыталась вспомнить песенку, но в голову ничего не приходило.

Поставив авоськи на пол, она выудила из сумки мобильник и набрала номер Михаила.

«Абонент временно недоступен».

— Вот незадача! — Валентина рассердилась на себя за рассеянность, на мужа за недоступность.

После нескольких бесплодных попыток Валентине удалось дозвониться только до Ларисы.

— Лар, ты песенку про козлят знаешь? Нет, не про козла, а про козлят... Внучка домой не пускает, просит песенку. А, сейчас попробую. Подожди, не вешай трубку.

Не успев допеть и до середины, она услышала из-за двери голос Анжелы:

— Нет, это не та песенка!

— Как не та? — Валентина обреченно вытерла выступивший пот.

— Мне нужно ту, что мама козлятам поет. Про козлятушек-ребятушек...

— Лар, ты другую песенку знаешь? Про козлятушек-ребятушек? У меня от переживаний все песенки из головы выскочили.

— Бабуль, а что это у тебя с голосом? — донеслось из-за двери.

— Анжела, я торопилась, волновалась, думала, как вы там одни. А Машуня где?

— Ты, бабуля, не волнуйся, она в ванной.

— Как в ванной, а что она там делает? — сердце Валентины сжалось.

— Играет. Мама всегда говорит, что главное — это занять ребенка. Машка воду любит, вот я ее и заняла.

— Лариса, я тебе потом все объясню, — устало проговорила в трубку Валентина, — сегодня на занятии меня не ждите, мне внучек привезли.

Собравшись с силами, Валентина запела:

— Козлятушки-ребятушки, ваша мама пришла, молочка принесла. Бежит молочко по вымечку... Анжела, солнышко, если ты сейчас дверь бабушке не откроешь, то она здесь лужу сделает...

— Как-то странно ты поешь, — донеслось из-за двери всхлипывание. — Ты не наша бабушка! Куда ты ее дела?

— Ваша, ваша я бабушка, — Валентина была на грани отчаяния. — Хочешь, я скажу, как зовут вашего песика? Ведь чужая бабушка не может этого знать.

— Ага, — всхлипнула Анжела за дверью.

— Мавр.

Кодовое слово сработало, дверь распахнулась, и зареванная девочка бросилась на шею бабушке.

— Бабуль, мне было очень страшно, та «не наша» бабушка ужасно поет, и голос совершенно не похожий! — зачестила девочка.

Валентина слушала ее вполуха.

Дверь в ванную комнату была открыта. Стоявшая рядом с наполненной ванной Машенька сосредоточенно зачерпывала воду детским горшком и выливала на пол.

Пока Валентина ликвидировала наводнение в квартире и объяснялась с залитыми соседями снизу, подруги прибыли на занятия.

Француженка опаздывала. После пятнадцати минут бесплодного ожидания и невыносимо нудного повторения пройденного Надежда Владимировна решила ей позвонить.

— Все ясно, она перепутала этажи! Еще вчера два раза у меня переспросила, уточнила, где находится аудитория. Объяснила, что искать нас надо на третьем этаже по русскому счету, а не по французскому. А теперь выясняется, что она бежит этажом выше и ищет аудиторию 351, которой на четвертом этаже никогда не было.

По классу пронесся вздох облегчения.

Наталья вытащила из-под учебника пудреницу и еще раз придирчиво проверила безупречный макияж: вчера целый вечер тренировалась, чтобы получилось, как в последнем номере «Elle». Кофточка очень похожа на ту,

что на обложке последнего Cosmo. Правда, там у модели под кофточкой ничего нет, но это уж слишком вызывающе. Да и не жарко, нас-то софиты не греют. В аудитории прохладно, но основательно подготовившиеся к встрече француженки дамы даже не думают накинуть верхнюю одежду. На Ларисе исключительной строгости деловой костюм, оживленный повязанным на шее ярким платком. Светлана закуталась в элегантный шарф.

В дверь постучали, в аудиторию боком протиснулось странное создание. Тонкая стеганая курточка, мешковатые брюки. Это была долгожданная француженка.

Подруги озадаченно переглянулись. Перед ними стояла бесформенная толстая девица без следов макияжа на пухлом невыразительном личике.

«Ожирение второй степени», — подумала Светлана.

Француженка — идеал женской красоты, стиля, ухоженности и стройности — существовала только в их воображении.

ГЛАВА 24

На следующий день Светлана встретила у подъезда приятного молодого человека, вручившего ей узкий конверт из просвечивающей нежными прожилками дорогой кремовой бумаги — приглашение в ресторан. Ей стало страшно. Мысли забежали, засуетились в панике, как мыши, почуявшие кошку. За годы замужества она ни разу не была с другим мужчиной даже в «кафе-мороженом».

«Хотя что криминального в походе в ресторан со знакомым? В этом нет измены. Всего лишь покушать», — уговаривала она себя, стоя посреди супружеской спальни. Дверцы шкафа были раскрыты настежь. Платья, юбки валялись на полу. Она стояла в одном белье с горящими глазами, кусая губы, отрешенно уставившись в одну точку на стене.

— Нет, идти определенно нельзя, — сказала она вслух, не двигаясь с места, ожидая, что интуиция, внутренний голос, женское чутье проснутся и подскажут, как поступить правильно. Конечно, она страдала, ей не хватало человеческого тепла. Если бы Николай стал чуточку внимательнее, разговаривал бы с ней, то и не было бы никакого ресторана.

У каждого человека есть свой джентельменский набор семейного счастья. В Светланином присутствовали душевные разговоры по вечерам. Да, во всем виноват бесчувственный муж. Именно из-за него она готова пойти на сторону. Правда, нехорошая мыслишка корябала когтистой лапкой где-то в глубине подсознания, разваливая красивую теорию «все мужики козлы», намекая, что отношения с мужем вторичны, а первичны пресловутые семь секунд, мгновенная симпатия, электрическое напряжение, возникшее между ней и Александром. Мыслишка была хоть и маленькая, но проскребла приличную дырку, и Светлана чуть не расплакалась от обиды, понимая: даже если придет муж с цветами и объяснениями в любви, начнет подметать паркет спальни полами пиджака, она все равно пойдет в этот чертов ресторан. Может быть, это последний шанс перед пенсией почувствовать себя женщиной, а после можно и на грядки, и внуков, и паранджу на голову. Она принялась убирать вещевой развал, возвращая все в осиротевший шкаф. Ей хотелось одеться скромно, но с легким праздничным шиком.

Существует теория, что о женщине вам откровенно поведаст ее гардероб. Обилие одежды новогоднего настроения, камня, люрекса, серебра с позолотой говорят, что мужское внимание обходит женщину

стороной. Облегающая одежда, костюмы, свитера, брюки на два размера меньше должны убеждать саму хозяйку, что все выпирающее — это нарощенное на костях мясо. Девиз «здесь подогнем, там подвернем, тут булавкой подколем, ведь почти не видно» выдает женщину, ищущую в одежде воспоминания молодости, когда чулки были из сетки для гипса, узкая юбка — из старых джинс, сшитых посередине, а диванные заклепки служили украшением сабо. Светланина половина шкафа горевала и оплакивала женскую долю своей хозяйки — струящимся люрексом, юбками, открывающими так называемые «голяшки», костюмами песочных оттенков аравийской пустыни. Разочарованно смотрели на мир леопардовые кофточки, черные в красных розах блузочки, а джемперочки своим цветом вполне подходили для устрашения диких животных. Единственный классический костюм черного цвета был куплен по случаю кремации кого-то из родственников. На нем она и остановилась, разбавив «похороны супружеской верности» кремовой блузкой.

Светлана вошла в зал, ища глазами Александра. Людей, несмотря на ранний вечер, было много. Очки остались дома. Она щурилась, пытаясь определить одиноких мужчин. Разумеется, по закону подлости таковых оказалось большинство. С грустью Светлана понимала, что придется идти через весь ресторан, подходить к каждому столику, потому что в памяти запечатлелись только синие глаза и голос. «Смешно, но без рубашки я бы его точно узнала». Подошел метрдотель.

— Добрый вечер, — наклонив голову набок, голосом диктора программы «Время» поздоровался он.

Светлану подмывало сказать хулиганское «здрасьте».

— Вы одна?

— Нет, меня ждут, — выдавила Светлана, глупо улыбаясь и морально готовясь к обходу зала по периметру.

Труженик современного общепита, двуликий Янус нашего времени, балансировал между двумя подходящими его должности лицами: строгим и доброжелательным. Первое для непрощенных гостей, второе — для постоянных клиентов.

— Замечательно, Светлана Валерьевна, — кивнул он. — Я провожу вас к столику.

— Да, — промямлила Света, удивившись его осведомленности. Откуда он знает ее имя? Хотела спросить, но, сообразив, что это неприлично, промолчала, проследовав за метрдотелем.

— Пожалуйста.

Она присела на любезно отодвинутый стул.

— Александр Владимирович, к сожалению, запаздывает. Просил передать, что будет ровно через десять минут. Аперитив или водички?

Заказав martini, ведь именно с этим напитком в кино незнакомки ожидали незнакомцев, Светлана стала разглядывать зал.

Внутреннее убранство ресторана поражало изысканностью. Шоколадные матовые стены контрастировали с белым потолком, с которого лился неяркий свет множества светильников. Настоящим было все, от столового серебра до льняных салфеток. Орхидеи и белые овальные свечи плавали в больших хрустальных чашах, наполненных водой. Света даже потрогала цветы, чтобы убедиться в их натуральности. Никакой традиционной для российских ресторанов позолоты, вычурности, массивности. Просто и дорого, как маленькое черное платье от Шанель. Три цвета и блеск начищенного серебра. На стенах висели картины, в основном на морскую тему. Полупрозрачные воды морей и океанов несли корабли и солнечные брызги.

Светлана осторожно оглядывалась, удивляясь, насколько уютно чувствует себя здесь, несмотря на высокий класс заведения и непривычность обстановки. Проведя кончиками пальцев по шероховатой, до хруста накрахмаленной скатерти, она подняла глаза и увидела приближающегося к столику Александра.

Дыхание перехватило. К ней шел с иголки одетый мужчина. С тех пор, как она последний раз видела его на улице, образ спасенного пациента подкорректировала бурная фантазия и, как оказалось, в худшую сторону. Тихонов, Бандерас, Лановой, Клуни и Костоловский в одном флаконе. И молоденькие девочки, и дамы, перешедшие черту ледникового периода, падают в обморок от восторга при встрече с таким мужчиной. Их держат подальше от подруг, коллег и знакомых, сходя с ума от ревности. Про таких говорят, что родился в рубашке, и добавляют: «И в костюме с галстуком». На холеном лице пролегли морщины, говорящие, что человека занимают мысли о вечном. Облагороженная стильной стрижкой копна темных волос оповещает о хорошей наследственности. Глаза — как детская мечта о море, меняющие цвет в зависимости от настроения. Крепкие плечи, благородная осанка.

— Добрый вечер. Рад, что вы приняли мое приглашение, — наклонившись к Светлане, он поцеловал ее в щеку.

Покраснев от неожиданности, Света выпалила:

— Что вы себе позволяете?

— Простите, но как я должен был с вами поздороваться, если вы не протянули руку для поцелуя? — спросил он с невозмутимым выражением

на лице.

Александр не стал оправдываться за опоздание, извиняться, просто сел напротив, глядя прямо на нее синими глазами. Возникший рядом метрдотель подал меню. Бегло просмотрев его, Светлана отметила отсутствие цен. Она слышала, что в очень дорогих ресторанах существуют меню для дам. «Надо быть самодостаточным человеком, чтобы водить женщин в подобные заведения, — подумалось Свете. — Ведь дама так и не узнает, во сколько обходится кавалеру ее общество».

— Вы решили, что будете заказывать? — Александр вел себя спокойно, уверенно. Она же не знала, как с ним разговаривать, как себя вести. Ее одолевало странное смущение, не позволявшее взглянуть ему прямо в глаза. Он улыбался, искренне и обаятельно, явно наслаждаясь тем, что она не может справиться со своими чувствами. Они сделали заказ. Когда официант удалился, Александр спросил:

— Светлана Валерьевна, вам понравились цветы?

— Цветы? — Света замерла на миг. — Так это вы прислали?

Он кивнул.

— Но зачем так много? Знаете, я вовсе не избалована вниманием, зато Танечка, медсестра, пользуется большим успехом у мужчин. Мы решили, что кто-то из ее тайных обожателей в очередной раз ограбил оранжерею, — Света снова смутилась.

— Светлана Валерьевна, чтобы обойтись без банальностей и глупых фраз, давайте сделаем так. Мы с вами сейчас поболтаем минут двадцать ни о чем, о блюдах, винах, о погоде. Вы отгадаете, и мы сможем нормально общаться.

Они выпили без тоста, просто так. Постепенно успокаиваясь, Светлана перестала стесняться и, отвечая на наводящие вопросы Александра, заговорила о своей работе, подругах, рассказала о намечающейся поездке в Париж. Смеясь, упомянула о том, что сегодня из-за встречи с ним она прогуляла курсы.

— Ничего страшного. Вы можете и дальше прогуливать. Я буду давать вам частные уроки.

— Вы говорите по-французски?

— Да, и еще на пяти языках.

Светлана с восхищением и восторгом взглянула на него.

— Не удивляйтесь. Я не гений и не шпион разведки. Просто жизнь так сложилась, плюс свободное время и любовь к иностранным языкам.

— Скажите что-нибудь по-французски, — попросила она.

— Да, многие считают, что любая фраза на этом языке звучит как

комплимент, как признание в любви. Пожалуйста! Сэ ла дансе де канар ки ен сортан де ла мар се се ку ля ба де рэн э фон куа-куа.

Светлана слушала с замиранием сердца. Голос цвета топленного молока, как она определила для себя, обволакивал ее, ей слышалась в нем симпатия и даже больше. Ей мерещился плеск моря, корабли на рейде, тихая музыка, и она дотрагивается до него, гладит по волосам...

— Перевод вас интересует?

Светлана покраснела:

— Что-нибудь о любви?

Александр рассмеялся.

— Всего лишь слова из детской песенки, которую пели когда-то и в далеком СССР, только перевод был очень вольный. Называлась «Танец маленьких утят», помните?

Светлана кивнула.

— Вы разочарованы? — и, глядя ей прямо в глаза, серьезно добавил: — Ну ме плезэ боку. Светлана Валерьевна, не буду притворяться, мы уже не в том возрасте. Вы мне очень нравитесь.

Он взял хрупкую, почти кукольную чашечку и одним глотком выпил обжигающий эспрессо. Заглянул внутрь, нахмурился. Отставив чашку, посмотрел на Светлану, складки на высоком лбу разгладились.

Такого поворота событий Светлана не ожидала. Окончательно растерявшись, она забормотала:

— Но вы меня не знаете. Я совсем не идеальна. У меня часто меняется настроение.

Она осеклась, понимая, что говорит совсем не то, что следует. Совладав с собой, она пошутила:

— Как говорят подруги, у меня легкая походка и тяжелый характер.

— Это не важно, совсем не важно. Я имел ввиду, что вы нравитесь мне как женщина. Вы изысканная, вы совершенно неповторимая. Меня к вам тянет. Чтобы понять это, не надо знать человека много лет. Это или есть, или нет.

— Что вы от меня хотите услышать? — пораженная его словами, Светлана боялась поднять глаза, настойчиво изучая край тарелки, украшенный еле заметным молочно-белым матовым узором.

— Ничего, — он сделал паузу, — пока ничего. Я понимаю, что вы замужняя женщина и у вас есть семья, обязательства, но человек не виноват в том, что однажды, выйдя из дома, он встретит женщину, о которой грезил. Или, как я, умирая, увидел вас и почувствовал, как говорят немцы, парящих в животе бабочек.

Светлана молчала. И что теперь делать с представившимся последним шансом? Приятно, конечно, что понравившийся тебе мужчина почти любит тебя, но куда проще было бы просто пострадать, поплакать, пожаловаться и в конце концов успокоиться, а теперь как поступить, когда чувства взаимны? Ее тянуло к нему, и она готова была хоть сейчас бросить мужа, но, с другой стороны, уходить из семьи ей страшно не хотелось, потому что это поступок, а за поступки надо отвечать, что довольно сложно и очень напрягает. В народе говорят: «И хочется, и колется». Выходит, до измены надо еще дорасти, и не так-то просто переступить через свои понятия о чести и порядочности, наплевать на страдания близких людей, мужа, сына, родственников, на мнение окружающих.

Они сменили тему. Благодаря своему таланту рассказчика, Александр отвлек Светлану, и через четверть часа она уже забыла о его откровении. Вечер прошел весело и непринужденно. Ей было с ним настолько легко и просто, что, выйдя на улицу, она взяла его под руку, словно по привычке, но тут же, опомнившись, отдернула руку. Они шли по ночному городу. В двадцати метрах позади них бесшумно катила темно-синяя «Ауди» с водителем и охранником. Светлана не замечала эскорта, настолько была увлечена разговором. Александр в душе радовался, что догадался отпустить «Хаммер» с основным составом охраны, и воодушевленно рассказывал о Париже, других странах, читал стихи. Внутренний голос подсказывал Светлане, что надо вежливо попрощаться и идти домой. Прогулка под луной длилась более чем достаточно, надо заканчивать и вообще ставить точку в неначавшемся романе. Но она не хотела уходить, вязла, как в болотной топи, в его словах, жестах, взглядах. Как невыносимо трудно человеку выходить на мороз и пронизывающий ветер из домашнего тепла, так и ей было невозможно заставить себя закончить этот вечер. Она понимала: еще одна такая совершенно невинная встреча — и смотреть в глаза мужу она не сможет.

К счастью, квартира сотрясалась от могучего храпа хозяина. Скинув сапоги, Светлана тихо зашла на кухню, прикрыв за собой дверь. Ее мучил голод. Она подошла к холодильнику. «Съесть или не съесть?» — главный вопрос, посещающий человека после ресторана.

Открыв дверцу, она заглянула внутрь. «Если сила воли у вас на нулевом уровне, то маленький кусочек сыра на тоненьком кусочке хлебца, порезанные на квадратики, отобьют аппетит», — вспомнила она выдержку из популярного журнала «Худеем вместе». Достала сыр, хлеб. Запихнув в рот последний микроскопический кусочек, она поняла, что ей мало. Подвергшийся стрессу организм требовал продолжения банкета или

стаканчик кефира перед сном. Допивая кисломолочный продукт, Светлана зацепилась взглядом за вазу с фруктами. Прихватив яблоко, она направилась в гостиную на диван, желая переждать под интересную книжку храповую атаку мужа. Книжка не отвлекала, не развлекала, а лишь подавала картинки пиров и застолий новых русских в голодное сознание. На словах «помидоры с моцареллой» Светлана сдалась на салат. Провозившись четверть часа, она с наслаждением взялась за мисочку помидоров с огурцами, размером напоминавшую тазик для оливье. Пришло чувство сытости и сразу захотелось курить. «Курить вредно», — сказал внутренний голос. «Тогда чашечку кофе», — предложил другой голос. Взглянув на часы, Светлана поняла, что, выпив кофе сейчас, спать она будет только завтра — на рабочем месте, поэтому решила заесть мысли о курении маленькой шоколадкой. Сладость раздражила аппетит окончательно, и если минуту назад она была готова уже идти спать, то сейчас, стоя посреди кухни, понимала: если не съесть что-нибудь существенное, то всю ночь она будет смотреть фильмы про куски мяса и булки с ванилью. «Может, супчику?» — тихо подсказал голос, отвечающий за здоровый образ жизни. «Какой супчик? Ты за час уже кило продуктов употребила, так что худеть начнешь завтра, а сейчас поешь, как человек, и спать». И Светлана согласилась, что последний предлагал более весомые доводы, чем первый. Достав батон, порезала, намазала мягким сыром, положила здоровый кусок ветчины, достала маслины без косточек, села на диван с книжкой и через десять минут начала проваливаться в сон. «С завтрашнего дня обязательно худею, и главное после шести ни-ни», — думала Светлана, в полудреме направляясь в ванную. Разложив диван, она решила сегодня спать в гостиной. Лежа в темноте, под храп мужа вспоминала прошедший вечер и улыбалась.

ГЛАВА 25

В надежде на дополнительный доход городская филармония организовала серию вечеров симфо-джаза. Они оказались настолько популярными, что Ларисе долго не удавалось купить билеты.

На сцене оркестр уже настраивал инструменты, в зале нарядные гости рассаживались за столиками. Как было указано в программе, на четверых подружкам полагалась бутылка красного вина, бутылка минеральной воды и коробка конфет. Приносить свои напитки и закуски филармония не запрещала, поэтому, оглядев критическим взглядом столик, Лариса дополнила композицию бутылкой выдержанного коньяка, а Валя со Светланой вытащили из сумок бутерброды. Наталья, известная сладкоежка, принесла безе, но их пока отложили.

Концерт проходил отлично. В приятной компании, с бокалом благородного напитка любая музыка покажется райской, но и оркестр не подвел. Вместо заунывных и сложных для неподготовленного уха абонементных концертов музыканты исполняли «Рапсодию в стиле блюз» Гершвина.

Лариса откашлялась и подняла бокал.

— Ну, девочки, за наш выход в свет!

— Да, нам стоит чаще встречаться, — поддержала ее Наталья.

Отвлечшись ненадолго от музыки и разговора с подругами, Светлана оглядела зал.

— Вы только посмотрите, — не выдержала она, — народ даже салатики принес! А мы-то, дурочки, постеснялись, решили ограничиться бутербродами.

Действительно, периодически наполняющая бокалы публика благосклонно внимала филармоническому оркестру, не забывая закусывать из пластиковых лоточков с салатами.

Принюхавшись, Валя улыбнулась:

— Можете мне не верить, но откуда-то потянуло вареной картошечкой!

— Ничего, в следующий раз будем сообразительнее.

Разговор, прерываемый музыкальными произведениями, перетекал с одной темы на другую. Между тем атмосфера в зале продолжала разогреваться. Некоторым зрителям казалось недостаточным просто внимать, хотелось принимать участие в происходящем на сцене. Кто-то пытался заказать музыкантам любимое произведение, кто-то пытался

подпевать в такт мелодии.

Приближался конец музыкального вечера, когда Лариса неожиданно предложила:

— Поехали, я вам что-то покажу!

Откликнулись единогласно.

Взяв такси, три подружки втиснулись на заднее сиденье, оставив Ларисе место рядом с водителем. Хитро сверкая глазами, она отказывалась объяснять, куда их везет.

Машина минут десять петляла по ярко освещенному ночному городу и, наконец, остановилась в переулке, примыкающем к историческому центру.

— Успели, — радовалась Лариса. — Мне эту кондитерскую Олег показал. Открылась недавно, от посетителей отбоя нет, работает до поздней ночи.

Действительно, магазинчик работал. На входе подружкам пришлось пропустить стайку возбужденных молодых людей, увешанных коробками и пакетами с фирменным логотипом.

— О, пирожные, — обрадовалась Наталья, бросаясь к витрине.

Света достала очки, не веря своим глазам.

— Лар, это что такое?

Подруги наконец рассмотрели, чем были уставлены витрины кондитерской: пирожные в форме пышной женской груди, увенчанные вишенками; шоколадные сатиры, совокупающиеся с марципановыми нимфами; торты-мороженое с изображениями поз из «Камасутры».

— Ой, — Валя не знала, куда девать глаза, — и кто все это покупает?

— Вот мы сейчас и купим, — заявила Лариса, доставая кошелек.

— Нет, я это есть не стану, — помотала головой пунцовая Светлана.

— Почему? — ехидно поинтересовалась Наталья, преодолевшая первый приступ смущения.

Они остались в магазине одни. Наученный опытом продавец делал вид, что занят сортировкой товара, чтобы не смущать покупателей, однако краем глаза внимательно следил, когда наступит подходящий момент, чтобы предложить свою помощь в выборе и не дать посетителю ускользнуть без покупки.

— Смотрите, какая прелесть! — воскликнула Лариса, показывая на возвышающийся в центре витрины торт в форме фаллоса.

— Интересно, как это сделано, — заинтересовалась Валя, видевшая во вздымающемся бисквитном монстре только искусно сделанный торт. — Похоже на коржи. Наверное, «Медовик» или «Микадо», а крем обычный,

на сгущенке.

— Еще и сахарной глазурью сверху полит, — неудержимо краснела Наталья.

— Это наш новый продукт, — деликатно вмешался продавец, решивший, что сейчас самое время. — Обычно мы делаем торты такого размера на заказ. Кстати, вы можете посмотреть наш каталог, — протянул он иллюстрированный буклет. — Но за этим тортом не приехал заказчик. Если будете брать, я сделаю вам пятидесятипроцентную скидку. Кроме того, до конца месяца каждый покупатель, потративший не менее тысячи рублей, получает в подарок нашу дисконтную карту.

Зерна упали на благодатную почву.

— Девчонки, возьмем тортик? — воодушевленно предложила Лариса, подмигивая замаявшимся подругам.

Все молчали.

— Ну-у-у, — разочарованно протянула Лариса, — я и не знала, что все так запущено. Все еще живем с мыслью, что в СССР секса нет? Так уже и секс есть, и секшопы даже, — разошлась она не на шутку.

— Я «за», — поспешно сказала Наталья, думая, что в конце концов, когда еще предложат хорошую скидку на глазированный бисквитный торт, пропитанный коньяком, как значилось на этикетке.

Света с Вале́й тоже поспешили согласиться, одна под влиянием чувства голода, вторая — не желая раздувать конфликт на пустом месте.

Скинувшись на тортик, подруги в запале закупили сексуально озабоченного шоколада, прихватив пару аппетитных пирожных с вишнями.

— Ну что, Ларчик, поедем к тебе? — спросила Света, когда подруги вышли на улицу, отягощенные прямоугольной коробкой с фаллическим тортом и парой картонок поменьше.

— Погодите, — прищурилась Лариса, решив припомнить подружкам «молчание ягнят» в кондитерской, — здесь за углом еще один магазинчик, как раз по теме.

— Это какой? — удивилась Валентина.

Магазинчик оказался сексшопом.

— Да зачем нам туда? — Наталья испытала новый приступ стыдливости.

— Девчата, у вас в головах тараканы размером с крысу, — наставительно заявила Лариса, — надо с этим бороться.

— Я не пойду, что мне там делать, — уперлась Света.

— Не обязательно заниматься сексом, чтобы посещать сексшоп. Быстренько заглянем и домой, чай пить, — заманивала их Лариса.

В сексшоп подруги вошли молча, как в мавзолей. На кассе сидел патлатый молодой человек, больше никого не было.

В первом зале, кроме разномастных презервативов, разноцветных тюбиков, баночек и пакетиков, была широко представлена различная одежда: от красного латексного боди с прорезями в нужных местах до белого кружевного фартучка «первоклассницы» из «Плейбоя».

— Светка, смотри, какой халатик, — Наталья толкнула локтем Светлану, — как раз тебе на работу ходить.

— На мне этот халатик не сойдется, — мрачно сказала Светлана. — Да и посмотри, какое декольте!

— Это без лифчика носят, я думаю, — с улыбкой искусительницы протянула Лариса.

— Смотрите, — зашептала потрясенная Валентина, заглянувшая в смежное помещение.

На открытых витринах рядами красовались упаковки с вибраторами, искусственными членами и прочими штучками неизвестного назначения. Со стены тарацилась резиновая женщина с привязанным за ногу каталогом аналогичной продукции. В углу висели наручники, ошейники, плетки.

— Вы только посмотрите, — на почетном месте Валентина обнаружила искусственный член примерно семидесяти-восемидесяти сантиметров в длину и толщиной с хорошее полено, — и этим тоже пользуются?!

— Ну что ты, — Ларису разбирал смех, — это покупают в шутку, для подарка.

— А это зачем? — осмелела Светлана, показывая на ближайшую упаковку, в которой находился шарик с пультом дистанционного управления.

— Шарик для женщины, а пульт для мужчины, — загадочно пояснила Лариса.

— И как пользоваться?

— Представь, у тебя шарик «там», вы идете в ресторан, и ты знаешь, что в любой момент твой мужчина нажмет на спрятанный в кармане пульт, и ты испытаешь райское наслаждение, — подмигнула Лариса.

Светлана залилась краской.

— А кто все эти штуки покупает? — с интересом исследователя шарила по полкам с вибраторами осмелевшая Наталья. — Только одинокие, наверное?

— Пары тоже берут, — с видом знатока сказала Лариса.

— Если есть мужик, зачем еще и это? — недоумевала Валя.

— Ничего вы не понимаете! Одно дело, когда просто искусственный член, а другое — когда на другом конце мужик.

— Многочлен! — хулигански подначила ее Света.

— Это уже что-то из алгебры. Или из русского языка?

Подруги долго бродили по магазину, пока продавец не намекнул, что лавка чудес закрывается. К кассе Наталья вышла с туфлями на прозрачной платформе, а Валя — с усеянным заклепками ошейником. На немой вопрос подружек она невозмутимо ответила:

— Возьму нашему песику, как раз его размер.

ГЛАВА 26

Наталья шла по центральному бульвару, помахивая новой сумкой. Спонтанная покупка в недавно открывшемся бутике. Сумка-торба, очень модно в этом сезоне. Конечно, зря она отдала за обычной кожаный мешок столько денег, но как можно деньгами измерить удовольствие от покупки! Однако роящиеся в голове идеи не давали ей в полной мере насладиться приобретением.

«Хорошо бы выяснить, — думала она, — сколько денег нужно отложить на покупку автомобиля. О! Вот как раз автосалон! Это точно знак судьбы. Нужно выбрать себе машину, чтобы была цель, чтобы было ясно, ради чего лишать себя радостей жизни и копить деньги».

Наталья решительно подошла к встрепенувшемуся при ее появлении консультанту.

— Добрый день! Мы рады, что вы посетили наш салон. Я могу вам помочь?

— Здравствуйте, хочу выбрать машину, — Наталья неожиданно оробела и гораздо менее уверенным тоном произнесла: — Лучше я пока сама пройду, посмотрю.

Рядом другой молодой человек встречал бодрую, на вид тридцатилетнюю даму, одетую а-ля «бизнес-леди», волочившую за собой вяло сопротивлявшегося супруга.

— Для кого выбираем машину?

Дама кивнула на мужа:

— А что, он похож на человека, у которого есть деньги?

— Мариночка, не забывай, машина — это не роскошь, а средство передвижения.

— Твоя работа — тоже средство для зарабатывания денег, и что? — парировала супруга, поправляя модные очки.

Продавец сделал вид, что не слышит их явно привычной перебранки.

— В этом зале у нас машины отечественного производства.

Бизнес-леди воззрилась на него как на ошибку природы:

— Извините, если бы у вас был выбор: жениться на русской или на иностранке, вы бы кого выбрали?

Ошарашенный молодой человек смущенно выдавил:

— Конечно же, нашу, русскую.

— А русская женщина... Хорошо, я не пример, — она покосилась на

мужа, — людям свойственно ошибаться. В общем, не будем задерживаться в этом зале.

Заинтересованная Наталья следовала за потенциальными покупателями, надеясь почерпнуть еще какие-нибудь ценные сведения, необходимые для выбора машины. То, что она хочет только иномарку, было для нее очевидно.

— Мне нужна машина, чтобы высоко сидеть и далеко глядеть, — выпалила дама.

— Мариша, зачем тебе трактор? — ехидно осведомился супруг, за что получил острым локотком в бок.

— Обратите внимание, прекрасный «внедорожник». В любую погоду, по любым ухабам, — консультант, казалось, даже мыслил рекламными слоганами поставщиков.

— Я собираюсь по городу ездить, а не олигархов по лесным тропам отстреливать.

— Мариночка, какие на лесных тропах олигархи? — вновь подал голос муж.

Продавец продолжал заученно бубнить, подводя их к «смарту»:

— Маленькая, компактная, удобная. Как раз для города.

— Да вы что?! У нее не поймешь, где перед, а где зад. Всюду плоская какая-то. Мне нужно, чтобы спереди третий размер, а сзади как у Дженнифер Лопес. Я доступно излагаю? Ой, вот та желтенькая просто прелесть, с глазками. Представляете, зима, метель, на улице минус тридцать, я в норковой шубе и на этой машине. В салоне тепло, уютно. И видно меня за километр.

— И меня, придурка, рядом с тобой, — пробормотал муж, переглядываясь с консультантом.

— Извините, а права у вас уже есть?

— Молодой человек, — тоном классной наставницы процедила дама, — вначале покупают машину, а затем запасные детали. Или вы хотите предложить мне комплексный пакет?

Продавец счел за благо промолчать.

— Мариночка, посмотри, «БМВ», цвет «мокрый асфальт», — неожиданно оживился муж, поддавшийся притягательному зову импортного автопрома.

— Ага, а когда высохнет, будет такой же, как дорога возле нашего дома — вся в колдобинах? — съязвила дама, добавив поучительно: — Что главное в автомобиле? Мягкий салон, музыка и большое зеркало.

Последнюю фразу консультант не услышал, поскольку открывал капот

ближайшего к ним автомобиля:

— Вы только посмотрите!

— Зачем? — удивилась покупательница. — Как вы себе это представляете? Зима, метель, на улице минус тридцать, я в норковой шубе стою на дороге и заглядываю под капот? Это фантастика, не мечтайте.

— Но как же, мотор — сердце машины.

— Типичное мужское заблуждение. Вы, когда с девушкой знакомитесь, вначале тоже ей в рот заглядываете?

Оторвавшийся от ее руки супруг с вожденными вздохами некоторое время изучал двигатель, совершенно забыв, что машина всего лишь средство передвижения. Бизнес-леди наблюдала за ним со сдержанным интересом энтомолога, изучающего очередную неразумную букашку:

— Господи, неужели тебя так заводят «внутренности»? Завтра же сделаю рентген, ультразвук, сканирование мозга и повешу в нашу спальню над кроватью.

Выбившийся из сил консультант подытожил:

— Вам лучше взять «автомат», поверьте моему опыту.

— Зачем? — поразилась дама, глядя на него поверх очков.

— Ну как же, зима, метель, мороз, на улице минус тридцать, вы в норковой шубе. С автоматом проще по нашим дорогам.

Дальше Наталья слушать не стала. Ей вспомнилась глава из распечатанного руководства волшебников, в которой доходчиво объяснялось, как можно притянуть к себе то или иное событие. Единственной вещью, которую Наталья желала в данный момент, был автомобиль. Притянуть к себе его покупку казалось делом довольно сложным. Получалось, чтобы это когда-нибудь случилось, надо уже сейчас начинать вести себя как владельцу транспортного средства. И не какого-то там, а дорогого!

Недолго думая, Наталья отправилась в магазин при автосалоне, где, как гласила красочная вывеска, продавались различные автомобильные аксессуары, запчасти, автокосметика. Последнее слово особенно ей понравилось.

«Как бы я вела себя, если бы была автовладелицей?» Ответ был очевиден: «Ну, конечно! Покупала бы запчасти». Открытие поражало простотой и изяществом. Изучив цены, Наталья несколько охладела. Что прикажете купить? Фару? Дворники? Глупость какая. Однако решение нашлось.

— Сколько стоит крышка от бензобака? Чтобы к иномарке подошла!

Став счастливой обладательницей новенькой крышки, Наталья

покинула салон, размышляя, как еще приблизить заветную мечту.

ГЛАВА 27

Распрощавшись с последним пациентом, Светлана достала пудреницу и вздохнула:

— Тяжелый день выдался.

Не успела она привести себя в порядок, как в дверь постучали. На пороге стоял Александр.

— Добрый вечер, Светлана Валерьевна!

— Добрый... — пудреница упала с предательским стуком.

— Таня, здравствуйте!

Поприветствовав медсестру, неожиданный посетитель все внимание перенес на замершую на своем месте Светлану. Танечка, прижимая к роскошной груди кипу медицинских карточек, благоразумно выскользнула за дверь.

Это был не первый раз, когда Александр появлялся без предупреждения. Каждый раз Светлана клялась себе, что этот раз будет последним, но он появлялся снова и снова, добиваясь встречи под каким-нибудь благовидным предлогом. Они посещали выставки, ужинали в ресторанах, гуляли. Ничего особенного не происходило, но Светлана постоянно чувствовала себя как пронизанная током высокого напряжения. Стоило хоть на некоторое время забыть о существовании Александра, он появлялся незамедлительно, как в этот раз.

— Светлана, у тебя ведь сегодня курсы?

Некоторое время назад Светлана сочла возможным перейти на «ты». Этот шаг дался ей очень нелегко, так же, как и последующая прогулка по набережной, во время которой Александр обнимал ее за плечи.

— Что? Ах да, курсы, конечно.

— И как успехи? — живо поинтересовался Александр.

— Замечательные, — нагло похвасталась она. — Уже могу в бытовом диалоге поучаствовать, например поговорить о погоде. Хотя лучше бы нас научили, как добыть еды в ресторане. Подруги переживают, что приедем в Париж и будем ходить голодными, — пошутила она.

— Предлагаю дать персональный урок, — галантно предложил он. — Тогда и в Париже не пропадете.

Растерявшись, Светлана не успела ничего ответить.

— В общем, жду тебя на стоянке, — не оставляя ей времени на размышления, Александр вышел в коридор, плотно прикрыв за собой

дверь.

Светлана осталась сидеть, размышляя, куда заведут их эти персональные уроки, служившие лишь предлогом и ограничивающиеся несколькими фразами. После этого напряжение Светланы спадало, и можно было говорить о чем угодно. Она не забыла их откровенный разговор на первом свидании, но Александр больше ни разу не заикался о своих чувствах, всячески давая понять при этом, что Светлана ему нравится.

— Куда мы едем? — спросила Светлана, когда за окнами автомобиля промелькнули городские окраины.

— На спектакль в ресторане.

Увидев, что Светлана удивленно подняла брови, Александр пояснил:

— Я бывал на таких спектаклях в Европе, подсказал идею одному хорошему знакомому. Посмотрим, что получилось. Это детектив. Не пугайся, когда среди актеров будет «труп», зрители должны будут найти «убийцу».

Машина остановилась у загородного ресторана «Вежливый лось».

В вестибюле их встретил предупредительный персонал. Сбоку, за покрытым цветастой скатертью столиком, сидела цыганка, глядя сквозь посетителей незрячими бельмами. Светлана на мгновение смутилась, но потом догадалась, что это всего лишь контактные линзы. Незрячая ясновидящая сделала несколько предсказаний на грядущий вечер, затем вытянула из колоды карты с их именами и номером столика.

Аперитив разворачивался в небольшом зале, отделанном деревянными панелями и уставленном тяжеловесными кожаными креслами и диванчиками. Взяв по бокалу, Светлана и ее спутник отошли в сторону. Артисты по очереди подходили познакомиться с вновь прибывшими, постепенно вводя их в курс действия. Оказалось, сегодня на дворе год 1900, на городскую ярмарку приехал французский цирк. Познакомившись с директором цирка господином Д., шпагоглотателем Хьюго, женщиной-гигантом Софи Латур, танцовщицей Барбарой, гости перешли к накрытым столам.

Микроскопические блюда, — ресторан оказался гастрономическим, — следовали одно за другим, не оставляя тяжести в желудке. Цирковые номера шли своим чередом: Хьюго глотал шпагу, Софи Латур метала ножи, Барбара исполнила зажигательный танец, вызвав ревность незрячей ясновидящей, которая отомстила, сорвав с лица танцовщицы вуаль. Барбара оказалась бородатой женщиной, достойно дополняющей разномастную компанию. В середине ужина раздалось злое рычание. Оказалось, на свет вырвался Паблофф, человек-волк. Обошлось без жертв,

поскольку Хьюго удалось укротить разбушевавшегося братца.

Подали огромные тарелки с небольшим углублением в центре, где и покоились три ложки ароматного ризотто с грибами. Светлана наслаждалась вечером, давно перестав пытаться разобраться в хитросплетениях детектива. Цирковую труппу явно раздирали многочисленные конфликты и противоречия.

После очередной перемены блюд гости услышали душераздирающий крик. В центр зала выскочил смертельно «раненый» господин Д. и немедленно «скончался». Во время десерта зрителям предложили осмотреть вещественные доказательства и указать убийцу.

— Есть идеи? — поинтересовался Александр у озадаченной Светланы.

— Наверное, Хьюго? — неуверенно предположила она. — Он весь вечер говорил, что это он должен быть директором, а не господин Д., который ничего не умеет делать. Кроме того, став директором, он завоюет расположение Барбары. А может быть, это Паблофф, ведь Хьюго единственный, кто умеет с ним договариваться. Или Исма, незрячая ясновидящая. Но у нее не было мотива.

Александр серьезно покачал головой, пряча улыбку в уголках глаз. Ему нравилось, что Светлана с такой легкостью включилась в игру.

— На шпаге Хьюго не нашли следов крови, как и на ножах Софи. А Паблофф дикий, он может только загрызть, но господин Д. был убит холодным оружием. Исма как раз в момент гибели господина Д. была незрячая и не ясновидящая. Ты помнишь, что ее амулет, с помощью которого она все видит, был похищен?

— Тогда не знаю, — сдалась Светлана.

— Наверняка это Барбара. Помнишь, она говорила, что сбрит бороду и поедет танцевать в «Мулен Руж»? И бритвы среди вещдоков не было.

Светлана вдруг посмотрела ему в глаза и сказала:

— Спасибо.

— За что? — удивился Александр.

— Я не знаю, кто убийца, но вечер просто чудесный, — выдавила Светлана, испугавшись того, что она хотела сказать на самом деле.

Они замолчали. Александр накрыл ее руку своей, так ничего и не написав на выданном для разоблачения злоумышленника листочке.

Убийцей действительно оказалась Барбара, которая созналась во всем, заламывая руки и нервно дергая себя за бороду. Господин Д. застал ее в примерке, когда она собиралась сбрить ненавистную растительность. Он хотел отобрать бритву, а Барбара ударила его и не промахнулась.

Вернувшись домой, Светлана с удивлением обнаружила, что несмотря

на легкость в желудке, есть ей совсем не хочется.

«Вот что значит гастрономический ресторан, — с удивлением подумала она. — Все так удачно сбалансировано, что чувства голода нет, а съел две ложки того да три этого. Был бы у меня личный повар, как у голливудских звезд, наверное, я была бы стройная. Ела бы вкусную, красиво размазанную по тарелке еду, не думая об отложениях на талии».

ГЛАВА 28

Наталья сидела за столом, пытаясь всунуть в себя французские глаголы, но даже вприкуску с крекером и давно остывшим чаем они не хотели усваиваться. Лень мешала сосредоточиться. От домашнего задания отвлекали то телефонные звонки, то закипевший чайник. В довершение потек кран на кухне.

Дозвонившись в ЖЭК, очень эмоционально поговорив с работниками, Наталья, наконец, смогла объяснить им, что кран надо чинить сегодня, а не тогда, когда соседи начнут жаловаться на испорченный потолок. Радуюсь, что гороскоп был прав по поводу успехов в переговорах, она упала в кресло. Стало ясно, что придется начинать сначала, учебный настрой улетучился. Едва она вновь приступила к упражнениям, звонок в дверь известил, что со скоростью Чипа и Дейла явился спаситель-слесарь, чтобы избавить ее от ненавистных глаголов. Оперативность поражала.

«Да, еж — птица гордая, пока не пнешь — не полетит», — подумала Наталья, вспоминая свою гневную тираду.

Наталья открыла дверь. На пороге стоял загорелый молодой человек лет двадцати трех — двадцати пяти.

«Ничего себе, какой красавчик подался в слесари», — подумала Наталья.

— Добрый день.

— Проходите. Вот вешалка.

Не оборачиваясь, она направилась на кухню. Сняв пальто, молодой человек остался в чем-то похожем на военный китель. В руках у него была переносная магнитола.

— Вот, — Наталья махнула в сторону раковины.

Слесарь осмотрелся, выбирая место, куда поставить технику.

«Надо же, со своей музыкой ходит», — мысленно удивилась Наталья.

— Да, ставьте сюда, — Наталья быстро расчистила место на столе. — А вы всегда в таком наряде работаете?

— Вам не нравится? — оглядел себя слесарь.

— Да что вы, мне все равно. Просто раньше всегда в халатах приходили. В голубых.

— Правда? — удивился молодой человек. — Конкуренты, наверное. Богатая идея, надо будет начальству подбросить, а то все кителя да костюмы, надоело уже, хочется чего-то свеженького. Мы ведь тоже люди

творческие. Для кого-то это рутина, а для кого-то вечный поиск себя, своего образа.

Еще раз окинув взглядом кухню, он с интересом посмотрел на Наталью.

— Вы считаете, что здесь будет удобно? — спросил молодой человек.

— Я думаю, у вас нет другого выбора. Можно потом в ванную перейти, — иронично хмыкнула Наталья, прикидывая, что еще нуждалось в починке.

— Хозяин — барин. Присаживайтесь и наслаждайтесь.

«Да, — подумала Наталья, устраиваясь на стуле поудобнее, — какие все-таки вежливые слесаря пошли».

Нажав кнопку на магнитофоне, молодой человек начал ритмично двигаться в такт модной песенке. Он стоял спиной к Наталье, очевидно, рассматривая что-то за окном, затем снял китель, оставшись в белой рубашке.

«Может быть, ему жарко, — озадачилась Наталья, следя за движениями, — или боится испачкаться во время работы».

Но слесарь почему-то не делал попыток переместиться в сторону раковины, продолжая двигаться в такт музыке. Вдруг он резко повернулся и пошел на Наталью, расстегивая пуговицы на рубашке. Наталья пришла в ужас.

«Маньяк, — пронеслось у нее в голове. — Говорила Лариска: сначала корочки посмотри, а потом дверь открывай».

Слесарь справился с последней пуговицей и, эротично стянув с себя рубашку, бросил ее к ногам ошарашенной Натальи.

— Молодой человек... — попыталась сказать Наталья, но смогла только слабо пискнуть.

Откашлявшись, она смогла еле слышно проговорить:

— Вы что делаете? — и добавила, перескакивая стадию брудершафта: — Совсем, гад, с ума сошел?

— Как что? Стриптиз на заказ, — улыбнулся мужчина, расстегивая брюки.

— А может, не надо, может, все без стриптиза сделаем?

— Так ведь заказ оплачен! — подмигнул он Наталье, покончив с молнией и медленно спуская брюки.

Наталья зажмурилась и заорала, совершенно не понимая, с каких пор в заказ по починке крана стал включаться сеанс раздевания под музыку.

Мужчина оторопело смотрел на нее, так и оставшись в одной штанине.

— Тетка, ты чего орешь? — от жуткого вопля он тоже перешел на

«ты». — Сейчас соседи подумают, что кого-то режут. Набегут, шума не оберешься. Или еще лучше, милицию вызовут. Ты чего, стриптиз никогда не видела? Сама же говорила про «других», я и решил, что человек подготовленный.

Наталья только мотала головой, как китайский болванчик. Крик застрял где-то в районе диафрагмы.

— Вот предупреждали меня, говорили: не бери заказы первого апреля, — молодой человек стал одеваться. — Что их народ не для удовольствия, а для прикола заказывает. Между прочим, это искусство!

В его голосе прозвучала неподдельная обида.

Наталья, до этого момента пребывавшая в ступоре, посмотрела на календарь. Так и есть, забыла перевернуть страницу. Сегодня первое апреля! До нее стало доходить, что произошло недоразумение.

— Так вы не сантехник? — смущенно спросила она.

— Какой еще сантехник? Вы в своем уме? — молодой человек вопросительно взглянул на нее. — Я что, похож?

— Нет, что вы! — попыталась загладить неловкость Наталья. — Просто я сантехника вызывала, а тут вы.

— Да, — молодой человек сел на стул. — Думайте теперь, кто над вами подшутил.

— Лариска! Больше некому, — ахнула она, начиная приходить в себя. — Ну я ей покажу!

Застегнув последнюю пуговицу на рубашке, стриптизер взялся за китель.

— Значит, так, молодой человек, — улыбнулась Наталья, — поскольку деньги уплачены, я бы хотела досмотреть до финального аккорда.

«Действительно, — отметила она про себя, — когда еще стриптиз покажут!»

— Я имею в виду, только до нижнего белья, — уточнила она.

— А нам дальше белья не положено.

— Что ж это за стриптиз, если вы в трусах остаетесь? — удивилась она, забыв, что еще минуту назад не помышляла о пикантных развлечениях.

— Не в трусах, в стрингах, — обнадежил он и добавил: — Гольшом — это в бане, а в искусстве меньше видим, больше подразумеваем.

— Итак, давайте с самого начала. Пройдем в комнату, там будет удобнее. Знаете ли, не хотелось бы пропустить самый интересный момент.

Стриптизер пожал плечами. Они отправились в комнату. Наталья задернула шторы, создав уютный полумрак, устроилась на диване с четким

намерением получить удовольствие от неожиданно сложившейся ситуации.

Молодой человек был хорош собой. Только теперь Наталья сумела разглядеть и великолепную фигуру, и перекачивающиеся под кожей мышцы. Двигался он с мягкой грацией хищника, прекрасно управляя тренированным телом.

Когда мужчина вновь принялся снимать злополучную штанину, раздался звонок в дверь. Наталья вздрогнула. Стриптизер остановился.

Взглянув на часы, переменявшаяся в лице Наталья прошептала:

— Не судьба досмотреть.

— Муж? — позеленел молодой человек, явно размышляя, получится ли у него прикинуться слесарем. В его глазах застыл неподдельный ужас.

— Хуже, — вскочив с дивана, Наталья помогала парню натягивать штаны.

— В общем так, молодой человек, это моя мама. Вы слесарь-сантехник, краны починяете, слова «стриптиз» никогда не слышали, — говоря это, она носилась по комнате в поисках рубашки и других атрибутов мужского туалета, раскиданных в пылу творческого процесса.

— Иду, иду, — крикнула она в сторону двери.

Выхватив из шкафа рубаху, оставшуюся от давно забытого приятеля, в которой в прошлом году она красила окна, Наталья накинула ее на стриптизера-сантехника, подталкивая его в сторону кухни. Молодой человек вцепился в раковину, изображая бурную деятельность по починке крана.

— Наточка, — донеслось до молодого человека, — что ж ты так долго?

Войдя в сопровождении Натальи на кухню, маман слегка охнула, явно потрясенная молодостью и красотой новоиспеченного труженика, но мгновенно взяла себя в руки:

— Здравствуйте, юноша!

Возраст не ухудшил мозговой деятельности маман, соображала она быстро и регулярно поражала дочь спонтанными решениями. Поправив идеально уложенные волосы, Марианна Сергеевна обратила свой взгляд на Наталью:

— Наточка, как удачно складывается! Я к тебе как раз по поводу крана в ванной. Он подтекает.

— Мама, — Наталья удивленно распахнула глаза, — я вчера у тебя была, все было нормально.

— А теперь подтекает, — упрямылась маман, — стук капель мешает заснуть!

— Хорошо, я позвоню в ЖЭК.

— Зачем? Пусть милый юноша посмотрит, — примадонна обнажила в улыбке зубы из бескаркасной металлокерамики, — я подожду.

Поплотнее закутавшись в шаль с кистями, она отправилась ожидать в гостиную.

Как ни странно, за свою долгую бурную жизнь врать Марианна Сергеевна так и не научилась. Зачем, если любой каприз этой красивой властной женщины исполнялся, стоило ей только пожелать. Наталья вздохнула, понимая, что маме просто захотелось развеять скуку и заполнить в гости подвернувшегося красавчика.

— Извините, вы сегодня во сколько заканчиваете? — обратилась Наталья к «слесарю».

— Ваш заказ последний, а что?

— Понимаете, моя мама... — замялась Наталья. — Уверяю вас, краны там в рабочем состоянии! Но мама настаивает, вы меня понимаете? Не могли бы вы заглянуть к ней на пару минут? Я заплачу! Пожалуйста! Сделаете вид, что чините, и все, что вам стоит?

— Ладно, я понимаю, — улыбнулся парень. — Мне не трудно.

— Спасибо вам огромное! — Наталья с чувством пожала руку чудо-мастеру. — Это рядом, в соседнем доме.

ГЛАВА 29

Выбившаяся из сил Валентина провела рукой по лицу:

— Ох, девочки, вы меня загоняли!

— Я-то тут при чем? — округлила невинные глаза Анжела. — Я себя хорошо веду, мне полагается сладкое, правда? Это Машка у нас наказание, мама так говорит.

— Зачем ты так? — шепотом возмутилась Валентина. — Она же еще маленькая. Подрастет и поумнеет.

— Все может быть, — философски хмыкнула Анжела, словно невзначай поглядывая в сторону гостиной.

Действительно, очередной визит внучек проходил с некоторыми осложнениями. Не читавшая книг по психологии детства, благополучно пропустившая кризис одного года и еще не подобравшаяся к кризису трех лет Машенька, младшая внучка Валентины, внезапно решила, что имеет право на собственное мнение. В самом разгаре борьбы Эля вынуждена была уехать на коллоквиум в Новосибирск, а Валентина оказалась с самоутверждающейся внучкой на руках. Картину бедствия дополняли подростки, но еще время от времени плачущий по ночам Мавр и Анжела, старательно отлынивающая от дополнительных домашних заданий, составленных любящими родителями для ее общего развития.

В первый же день Машуня изрисовала стену в гостиной. Не ценивший творческие порывы окружающих Михаил внучек обожал и сердиться на них не мог. На следующий же день он купил ковер, который прикрыл наскальную живопись.

После временного затишья Машуня вновь перешла в наступление. Пока Валентина готовила обед, одной рукой доделывая упражнения по французскому, Маша пожертвовала просмотром мультфильмов, чтобы навести порядок в ванной комнате. Разорвав на одинаковые кусочки целый рулон туалетной бумаги, Машуня сложила их ровной стопочкой. Содержимое косметички Валентины было рассортировано на нужное и ненужное. Ненужное девочка методично бросала в унитаз, нажимая на кнопку и с интересом наблюдая, как лишние вещи исчезают в благоухающем лавандой водовороте. На шум сливаемой воды и прибежали сестра, досмотревшая мультики, и бабушка, заподозрившая неладное.

— Не расстраивайся, бабуля, — утешила Анжела Валентину, — это еще ничего. А за два дня до того, как мама в командировку уехала, Машка

кашей в стену кидалась. Еле отмыли.

— Кашей в стену? — поразились Валя. — Зачем? То есть как же так? Машенька ведь так любит кашу.

— Каша была невкусная, — заговорщицким шепотом сообщила Анжела. — Мама ее по рецепту дяденьки из телевизора варила, не помню, как его зовут. Можно мне десерт?

Валя всплеснула руками, представив себе тяжелую в гастрономическом смысле жизнь внучек. Выдав им по куску пирога, Валентина засобиравалась.

— Девочки, я в магазин быстренько сбегая. Куплю вам чего-нибудь вкусненького, но вы себя ведите хорошо. Ключ я взяла, так что, Анжела, дверь никому не открывай, какие бы сказки тебе ни рассказывали, даже если будут петь песенку, все равно не открывай.

— Хорошо, бабушка, не волнуйся. Что я, маленькая? — Анжела сделала обиженное лицо.

Через пять минут после ухода бабушки в дверь позвонили:

— Вам телеграмма, примите и распишитесь.

— Тетенька, я не могу открыть, бабушка запретила открывать незнакомым.

— Я почтальон, принесла телеграмму.

— Положите, пожалуйста, в почтовый ящик, — вспомнила Анжела, чему ее учили на этот случай.

— Не могу, положено отдавать под расписку, — ответили из коридора. — Девочка, если не распишешься, я унесу телеграмму на почту, потом твоей бабушке придется за ней идти. Вдруг там что-то срочное.

Раздираемая желанием помочь бабушке и не нарушить ее запрета, Анжела не знала, что ей делать. С одной стороны, дверь открывать нельзя, а с другой — бабушке придется идти на почту за срочной телеграммой.

Через полчаса вернувшуюся из магазина Валю встречала радостная внучка:

— Бабуля, пришла телеграмма! Я за нее сама расписалась. Тетя-почтальон сказала, что я тоже могу расписаться, вместо тебя.

— Анжела, я же запретила открывать дверь посторонним! — Валя схватилась за голову, представляя, что могло случиться, окажись за дверью грабители вместо тети-почтальона.

— Это же почтальон был! Я быстренько открыла, расписалась и тут же закрыла дверь на замок. И если бы я не расписалась, тебе пришлось бы идти на почту.

Валентина развернула телеграмму и прочитала: «дорогая маша

поздравляю восьмым марта федя». Телеграмма была соседям, и с ее доставкой почта очень задержалась.

ГЛАВА 30

Александр позвонил в конце рабочего дня.

— Встретимся сегодня?

Договорившись, Света убрала мобильник в сумку. В этот момент в дверь постучали.

— Войдите! — крикнула Света.

— Привет!

— Ларчик? Ты?

— Привет! — Лариса вошла и села на стул, предназначенный для пациентов.

— Танечка, можешь идти. Я сама все закончу и отнесу в регистратуру.

— Ой, спасибо, Светлана Валерьевна! — Таня не заставила себя упрашивать и, молниеносно переобув сапоги, убежала.

— На курсы собираешься?

— Ларчик, ты понимаешь, у меня сегодня никак не получится, — замялась Светлана.

— Почему? — удивилась Лариса, внимательно глядя на подругу. — Ты уже несколько раз пропустила.

— В самом деле? — глаза Светланы забегали. — Понимаешь, на работе был аврал, не получилось у меня на прошлой неделе. А в тот раз я сильно опоздала и решила совсем не ходить, чтобы не мешать учебному процессу.

На прошлой неделе Светлана и Александр были на выставке импрессионистов, а потом за ужином обсуждали цветовую палитру французских художников.

А в «тот» раз Александр привез Светлану в свою городскую квартиру, не желая пугать помпезной роскошью загородного особняка. Его строительство и оформление он несколько упустил из виду, занятый в то время поглощением медиа-холдинга в соседнем регионе. В результате получилось красиво, но стоимость постройки была разве что не выложена мозаикой на аллее, ведущей к дому. Квартира же, в которую он переехал три года назад, была оформлена по его эскизам. Диваны, обтянутые искусственно состаренной кожей, темная плитка на полу, камин, оформленный натуральным камнем. В углу гостиной — деревянный макет «харлея» почти в натуральную величину. Кухня, напротив, сияла хромированными поверхностями и походила на операционную.

Усадив слегка робеющую Светлану на высокий стул у барной стойки, Александр ловко открыл бутылку красного вина. Наполнив темно-рубиновой жидкостью два бокала, он предложил тост:

— За тебя! Спасибо, что согласилась посетить мою одинокую берлогу. Они сделали по глотку.

— Вкусно, — сказала Светлана, наслаждаясь фруктово-пряным букетом напитка.

— «Шато Гальбо Гран Крю». Урожай тысяча девятьсот восемьдесят девятого года. Это был удачный год, особенно если сравнивать с предыдущим, восемьдесят восьмым.

Оставив бокал, Александр облачился в длинный фартук и заявил:

— А теперь я приготовлю нам ужин!

— Ты сам готовишь? — поразила Света. — Давай, я помогу!

— Сиди-сиди, — Александр накрыл ее руку своей. — Конечно, я люблю готовить, правда, времени на это не слишком много. Но это моя страсть. Сегодня я приготовлю типичное блюдо французской кухни «Руле а ля вянд ан гратэн».

Не осмелившись спросить перевод, Светлана внимательно следила за действиями Александра.

Мелко порубив луковицу, Александр раздавил два зубчика чеснока в миску с рублеными томатами. Туда же отправились приправы: соль, кайенский перец, мелко порезанные листики майорана. Завершилось приготовление холодного соуса четырьмя ложками тертого пармезана. Тщательно перемешав, Александр вылил половину в приготовленную квадратную форму для запекания.

— А теперь сделаем фарш, — жестом фокусника он извлек из шкафа еще одну миску, отправив в нее фарш трех сортов.

— А это что? — заинтересовалась Света.

— Сосисочная масса, — в миску отправилось содержимое еще одного лоточка. — Настоящая, разумеется. Мне на заказ привозят, здесь не купить, к сожалению, — посетовал увлеченный процессом хозяин. — А теперь соль, перец, я предпочитаю кайенский, конечно же. Он придает блюду совершенно неповторимый шарм.

В миску отправилась еще одна порция рубленого майорана.

— Сейчас сделаем рулетики, — на столе появилось раскатанное тесто. — Конечно, лучше было бы приготовить тесто самому, но я решил сэкономить время и провести его с тобой, — Александр так искренне улыбнулся, что Светлана только покачала головой, не скрывая засветившихся влюбленностью глаз.

Размазав получившуюся массу по кускам теста, Александр свернул их и порезал на части. Получившиеся рулетики слоями уложил в форму, залил остатками соуса и оправил в разогретую духовку.

— Теперь у нас есть полчаса на салат, — подмигнул он Свете. Они отпили по глотку вина, продляя удовольствие от вечера.

Александр извлек доску, ножом, сверкнувшим остро заточенным лезвием, мгновенно нашинковал капусту, морковь, снял тонкими полосками кожуру огурца. Вымочив несколько минут в теплой воде, выложил полученные ингредиенты на приготовленные салатные листья, добавил ломтики бекона.

— Очень люблю этот соус, — в миксер отправились морковь, груша, апельсиновый и немного лимонного сока.

Через несколько минут все было готово. Пока в духовке запекались французские рулетики, Светлана и Александр наслаждались приготовленным салатом и бокалом красного вина.

Вечер промелькнул перед внутренним взором Светы в одно мгновение, вызвав, однако, счастливую улыбку на губах. Поймав взгляд Ларисы, Светлана взяла мимику под контроль. Между подругами никогда не было секретов, но рассказать о своем новом знакомом Светлана не решалась. Ей было неудобно, даже стыдно.

— Ну, сегодня я специально заехала, решила тебя подвезти, — Лариса улыбалась, а в глазах у нее плясали чертики.

— Лариса, понимаешь, — Светлана делала тщетные попытки придумать уважительную причину, — сегодня никак не получится. Дома совсем еды не осталось, надо по магазинам пробежаться.

— Да-да, еды нет, в холодильнике мышь повесилась. Светка, хватит мне сказки рассказывать. Это ты Валентине можешь мозги пудрить, как говорит моя Дашка. Ближайший к твоему дому магазин закрывается в полночь, а в пятнадцати минутах ходьбы — круглосуточный супермаркет, хоть до утра покупки делай! Или ты хочешь сказать, что выходной костюм, так удачно гармонирующий с цветом глаз, ты надела, чтобы кассиршу в супермаркете очаровывать? — Лариса заглянула под стол. — И сапоги светлые — чтобы автобусную грязь мешать? Я влюбленную женщину всегда могу отличить от обычной тетки.

Светлана покраснела, как уличенная во вранье школьница.

— Лар, ты ошибаешься. Просто весна, в Париж собираемся. Я решила заняться собой, как ты советовала, встряхнуться как-то, поменять гардероб...

— Про тряпки давай потом. Света, ты же никогда не умела скрывать

своих чувств. Тебя всегда глаза выдают. Раньше они были, как у побитой собаки, а сейчас светятся. И вообще, в последнее время ты очень изменилась.

— Ты серьезно? — забеспокоилась Светлана, подавляя желание взглянуть на себя в зеркальце.

— Ой, да не волнуйся ты, — успокоила Лариса, заметив перемену в лице подруги. — Твой зубодер только молярами и премолярами интересуется, упуская из вида все остальное.

— Он не зубодер. Он великолепный врач.

— Свет, не уходи от ответа, колись. Кто он? Где работает? Сколько лет? — глаза у Ларисы загорелись.

Светлана тяжело вздохнула, понимая, что Лариса не отстанет.

— Помнишь, — она замялась, стараясь отсрочить момент признания, — я вам рассказывала про спасенного пациента?

— Он ожил окончательно и, восстав из ада, полюбил тебя? — поразила Лариса.

— Не паясничай, я серьезно. И все совсем не так, мы просто встречаемся.

— Ага, еще скажи, что вы дружите, как мальчик с девочкой.

— Да тьфу на тебя! Вечно ты со своими шуточками.

— Женщина с юмором лучше, чем женщина с проблемами. Продолжай.

— Мы встречались, в ресторан ходили, на выставки.

— Свет, короче, — перебила Лариса, — у вас что-то было?

— Лариса, — вскричала Светлана, заливаясь румянцем, — да мы... Да ты что?!

— Понятно, — вздохнув, подытожила подруга, — букетно-конфетные отношения со стихами под луной. Тебе нимб не жмет?

— Не жмет, — надулась Светлана. — И крылышки не режутся.

— Не обижайся, — примирительно взяла ее за руку Лариса. — Надо же было тебя как-то разговорить.

— Понимаешь, он необыкновенный. Я таких еще не встречала. Он добрый, интересный...

— И вышивать, и на машинке... — поддакнула Лариса. — Света, да все понятно, влюбилась ты. Я ведь тебе давно говорила: заканчивай в тоске сидеть. Ну и славно!

Лариса обняла подругу.

— Я только не знаю, как мужу в глаза смотреть.

— А что тебя смущает? — взорвалась Лариса. — Он же тебя вместо

домработницы держит. И не спорь. Что он тебе на прошедшее Восьмое марта презентовал, все забываю спросить? Чудо-миксер или электрическую швабру?

— Набор сковородок, — опустив глаза, еле слышно выдавила Светлана.

— Что? Кастрюли? — Лариса не верила своим ушам.

— Сковородки, очень современные и дорогие, — грустно поправила ее Светлана.

— Боже! — возвела глаза к потолку Лариса. — Это хуже, чем я нафантазировала. В следующий раз получишь в подарок суперёршик для унитаза. Пусть не удивляется, почему жена в разнос пошла. Или он думает, что в пятьдесят лет женщине мужской храп приятнее комплиментов?

Посмеиваясь, Лариса взглянула на часы:

— Ладно, мне пора, а то опоздаю. На проспекте Мира наверняка пробки. Девчонкам скажу, что у тебя уважительная причина, а когда в следующий раз увидимся, все сама им расскажешь. Развлекайся, прогульщица, — она остановилась, держась за ручку двери. — Все-таки лучше видеть тебя счастливой, чем затюканной клушей, но со знанием французского. Все, я побежала.

Быстро собрав истории болезней, Светлана накрасила губы, бросила косметичку в сумку и, закрыв кабинет, направилась в регистратуру.

В это время Лариса, как заправский агент ЦРУ, притаилась в кустах. Любопытство было так велико, что, наплевав на приличия, она решила хоть одним глазком взглянуть на таинственного ухажера. Увидев мужчину, к которому подошла Светлана, она обомлела. Она ожидала увидеть кого угодно, но не воплощенную мечту любой женщины. Дело было не только в сногшибальной внешности. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы безошибочно оценить и машину, и пальто нового знакомого Светланы. Проследив, как галантно мужчина помогает Светлане сесть в машину, Лариса покачала головой.

«Да, — подумала она, — влипла ты, Светик, по полной программе. Такие мужики или женятся на выбранной ими женщине, или бросают ее после первой ночи. В любом случае, ничем такое дело не закончится». Возбужденная увиденным, она направилась к своей машине, припаркованной неподалеку от медсанчасти.

Лариса отправилась на курсы. Она была безумно рада за подругу, но маленький завистливый червячок, как она ни старалась его придавить, не давал ей ощутить эту радость в полной мере.

ГЛАВА 31

После недоразумения со стриптизером-сантехником Наталья дулась на Ларису два дня. Первый — за обломанный мамой кайф, второй — для проформы, выдерживала характер. Она помышляла продержаться еще и третий, в надежде, что шутница сама отзвонится, прочувствовав всю недостойность поступка, но, помусолив ситуацию под соусами добра и зла, Наталья пришла к выводу, что вина маман существенней, в поступке же подруги криминал отсутствовал, имелось лишь страстное желание реванша за историю в овощном отделе супермаркета.

Молчание затянулось. На работе становилось скучно. Пора было выходить из подполья, да и повод имелся. Быстро настучав простым карандашом по кнопкам телефона номер, восседая на стульчике за секретарским столом, она привычно зачастила:

— Лар, привет! Ты на месте? У меня кабинет красят, так что я свободна как птица. А что тебя удивляет? Да, у нас акция: открытые окна — вирусным заболеваниям. Но я тебе клянусь, коровий, свиной, птичий и собачий гриппы дальше приемной не пройдут, задохнутся от краски. Раньше? Раньше деньги сэкономили. На отпуск на Мальдивы были, а на покраску отсутствовали. В общем, я заскочу, если ты в настроении. Заодно поведаю про первоапрельский сувенир, который унесла маман, как мышь в нору. Мне достался лишь маленький кусочек на зубок, и тот доесть не успела.

Устроившись у окна маршрутки, подальше от места сборища денег, Наталья задумалась, почему «мисс порядок» не стала ссылаться на завал на работе, а вдруг расщедрилась, пропустив мимо ушей тему о стриптизере, положительно отреагировала на предложение навестить ее. Как правило, «своим» для частных посещений бизнесвумен выделяла минут пятнадцать, максимум двадцать в обеденный перерыв. «Стыдно стало? — гадала Наталья. — Вряд ли. Ларка считает чужие переживания признаком отсутствия характера. Есть проблема — составим план и маленькими шажками будем продвигаться к намеченной цели. Чувства, эмоции, драматизм хороши для отношений с мужчинами. В дружбе — честность, открытость, правда-матка в морду лица».

Сгорая от любопытства, Наталья влетела в здание банка, притормозив в вестибюле возле зеркала, чтоб носовым платком протереть новые шикарные сапоги. Завистливые взгляды случайных прохожих улучшали ей

настроение, ослабляя хватку жадности, вцепившейся в горло. Подняв глаза от милых сердцу черевичек, она увидела Олега и девиц, стайкой разноцветных птичек окруживших зама по финансам и внушительную металлическую пепельницу на высокой ножке. Курилку возле туалета прикрыли, и страдальцы сигаретной зависимости должны были покрываться позором, предаваясь пагубной привычке у всех на виду, чтоб народ знал в лицо своих отравителей. Олег же сиял и пах, как тюльпан среди незабудок, угощая молоденьких тружениц кредитного и прочих отделов тонкими дамскими сигаретами.

— Много вам, девушки, свободы дали, — донеслось до Натальи. — Где дресс-код? Кто в «мини», кто в «макси», а еще неизвестно, что за этим скрывается, — глаза мартовского кота изучали стройную фигуру одной из соискательниц внимания, затем взгляд скользнул в ее глубокое декольте.

— У кого что. У одних стройные ножки, а у других — одни воспоминания, вам виднее, — бойко ответила девушка, явно намекая на шефиню.

— Фу так о начальстве. Она красивая женщина, так сказать, в самом соку.

— Так то на любителя. Кому сок с кислинкой, а кому и медок с горчинкой.

— От сладкого кариес на зубах.

— А от кислого геморрой на заднице, — парировала девица.

— Все, курочки, за работу, — Олег заметил наострившую уши Наталью и поспешил к ней с улыбкой, обещающей самые большие кредиты под самые маленькие проценты.

— Что привело вас в наши края, Наталья Семеновна?

— Любовь к советскому кинематографу, Олег Петрович. Помните фильм «Вий»? Замечательная фраза вспоминается: «Поднимите мне веки». Я и подумала, пора нашей с вами общей знакомой обратиться к специалисту, к «глазнику», подкорректировать, так сказать, диоптрии в розовых очках, — сладко пропела Наталья, возвращая улыбку, как учила мама.

— А-а-а, вы решили ускорить отход в мир иной. Понимаю, жизнь в одиночестве, с матерью-самодуркой стала невыносима. Что ж, такой способ ухода из жизни в нашем кино еще не рассматривался. Маразм и климакс в одном флаконе, — продолжая улыбаться, Олег вдруг больно схватил ее за руку и процедил сквозь зубы: — Только попробуй, я тебе башку отвинчу, — и добавил громко, отпуская руку: — Всего хорошего, Наталья Семеновна.

Театрально поклонившись, он направился к выходу. Наталья осталась стоять посреди вестибюля, хлопая глазами, как фарфоровая кукла, и потирая вмиг покрасневшее запястье. Проходившие мимо люди здоровались, многих она знала по работе, а она все стояла и смотрела на крутящиеся двери, за которыми скрылся Олег.

Пасмурное утро тянулось невыносимо долго, бесконечно перетекая в хмурый и тягучий день. Настроение у Ларисы было отвратительным, несмотря на то, что наступил ее любимый день недели — пятница. Народная мудрость гласит, что пятница — это маленькая суббота, но сегодня даже фольклор не утешал. Войдя в кабинет, Наталья с порога установила, что подруга пребывает в самом мрачном расположении духа. Она решила отложить рассказ об Олеге, чувствуя нутром, что момент разоблачения змееныша лучше перенести.

— Привет. Вот и я, заждалась? — начала она весело.

— Что-то все наперекосяк, — стоя у окна, грустно отозвалась Лариса.

— Да фигня, полоса белая, полоса черная, полоса белая...

— А потом задница.

— Нет, — запротестовала Наталья, — потом кисточка. Что-то произошло? Могу помочь?

— Ага, пристрели меня, — устало вздохнула та, упорно рассматривая стройку нового здания банка. — Садись, — наконец повернувшись лицом, предложила она подруге.

В дверь кто-то поскребся, показалась голова и затем целиком начальник юридического отдела.

— Я только документы забрать, Лариса Михална.

Дитя интернационала и московской «Олимпиады», Антон Пьерович Николя никогда не был во Франции, унаследовав от беспутного папаши только отчество и фамилию. К его паспортным данным в холдинге давно привыкли, но Наталья по обыкновению подавила улыбку, воображая, что на месте мифического Пьера мог оказаться, например, Оливье. Тоже типичное французское имя, как им сказали на курсах.

Когда юрист удалился, вошел секретарь, молча расставил чашки, кофейник, корзинку слегка поджаренных тонких хлебцев, нарезку и «намазку», слово, придуманное Натальей для паштетов и мягких французских сыров.

— Спасибо, Егор.

— Спасибо, — пробубнила Наталья, скидывая на руки секретарю пальто.

Наконец дверь плотно затворилась. Наталья плюхнулась в кожаное

кресло перед сервированным журнальным столиком. Лариса молча подошла и села напротив. В задумчивости она взяла кусочек хлебца и стала аккуратно намазывать его гусиным паштетом. Наталья следила за ее движениями. Прошла минута, а Лариса все намазывала и намазывала, с маниакальным упорством стараясь не пропустить ни миллиметра поверхности тоста. Нож опускался в банку, не касаясь краев, а потом танцевал над хлебцем вправо-влево, показывая то один свой серебристый бок, то другой. Наталья начала нервничать. В баночке оставалось уже меньше половины, максимум на один бутерброд, а подруга все зачерпывала и намазывала, зачерпывала и намазывала.

— Ларис, обрати внимание, тут и колбаска имеется, и сырок, — как бы между прочим заметила Наталья.

Та подняла глаза от «дела рук своих», впервые улыбнувшись.

— Ты неисправима, — и протянула бутерброд.

Наталья покраснела всеми внутренностями вплоть до селезенки, но внешняя оболочка отнеслась к ситуации философски, потянувшись рукой за угощением.

— Спасибо, а ты?

— Нет аппетита. Знаешь, ходят слухи, что в списке на увольнение я стою на почетном первом месте. Сижу, можно сказать, в кресле с выкидным механизмом. Катапультуют в любой момент.

— Как... — начала Наталья с набитым ртом и чуть не подавилась. Новость была убийственная. — Откуда информация?

— Егор добыл.

— Ты уверена?

Лариса кивнула, продолжая думать о своем, рассматривая висевшую на стене картину «Львиная охота», доставшуюся ей вместе с кабинетом от прежнего владельца, ушедшего в Москву на повышение. Ей вдруг вспомнилось, что львы никогда не охотятся сами. Добычу выслеживают и загоняют львицы. Царь зверей, как и положено коронованной особе, лишь наслаждается жизнью: спит, ест и занимается любовью с дамами своего прайда.

— И как они думают потом работать? — донеслось до нее. — Я помню, как ты здесь начинала практически с нуля, все было запущено. Ты же столько сделала, чтобы банк и холдинг в целом работали как часы, ты им все организовала, ты же прекрасный специалист! Где они найдут лучше? Единственный, кто хоть как-то может тебя заменить... — Наталья закрыла рот ладонью, чтобы страшная догадка не вырвалась наружу.

— Он самый, — тихо подтвердила Лариса. — Дура, ох, какая дура.

Лично взрастила.

— А что хозяин?

— Хозяину вечно некогда. У него любовница недавно родила, так что счастливый отец с ней в загородном доме, звонки «приближенных» тщательно фильтруются. К тому же учти, два мужика всегда договорятся. Сама знаешь, рыбалка, охота, сауна. Проблемы, конечно, у них будут. Потом. Но сейчас они уверены, что я — та часть проекта, на которой можно сэкономить.

— Лар, может, обойдется все? Или, может, тебе к конкурентам податься? — Наталье хотелось подбодрить подругу, но в голове вертелись только банальности и тексты похоронных соболезнований.

— Мысль дельная, но уверена, на этот случай Олег подстраховался, я ж его обучала. Невовремя это все, ой как невовремя. Дашка беременная, мы в Париж собрались, зубной требует аудиенции.

— Косте позвони, не чужой человек, должен помочь, — посоветовала Наталья.

— Можно, конечно, — без энтузиазма отозвалась Лариса.

Помолчали.

— Слушай, Натуль, а что я, в самом деле, насчет денег парюсь, — голос Ларисы вдруг повеселел. — «А ля гер ком а ля гер», как учат нас французы, — встрепенулась она, взглянув на Наталью в ожидании ответной реакции.

— «Ищите женщину»? — неуверенно переспросила та.

Лариса разочарованно махнула рукой:

— Понятно. За домашнее задание тебе «двойка». Мысль проста: Олег посягнул на мое место, оставляя без средств к существованию, поэтому справедливо будет получить выходное пособие за его счет. На мелкие прихоти хватит и еще на вибратор останется. Тебе по случаю ковер ручной работы не нужен? Хороший, мы его с Олегом из Египета перли, настоящий шелковый, специально за ним на фабрику ездили. А китайскую вазу, династия то ли «Минь», то ли «Янь», я бывшему загоно. На днях говорил, что ищет оригинальный подарок кому-то «наверх».

— Подожди, какой ковер? — перебила ее Наталья.

— Так я же рассказывала, что Олег ко мне вещи перевез, помнишь?

— Грустную часть марлезонского балета можешь пропустить. Две недели назад я к тебе заходила, козлиным духом не пахло, решила, что твой красавец лишил тебя наследства.

— Ага, на дачу к бывшему перевез. Устроил пещеру Али-Бабы и без арендной платы, заметь, — Лариса сбегала к столу, достала косметичку и

начала подкрашивать губы.

— Тогда не теряйся, распродавай со спокойной совестью, ни один прокурор не подкопается, — торжественно заключила главный специалист по дележу чужого имущества.

— Дай, я тебя поцелую, — потянулась Лариса к подруге накрашенными губами. — Хочешь, я еще бутербродик изображу?

Показным весельем Лариса хотела замять тему о предательстве любовника, уже сожалея, что открылась Наталье. Надо было пережить сей позор одной и, найдя выход из положения, представить его подругам, как само собой разумеющийся переход из одного состояния в другое. Тем более раскулачивание зарвавшегося бойфренда не могло глобально поправить ее материальное положение, пусть в данный момент еще достаточно устойчивое, но рискующее пошатнуться после увольнения. В момент, когда Егор огорошил ее сводками с фронта, Наташин звонок спас бюстик президента и голову секретаря. Гипсовую болванку было не жалко, по приказу хозяина их заказали несколько десятков, с размахом разослав по кабинетам начальства всех входящих в холдинг предприятий и организаций, но покалечить преданного секретаря было бы глупо. Сама же Лариса готова была завывать от боли по-бабьи, в голос. Присутствие Натальи отвлекало и дисциплинировало.

— У тебя-то как дела? Что-то случилось? — спросила она, решив выпить чашку кофе.

— Ничего срочного. Помнишь, я тебе про наш сайт рассказывала?

— Да, я тебе еще Илью Светкиного присоветовала. Был он у тебя, забываю спросить?

— Угу. Все работает. Дело в другом. Он меня научил с компьютером обращаться, интернет показал, но я себя ущербной чувствовать начала. Даже наша секретарша разбирается во всех этих емейлах и веб-сайтах, а я все как гидроцефал.

— Кто? — отрываясь от кофейника, переспросила Лариса.

— Неважно. Слово красивое. Такое существо с большими мозгами, но не знающее, как их применить на деле.

— А я тебе давно говорила, но ты ж умнее всех, — откинувшись на спинку кресла, Лариса наслаждалась ароматом напитка.

— Сейчас ты мне такую новость выдала, я еще о другом задумалась, — волновалась все сильнее Наталья, размахивая щипчиками для сахара. — Да, пока я еще как специалист — ценный экземпляр, а через год-два? Выпустится из университета наша Люда, красавица длинноногая, и кроме юридического диплома, как у меня, в ее СиВи будут всякие экселы

и виндоузы. Вещами любовника на чердаке я не располагаю. Ричарда Гира вчера на самолет посадила, домой отправила, скучным оказался...

— Положим, уметь пользоваться всем перечисленным архиважно, — лениво протянула Лариса, — но так волноваться тебе не стоит. Пока ваша Люда наберется твоего опыта, пройдет много времени. Вообще, Наталья, ты к чему ведешь?

— Решила я пойти на компьютерные курсы, — выпалила Наталья, — но те, что я нашла, по дням совпадают с французским. Поэтому я подумала, французский — это хобби, а компьютер важен для работы. И потом, — продолжила она уже менее уверено, — я бы у вас уроки брала, тетрадки, делала бы задания.

— Не-е-е, ты, конечно, молодец, — Лариса возмущенно поставила чашку с недопитым кофе на блюдце. — Что за спешка, Наташа? Сто лет ты компьютер в гробу видела, а тут срочно понадобилось его освоить. К тому же на курсы записывались все, а теперь у Светки «Ромео и Джульетта», у Вали собака, а у тебя танцы с оргтехникой будут? Наверняка это временно. Я твои заскоки знаю, ты то одно хочешь, то другое.

— Что у Светы? — заинтересовалась Наталья.

— Ох, не хотела за ее спиной болтать, но ладно, что уж скрывать, тем более она клялась-божилась вам скоро обо всем рассказать. Хахаль у нее завелся.

— Ничего себе, столько новостей за один день, — округлила глаза Наталья. — Когда успеваете только. А я тут с носками бегаю.

— С какими носками?

— Пустое, сон был.

— Ночью спать надо, а не устраивать просмотры сновидений, — материнским тоном наставляла подруга.

— А Светка-то! — продолжала удивляться Наталья. — Все молчком, никому ни словечка. Я предположила, что у них с Колей повтор «медового месяца». Расцвела, похорошела, на скуку и тоску жаловаться перестала.

— Ты не поняла. По словам Светки, они только встречаются, «пестики-тычинки». Но ты права, лучше от счастья светиться, чем пылью покрываться.

Лариса мельком взглянула на золотые часики на руке.

— Кстати, как у нее дела с правами? Мне тоже надо. Потом отложу денег и куплю машину.

— У меня кружок по фото, а мне еще и петь охота? — иронично улыбнулась Лариса. — Наталья, когда ты перестанешь разбрасываться? Пять минут назад ты хотела принести себя в жертву Всемирной Сети.

— А что? Я успею!

— Ну да, через месяц охладеешь, а через два увлечешься разведением кроликов. Кстати, ты никогда не пробовала шить на машинке с ножным приводом? — огорошила ее Лариса.

— Нет, а зачем?

— Понимаешь, это очень хороший показатель, если сможешь справиться с такой машинкой, то есть качать ногой привод и одновременно шить, не глядя вниз, то и автомобиль освоишь, а если нет — ездить тебе всю жизнь на троллейбусе или на такси, если денег много.

Наталья, в жизни не приближавшаяся к швейному оборудованию, задумалась.

— Так что, многостаночная моя, как хочешь, но вождение и компьютер в свободное от французского время, а там сориентируешься, на что у тебя хватит сил.

— Если честно, Лариса, ты думаешь, я смогу все это освоить? — вдруг тихо спросила Наталья.

— Нет ничего невозможного для женщины с интеллектом.

— Мне ведь уже за... двадцать пять, — Наталья сделала акцент на слове «за».

— Опять про возраст! — устало вздохнула Лариса. — На днях по телевизору бабушку показывали восьмидесятипятилетнюю, так она не сидит и не считает, сколько ей до врат светлого рая осталось, а учится в университете, да еще на двух факультетах сразу. Бери пример!

Лариса извлекла из косметички зеркальце, решив поправить макияж.

— Кстати, о наболевшем, — Наталья замялась. — Маман с братьями по пенсионной книжке клуб организовала, типа интеллектуальной секты для пожилых. Решили осваивать новые технологии, вплоть до вождения.

В кабинете повисла тишина.

— А ты знаешь, — через минуту заметила пришедшая в себя Лариса, — несмотря на возраст, твоей маме это действительно по силам. В отличие от тебя.

— Это почему?

— Да потому, что однажды заинтересовавшись, она доводит дело до логического конца, — Лариса поднялась из кресла, театрально воздев руку. — Помнишь, с каким упорством она добивалась закрытия мини-рынка напротив вашего дома? А у тебя интерес пропадает на пару с желанием, в особенности если от этого не зависит твое финансовое положение. Жаль, курсы недостаточно дорогие, чтобы ты мучалась, что деньги в трубу улетают, — мечтательно проговорила Лариса, вернув

косметичку в сумку и присев на краешек стола. — Может быть, мне с тебя деньги брать за пропущенные уроки? Тогда ты точно будешь на всех занятиях как штык и домашки перестанешь списывать.

— Не надо про деньги, — жалобно попросила Наталья, припомнив количество дензнаков, уплывших в направлении торговых корпораций за последний месяц.

— Встреча на Эльбе? — в дверь заглянула Валентина, благоухая парикмахерской. — Как чувствовала, что надо зайти. Я что-то пропустила? — Она подошла к столику. — У-у-у, хорошо сидим! Кофе, сыр, паштет... пустой, — констатировала она.

Подруги расцеловались.

— Тебя как нарочно позвали, носом чувствуешь, где секреты и тайны, — подмигнула Наталья.

— Надеюсь, у вас все хорошо, а то мне совет понадобился, — Валя выглядела озабоченной и даже не отреагировала на слово «секрет». — Элочка меня с ума своими заскоками сведет. Все подруги развелись, одна она в браке, и кажется ей, что в семейной жизни должны быть проблемы, а раз их нет, значит, муж скрывает от нее или финансовые трудности, или девочек. Газеты пестрят рассказами о корпоративных вечеринках, кто, где, с кем да сколько, вот она и помешалась, что Алексей ходок.

— Собирайтесь, — вдруг сказала Лариса, выключила компьютер и, выудив ключи от машины из верхнего ящика стола, направилась к двери.

— Рабочий день еще не кончился, — поразилась Наталья, поднимаясь с диванчика и соображая, куда зашвырнула сумку.

— Наплевать, все равно уволят.

— Как уволят? Наташенька, о чем она?

— Пошли-пошли, по дороге расскажу, — Наталья подхватила Валентину под руку, выводя из кабинета.

— А моя проблема? А совет искусенных матрон?

— Все будет, но позже, — с серьезным лицом заверила потенциальная безработная. Напоследок она взглянула на картину. Лев показался ей жалким, а вот львицы наоборот, сытыми и умиротворенными.

Подруги весело вывалились в коридор.

— Егор, я на объекте, — загадочно улыбнулась начальница.

Кивком головы секретарь дал понять, что кодовая информация усвоена.

— Буду уходить — с собой заберу. У бывшего в мэрии в фонтане на полставки крокодильчиком устрою, — Лариса расправила плечи и походкой от бедра направилась к лифту.

Они спустились в холл, затем на стоянку. Валентина забегала то со стороны Ларисы, то со стороны Натальи, расспрашивая и приходя в ужас, теряя нить повествования и перескакивая с одного на другое. Она сочувствовала, вздыхала, охала, но смысл интриги ускользал от нее, как ящерица, оставляя вместо себя обрывки фраз. Опустошенная, она упала на заднее сиденье автомобиля. Наталья решила исправить ситуацию, поэтому всю дорогу тархтела, как футбольный комментатор, стараясь держаться в рамках двух тем: загулявшая Светка и сволочь-Олег, умолчав лишь о последней с ним встрече в коридоре банка. Ей казалось, что эта история представит ее в невыгодном свете.

ГЛАВА 32

— Девочки, мне стыдно подглядывать за подругой. И ладно бы Наталья предложила, но, Лар, от тебя...

— А почему вечно я? — с глубокой обидой в голосе возмутилась Наталья.

— Ну, признайся, поиск приключений — это по твоей части, — примиряюще заметила Валентина, погладив подругу по руке.

Они сидели в тех самых кустах боярышника, где Лариса пряталась в прошлый раз. Раз в неделю Светлана ходила на учебу — курсы повышения квалификации. Работу заканчивала в три, и оставшиеся до начала занятий два часа проводила с Александром, он же подвозил ее до кардиоцентра. С чего вдруг Лариса решила привезти девчонок сюда, она и сама затруднилась бы объяснить. Предательство Олега оставило внушительную царапину, которая кровоточила и болела, а вулканическая злоба требовала выхода.

— Как три дуры! А вдруг кто-то нас увидит и поинтересуется, что мы тут делаем? — взволновалась Наталья.

— А мы ответим, что писаем, — съязвила Лариса. — Смотрите, вон его машина подъехала.

— Ничего себе, — присвистнула Наталья, — Голливуд отдыхает, — она близоруко прищурилась, но благодаря почерпнутой в автосалоне информации четко определила? — «Ауди А8». Это сколько же бабла надо иметь, чтоб по нашим колдобинам на такой красавице разъезжать?

— Кто о чем, а Наталья о бане. Я прям слышу, как у нее в голове калькулятор включился и заработал, тыц, тыц, тыц, подсчитывая количество нулей, — хихикнула Валя.

— Как это ты модель определила? — с подозрением покосилась на подругу Лариса, сумевшая рассмотреть только четыре фирменных колечка.

— Интересно, кем он работает? — перебила Наталья, явно сожалеющая, что Валя не догадалась захватить полковничий полевой бинокль.

— Бонд. Джеймс Бонд.

— Актер, что ли? — удивилась Валентина.

— И режиссер. У него одна тачка на актерскую зарплату, а вторая на режиссерскую, — со знанием дела проинформировала Лариса.

— Так у него еще машина имеется? — Наталья поймала взгляд

подруги и резюмировала: — И не одна, и не две. Нет, ну почему жизнь так несправедлива? Я не могу себе на маленького железного пони накопить, а у некоторых в гараже целый табун стальных коней.

— Это потому, моя красавица, что из любого принца ты лягушку сделаешь, мы тебе с Валюшкой как два спеца по финансам торжественно заявляем.

— Прямо в точку, Ларчик.

— Я вчера в центре видела припаркованную «БМВ», последнюю модель, под дворником рекламная листовка с надписью «Надоело жить от зарплаты до зарплаты?»

Наталья фыркнула.

— Слушай, он ее каждый день встречает с работы? — встревожилась внимательно следившая за происходящим Валентина.

— Вроде нет.

— А вдруг кто из знакомых?

— Только Светке не говори. Если она на минуту заподозрит, что у людей имеются глаза, то сразу испугается и вернется на сеновал к своему кузнецу. Ей, видно, в голову такая простая вещь не пришла. Это ж опыт, он с практикой приходит. Я ей сама как-нибудь потом тонко объясню про кухню разврата.

— Элечка говорит, что Леша — главный повар в этом пищеблоке. Следов нет, а осадок остается, — грустно добавила Валентина опять о своем.

— Твоя Элеонора, прости меня, конечно, с зелени салатов умом тронулась. Она мне объясняла, что мясо есть не может, потому что у коров глаза грустные. Скажи мне, зачем представлять глаза коровы при покупке, готовке и поедании говядины? И почему корову есть жалко, а рыбу — нет? У рыб другие глаза? А «пить кровь невинно убиенных помидоров» ей совесть позволяет? Потому что у них глазки отсутствуют?

— Один знакомый в студенчестве подрабатывал в морге. После мясо полгода в рот не брал, а потом ничего, прошло, — как всегда в тему и со значением объявила Наталья.

— Черт, — перебила ее Лариса, — Отелло нарисовался. Смотрите, «Тойота» Николая.

— «Сейчас прольется чья-то кровь, чья-то кровь, чья-то кровь», — замогильным голосом пропела Наталья.

— Да ну тебя, сплюнь.

— Надо Николаше совет дать, пусть махнет с конкурентом машинами. Тому Светка и средней убитости «Тойота», а Коленьке машину

посолиднее, чтобы рога поместились.

— Ой, Ларчик, ну придумай что-нибудь! Ты ж у нас мозговой центр, — Валентина тяжело дышала и хваталась руками за сердце. Ей было неуютно находиться здесь в ожидании развязки, ничего не предпринимая во спасение попавшей в переделку Светланы.

Ларисе внезапно захотелось, чтобы Николай застал жену в компании другого мужчины. То, что Светлана, пойманная в двусмысленной ситуации под ручку с кавалером, во всем признается мужу, было очевидно. Последующие страдания подруги примирили бы ее с потерей Олега, и давшая ростки в глубине души зависть была бы сметена взрывом сочувствия к ней. Лариса попыталась быстренько убедить себя, что желает Светлане только свободы и счастья, которое невозможно, пока к ней приковано каторжное ядро с надписью «муж Коля». Но внутренний голос твердил, что из-за навалившихся проблем Ларисе впервые захотелось просто побыть плохой, наплевав на высокое мнение о ней окружающих.

Лариса вздохнула. Светку было не слишком жалко, но насладиться зрелищем падения Дездемоны все равно мешали свидетели: Наталка, ценившая дружбу, и Валентина с глубоко въевшимися моральными принципами. Обе жаждали от нее боевых действий, а не пассивного созерцания ухода семейного «Титаника» на дно.

— Валюш, создай тишину на минутку, — раздраженно попросила она. — Наталья, дай сапог.

— Зачем? Он до Кольки не долетит.

— Снимай.

— Валюш, поддержи, — Наталья начала стягивать обувь. Светло-коричневый с зеленым отливом сапожок «под крокодила», на носке которого была выбита симпатичная мордашка пресмыкающегося, снимался с трудом, так как был меньше хозяйской ноги на полразмера.

— Ну, сняла.

Они стояли втроем, скрытые кустом боярышника, наблюдая за машиной Светкиного супруга. Николай оставался в машине, очевидно, ожидая выхода своей «половины».

— Быстро, давай его сюда.

Наталья передала сапог, прыгая на одной ноге, хватаясь руками за Валентину для поддержания равновесия.

Лариса взяла, перевернула его голенищем вниз и со всей силы надавила на каблук, вложив всю накопленную за день злость.

Крак. В одной руке остался сапог, в другой — аккуратно оторванный каблук. Наталья замерла с открытым ртом. Валентина, слабо пискнув,

всплеснула руками, забыв, что служила опорой жертве обувного вандализма. Та моментально завалилась в соседний куст, бранясь знакомыми с детства словами на великом и могучем.

— Лар, ты что, уработалась? Ты в курсе, сколько я за них заплатила? Да это же фирма, да таких сапог... — завопила Наталья в негодовании.

— Не реви, поднимайся, — подавая руку, сказала Лариса. — Это план.

— Да какой еще план?! Как я теперь домой пойду? Такие классные сапожки, из крокодила.

— А изнанка из чахоточного Чебурашки. Не пойдешь, а поедешь, и не сама, а на Коленьке. Давай, несись со всех ног к твоему спасителю, — сказала она, возвращая хозяйке сапог.

— Лар, а почему мой сапог? — всхлипнула враг «зеленых».

Все посмотрели на обувь Валентины.

— У меня ноги отекают, вы же знаете, — смущенно уточнила та.

Взгляд присутствующих переместился на изящные сапоги Ларисы. Не из крокодильчиков, но дорогие и элегантные.

— Почему не твоим сапожкам голову скрутили? — возмущалась Наталья, не понимая, как она могла отдать самое дорогое на сегодняшний день, даже не уточнив, зачем.

— Потому что нужна правда жизни, Шекспир, мировая скорбь. Я что, похожа на человека, оплакивающего смерть обуви? В это не поверит даже Николай. Наталья, прекращай канючить, Светку выручать надо. Вскочила и понеслась, а то разлеглась, как Ленин в мавзолее.

Матерясь себе под нос, всхлипывая, Наталья энергично похромала в сторону парковки, аккуратно ставя ногу в изуродованном сапоге, чтобы сохранить остатки былой роскоши. Увидев, что Николай заметил ее и вышел из машины, она рванула к нему рысью, размахивая каблуком, и, зарыдав, упала на грудь. Ей до безумия было жалко сапог с крокодильчиками.

— Коля, я так рада, ты мой спаситель... Заехала к Светлане, сапоги любимые, первый раз одеванные... каблук, колдобина, трах-тарарах, теперь их только на помойку, они единственные подходили под зеленую водолазку, которую я на распродаже у «Макс Мара» оторвала. Мне тебя ангел послал! — заключила она торжественно и прочно угнездилась на переднем сиденье машины.

Притихший Николай сел за руль и молча повез Наталью в сторону ее дома. Та всю дорогу вдохновенно страдала, оплакивая преждевременно покинувший ее сапог.

Подруги облегченно вздохнули, когда «Тойота» новоиспеченного

рогоносца, помигав поворотниками, вырулила на проспект. В тот же момент, по закону жанра, из дверей клиники выпорхнула райской птичкой неверная жена. Мгновение, и ее поглотил кожаный салон шикарного авто. Монстр автопрома торжественно развернулся и понес добычу в противоположную от кардиоцентра сторону.

— Занавес. Аплодисменты, — сказала Лариса, удовлетворенно кивнув. Кризис миновал, ничьей головы на блюде уже не хотелось. Было грустно за себя и немного радостно за Светку.

— Хорошо, что сегодня мы здесь оказались, а то кто знает, чем бы дело закончилось, — радовалась Валентина.

— Еще минута, и были бы горы трупов, — поддакнула Лариса, а про себя подумала: «Добрая ты, Валюша, и не знаешь, что чужие проблемы возвращают к жизни быстрее, чем дружеское участие, потому что только тогда понимаешь, что есть она, мировая справедливость, и не тебе одной хреново в этом огромном мире».

Избавившись от Натальи, Николай вернулся к медсанчасти и проклял всех баб планеты Земля: на дверях соседствующего с местом работы жены автосервиса висела записка «Закрывается по техническим причинам с 16.00».

Доставив Валю к ее подъезду, Лариса отправилась домой. Едва закрыв дверь, она вернулась к своим мыслям. Надо что-то делать. Соломки, конечно, везде не подстелешь, но придумать что-то надо. Не на пенсию же выходить, когда у подружек жизнь только начинается. Достав органайзер она записала: «Позвонить Косте». Взглянула в окно, что-то обдумывая, и добавила внизу страницы: «Купить новый органайзер».

— Да, правильное решение, — сказала она вслух.

ГЛАВА 33

На этот раз Александр позвонил сразу после обеда.

— Светлана, — прозвучал из трубки его притягательный голос, — здравствуй!

Всколыхнувшиеся воспоминания накрыли ее горячей волной, голос предательски дрогнул, но Светлана справилась с охватившими ее эмоциями.

— Привет! — она очень надеялась, что ее ответ прозвучит непринужденно и по-дружески.

— Сегодня я приглашаю тебя в оперу, — Александр явно не сомневался, что Светлана примет его предложение.

— Сегодня? В оперу? — Светлана пришла в ужас. — Нет, сегодня никак не получится.

— Почему? Я очень хочу тебя увидеть, — в голосе появились нотки нежности, заставившие ее сердце сжаться от сладкого ужаса. — Что происходит? Скажи мне, ты же знаешь, ты все можешь мне сказать.

— Мое вечернее платье в химчистке, — выдавила Светлана, не понимая, как она могла сказать такое постороннему мужчине. Хотя, сколько себя ни обманывай, посторонним Александр не был для нее уже давно.

Они встречались регулярно. Светлана чувствовала себя виноватой, но больше всего ее страшило разоблачение. Ей даже сны стали на эту тему сниться. Вот она идет с Александром, смеется, держит его под руку, а навстречу муж. Или сидят они в машине, Александр читает ей французские стихи, а в окно неожиданно заглядывает Николай. Она просыпалась в холодном поту, хотя понимала всю абсурдность сновидения: стекла в машине ее нового друга были тонированные. Муж храпел рядом.

Ей было стыдно, хотя между ней и Александром ничего не было. Конечно, она видела его глаза, в которых отражалось желание сблизиться, это не ускользало от нее, но на физическую измену мужу она была не готова. Распространенное мнение, что взгляд выдает влюбленную женщину, сподвигло ее на покупку контактных линз, шаг, который она не могла сделать долгие годы. Позже она удивлялась, как раньше не решалась на это незначительное, в сущности, изменение привычек. Почему слушала знакомых, вместо того чтобы последовать совету специалиста. И морщин на лбу было бы меньше, типичных морщин близоруких.

Пряча за линзами свою душу, мучимая чувством вины Светлана

взвалила на себя все хозяйство. Она стала готовить различные вкусности и деликатесы, как раньше писать записочки с пожеланием хорошего дня и неожиданно поняла, что никто ничего не заметил. Все было как прежде: посуда в раковине, крошки по всей квартире, треники, муж, свисающий с дивана в позе часов Дали. Годовщина свадьбы была отмечена пятисотрублевой купюрой в конверте со словами: «Купи себе цветы». Все, что она делала, воспринималось как должное. Шок занял место стыда, а на смену ему пришло безразличие, все углубляющийся разлад с мужем, желание иметь интеллигентного понимающего друга.

Все стало как прежде, только Светлана теперь якобы посещала курсы французского, якобы задерживалась на работе, якобы ходила в кафе с девчонками. Последние были в курсе ее романа, радовались за подругу, осуждали Николая. Только Валентина в силу природной доброты не осуждала, а жалела всех: и Светланину семью, и Александра.

Рассказав ему о проблеме с платьем, Светлана как будто сломала очередной барьер. Голос Александра еще больше потеплел.

— Не волнуйся, все будет отлично, мой водитель подвезет тебя до дома, а потом я заеду в половине седьмого. Договорились?

В ответ Светлана промычала нечто неопределенное. Александр отключился, приняв ответ как положительный.

Остаток рабочего дня прошел как в тумане. Светлана предвкушала приятный вечер, однако вопрос платья волновал ее как никогда. Каково же было ее удивление, когда она села в подъехавший к подъезду стального цвета «Сааб», используемый Александром довольно редко: на заднем сиденье лежала продолговатая картонная коробка, перевязанная широкой атласной лентой. Водитель Дима, уже знакомый Светлане, пояснил:

— Александр Владимирович просил передать.

Через полчаса потерявшая от восторга дар речи Светлана стояла в спальне перед зеркалом, поправляя несуществующие складки на светло-зеленом платье. Длинное, с высоким разрезом, скрывавшее недостатки и подчеркивавшее достоинства фигуры платье шло ей необыкновенно. Светлана напоминала бабочку с закрытыми крыльями, но вот кокон зашевелился и из разреза показалась стройная нога в чулке. Платье было великолепно. Когда она открыла коробку, то в первое мгновение разочаровалась, решив, что такая вещь наверняка окажется неудобной и непрактичной. Только цвет фисташкового мороженого притягивал и манил ее: «Попробуй примерь меня». Примерив, Светлана не узнала себя. Мягкие складки скрыли все лишнее, обозначив талию. Снимать платье не хотелось. Конечно, правильнее было от него отказаться, но почему она должна

лишать себя выхода в оперу? В кои-то веки ее пригласили! Она сто лет не была в театре, в конце концов. Окончательно уговорив себя, Светлана наскоро подобрала туфли и аксессуары.

— Куда собираешься? — поинтересовался вошедший в спальню муж и бросил пиджак на стул. — Устал страшно сегодня.

— В театр с девчонками, — спокойно ответила Светлана, продолжая крутиться перед зеркалом.

— А-а-а, — муж взглянул на нее повнимательнее. — Новое?

— Нет, Лариса дала на сегодняшний вечер, — пошутила Светлана. С Ларисой они были не только разного размера, но и разного роста.

— Я так сразу и понял. Красивое, но не в твоём стиле, — глубокомысленно заметил Николай. — Знаешь, клетчатое, которое ты сама в прошлом году шила, мне больше нравится. Это очень уж нарядное, как на свадьбу. Кстати, а где мои треники? Сегодня матч с канадцами.

Светлана внимательно выслушала его замечания и, проанализировав, пришла к выводу, что ее это уже не трогает, не волнует и даже не раздражает. Ей стало все равно.

— Посмотри в ванной, я вроде их в машинку положила, — взяв сумочку, она вышла из спальни. Ей было некогда искать треники, сегодня она шла в оперу.

Уверенная, что муж уже уселся перед телевизором, Светлана выпорхнула из дома. Водитель предупредительно распахнул дверцу машины, она села, так и не увидев, что у окна за шторами притаился Николай, наблюдая за ней из своего укрытия.

Мужчина, вышедший из вылизанного до блеска автомобиля и открывший Светлане дверцу, был молодой, коротко стриженный, в костюме. Тянул явно на охранника или шофера. Была ли внутри машины Лариса, как ни старался Николай, с высоты разглядеть не представлялось возможности. То, что подруга жены из обычной разведенной тетки превратилась в даму неопределенного возраста, раздражало его, в этом он усматривал опасность для своего удобного брака. Николай был хорошим человеком, прекрасным другом, замечательным отцом, но плохеньким мужем. Он любил жену, но она раздражала своими журнально-психологическими идеями о спасении брака. Постоянно теребила, напрягала то походами, то театрами, то книжками, то фильмами, пытаясь раздуть какую-то символическую свечу их отношений. Николай же считал, что живут они нормально, как большинство. Спят вместе, правда, редко, Светка говорит, что Новый год бывает чаще, но раз в месяц он подходит к делу с настроением, делает по желанию, а не как в других семьях —

каждую неделю, но как на партсобрании: отчитался, галочка в семейном журнале. Неужели так трудно понять, что ему нравится проводить отпуск спокойно, а не скакать диким кенгуру по развалинам. Пора о душе подумать, а она все развивается.

Николай со злостью дернул занавески. Карниз глухо крикнул и, подавшись вниз, повис.

— Пап, у вас с мамой что, климакс отношений?

Николай вздрогнул.

— Слушай, умник, — обратился он к неслышно подошедшему сзади сыну, досадливо косясь на грозящие обрушением ненавистные шторы, — Тараса Бульбу читал? Так вот, если не хочешь закончить так же грустно, принеси стремянку. Я наверх ползу, — сказал он, зачем-то подражая грузинскому акценту, подняв палец к потолку.

— Каску не надо? — спросил Илья, через пару минут вернувшись с раскладной лестницей.

Николай бросил на него уничтожающий взгляд.

— Пока я буду заниматься домашней работой, так сказать, выполнять обязанности мужчины, сбегай в магазин. Сегодня же матч, забыл? А пиво ты все с друзьями вылакал, двоечник. И нечего морду кривить, диплом получишь, станешь большим начальником, будешь отца кормить, тогда он будет для тебя за пивом бегать.

Градус настроения поднялся в предчувствии хорошего вечера. Николай считал, что с сыном ему повезло. Полная гармония и взаимопонимание.

И тут вырубил свет. Надеясь на чудо, Николай пощелкал выключателями, затем выглянул на лестницу, пытаясь определить размеры непредвиденного бедствия. По подъезду разносился гул открываемых и захлопываемых дверей. Хозяйки нервничали, прикидывая, как скоро разморозятся холодильники. Мужчины не могли насладиться заслуженным лежанием на диване, болельщики проклинали ЖЭК, министра энергетики, правительство, не способных обеспечить народ электричеством в такой ответственный момент. Николай засуетился, понимая, что до матча остается минут двадцать. В панике бегая из квартиры на лестничную клетку, он мучился вопросом Чернышевского «что делать?».

— Застрелиться и не жить. Орел пришел в гнездо. Взлететь не смог, вражеская пуля пробила крыло. Света нет во всем доме, в чем причина — пока неизвестно, — заявил появившийся сын.

Дверь открыта нараспашку. Николай сидел на пуфике в коридоре, прислушиваясь к обстановке в подъезде, грустно подперев подбородок

обеими руками.

— Хорошо, что отключилось раньше, чем я оказался в лифте, — брякнув увесистый пакет с пивом на пол, Илья, сложился пополам, пытаясь справиться с прерывистым дыханием.

— Сынок, делать-то что? К кому бежать? Кому звонить? — в голосе отца послышались нотки плача Ярославны. — Эх!.. Придется, как в ленинское время, под одеялом радио со вражескими голосами слушать.

— Бать, двадцать первый век на дворе, а ты все как в Средневековье. Погоди, только отдышусь. А ты одевайся, пиво на балкон забрось. Пора выходить в народ, как цивилизованный болельщик.

— О, спаситель, как зовется тот друг, который готов принять твоего бедного отца в гостеприимные объятия собственного дивана? Я ему за это любой зуб удалю бесплатно, — Николай воспрял духом.

— Спортбар, — ответил Илья, широко улыбаясь.

— Хм, — Николай задумчиво почесал за ухом. — Вид одежды?

— Спортивный.

— И то верно. А далеко?

— Как раз успеем, — успокоил сын.

— Поехали, — легко согласился Николай, натягивая куртку и расправляя любимый шарф. Тренировочные штаны, так и не найденные, остались куковать вечер на пару с покосившимся карнизом.

Атмосфера бара Николаю понравилась. Прокуренное, пропахшее пивом и потом помещение — аура пивбара времен его молодости. Всю прелесть данного заведения не сможет оценить ни одна женщина в мире. Женский уют в мужском понимании — это больница-музей: стерильно, много мебели, на которую нельзя садиться и ставить стаканы. Мужской идеал — гараж, забитый железяками, с потеками краски, масла на полу, обшарпанными стенами, и пиво из затрапезных кружек. Появление дамы мешает сосредоточиться на глобальных делах, отвлекая ногами, бедрами, волосами. «Больше грязи — крепче дружба» — девиз мужского клуба. Это единственное место, где мужчины могут остаться наедине с себе подобными. Они прячутся здесь от женщин.

Наши выиграла. Домой добирались переулками, стараясь не нарваться на притаившуюся за поворотом машину ДПС.

Возвращаясь, сын завел прерванный разговор.

— Пап, так что у вас с мамой? У нее кто-то есть?

— С чего ты взял? — Николай резко затормозил.

— Не знаю, — замялся тот. — Она в последнее время странная какая-то, да и с мужиком я ее видел. Крутой, тетки таких любят.

— Так, может, это Ларискин хахаль. Я б эту Лариску и таких, как она, за сто первый километр. Вечно воду мутят, сами не живут и других нормальных с панталыку сбивают. Вот что твоей матери надо? Знаешь, как говорят, в женщине должна быть изюминка, а в твоей матери кило сухофруктов и еще грецкие орехи в довесок, — Николай начинал заводиться. — Все имеет, так нет, ей, видите ли, луну и скамейку подавай. Французский учить стала на старости лет. Хотел приятное сделать, похвалил как-то ужин, макароны «по-флотски» были. Куда там! Оказалось, это «паста карбонара». Все с подвывертом у нее теперь.

— Пап, а может, мне жениться? Отвлечем ее.

— Нет, сынок, поверь моему горькому опыту: золушки превращаются в старых, толстых, скаредных и вечно недовольных брюзжащих фей.

— А я сразу на фее с двумя детьми, чтоб у матери одним ударом и внуки, и невестка. Или, может, тебе на работе коллеги или знакомые пару киндеров выдадут на субботу-воскресенье?

— Точно, одним ударом: инфаркт с инсультом. Какие детки на выходные? Может, нам еще усыновить кого?

— А что, неплохая идея. Мама как-то говорила, что хочет маленького, что я уже большой. Вспоминала, как варила для меня бульон, когда я болел, кипятила молоко с медом.

— Это в каком году было-то? И если маме не за кем ухаживать, то она может обо мне заботиться, — сквозь зубы процедил Николай, заворачивая на стоянку около дома.

К счастью, лампочка Эдиссона освещала как окна дома, так и подъезд. Николай вздохнул, мысль в очередной раз совершить восхождение на девятый этаж наводила на идею ночевки в машине. Светланы дома не было, часы показывали 23:00.

— Интересно, и где это мадам Баттерфляй шляется по ночам? — Николай заметил отсутствие плаща жены на вешалке. — Сынок, — обратился он к Илье, который уже скрылся в своей комнате, — может, еще по баночке, перед сном? Видать, мать бросила нас, мы теперь холостуем, — грустно закончил он, снимая ботинки, аккуратно помещая их напротив шкафа для обуви. — Где ты там? — Николай прошел на балкон, не сняв куртки и шарфа, достал из оставленного второпях пакета несколько банок пива.

— Здесь я, не кричи.

Николай уселся на кухне:

— Давай, сынок, за нашу победу!

— И за прошедший День космонавтики!

— Точно! Вчера же было двенадцатое апреля, — вспомнил Николай, вечно забывавший число и день недели. — Только сейчас понял, почему в доме напротив всю ночь на крыше жарили шашлыки и пели «Земля в иллюминаторе».

Илья положил на стол пачку сигарет и маленький целлофановый пакетик, сел напротив.

— Ты вроде не куришь.

— Не-а, не курю — балуюсь, — отозвался отпрыск.

— Говорил матери, что ее дымление до добра не доведет. У курящих родителей всегда дети к табаку тянутся.

— Пап, я не ребенок, и это травка, а не сигареты.

— Чего? — Николай насупил брови, прикидывая, стоит ли изображать праведный гнев.

— Ну, че ты, бать, как не родной?

— Понятно, мать в загул, сын — наркоман, обалденная семейка, — он с силой открыл новую банку пива, и пена полилась на стол.

— Да ладно, не бубни, как старый дед. Помнишь, что сам рассказывал? — сын встал и принес рулон бумажных полотенец.

— Ты с меня в хорошем пример бери. Я в институте по семь лет штаны не просиживал, — ворчал Николай, размазывая пиво по столу.

Бумага впитывала напиток и, деформируясь в руке, собиралась в мокрый темный комок. Поленившись идти к мусорному ведру, Николай забросил разбухшее полотенце в раковину.

— Какой бросок! Учись, студент, — не удержался он от комментария.

— Блин, бать, такой вечер, а ты, как мать, начинаешь с лекциями на тему.

— Ладно, давай вспомним молодость, — сдался Николай, решив, что достаточно сделал для воспитания сына. — Чего я, действительно. У самого от Светкиных разговоров скулы сводит... Только ты это...

— Да знаю я, пап, знаю, мне же не пятнадцать лет.

И они закурили. Белый дым окутал кухню и, найдя выход через оставленную открытой балконную дверь, вырвался на свободу, в темноту ночи. Николай сразу закашлялся:

— И как ее, дуру, курят-то? Слушай, ты почему дурь берешь?

— Пап, ты же меня знаешь, я на глупости деньги не трачу. Один парень с нашего курса на даче выращивает, для домашнего пользования, презентовал своим. Для баловства и для таких вот случаев ухода в астрал.

— А может, мне заболеть? — жалобно взглянул он на сына. Травка, положенная на алкоголь, действовала быстро. — Она будет у постели

умирающего.

— Она все же врач, обмануть трудно будет, но я покопаюсь в инете, может, есть какая смертельная болезнь без симптомов. Нужно что-то страшное, типа СПИДа или рака.

— Тьфу на тебя, накаркаешь еще, — идея болезни была отмечена, как неудачная.

— Может, лучше мне геем стать? — захихикал Илья.

— Все, сынок, — в ужасе вскричал Николай. — Видишь, какое у тебя реалити-шоу начинается: то жениться, то голубым стать, а там и до кастрации недалеко. Я с тобой не то что в разведку, даже червей копать рядом не сяду.

— Да шучу я, батя, шучу. Вспомни, что еще есть в арсенале русских женщин — ссылка и Сибирь. Может, тебя посадить?

— Молодец! Ты мужиков домой водить будешь, пока батя на нарах парится, а мать с хахалем тужур-абажур разводить в моей спальне. Слышь, Илюш, а может, показалось нам? Может, просто наша мать устала, решила обстановку, гардероб сменить.

— Может, и показалось, но знаешь, пап, кажется мне, что с кастрюлями на Восьмое марта мы лопухнулись, — задумчиво почесал переносицу Илья.

— С чего ты так решил? Мать радовалась, сказала, что всю жизнь о них мечтала и даже во сне видела. А какой борщ у нее в этой кастрюле получается!

— Надо было что-то концептуальное дарить. Шубу, например, или кольцо с бриллиантами.

— Как ты сказал? Кон... кон... — Николай пытался собраться с мыслями, но они не слушались, разбежались по извилинам. Он даже потряс головой, облизал губы, но слово так и застряло на первом слоге.

— В общем, чтоб глаза у нее раскрылись, и она поняла, — Илья затаился и продолжил после двухсекундной паузы: — Каждый дурак может три рубля в день зарплаты нищему отдать, а ты отдай всю, да при этом не сожалей, — вот где человек. Ты соверши поступок, делом докажи, а не поцелуйчиками.

Николай вскочил и забегал по кухне, изредка останавливаясь возле сына, хватая за края одеяло, в которое тот был завернут.

— Придумал! Мы сейчас пойдем к Ваське из сто одиннадцатой, он давно на мою «Тойоту» глаз положил. Продам ему машину и на все бабки куплю кольцо для Светки, пусть почувствует разницу между Ларискиными балаболами и законным супругом.

— Батя, ты боец! — Илья стукнул себя кулаком в грудь и закашлялся, уронив одеяло на пол. — Любимого коня на цацку для жены! Идем, я с тобой.

— Даже торговаться не буду, сколько скажет, за столько и отдам. Звони, пусть он сюда идет. Катька его на дежурстве сегодня, он мне утром сказал.

— По дешевке отдавать не будем.

— Сынок, запомни: мужчина не торгуется, мужчина платит, — Николай назидательно поднял вверх указательный палец.

Подъезжая к дому, Светлана еще издали определила, что три светящихся точки на черной стене спящего дома — окна ее квартиры. Она быстро попрощалась с Александром, вылетев нулей из машины.

«Неужели ему все стало известно, и он дожидается ее для выяснения отношений? А что она может ему сказать? Пусть он оставит все как есть, не спрашивая, тогда они будут и дальше жить вместе, как раньше, он со своим хоккеем, она — по другую сторону луны. Наличие у женщины друга освобождает мужа от обязанности развлекать жену. Главный пункт их разногласий исчезает в пучине, оставляя на поверхности дружеские, человеческие отношения, то, о чем сам Николай постоянно твердил».

Дверь квартиры была открыта. Храп разносился по лестничной клетке, замирая в районе нижних этажей. Свинарник, царящий на кухне, бутылки вперемешку с банками, полная пепельница и запах индийских ароматических палочек, как определила Светлана, ввел ее в полный ступор. Пройдя в большую комнату, она увидела Николая. Так и не сняв родной шарф, он сладко храпел на диване, укрывшись курткой. Счастливо улыбаясь во сне, он сжимал в руке пачку американских долларов. Светлана попыталась разбудить мужа, но тщетно. Илья спал в своей комнате, но почему-то в спальном мешке, который до этого дня лет двадцать как хранился на антресолях.

Почти два часа Светлана приводила квартиру в порядок. Загадочное содержимое пепельницы отправилось в ведро, тренировочные штаны с лампасами легли на мужнину полку в шкафу. Утром, дойдя по стеночке до ванной, Николай обнаружил внутри полудохлого сына. Илья предложил отцу добить его, но родитель решил сурово наказать молодого наркомана и оставил умирать на краю ванны. Если верить его собственным ощущениям, это было гораздо хуже мгновенной легкой смерти.

«Слава Богу, хоть девок в дом не привели», — с ужасом думал Николай, умываясь на кухне, стараясь не встречаться взглядом со Светланой, невозмутимо варившей кофе.

На одну секунду у него возникла мысль, что нападение — лучший способ защиты. Он уже почти открыл рот, чтобы выдать иезуитское: «А где ты была, Дездемона, с двадцати трех часов?», — но Светлана молча подала ему пачку денег и, как пишут в романах, силы оставили нашего героя, он рухнул на стул, пропасть разверзлась, и перед Николаем промелькнула вся его жизнь в качестве автовладельца от покупки машины до ее нелепой утраты. Он не слышал, как прозвенел звонок в дверь, не видел, как жена, прикрыв дверь кухни, пошла открывать раннему визитеру. Не был свидетелем сцены, достойной пера великого Гоголя. На пороге стояла соседка из сто одиннадцатой квартиры.

— Ночное дежурство, — сказала она, протягивая документы на машину.

— Театр, — с пониманием ответила Светлана, возвращая деньги.

В этот день на работу и учебу мужчины не ходили, целый день промучившись тяжелым похмельем и угрызениями совести.

ГЛАВА 34

— Жаль, на улице ветрено, а то б на улицу пошли.

Михаил разочарованно отвернулся от окна. В голову не приходила ни одна идея, чем бы занять оставленных на него внушек.

— Хотя... может, нарядить вас, красавицы, в резиновые сапоги — и по лужам? Кораблики там...

— Не, дедунь, в холод Машеньке на улицу нельзя, у нее проблемы с ушами, отит будет опять, — наставительно ответила старшая внучка. — Да еще она не понимает ничего, перепутает большую лужу с маленькой, а мне потом спасай ее.

Михаил вспомнил, как семилетняя Эля пошла гулять с подружками, нашла большую лужу на пустыре, и, исследуя глубину, провалилась до пояса. Напуганная холодной водой и криками девчонок, она подумала-подумала и поплыла. Пальто после заплыва отдали в химчистку, Валя ужасалась и сердилась, а с лишенной прогулок юной моржихой Михаил целыми вечерами играл в «акулину».

— Давай лучше в карты, на конфеты.

— В «дурака»?

— Ага.

— А Манюнька?

— А ты ей «Смешариков» включи, она и прилипнет к телеку, — поделилась секретным оружием Анжела.

Девочка принесла карты и стала раскладывать по кучкам. Дед вставил диск в плеер и нажал кнопку «Пуск». При звуках знакомой мелодии Машенька радостно гикнула и захлопала в ладоши. Забыв о сестре и картах, которые она старалась раскидать, уютно устроилась на диване и вся ушла в мульт про шариковых зверюшек.

— Я же говорила, — показала глазами Анжела на застывшую, как перед иконой, сестру. — Можно играть. Ей мама «Смешариков» лишь в ответственные моменты включает, потому она за них родину продаст, как папа говорит.

— Класс, не знал. Так что там козыри?

— Пики, я хожу, у меня «шестерка», — помахала она картой.

— Ой, кастрюлю забыл убрать! Сейчас сделаю, а то баба Валя сердиться будет, — дед убежал и начал греметь чем-то за стенкой, бурча под нос.

Спавшая в коридоре псина тут же рванула на звук в пищеблок, в надежде, что в процессе что-нибудь упадет на пол. У Мавра была потрясающая привычка: он первым делом хватал то, что падало, и лишь потом, отбежав в сторону, думал, съедобно попавшее в пасть или нет. Отобратить не удавалось, пес готов был расстаться с жизнью, но не с добычей. Как говорил Михаил, с такой дочерью в качестве хозяйки, как у них, псу, находившемуся вечно на диете, приходилось бороться за выживание, как в природе.

В дверь позвонили. Маша не пошевелилась, а старшая рванула на кухню, оповещая деда криками и жестами, как если бы он был безнадежно глухим:

— Дедунь, там в дверь звонят, а бабушка мне строго-настрого запретила открывать.

— И правильно, мало ли кто там пришел. Вот тетя Наташа открывает кому попало, а потом мне приходится их в милицию сдавать оптом, — вспомнил дед случай трехлетней давности, направляясь в коридор. — Сначала подходишь к двери и громко интересуется «кто там?».

— Здравствуйте, Михаил Иванович, это Семеновы из двадцать второй. Мы на день рождения, — донеслось из-за двери.

— Деда, а после того, как они сказали, что дальше?

Дед нахмурился и посмотрел на внучку. Полученная информация требовала осмысления:

— Какие Семеновы? Какой день рождения?

— Деда, так ты дверь будешь открывать или нет?

Михаил давно бы открыл, но надо было показать, «как надо». С одной стороны, в воспитательных целях следовало сказать, что открывать не надо, поскольку он не помнил, кто такие Семеновы. С другой, чета Семеновых его явно знала, кроме того, он же человек военный, мужчина, в конце концов, вдруг людям помощь нужна или по делу.

— Изложите, пожалуйста, цель вашего визита, — прокричал он, чувствуя себя полным идиотом, но отступить было некуда, нужно было показать внучке пример.

За дверью зашептались.

— Так это... — раздался мужской голос. — Мы изложили. День рождения вашего Мавруши. У нас и приглашение имеется, — поддакнул обиженный женский голос.

Внучка смотрела во все глаза на деда, явно прикидывая, как он будет выпутываться дальше. Дед поставил дверь на цепочку и приоткрыл ее:

— Предъявите, пожалуйста, документ, — строго попросил он, пытаясь

разглядеть посетителей, но первое, что он увидел, была усатая морда ризеншнауцера, пытающаяся пролезть внутрь квартиры.

— Пожалуйста. Видишь, дорогая, как все серьезно. Это же приличные люди.

Дед взял отпечатанное на плотной голубой бумаге «приглашение». Пробежав глазами текст, он показал его внучке и страдальчески взглянул на нее.

— Дедуль, ты не волнуйся, совсем забыла тебе сказать... — Анжела замялась. — Мы же не знаем точно, когда у песика день рождения, поэтому я решила, что главное — каждый год отмечать.

Михаил тяжело вздохнул и, изобразив улыбку, снял цепочку.

— Господи, ну в кого ты такая развитая? Почему ты не можешь, как сестра, телевизор смотреть, — бухтел он себе под нос.

В коридор вошла чета Семеновых. Муж, кудрявый как его пес, и жена — «интеллигентша» в очках и брючном костюме, довольно приятной наружности в плане фигуры, видать, спортом занималась. Пес со всех ног бросился к Мавру. Они обнюхались, и каждый вернулся к хозяину донести информацию «нормально, здесь можно оставаться». Семенов-старший погладил своего любимца.

— Проходите, пожалуйста, в комнату, — пригласил Михаил, — а мы с внучкой и именинником на кухню, сами знаете, хлопоты...

— А хозяйка-то где ваша? — подняла тонкие выщипанные бровки гостья.

— У бабушки французский, — начала Анжела.

— Но она все подготовила и сказала, что постарается успеть к десерту, — перебил дед, увлекая внучку в сторону кухни.

— Ты чего? — строго спросила она.

— Анжела, если уж гости к тебе в дом вошли, то им незачем знать, что их здесь не ждали. Или не пускай, или выкручивайся. Чем кормить-то будем? Я так понимаю, сейчас еще гости подтянутся.

— Не пойму я твоих метаний, деда, мама же целый холодильник здоровой пищи навезла.

— Но это нехорошо, это обман. Мы должны сами...

— Дедунь, это не обман. Это способ выживания популяции. Если бы мы с папой периодически не обманывали маму, то вымерли бы, как динозавры.

Дед вытер выступивший пот кухонным полотенцем.

— Знаешь, морковный торт действительно подойдет для собачек, но что подать их хозяевам?

— Я все продумала. Когда это у вас еды не было про запас? Бабушка же нажарила котлет, и пирожки с мясом есть, как раз подойдет для собачьего дня рождения. Главное, красиво предложить, как говорит мама.

— Ну что ж, все равно ничего больше нет, а в магазин я не побегу, кто знает, что вы еще без меня придумаете. Будем угощать, чем Бог послал. Ты хоть примерно можешь сказать, сколько гостей придет?

— Ну... мы сделали тридцать открыток, — потупилась внучка.

— Ты шутишь? — Михаил опустил на стул.

Девочка отрицательно помотала головой.

— Понятно. Пойду-ка я воду на пельмени поставлю. Одними котлетами вряд ли мы обойдемся. Как ты адреса-то узнала? — открывая холодильник, поинтересовался дед.

— Когда с Мавром гуляли, со всеми и познакомились. Люди на выгуле про себя все-все рассказывают, вплоть до интимных подробностей, как мама говорит.

— Каких таких подробностей? — насторожился Михаил.

— Разных, деда, разных. Ставь уже воду и пойдем к гостям, нехорошо одних надолго оставлять.

Семеновы сидели на диване и смотрели с младшей «Смешариков». Внучка и дед переглянулись. Ризеншнауцер лежал в ногах хозяина, тот машинально чесал его розовое, недавно стриженное брюхо.

Звонок в дверь объявил о прибытии новых гостей.

— Наверное, это Михайловы с Греттой, или Блиновы со своими заполошными болонками, — мадам Семенова закатила глаза.

— А собаки не подерутся? — обеспокоился хозяин квартиры.

— Не должны, они же все с одной площадки, знают друг друга, — живо развернулся к нему Семенов-старший. — Бывают, конечно, случаи. Так, ерунда. Как-то мы гуляли с вашей супругой и Мавром, а навстречу Петровна со своей шавкой.

— Милый! — с мягкой укоризной остановила его жена.

— Хорошо, с этим половичком на ножках! Хорошо-хорошо, йоркширом. Это такое маленькое, коричнево-черное и с бантиком. Так вот, йоркшириха как увидела нашего Виниту, начала лаять, как бешеная, и бегать вокруг него, ну прямо слон и моська. А тут ваши с Мавром показали. Мавр подошел поздороваться и легонько так мордой сзади ее толкнул. Та обернулась, увидела его и секунд двадцать пыталась что-то там пролаять, а потом бряк на бочок и лежит. Думали, обморок. Нет, летальный исход. Не выдержала, что кто-то в разы превосходит ее. Хорошо хоть Петровна подумала, что собачка от старости окочурилась.

В комнату вбежала черно-белая собака, похожая на колли, но замысловато подстриженная.

— Вот и Ларочка пришла, проходи, проходи, девочка хорошая. Виниту, иди поздоровайся с Ларочкой. Маврик, что ты так напрягся, ты же знаешь Ларочку, она хорошая девочка.

Гости пошли косяком.

Орудующий на кухне Михаил поначалу вздрагивал от каждого звонка, считая вслух «три», «четыре», «пять», «шесть», но, дойдя до цифры «девять» он бросил это дело, понимая, что тронется умом, если дойдет до тридцати. Народ, как и собаки, был разношерстный и разнополый. Почти все были знакомы давно или слышали по собачьему радио о новичках. Женщины тут же пришли на помощь Михаилу, приходя в восторг от разносолов и требуя рецепт того или иного блюда здоровой собачьей пищи.

К счастью, каждый пришел со своей миской. Это фарфор в доме у людей на двенадцать персон, а одноразовые миски для собак еще не придумали. Кормить пришлось по разным углам. Больших псов выпускали на минуту на лоджию вместе с миской и хозяином. Маленьким отдали кухню, самым привередливым — прихожую. Морковный торт с зажженными свечками произвел фурор.

— Это потрясающе! — восхищалась белокурая хозяйка голден-ретривера. — Такая красота, и вкусно, и здоровый образ жизни. Неужели это все вы сами? Сколько труда и любви вложено!

Кто-то из женщин даже всплакнул. Кто-то толкнул мужа в бок, шипя, что есть же люди, которые понимают, что домашний питомец — это член семьи, а не просто тренажер для прогулок и сжигания пивного живота. За тортом последовали подарки для именинника. Их принимала Анжела с благодарностями от себя, семьи и Мавра, а Машуня, подученная сестрой, делала очаровательный книксен.

Сам виновник торжества в это время отбивался от надоедливой болонки мужского пола. Смущенные хозяева сгорали со стыда за своего питомца, объясняя, что Альфик в настоящий момент проходит курс лечения у собачьего гомеопата и психолога.

— Он не другой ориентации, он просто потерял ориентир.

Все с пониманием закивали головами.

Михаил был поражен тем, что абсолютно разные по профессии, возрасту и социальному статусу люди общались друг с другом без традиционного застолья, водки, пива. «Праздничный стол» для гуманоидной фракции представлял собой все, что имелось съедобного в

доме, порезанное на мелкие кусочки с воткнутой зубочисткой. Гостей развлекать не пришлось, одна тема плавно переходила в другую. Обсуждали болезни, тренеров, игрушки, докторов, места для передержки, чипирование и, конечно, плохих хозяев.

— Интересно, это нормально, разговаривать с собакой? — интересовалась новоиспеченная собаковладелица из сорок второй квартиры.

— Конечно! — отвечали ей. — Ненормально бояться сболтнуть собаке лишнего.

Сбившаяся отдельно группа собаководов обсуждала вопросы вязки.

— Мы так были рады, когда узнали, что у нашей Сюзи будет прибавление, — рассказывала элегантно одетая дама, прижимая к себе упитанного пекинеса. — Я так готовилась! Дочка мне инструкцию из интернета распечатала о принятии родов, список круглосуточных ветеринарных клиник, которые выезжают на дом. И что бы вы думали?! Конечно же, роды начались ближе к ночи, звоню в клиники, половина не отвечает совсем, остальные говорят, что роды — это естественный процесс, и на них они не выезжают. Ужас!

Обладатели стерилизованных питомцев сочувственно закивали.

— Нагрела я воды, нарезала стерильных бинтов, приготовилась, жду! Первый родился, через час второй. К утру было уже четыре штуки и явно не конец. Позвонила на работу, говорю: отмените встречи, меня сегодня не будет.

— А я проснулся утром, посмотрел на все это, побрился дрожащими руками и на работу поехал, — вступил в разговор ее муж. — Еле доехал, так волновался за них.

— Сюзи к девяти утра еще одного родила. Думала, все. Нет, еще один начал рождаться, и никак. Еле-еле родила она, а щеночек едва не умер. Пригодились бинты, я через них искусственное дыхание малышу делала! И всех выходили, такие славные щенки получились.

— Нашу девочку шесть щенков едва не на части рвали, когда она их кормила, — вставил муж. — Это вообще странно, такое количество в помете. Когда они рядом лежали, непонятно было, как они внутри помещались. И что совершенно удивительно, у нее была одна любимица, Сюзи за ней с удвоенной энергией ухаживала, вылизывала. Та даже в весе намного больше прибавляла.

Праздник походил на собрание родителей-единомышленников. Часа через два гости стали покидать мероприятие. Подходил час вечернего моциона. Никто не хотел оставить память о своем питомце на ковре, да еще

в присутствии всей тусовки. Это ж потом разговоров не оберешься, как с Альфиком.

Вернувшись домой Валентина застала мужа и обеих внучек спящими на их с Михаилом двуспальной кровати. Пес храпел рядом на коврике и даже не шевельнулся на призывный окрик хозяйки. Валентине пришлось выманивать его из спальни пирожным, принесенным для домашних. В комнате его оставлять было, по ее мнению, невозможно. Собачий дух сбивал с ног еще в прихожей.

— Надо будет завтра с ним в парикмахерскую сходить. И где он только извальяться успел, запах, как на псарне, — разговаривала сама с собой Валентина, удивленно изучая внутренности абсолютно пустого холодильника. Она осмотрела кухню, вышла в коридор, прошла в большую комнату, но ничего подозрительного не обнаружила. По ее мнению, татаро-монгольская орда, сумевшая уничтожить недельные запасы провизии, должна была оставить хоть какие-то улики. В квартире было прибрано, лишь в кресле высилась горка собачьих деликатесов и аксессуаров. Валентина обнаружила прессованные косточки, плащик для прогулки, мячики, два ошейника со стразами, поводок и массу других вещей, которые она видела в собачьем магазине. Цены там кусались, поэтому Валя решила, что внучки уговорили Михаила выложить кругленькую сумму на собачий ширпотреб. Эльвира излишества не одобряла, потому Анжела покупала Маврику «приданое» на сэкономленные карманные деньги и оставляла у бабушки с дедушкой, не желая раздражать маму.

ГЛАВА 35

Выходной день в среднестатистической российской семье проходит по плану: он на диване, а она на помеле носится из кухни в магазин, от стиральной машины к пылесосу Тренировочный костюм — дневная пижама мужчины постсоветского пространства. Чем слабее из прошлого доносится марш Мендельсона, тем глубже мужчина вдавливаясь в диван, который трансформируется в лежбище моржа, принимая форму тела хозяина.

Женщина же счастлива, что «оно» хотя бы лежит на одном месте. Он устал, уработался, напахался, и в его законный выходной только обожаемая мама или начальник могут вывести его из состояния анабиоза. После утренней газеты и полчасовой сиесты под звук телевизора глава семьи может перекусить и переползти на кровать в спальню для переваривания воскресного обеда из трех блюд. Часика так на два. Жена должна знать, что шум пылесоса, крики детей, грохот кастрюль — легкое музыкальное сопровождение под названием «прайд на месте», поэтому она со спокойной совестью может включить отбойный молоток, он прекрасно сольется с храпом хозяина.

Выходя замуж, девушка пытается приобщить властелина природы к мирским заботам, но силы с годами уходят, терпение истощается, и проще самой сделать, чем начинать утро со скандала. Если же она из породы нестигаемых амазонок и борьба с ветряными мельницами ей слаще шоколада, то очевидцы утверждают, что путем долгих тренировок можно выдрессировать годам так к пятидесяти помощника по хозяйству, но в строго определенной области: или готовка, или уборка, или закупка продуктов.

— Может, в кино сходим? — материализовался на кухне Николай.

Светлана в фиолетовом велюровом домашнем костюме, стоя к нему спиной, разминала фарш для котлет к обеду. Кухня была просторная, проект истосковавшегося архитектора российских коммуналок, щедрой рукой отдавшего квадратные метры пространства под пищеблок, ущемляя комнаты и коридор.

— Что ты сказал? — переспросила она. Было досадно, что хоккейный сезон закончился. Желание мужа общаться напрягало.

Николай повел носом, как собака, улавливая запах еды, и сладко потянулся.

— Тефтельки, — с блаженной улыбкой констатировал он. Обводя взглядом кухню, заметил стоящую в раковине посуду. «Убрать, что ли?» — нахмурились брови. — «А-а-а, нет смысла, после обеда гора будет», — лоб разгладился.

— Я говорю, может, в кино вечером? Взгляд с посуды плавно переполз на Светланину фигуру. Мягкая ткань аппетитно обтягивала пятую точку, украшенную на талии бантом от фартука. Николай нагнул голову вправо и присмотрелся, затем, приблизившись, тихонько шлепнул.

Светлана повернулась к мужу вполоборота.

— Коль, какое кино? У меня дел выше крыши, да еще французский.

— Да брось ты эти дела. Завтра вместе все сделаем. Я белье развешу, ковер почищу. Какую еще лепту должен внести мужчина в семейный быт?

У него было явно игривое настроение.

— Только одну. Не мешать! — Светлана положила котлеты на разогретую сковороду и, обойдя мужа, стала складывать грязную посуду в машинку.

Николай внимательно посмотрел на жену. Вроде бы она все та же, теплая, привычная, замученная работой и хозяйством, с трудом доживавшая до лета, тяжело переносившая депрессивные холода и слякоть. И вдруг среди мерзкой погоды и скачущего давления она решила на покупку контактных линз. Или эта бредовая идея с французским, решение ходить в бассейн. Может, действительно сын прав, и он давно рогами потолок подпирает? К тому же она на удивление перестала действовать на нервы и раздражать. Ее присутствие дома проходило незаметно. Она перестала ругаться, скандалить. Спокойно реагировала на хоккей, задержки на работе.

— Светк, а Светк, давай, как раньше, на последний сеанс, последний ряд, а после кино... — он обнял жену, зафиксировав руки на ее груди.

Мужнины руки ее напрягли, но женское чутье подсказывало, что никоим образом нельзя их отсюда убирать. Надо изобразить подобие страсти, движение, дающее мужу почувствовать, что его ласки ей приятны. Мягко высвободившись из объятий, повернувшись к нему лицом, она нежно поцеловала его.

— Хорошо, давай в кино, но сейчас лучше оставить меня наедине со сковородкой и твоими любимыми котлетами. Только на ужасы я не пойду, лучше комедия.

«Мелодрамы про любовь мне в жизни хватает», — подумала Светлана, выдохнув лишь когда Николай покинул кухню. За десять минут общения с мужем она похудела на полкило. Мысли хаотично заматались под новой

стрижкой.

«Неужели что-то заметил? А вдруг он следил за мной или нанял частного детектива?» — она присела на стул, стала судорожно искать в ящике стола сигареты. Отыскав среди моря бумажек пачку «Вог», выбежала на балкон.

Организм, последние три недели лишенный табака, отреагировал на дозу болезненным спазмом, закружилась голова. «Делать-то что теперь?»

В последнее время Светлана успокоилась, перестала корить себя за двусмысленное положение, с одной стороны, замужняя женщина, с другой — встречающаяся с неженатым мужчиной. К ней вернулся вкус к жизни, стало радостно вставать по утрам, готовить завтрак для домочадцев, а по вечерам гулять с Александром. Она была счастлива, сидя на двух стульях: семья с привычным укладом и милый друг, глядящий на нее влюбленными глазами. Ей хотелось, чтобы так продолжалось вечно. Забота о семье — ее обязанность, посиделки под луной — ее воплощенные грезы.

«Так, надо успокоиться, проанализировать ситуацию. В конце концов, сама кашу заварила», — рассердилась она на себя. И как всегда, слабый голосок из глубины сознания малодушно подсказал: «А может, об этом подумаем завтра?» и ей действительно захотелось, как героине «Унесенных ветром», зарыться с головой в юбки старой негритянки или кашемировое пальто Александра, чтобы совесть и страх оставили ее душу, не терзали, как зловещие грифы, раздирая на куски и лишая покоя.

— Черт, котлеты! — она кинула недокуренную сигарету в консервную банку, прикрепленную проволокой к балконным перилам. Рванула к плите, теряя тапочки.

Успокоенный поцелуем, Николай спустился на первый этаж за газетой. Он отмел предположения сына об измене жены, но отметил для себя, что для профилактики надо проявить заботу, дать порцию нежности.

Супружеская жизнь представлялась ему огромным кораблем. Он сходил то на один берег, то на другой, но всегда возвращался на свое судно. Походы «налево» рассматривались без эмоций, как разрядка для полигамного организма мужчины. Супруга же была капитаном трансатлантического лайнера, покидающая его последней, в идеале отправляющаяся на морское дно вместе с кораблем. Хотя, по правде сказать, кому Светка нужна кроме него, икебана засушенная. У молодых-то с ухажерами туго. Видать, гормоны играют, от этого странности в поведении. То у Лариски платье для театра занимает, то тратит уйму денег на линзы.

— Свет, — он опять появился на кухне с газетой в руках, — а

помнишь, как мы с тобой на «Макбет» ходили?

— Еще бы, давали всего один спектакль. Мама по знакомству достала билеты. Вся приличная публика города собралась, а ты... храпел на весь зал.

Она аккуратно распределяла деревянной лопаткой на сковороде оставшиеся в живых котлеты. Обгоревшие трупы их братьев покоились под слоем газеты в помойном ведре.

— Точно, я тогда в поликлинике на полторы ставки работал, устал страшно, а тут ты в выходном платье стоишь вся в слезах — «билеты пропадают». Я к главному, можно, мол, машиной воспользоваться. Любимая девушка плачет. И мы с тобой на «скорой» да с мигалкой к парадному подъезду театра, где народ, как разноцветная клумба, толпился. Глаза у всех были! Думали, наверное, кто из артистов заболел и спектакль отменят. Знали бы они, что их ожидает. Я-то думал, Шекспир, — хихикнул Николай, отдаваясь воспоминаниям.

— Угу, ты заснул, как только свет погасили.

— Было дело, но я просыпался каждый раз, как только корейка в национальном костюме выходила на сцену с какой-то хренью и начинала на одной струне плакать, что жизнь не удалась.

— Мне было так стыдно! К счастью, выходила она каждые двадцать минут и будила половину зала, пытающуюся вздремнуть, — Светлана улыбалась.

— Зато, когда действие закончилось, зал бушевал овациями. Люди рыдали, не веря, что пятичасовой кошмар наконец-то завершился.

— Ты преувеличиваешь, спектакль был альтернативный, но довольно интересный.

— Чем? — Николай начал накрывать на стол, как вдруг раздался звонок в дверь.

Супруги переглянулись. Гостей к обеду не ждали. Светлана пошла открывать. По звукам, доносившимся из коридора, Николай уловил голос сына и незнакомое писклявое детское. Светлана заглянула на кухню с выпученными, как у древесной лягушки, глазами, прошептал:

— Коль, там Илья! С девушкой! Давай, быстро переодевайся, а я в магазин.

— Да ты что?!

— Мог бы заранее сказать, поросенок. Впервые привел девушку, а у меня кроме котлет с макаронами ничего. Только я должна тебя предупредить. Девушка не одна.

— С кузнецом?

Светлана бросила укоризненный взгляд на мужа.

— С детками.

— И много их? — нахмурился Николай.

— Двое. «Королевская парочка» — мальчик и девочка, — Светлана убежала к гостям, поправляя вчерашнюю укладку.

Николай тихонько прошуршал до коридора, занял наблюдательный пост.

Дверь в комнату была приоткрыта. Видеть он мог лишь отражение фигур в зеркальной «стенке». На диване сидел сын и существо женского пола, двое детишек шести-семи лет делили кресло. Он услышал Светкино:

— Я сейчас, только на минуточку, — и не успел он скрыться в недрах спальни, как жена вылетела из комнаты, пребольно ударив его дверью.

— Господи, ты еще здесь? Я же просила!

— Да бегу уже, бегу, — потирая ушибленный лоб, Николай проследовал в спальню за Светланой. Распахнув шкаф, та подала ему легкие брюки и светлую тенниску в тонкую полоску. Сбросив велюровый костюм, она осталась в красном нижнем белье. Натягивая тенниску, Николай отметил, что, конечно, фигура жены далека от совершенства, но в море кружев и рюш было что-то пикантное. Она уже надела юбку и синюю кофту, а ему все еще мерещилось яркое пятно.

— Может, я в магазин? — великодушно предложил он.

— Ага, как в прошлый раз? Я тебе список дала, а ты вернулся с пустыми сумками, так как некоторые названия продуктов просто отсутствуют в твоём лексиконе.

— Да откуда мне знать, что словом «цуккини» именуют кабачок, так бы и писала.

— А салат из тунца в огромной пластиковой коробке? На всю оставшуюся жизнь наелась. Ты в курсе, что салаты бывают листовые? Ассортимент магазинов, Коля, со времен развала СССР сильно изменился. Теперь можно купить не только «Завтрак туриста» и печенье «Юбилейное».

— Но перец я тебе купил, два пакетика, черный и красный.

— Стендаль ты наш, мне нужен был овощ, а не приправа, — улыбнулась Светлана. Ее обрадовал визит Ильи с девушкой. Лучше увидеть сына с женщиной, обремененной двумя детьми, чем жить, ожидая сюрприза от нынешнего поколения.

— Все, Светка, ты права, права, как всегда, иди в свой магазин, — он стал тихонько подталкивать жену в сторону коридора. Николаю не терпелось добраться до большой комнаты, узнать последние известия.

— Предложи госте чай-кофе, детям воды с сиропом, — наставляла

Светлана, стоя в прихожей.

— А потом их мамаша каждый месяц будет ко мне с их кариесными пеньками бегать, пусть пьют из-под крана, — и он затворил дверь за женой.

— Добрый день, — Николай вошел в гостиную. На лице сияла улыбка злодея, — разрешите представиться, Николай, отец.

— Иванна, — девушка встала с дивана, подала ручку-веточку. Указала на устроившихся рядом детей, занятых компьютерными игрушками. — Молодая леди — Элизабет, а юный джентльмен — Филипп.

— В честь Киркорова?

— Что вы, короля!

— Конечно, я так сразу и подумал, — кашлянул Николай.

Илья, затаив дыхание, не сводил глаз с лица говорившей. Девушка была сказочно красива. Совместное производство богов Олимпа и природы. Ручная сборка. Здесь были и ноги от подмышек, и грудь, умещающая поднос общепита, миндалевидные глаза кошки и, конечно, рыжие волосы. Упаковка была скромная: темно-синие джинсы и черная водолазка, чтобы не доводить мужчин до греха.

— Сынок, а где у нас банка с кофе?

— Мне только без кофеина, — востепенулось небесное создание.

— Всенепременно, а детишкам тетя Света сейчас принесет лимонад, — и подошедшему сыну шепотом: — Чтоб зубы болели долго-долго и пришлось идти к страшному дяде-доктору.

На кухне, схватив оставленную на столе вилку, Николай набросился на еще теплые котлеты.

— Ты что, совсем с дуба рухнул? — возмутился он, прожевав первый кусок.

— Бать, клянусь, случайно вышло.

— Случайно — это если с одним, а здесь двое.

Сын пожал плечами:

— Есть свои плюсы. Третьего родим и будет многодетная семья. Тридцать процентов скидка на квартплату, проездной билет и...

— ... и нищету плодить, — мрачно закончил фразу Николай.

— А ты предлагаешь лишних со скалы сбрасывать?

Они помолчали.

— Бери вилку, что стоишь, как неродной.

— Мамины? — поинтересовался Илья.

— Нет, из кулинарии, — съязвил Николай. — Сынок, зачем она тебе с чужими-то детьми? Эта штучка явно сюда для пристрела пришла, ты взгляни на нее и на себя. Вот нафига ты ей?

Илья безнадежно смотрел на отца.

— Понравился.

— Правда?! Кто цветом выделяется, кто запахом утверждается, кто видом и размером цветка, а чем, разрешите узнать, взяли вы?

— Я веселый...

— У нас половина Госдумы — внештатные сотрудники «Аншлага».

— Добрый.

— Как налоговая декларация.

— Детей люблю.

— Цветы жизни на наших могилах, — парировал Николай, убирая выжившие котлеты в холодильник и доставая гостевые чашки. В две насыпал кофе из банки, рядом с третьей положил чайный пакетик.

— Пап, у нее глаза, как северное сияние.

— Уе... — Николай схватился за голову. — Заразился воздушно-капельным от матери. Когда успел только. Ладно, «мишка на севере», пошли в комнату, а то потом ложек не досчитаемся.

Николай расставил на журнальном столике чашки. Илья принес чайник-термос и вазочку с печеньем. Детишки вопросительно посмотрели на мать.

— Только по одной, — строго сказала та, — там много холестерина.

— Извините, но кофея без вредностей не завезли, поэтому осмелюсь предложить чай.

— Если можно, я заварю свой. Я употребляю только белый, с листьями «чум-кири-яки», — это напиток с эффектом освобождения от полудряхлости. Творит чудеса, — она достала из сумки, лежавшей рядом на диване, коробочку с изображением дракона. Положила в чашку щепотку травы.

Николай предложил кипяток, но девушка жестом остановила его, пояснив:

— Рано. Сначала чай должен впитать ауру сидящих за столом.

Она закрыла глаза, в комнате повисла тишина. Завладев печеньем, дети потеряли интерес к миру взрослых. Прошла минута.

— Теперь можно, — кивнула Иванна Николаю, застывшему с чайником в руке и смотревшему на девушку, как на пациента, у которого вместо зуба мудрости оказался бивень мамонта.

Оттопырив мизинец, та взяла чашку и стала шумно дуть на чай.

Будущий тесть ждал с замиранием сердца, когда она перельет напиток в блюдце, чтобы предложить сахарку, похрустеть. Девушка, поймав на себе взгляд василиска, пояснила:

— В напиток нужно вдохнуть энергию, которая вернется в двойном размере.

— Ну как вы здесь? — в дверях стояла Светлана, встревоженная тишиной в квартире.

— Обалдеть, — только и сумел выдать ее муж, не в силах отвести взгляд от гостыи.

— Я с полдороги вернулась. Погода на улице замечательная, и посетила меня мысль пойти всем вместе в зоопарк, там и пообедаем. Выходной день, что дома сидеть?

Все посмотрели на Иванну.

— Прекрасная идея. Свежий воздух великолепно сочетается с пищей для ума, необходимым довеском к душевному покою.

Девочка отложила в сторону игрушку, подошла к Илье.

— Мы в зоопарк идем, ты с нами? Жирафа покажешь?

Светлана с умилением смотрела на них.

Мальчик явно хотел остаться дома и продолжал с усердием нажимать кнопки.

— Филипп, а ты? — спросил Илья.

— Не-а, я не пойду, гулялка сломалась.

Взрослые переглянулись.

Иванна допила чай, поднялась, взяла сумку и направилась в сторону коридора, обронив:

— Филипп, гулять!

Мальчик с явной неохотой поплелся за матерью и выбежавшей в коридор сестрой. Илья стал собирать посуду.

— Да, академик Павлов нервно курит в сторонке, — с восторгом заметил Николай, допив одним глотком кофе.

Светлана шикнула на него, показывая глазами в сторону кухни, где сын гремел посудомоечной машиной.

День был действительно прекрасный. Вторая половина апреля выдалась теплой, обещая традиционное похолодание на майские праздники. Светлана шла под руку с мужем и улыбалась. Мысли об Александре испарились, превратившись в легкое облачко воспоминаний. Дети то забегали вперед, то возвращались, Илья веселил их маму, периодически отвлекаясь на малышню, изображая то волка, то слона, то крокодила. Весело щебетали птицы.

— Свет, спасибо, — с чувством сказал Николай, сжав на секунду ее руку.

— Ты что, Коль, — она смутилась больше, чем утром на кухне, когда

пальцы мужа скользили по ее телу.

— Нет, правда, я бываю... ну сама знаешь, но ты же знаешь, работа у меня такая, романтикой не пахнет.

В этот момент Светлана вдруг поняла: вот он, смысл ее настоящего и будущего. Семья, внуки, воскресные обеды. Гармония в отношениях с мужем в этот теплый апрельский день. Жаль, что в последнее время они отдалились друг от друга, жили каждый своей жизнью. Николай любил шумные застолья, компании, когда собирались его родственники, друзья. Постепенно круг их знакомых перестал пересекаться, превратившись в параллели. А ведь вначале их брак вышел из одной точки. Светлана удивлялась, что еще утром она смотрела на мужа как на раздражитель, боялась разоблачения, а два часа спустя красивая девушка с экзотическим именем Иванна и двое малышей дали надежду, показали возможную точку пересечения параллельных прямых.

Они подошли к вольеру с пантерой. Вытянув длинное сильное тело, животное грело на солнышке лоснящиеся бока.

— Посмотри, какая киска, — радостно закричала девочка, припав к решетке.

— Мульска, — мальчик плохо выговаривал «р». — Как выльется, слямзает тебя и башмаков не оставит.

— Пф, — фыркнула девочка. — У меня туфельки с пряжками, они у нее в горле застрянут.

Они перешли к страусам.

— Нифига себе птичка! — восторженно заголосил мальчик. — Птичка, встань! Птичка, так и будешь на яйцах сидеть? Лиз, — повернулся он к сестре, — кинь в нее чем-нибудь, а то, может, у нее ножков нет.

— Есть у нее ножки, она их в живот спрятала, чтоб яйцам тепло было.

Неожиданно смолкла музыка и женский голос объявил:

— Кира Радина ожидает маму у справочного бюро. Повторяю: Кирочка Радина ожидает маму у справочного бюро.

— Ее маму, навелное, убили, — прослушав сообщение, с серьезным лицом выдал Филипп.

— Почему?! — разом вскричали Светлана и Николай.

— Вы что, телевизор не смотрите? — удивился мальчик и стал перечислять: — Маму Бемби убили? Убили. А еще Белоснежка, Клошки-Ножки.

— У Крошки-Ножки и папу оприходовали, — со знанием дела добавила сестра.

Николай громко расхохотался.

— Мне нравится ход мыслей этих детей. Они еще Пушкина не проходили, где королевич ради поцелуя в гроб полез. А чего стоит Корней Чуковский! Неужели еще не читали? Весь «Айболит» — просто фильм ужасов.

Светлана дернула мужа за куртку.

— Коль, думай, что говоришь, у малышей и так в голове вся телевизионная программа, а теперь она будет разбавлена твоими комментариями.

На островке посреди искусственно созданного пруда сидели кролики. Николай поднял девочку на руки, желая показать их поближе. Зверьки прыснули в разные стороны, но один остался сидеть. Видать, с перепугу ноги отнялись. Девочка задумчиво посмотрела и изрекла: «Не работает...» Сзади Филипп потянул Николая за куртку: «Дядь, а дядь, а саламандла салом питается?»

— Понятия не имею, — возвращая девочку на землю, начал Николай. — Но лично я пообедал бы, что скажешь?

— А мама?

— И мама, конечно, куда ж без мамы, — и в сторону Светланы, — если ее, конечно, пантера не сожрала.

Иванна под ручку с Ильей стояли у соседнего пустого вольера, явно не замечая, что в нем никого нет.

Светлана прыснула.

— А давайте зверюшек покормим!

— Нельзя, — указал на привинченную к столбу табличку Николай.

— А вот раньше было можно, — ностальгически вздохнула Светлана. — Помнишь, Коля, как мы Илюшу в зоопарк в детстве водили? Белые медведи очень любили конфеты, были такие, назывались «Морские камушки». А однажды ты дал слону черствый пряник, и он им в тебя кинул.

— Да, давно я так не смеялся, — пробурчал Николай, пряча улыбку.

— Как насчет перекусить? — поинтересовалась Светлана у подошедшей пары.

— Спасибо, я не голодна.

— Вы, может, и нет, но дети, как я понимаю, одной печенюшкой вряд ли наелись, — строго сказал Николай, принимая на себя роль главы семьи.

— Ой, совсем забыла, что малыши с нами, — не смутилась красавица на замечание.

На пути попался ресторан, обещавший итальянскую кухню. Усевшись за свободный столик, решили заказать пять пицц, а дальше действовать по

обстоятельствам. Пробежав глазами меню, девушка остановилась на чае. Николай предложил «за знакомство», но алкогольное предложение Иванны отклонила. Решив прийти на помощь сыну, попавшему в неудобное положение, Светлана поддержала ее, сославшись на давление.

Получив от матери игрушки, дети отключились от происходящего. Взрослые вели разговоры, как и положено, о погоде, о природе, сдабривая малой порцией личной информации. Текла неспешная беседа «знакомства с девушкой сына», когда родители балансируют между съедающим их любопытством и правилами хорошего тона.

— Я вдова. Мой муж занимался пушным бизнесом.

— И его убили? Заказное?

— Что вы, — девушка с удивлением посмотрела на Николая, — банальный простатит.

— Так от этого не умирают, — теперь пришла очередь удивляться Светлане.

— Доктор тоже так сказал, — девушка приложила к сухим глазам бумажный платочек. — Понимаете, все дело в душах убитых животных. Они отомстили ему.

— Кто отомстил? — неуверенно переспросила Светлана.

— Шкурки, милая моя, лобики и задки. Помнишь, ты все мечтала о шубе в пол, — Николай погладил жену по руке.

— Последнюю шкурку голубого песца я с боем забрала у его мамы. Я спасала ее будущую реинкарнацию, а она орала на весь дом, как неандерталка. Как будто материальное важнее духовного, — горячилась девушка.

— И где сейчас шубейки? — продолжая гладить жену по руке, ласково поинтересовался Николай.

— В настоящий момент все тридцать две штуки из последней партии находятся у нашего духовного учителя Кинжуи, за городом. Они должны пять лет повисеть на свежем воздухе в ожидании, когда душа умершего животного вернется в свой дом, а потом можно будет их похоронить.

— Как интересно, — Николай спрятал ноги под стул, избегая сигналов, которые подавал ему сын.

— Если желаете, вы тоже можете присоединиться к нашему обществу.

— Светлана Валерьевна уже посещает кружок, — улыбка врача, разговаривающего с душевнобольным, приросла к лицу Николая.

— Он имеет в виду, что я пробую изучать французский язык, — бросив на мужа укоризненный взгляд, пояснила та.

— В прошлом году я была в Париже.

— Что вы говорите! Удивительное дело, с того момента, как мы с подругами решили осуществить поездку нашей мечты, я постоянно натываюсь на сообщения об этом городе, встречаю людей, побывавших там, — Светлана заинтересованно подвинулась поближе к столику. — Расскажите, вам понравился Лувр? Я мечтаю увидеть «Мону Лизу» и статую Ники Самофракийской. И подняться на Эйфелеву башню. А Монмартр? Вы были в Сакрекер?

— Вы смеетесь? Какой Лувр, какой Монмартр? Я ездила туда на конференцию «Женщина — лицо природы».

— А мужчина — ее задница, — сквозь зубы добавил Николай.

— Вы заметили, как изменились женщины? Результат безобразного отношения к природе. Она мстит и посылает через своих воинов предупреждения — знаки, насылая на женщин преждевременную дряхлость.

— Не-е-е, кузов-то еще у многих нормальный, просто поршни малость стучат. Так это дело поправимое, — Николай развеселился. — Стало быть, заезжают в приличный автосервис, меняют клапана, кольца, вентиля, прочищают карбюратор, кто при деньгах, заказывают дополнительный тюнинг, а после, стало быть, сбрасывается счетчик пробега.

— Видите, вам мешает думать в правильном направлении ваше медицинское образование. Если бы вы отошли от традиционной медицины, поклонились бы духам леса, то мать-природа открыла бы вам свои сокровища и подарила лекарства от болезней. Женщины должны думать не о длине извилин головного мозга.

На этой фразе Николай закашлялся, Светлана сначала тихонько, а затем довольно ощутимо его стукнула.

— Думать надо о красоте души и тела, — продолжала Иванна импровизированную проповедь. — Ведь именно через физическую оболочку мы посылаем импульсы в космос, отражаясь в зеркале святой матери. Они возвращаются на Землю, давая правильную установку мужчине. Наше уродство заставляет их ввязываться в войны, а наша красота, наоборот, дает им энергию землепашца и сеятеля. В Париже нам подарили специальный крем, заряженный энергией матери — голубой планеты, пропитанной первым лучом солнца после затмения. Он творит чудеса. После двух беременностей живот был у меня грустный, я мазала кремом, разговаривала с ним, и теперь он воспрял и повеселел. Я вам сейчас продемонстрирую, И девушка потянулась к ремню.

— Что вы, не надо, я полностью с вами согласен, — испугался Николай, — хоть мышьяком намажьтесь, лишь бы помогало.

— Видите, я посылаю вам сигналы, и вы реагируете в должном направлении.

— Пионеры, а вы что не едите? — Николай демонстративно переключился на детей. Пицца с ананасами уже минут пять как дымилась на столе.

— Мы не можем.

— Почему?

— Мама должна отделить плохую энергию от хорошей.

— Совсем забыла, — девушка полезла в сумку. На свет была извлечена вещица, похожая на сантиметровую ленту.

— Это что такое?

— Сначала, — она подвинула к себе тарелку дочери, производя замеры, — я должна отметить точку дзянь, а затем выпустить душу продукта на свободу, — она проделала манипуляции руками, показывая, как собирает энергию и стряхивает ее в сторону. — Теперь можно с радостью приступать к еде.

— А почему у нашей печенюшки вы душу не определяли? — спросил Николай, кромсая пиццу с салями.

Девушка колдовала над второй тарелкой.

— Потому что печенье было старое, душа покинула его.

— Что значит «старое»? — возмутился Николай. — Светлана Алексеевна только вчера купила.

— Мы говорим о духовной жизни, в продуктах это около часа, а потом еда мертва, поэтому, поглощая мертвечину, вы насыщаете свой организм токсичным материалом.

— Так, вы как хотите, а мне нужно срочно по пивку, так сказать, мертвые души помянуть, — мрачно сказал Николай. А тебе, Илюшенька, нельзя, у тебя аура светлая, нимб над головой светится, — мстительно добавил он.

Илья с завистью смотрел на огромную кружку холодного пива с пеной через край, молниеносно доставленную Николаю.

— А Илюша-то вам зачем? — отхлебнув пива, Николай расслабился и вновь подобрел. — Я так понял, вы девушка самостоятельная, материально устроенная. Наш же сын все еще в студентах, а потом будет пяток лет в молодых специалистах ходить.

— Как вы можете такое говорить! За такими, как Илья, будущее. Я разговаривала с нашим духовным наставником, он сказал, что главное сейчас — получить диплом, а потом мы с ним на годик-другой в Америку в один из наших филиалов отправимся.

— А детишек, я так понимаю, вы нам подкинете?

— Вы не волнуйтесь, они хорошие, послушные. Если бы мы уезжали навсегда, то взяли бы с собой, а так на год нет смысла отрывать от школы, тем более школа дорогая и престижная.

— Обалдеть. Колобок, в Америку лыжи смазал? — обратился к притихшему сыну Николай.

— И потом, я люблю Илюшу.

Светлана с умилением вздохнула, сын покраснел и смутился.

Они еще долго гуляли, ели мороженое, покупали детям шарики. Можно сказать, день представления будущей невесты родителям прошел великолепно.

Николай с сыном повезли девушку с детьми домой. Вернувшись, они обнаружили дома накрытый стол и новый коктейль, поданный в праздничных бокалах.

— Что это тут у нас? — заинтересованно двинулся к столу Николай.

— Вот, решила сделать новенькое. «Улыбка Валенсии».

— Ну, если улыбка, то надо попробовать, — придвинулся он к столу.

— Ну что, отпразднуем? Мы потеряли сына, — начал Николай, поднося бокал и рассматривая игру красок в свете люстры.

— Ты невыносим, целый день как заведенный.

— Ну должен же кто-то поддерживать беседу! Илья только ресницами, как девица, хлопал, от него нельзя было внятного ответа добиться. Отец должен был спасти ситуацию, показать, что хоть сын и debil, но это не генетическая ошибка, а временное помешательство. Одно меня весь день интересовало. Где ты ее, сынок, взял? Только не говори, что, как и коноплю, друзья выдали, она же на всю голову, хоть и красавица, — он постучал по столу. — Она из тебя все соки выпьет, чакрой закусит, и родишься ты заново землепашцем и сеятелем. Ты косу-то хоть раз в жизни видел? Знаешь, с какой стороны ее в руки берут?

— Ты сам косил один раз в жизни и потом месяц лечил порез на ноге, — парировала Светлана. — Не будь противным, девочка просто влюблена и капельку неординарна.

— Бать, ты плохо слушал то, что она рассказывала.

— Мне хватило того, что я услышал. Не пытайся мне по второму кругу эти продуктовые бредни пересказывать. Я как ее с линейкой в кафе увидел, за мобильником в карман полез, думал — все, пора Иван Гаврилычу в клинику звонить.

Светлана и Илья прыснули.

— Коль, хватит, я больше не могу.

— А ты что ржешь, старая антилопа? Я б на твоём месте названием кремчика поинтересовался бы. Эта мать-земля укатит с нашим сеятелем, и тебе придется продуктовые души изгонять. Ты хоть запомнила, где точка разделения души и тела? То-то ж. Какой тебе Париж. С завтрашнего дня на курсы к этому, который учитель. Заодно поинтересуйся, где у них кладбище цубеек, навестим, цветочки возложим.

Светлана видела, что Николай шутит. Несмотря на странности девушки, ему было приятно, что такая фемина обратила внимание на его обалдуя.

— Пап, у каждого свои тараканы.

— Ага, только у твоей кукушки они голубоглазые и размером с крысу.

— Ну нравятся ей все эти штуки, поиграет, потом другим займется.

— Лично мне, сынок, все равно, встречайся хоть с Папой Римским. Только о чем ты с ней разговаривать будешь, когда страсть поутихнет?

— А с мамой вы прям целыми вечерами разговариваете, — буркнул сын.

— Правильное замечание, с мамой мы разговариваем молча. Любовь, как фотоальбом — пожелтела, постарела, а выбросить жалко, поэтому ставим аккуратненько на полочку рядом с классиками, а потом долгими зимними вечерами, где-то на закате жизни, перелистываем страницы. Красиво сказал, — похвалил Николай сам себя. — Твое здоровье, жена любимая. Они чокнулись и поцеловались.

— А теперь серьезно. Я в твою личную жизнь никогда не вмешивался.

— Согласен, — подтвердил Илья.

— Я и дальше оставляю за собой право на нейтралитет. Бестолковое это дело — взрослого человека жизни учить, но прежде, чем ты увязнешь окончательно, помни, что там двое детей, которым телевизор весь мир заменяет. Все, мы с матерью пойдем, а ты прибери здесь, — приобняв жену, Николай вывел ее из кухни, первый раз за много лет оставив обескураженного сына наедине с неубранной посудой.

Они лежали в кровати и разговаривали. Свет ночника, свежее постельное белье цвета лаванды. Гнездышко любви для семейной пары, прожившей вместе больше двадцати лет.

— Коль, а она Илюшку-то не испортит, не перетянет в свою секту? — неожиданно взволновалась Светлана.

— Сомневаюсь. Он хоть и балбес, но Козерог до мозга костей.

— Детей жалко.

— Если дело действительно у них сладится, то мы с тобой уж научим их и блины есть, и книжки читать. В конце концов вернутся, и будет семья.

— Хорошо бы. Знаешь, видно, девушка она добрая, тяжело ей одной с двумя детьми остаться на руках, в чужом городе без поддержки, без родителей, да еще при такой красоте.

— Согласен, ее счастье, что она в секту, а не на панель попала. Деньги что... пришли-ушли, а так могла б и жизни, и детей лишиться. А знаешь, я любой красавице-антилопе предпочту старую добрую лошадку, в особенности если она в красной с рюшками попоне, — приобнял Николай жену.

— Это кто здесь старый? Да я моложе тебя на три года, да я в бассейне стометровку без отдыха проплываю! И вообще, хватит резвиться, дай лучше книгу почитать, — Светлана повернулась к нему спиной и потянулась за романом, лежавшим на столике, сознавая, что часть бедра, просвечивающая сквозь тонкую ночную сорочку, попала в поле зрения мужа.

— Светка, ты меня раздражила, бросай свою литературу и иди сюда. Я, конечно, не терминатор, но я так долго ждал этого вечера, а ты то бантом, то бельем, то теперь этой рубашкой разбудила во мне зверя, — забубнил Николай, подбираясь к супруге. — И пусть мать-земля светит и что-то еще пусть другие сеют, а я буду тебя любить долго-долго.

— Долго — это сколько? Пять минут, десять? — завлекающее спросила она.

— Всю ночь, — и он погасил свет.

ГЛАВА 36

— Мам, я никак не пойму, ты на чьей стороне, почему ты все время его защищаешь? Правильно тетя Лариса про тебя говорит, у тебя все идеальные. Неужели ты не можешь признать, что не все мужчины, как наш папа?

— Элечка, но факты! Если ты будешь продолжать видеть то, чего нет, ты одним своим недоверием под конец отправишь мужа в объятия другой.

Валентина с дочерью сидели у Эли на кухне. Безобидная беседа о текущих делах плавно свернула на обсуждение подозрительного поведения Алексея, уехавшего с девочками в цирк.

— Ага, значит, ты тоже видишь его непостоянство?!

— Опять ты за свое. Если жена не переставая пилит мужа, обыскивает его карманы и роется в мобильнике, то заканчивается такой брак психушкой для женщины. В лучшем случае, разводом. Это тебе даже твоя любимая тетя Лариса скажет.

Валя подлила Эле экологически чистого вина. Изготовленное из биовинограда вино было на удивление вкусным, практически единственным продуктом из биомагазина, который Валя могла употреблять без зубовного скрежета.

— То есть, по-твоему, я сумасшедшая?

— Нет, конечно, ты просто много работаешь, взвалила на себя детей, диссертацию, плохо питаешься и не даешь никому тебе помочь. Тебе нужен отдых, — дипломатично лавировала Валя. — Элечка, мы с папой хотим как лучше.

— Мам, не надо как лучше. Надо как я прошу. Вы вечно за моей спиной делаете все по-своему, такое впечатление, что нарочно, чтобы я действительно до психушки дошла, а дети вам достались. Девочки в прошлый раз с сильнейшей аллергией от вас приехали, мне страшно стало. Я так хотела, чтобы до определенного возраста они не знали слово «шоколад», но нет же, вам деток жалко, видите ли, у них детства нет, — Эля отодвинула бокал так резко, что едва не расплескала содержимое.

— Но, правда, что за детство без сладкого и вкусного? — наивно удивилась Валя. — Ты ведь сама раньше так любила пирожки, булочки, и конфеты мы тебе покупали только шоколадные, чтобы зубы от ирисок не портились.

— Я видеть не могу шоколад, на всю жизнь наелась, — вспыхнула

Эля. — А то, что Машенька весит на три килограмма больше нормы, вас не волнует? Конечно, надо в ребенка впихивать булки и сладости, а потом я, как дура, пытаюсь накормить капустными котлетками. Девочки после визитов к вам неуправляемые.

Эля неожиданно разрыдалась.

— Да вы все сговорились, я вам всем мешаю, без меня всем лучше, никто не будет требовать застилать кровать, убирать за собой. Вместо меня можно нанять уборщицу и повара, а то, что дом, семья — это еще и атмосфера, которую создает хозяйка, на это всем наплевать. Мной можно детей пугать, такая я злая и противная.

— Эля, ты в своем уме? — испугалась Валентина. — Как ты можешь такое говорить, мы с отцом всегда тебя поддерживали. И девочек мы берем к себе, чтобы облегчить тебе жизнь, чтоб у тебя больше сил на себя оставалось.

— Да, я уже поняла, вы хотите моих детей совсем к себе забрать и баловать их то мороженым, то пирожным, устраивать дни рождения собак, прогулки под дождем с пусканием корабликов, все им позволять. Я же потом не могу их два дня в сознание привести, чтоб они слушались меня. Что ни скажу, все пустой звук для них. Зато вы с отцом прямо спецы в воспитании, макаренки.

— Видимо, нет, — тихо сказала Валентина.

— Да ладно, мам, вам с папой досталась я, послушная, без проблем, с хорошим аппетитом, — со злостью в голосе прохлюпала плачущая Эля. — Даже в переходном возрасте я не устраивала вам концертов, как Дашка тете Ларисе. Я у вас всегда была идеальным ребенком, всегда прислушивалась к вашим советам, жила вашей жизнью, по вашим правилам. И брак решила построить по вашей модели. И что я имею? Как и раньше, вы молча со всем соглашаетесь, но втихаря поправляете, как в детстве, когда ты дорисовывала за меня стенгазеты, переписывала доклады, чтобы было красиво, для более высокой оценки.

— Я же делала это для тебя, ведь ты так расстраивалась. И потом, это ведь мелочь.

— Это не мелочь, мама! — закричала Эльвира. — Вы с папой не давали мне ничего делать самостоятельно, чтобы от начала до конца это было мое дело. Вегетарианство вы считаете блажью. Нет, вы, конечно, поедаете мои кулинарные извращения, вы же хорошие родители, но как только я за порог, вы тут же делаете, как вам хочется. Я думала, хоть дети будут мои, хоть здесь я смогу делать и воспитывать, как я считаю правильным. Но не тут-то было, вы с папой опять всеми четырьмя лапами в

моей семье. Попросишь вас об услуге, маленькой такой, а взамен получаешь «все включено». Я не просила, чтобы ты уходила с работы. Я лишь просила помочь мне с девочками. Ты же принесла себя в жертву, я вот уже несколько лет чувствую себя крайней, радуюсь каждому твоему увлечению, а в душе мечтаю снять с себя эту вину.

— Но ты же не можешь и работать, и детьми заниматься.

— Ага, вот оно! Значит, все могут, а я урод, который может или одно, или другое.

— Я имела в виду, что тебе так проще.

— Опять твое мнение, а меня ты спросила? Обо мне ты подумала? Я ведь не только станок по печатанию денег, я еще и мать. Только вы с папой заменили моим детям родителей, а мы с Алексеем стали приходящими дедушкой и бабушкой. Неужели ты не видишь, что мы поменялись ролями?

— Не знаю, Элечка. Девочки мне очень дороги. С работы я ушла не только потому, что хотела тебе помочь, но и потому, что мне стало неинтересно, коллектив начал утомлять. Я же не Ларка и не Наталья, ты знаешь, человек я бесконфликтный, и все эти дразги на работе мне надоели. Так что я, можно сказать, была рада и благодарна тебе, что так сложилось, что я стала просто бабушкой. Но я никогда не покушалась на твое место. Да и поверь мне, это невозможно сделать.

— Видишь, — с горечью сказала дочь, вытирая слезы, — ты опять учишь меня, забывая о том, что я сама мать и прописные истины мне самой известны. Так что, мам, ты прости меня, но со следующей недели мы берем няню для девочек. Конечно, это не означает, что вы с папой не будете видеть внушек. Никакая няня не сможет заменить бабушку и дедушку, но мне станет проще, дети будут дома, когда мы с Лешей приходим домой. Мы будем встречаться, ездить в гости, но это будет более цивилизованно, как у нормальных людей в приличных семьях. И Леша будет детьми занят, будет домой бежать, а не по ассистенткам-студенткам скакать.

Валентина опустошенно молчала.

— Мамуль, — начала подлизываться Эльвира, постепенно приходя в себя после чрезмерного всплеска эмоций, — ты пойми, у меня семья рушится.

— Детями еще никто мужика не удержал, извини за резкость, но чем же девочки провинились, что им с чужой теткой сидеть придется?

— Почему «теткой»? — Эльвира ощетибилась. — Мы нашли профессионала, приветствующую те же методы воспитания, что и мы, так что в этих вопросах у нас с ней не будет расхождений и споров. Да и мы с тобой ссориться перестанем, так как повода больше не будет.

— Но ведь девочки привыкли, им удобно и до школы близко.

— У няни имеется машина, так что ты не волнуйся, на полчаса раньше встанут, зато целый вечер будут в семье, с собственными родителями, а нам не придется их от вас забирать. Пока мы до вас едем, они уже спят обычно, им не до общения.

— Хорошо, поступай как знаешь, ты уже все для себя решила, как я вижу, и мои аргументы будешь отрицать и говорить, что я опять тебя воспитываю, не даю свободы. Я только хочу знать, ты все продумала, прежде чем принять решение?

— Да, мамуль, и Леша был в восторге, — соврала Эльвира.

— Правда? — поразилась Валентина.

— А что тебя удивляет? Ему не хватает детского смеха по вечерам.

— Это понятно. Странно, что он согласился на заранее тяжелый распорядок дня для детей. Он все же человек логики.

— А я, значит, мымра, которая усложняет жизнь несчастных крошек и лишь из эгоизма старается сделать так, чтобы семья не развалилась?

— Ты прости меня, но в данный момент идея с няней — это твой эгоизм. Мы с папой что-то упустили в твоём воспитании, сделав из тебя человека, который в первую очередь думает о себе и своих чувствах, своих проблемах. Мне надо идти, извини. Провожать не надо. Я так много услышала, что мне надо обдумать все, пройдусь немного, погода прекрасная. Может, ты права, может, няня лучше, чем мы с отцом. Он тоже порадуется, а то из-за внучек мы никуда вырваться не могли, а теперь у нас времени будет больше для нас двоих, — тяжело вздохнув, стараясь, чтобы натянутая улыбка не превратилась в гримасу, Валентина пошла к двери.

Она не слышала, что говорила ей дочь, отвечая невпопад «да» и «нет», думая лишь об одном: как бы выйти на улицу, пока слезы не покатались по щекам. Попрощавшись, она часто заморгала глазами и выбежала. Сдерживаться не было сил, она шла по улице и плакала.

Слезы перестали катиться только в соседнем от ее дома дворе. Валя села на лавочку на пустынной детской площадке, решив подышать воздухом. Не хотелось столкнуться с любопытными соседями и покрасневшими глазами вызвать назойливые расспросы. К соседней скамейке подошла женщина с девочкой-подростком лет двенадцати-тринадцати, катившей розовую коляску. Вновь прибывшие молча расположились. Женщина достала книгу, девочка уселась рядом. В коляске захныкал ребенок. К удивлению Вали, на плач женщина даже не повернула голову. Девочка же ловко извлекла из коляски разряженного в розовое младенца, осторожно поддерживая под спинку и голову.

«Надо же, как у сестрички хорошо получается. И как заботится о малышке!» — умиленно подумала Валя, стараясь сдержать вновь подступившие слезы.

Девочка тем временем ласково ворковала, ребенок булькал в ответ. На этом идиллия закончилась. Старшая сестра решила развлечь ребенка, направилась к качелям и усадила малышку Валя забеспокоилась, поскольку хорошо помнила, что такие маленькие дети сами сидеть не могут и не должны.

«На вид младенцу всего два-три месяца. Может, я ошибаюсь, и ей на самом деле больше?» — Валентина не знала, что и подумать. Мать не отрывалась от книги, девочка качала малышку на качелях, даже не придерживая ее свободной рукой. Валя нервничала, не зная, стоит ли ей вмешаться. Девочка вновь подхватила малышку на руки, так же аккуратно поддерживая головку в розовой трикотажной шапочке, и, к ужасу Валентины, полезла на высокую спиральную горку. Через мгновение она увидела, что ребенок едет сидя, девочка, улыбаясь, смотрит сверху, а мамаша перелистывает очередную страницу книги. Конец спуска находился довольно высоко над землей, раздумывать времени не оставалось. Валентина с криком бросилась к горке, намереваясь поймать малышку, но... не успела. Ребенок с размаху шлепнулся лицом вниз и заорал. Валя подхватила крохотное детское тельце, не понимая, почему у малышки такое странное немигающее выражение лица и почему крик идет не изо рта, а откуда-то из грудной клетки. Неожиданно накатила слабость, перед глазами поплыли красные крути. Рядом вдруг оказались смеющиеся девочка и ее мама, объяснявшие, что это не ребенок, а всего лишь кукла, только японская, дорогая, с большим количеством функций, что Валя не первая, кто попался на эту шутку. На ватных ногах жертва розыгрыша добрела до скамейки, в ушах шумело, горло сдавливали подступающие слезы. Ей что-то говорили, но она плохо понимала. Как добралась до дома, Валя не помнила.

ГЛАВА 37

Наталья лежала с закрытыми глазами и думала, мысли были пасмурными.

«Амур со стрелами гоняется за Светкой, игнорируя мои махания носками перед его носом. Ответственный на небе за богатство, прибыль, выигрыши ушел в отпуск или уволился. В минусе сапоги с крокодильчиками, оплата фальшивого слесаря для маман, новый мобильник — одни расходы. Французский влазит в больную голову только под сушки, булки и бутерброды с горячим чаем, образуя жировую прослойку как в мозгах, так и на теле. Откуда брать положительные эмоции, если на всех фронтах песок серебристый средней пушистости?»

С этой мыслью Наталья встала, придерживая рукой одеяло — халат было лень надевать, а в неглиже холодно, направилась к окну. Раздвинув шторы, поплелась к дивану и опять улеглась, старательно подоткнув одеяло. Яркое весеннее солнце обещало «дальнюю дорогу», сдвинув стрелку Натальино настроения с «дождь» на среднее между «пасмурно» и «ясно». Плакать расхотелось, но вопрос, чем заняться в выходной, остался. Нужна идея, раз телефон молчит, а экскурсию по магазинам она провела на прошлой неделе. Правда, в отделе белья кружевная тряпочка размером с носовой платок по цене парашюта испортила настроение.

«Надо покупать что-нибудь такое, чтобы денег потратить мало, а вещь стоящая», — рассуждала Наталья, любуясь переливающейся в солнечном свете люстрой от Сваровски. Захотелось кофе.

«Что там вчера секретарша трещала про Париж?» — попыталась припомнить Наталья, слушавшая в тот момент одним ухом, потому что второе было приложено к телефонной трубке с неутешной клиенткой на проводе. «Вот молодежь! Они с девчонками уже несколько месяцев о Париже мечтают, а эти скороспелки за границу, как в Москву за колбасой», — сердилась она, перемещаясь с одеялом, волочащимся, как мантия королевы, на кухню. Мешать кофе в турке, что всегда способствовало умственному процессу, и держать одеяло было неудобно, поэтому, сбегав за халатом и запихнув одеяло в шкаф, Наталья прибежала за секунду до катастрофы на плите. «Хороший знак», — порадовалась она.

Секретарша в красках описывала Лувр, очередь на Эйфелеву башню, Монмартр, огромные блошинные рынки — помесь лавки старьевщика и антикварного магазина, где можно за пару тысяч евро приобрести

фальшивого Тулуз-Лотрека и за десяток евро стать владельцем переписки царской семьи. Дальше Наталья не слушала, поскольку истерика в телефонной трубке очередной уставшей от праздника семейной жизни вошла в критическую фазу. Последнее, что донеслось до ее слуха, было слово «фарфор».

Выводы были сделаны быстро. Если подойти к поездке с умом, то можно не только прокатать в Париж кучу денег, но и заработать. Наталья села за стол и включила компьютер. Сдвинув тетради и учебники французского на край стола, чтобы они находились вне поля зрения совести и чувства долга, Наталья определила свободное место под огромную чашку кофе и горку булочек с корицей. Сначала она прошлась по антикварным форумам, чтобы сориентироваться, затем выписала ключевые слова, распечатала несколько картинок и, сладко потянувшись, пошла выбирать одежду для похода за фарфором российской империи. Это было занимательней, чем сидеть дома и зубрить французские глаголы.

Проходя мимо маминого подъезда обычной торопливой походкой, она затормозила.

— Добрый день, — обратилась Наталья к усеянному мелкими цветочками цветастому заду размером с хорошую клумбу, маячившему на газоне. — Можно узнать, что вы здесь делаете?

Кряхтя, скрипя и поминая радикулит, зад трансформировался в соседку из первого подъезда.

— Ой, простите, Клавдия Петровна, не узнала.

— Наташенька, здравствуй, родимая, здравствуй. Вот что значит давно к земельке с поклоном не шла. Раньше-то в деревню с весны и до осени уезжала, целый день на огороде и ничего, а теперь посмотри — пару цветочков хотела к лету высадить, чтоб народ радовался, добрее становился, а силы-то уже не те. Соседка обтерла руки о тряпицу, извлеченную из широких карманов вязаной кофты, и подошла к Наталье.

— А ты куда? Прогуляться?

Наталья кивнула.

— Правильно, что дома сидеть в такое ведро. Сын звал сегодня в гости, а я отказалась, надо же посадками заниматься. Видишь, здесь тюльпанчики будут, — указала она рукой, — но это мама твоя еще в прошлом году сажала.

Наталья вздрогнула всем телом. Она прекрасно помнила, как бегала по питомникам в поисках какого-то необыкновенного сорта тюльпанов «Черный принц», и по глупости думая, что запихать пару бульбочек в землю — минутное дело, несколько часов под строгим надзором маман с

линейкой высаживала луковичные, обломав все ногти.

— Замечательные цветы у нее выросли, вот что значит с любовью посажены. А подальше, где кусты сирени, я пионы посажу, самое место им там. Здесь по краешку резеда. Людям приятно посмотреть будет. Идут на работу с утра, серьезные, а тут цветочки.

— Клавдия Петровна, замечательно вы придумали, — похвалила Наталья. — Если б у каждого подъезда так было!

Соседка зарделась от удовольствия. Было видно, что ей приятно.

— Да, участок небольшой мне достался, но при моем здоровье хватит. Вишь как, полчаса поработала, а спину прихватило.

— Какой участок, Клавдия Петровна? — не поняла Наталья.

Соседка вдруг смутилась, занервничала, начала поправлять кофту, достала из карманов семена, луковицы в пакетике, стала их рассматривать.

— Ну да, ну да, это я так про участки. Ты, Наташенька, не слушай меня, старую дуру.

— Клавдия Петровна, вы о чем?

— А Марианна Сергеевна тебе разве не сказала? — виновато озираясь по сторонам, спросила та.

— О чем?

— Так участок свой она мне продала, — шепотом поведала соседка. — Как дом наш в деревне сторел, тоскую я, хочется снова к земле поближе, я ведь из деревенских. Сын про дачу слышать ничего не хочет, говорит, что содержать дорого. А мне на старости лет снится по ночам смородинка, лучок на грядках, цветы. Твоя мама узнала об этом, пришла ко мне, добрая душа, предложила свой надел около дома. Да еще недорого взяла, каких-то пять тысяч за такой кусок, хорошая женщина, береги ее. Только ты, Наташенька, никому не говори, пожалуйста. Обещала я Марианне Сергеевне, но видишь, как вышло, заговорила ты меня, работу мою похвалила, я и растаяла. Но больше ни одной живой душе, — оправдывалась соседка.

— Ага, — только и смогла выговорить та и рванула к матери-самаритянке.

Она прекрасно знала, что территория, прилегающая к их домам, принадлежит кооперативу, и уборкой, как и благоустройством, занимались нанятый дворник и фирма по озеленению «Роза». Года три назад, когда двор привели наконец-то в порядок, а в городе проходил конкурс «Красота спасет Родину», правление кооператива предложило всем желающим посадить около подъездов цветы. Были поставлены симпатичные оградки, посеяна травка, пара кустиков. Многие с восторгом взялись за дело, и

территория постепенно стала похожа на кладбище с могильными холмиками-клумбами.

— Мама, как ты могла?! — начала Наталья после положенных в их семье приветствий и объятий. Ритуал был обязательным, даже если они виделись полчаса назад. Выяснение отношений в предбаннике квартиры Марианна Сергеевна считала дурным тоном.

— Девочка моя, — начала она своим проникновенным голосом, взяв бигуди и старательно накручивая прядку. — Если человеку хочется, почему не уступить? Но чтобы он относился к данному начинанию, как и предшественник, ответственно, с любовью, всегда надо брать деньги. Человеку приятно, он стал собственником, свысока поглядывая на несобственников.

— Но ведь она живет на одну пенсию, единственный сын — жмот, это грабеж! — горячилась дочь.

Марианна Сергеевна поморщилась. Слово «грабеж» царапнуло ее музыкальный слух.

— И что ты предлагаешь? Складывать пенсионерские «слезы» в чулок на хрустальный гроб? В нашей стране, если беден, похоронят бесплатно. Еще никого в могилу без деревянного ящика не сбросили, не тридцать седьмой год. Была б моя воля, я б людей в картонные коробки из-под телевизоров укладывала, а то только и кричат о защите лесов, а сами тонны древесины в землю на пир червякам.

Закончив накручивать волосы, маман повязала голову шелковым платком, гармонирующим с цветовой гаммой велюрового халата. Наталья смотрела на нее и поражалась. Соседка была на десять лет моложе матери. Встретив Клавдию Петровну в троллейбусе, было бы прилично обратиться «садитесь, бабушка». Марианне Сергеевне уступали не по старости и дряхлости, а по какому-то внутреннему чутью, что королева-мать должна занять достойное место за неимением трона в общественном транспорте, а не стоять, держась за поручень.

— В Америке, например, — продолжала вещать маман, — очень модно стало делать мумии из родственников и ставить в виде садовых скульптур на газончике. Молодцы, капиталисты, — и память, и леса живы. Я тоже подумываю отписать в завещании свое тело медицинскому университету. На запчасти я вряд ли сгожусь, но как экспонат для студентов — вполне. Думаю, мои бранные останки смогут послужить науке.

Наталья схватилась за голову.

— Мама, что ты говоришь?!

— Древние говорили: «Помни о смерти». Кстати, ты знаешь, у нас

крысы, — сказала она абсолютно равнодушным голосом, открывая баночку с кремом для лица. — Катерина Николаевна рассказала, что Нина Абрамовна с седьмого этажа завела себе крысу. Та пришла в гости по вентиляционной трубе в ванной комнате. Нине Абрамовне стало жалко зверушку и теперь она ее подкармливает. Очень удобно. Днем она по соседям бегаёт-гуляет, а вечером возвращается.

Наталья подняла глаза к лепному потолку в поисках дырки.

— Так она и сейчас там бегаёт?

— Конечно. Если ты прекратишь издавать призывные звуки мартовской кошки, то услышишь, как она пищит. Только свет надо выключить.

— Нет! — Наталья почти сорвалась на крик.

Маман повернулась к ней, внимательно посмотрела, затем поднесла руку к ее лбу.

— Милая, ты заболела? С чего такие эмоции по поводу безобидного пасюка? Крысы, тараканы, собаки, кошки — городская дичь. Будешь уходить, напомни, чтобы я отлила тебе настойки пиона для успокоения. Запомни, много работы, отсутствие секса — и маразм приходит раньше климакса. Ты же девушка из приличной семьи, воспитанная за кулисами большой сцены. Будь любезна, собери себя.

И Марианна Сергеевна щелкнула выключателем, захлопнув дверь ванной комнаты.

В крошечной темноте Наталья ощутила, как волосы встают дыбом и начинают сесть. Капельки пота заскользили между лопаток, сердце застряло в горле.

— Слышишь? — через минуту спросила маман. — Бегаёт, шуршит. Она, думаю, гнездо будет устраивать. Пару раз из вентиляции сыпались перья, пух, сухая трава.

— Да, — вяло согласилась Наталья. — Теперь можно я свет включу?

— Хорошо, — согласилась мать, выходя из ванной. — Надо скотчем дырку заклеить. Я, конечно, животных люблю, но ванная комната — святая святых для женщины.

— Мамуль, а может, санэпидемстанцию?

Вопрос утонул в недрах квартиры. В ответ из спальни донеслось, что скотч Марианна Сергеевна приклеила бы и сама, не стала бы напрягать дочь по таким пустякам, но у нее поднялось давление.

Давление. О, это великая сила, потомки будут слагать о нем поэмы. Неуловимое, оно вечно скачет и находится или слишком высоко, или слишком низко. Для пациента, желающего обратить на себя внимание

окружающих, это тот самый движок, который заставляет черствых сыновей и бесчувственных дочерей мчаться к престарелым родителям через весь город. «200 на 80» и кто-то в этом мире испугался, забеспокоился, другой потер руки, почуяв долгожданное наследство, третий чертыхнулся, прекрасно зная, что театр приступил к внеочередной постановке пьесы «Я умираю». Не надейтесь, что, достигнув пенсионного возраста, вы будете добрее, будете жалеть своих близких. Пресловутый стакан воды у постели умирающего быстро превратится в фонтанирующий автомат времен советского прошлого. Позабыв свой горький опыт, вы будете в минуты одиночества умирать в телефонной трубке. Марианна Сергеевна была умной женщиной, держала дочь на длинном поводке, но крепко, играя лишь на чувстве вины. Проблемы со здоровьем она контролировала и решала по мере появления, благо, недостатка в связях и знакомствах не было. Однако если неблагодарная дочь пыталась проявить характер, а Марианна Сергеевна рисковала лишиться желаемого, в ход шло любимое давление: неотложка не требуется, а дети, как шутила примадонна в кругу близких друзей, становятся шелковыми.

Наталья поплелась в кладовку за стремянкой. Маман, как стихия, спорить с ней бесполезно. Подобравшись к вентиляционной решетке, экономя вдох-выдох, Наталья за минуту изобразила «снежинку», вспомнив школьные уроки творчества. Каждую секунду она ждала, что покажется когтистая лапка, покрытая серыми ворсинками, и яростно начнет отрывать злополучный скотч, закрывающий один из выходов на свободу. Спустившись вниз, Наталья долго мыла руки. Полюбовавшись работой, выходя из ванной, она на прощание показала фигу, на тот случай, если крыса наблюдает за ней.

Когда Наталья зашла на кухню доложить, что работа выполнена, она застала мать за странным занятием. На столе лежали березовые ветки, а маман в резиновых перчатках плела из них венок. Уже сплетенное чудо находилось у нее на голове, поверх платка и бигуди. Ветки с проклюнувшимися микроскопическими листиками торчали в разные стороны.

— Доктор из телевизора советовал венок из березовых веток при головной боли и давлении, — пояснила она, предупреждая вопрос дочери. — Голова с утра болит, Катерина сходила за ветками, вот, смотри, как замечательно получилось.

Наталья даже не стала спрашивать, помогает ли веник на голове, и зачем в таком случае маман делает еще один.

— Я там холодец приготовила, возьми, мне все равно столько не

съесть.

Наталья извлекла из холодильника внушительных размеров поддон, служивший формой. От резкого движения его содержимое засобиралось прогуляться и оставить свой жирный след на стерильном полу кухни. Стабилизировав студень ценой нового пуловера, она перенесла продукт «сделай сам» на стол поближе к мойке.

Оценив ситуацию, маман дала новое указание:

— Доваришь и съешь. Ничего страшного.

— Мамуль, я его завтра заберу, — заныла Наталья. Выходной с довариванием холодца до полуночи не входил в ее планы. На секунду она даже позавидовала крысе, у которой вход в норку от мамулиных просьб и подарков замурован клеящей лентой.

— Почему завтра, ты разве не домой? — примадонна посмотрела на дочь строго и в то же время с интересом. — Свидание?

— Нет, я просто...

— Мужика завести тебе надо.

— Мам, а где у них заводный ключик? Я б завела.

— Все шутишь. Я смертна, а ты не пристроена. Подружки твои все при мужьях, а ты при них — Монморанси. Трое в лодке, не считая тебя. Ладно, не куксись, есть у меня на примете кое-кто, для себя придержала, но счастье дочери важнее личного.

Наталья хлопнула себя рукой по лбу, как будто вспомнив очень важную вещь.

— У меня же хрена нет! Я сейчас в магазин, а завтра с утра холодец заберу, он же вкуснее, если постоит.

— Хорошо, потому что принять тебя сегодня я уже не смогу. В половине третьего у меня назначен астральный сеанс. Ну все, целую тебя, и подумай над моим предложением, — говорила маман, закрывая за дочерью дверь.

Наталья выдохнула и побежала, как первоклашка, по ступенькам, игнорируя лифт.

Следующие три часа промелькнули незаметно. Городские комиссии, которые не брали ни реформы, ни кризисы, содрогнулись от урагана «Наталья». Переворачивая и внимательно изучая тарелочки, чашечки, блюдечки, статуэтки и другие изделия, она пришла к выводу, что, в отличие от Москвы и Питера, а изученные утром сайты были столичные, у них на периферии «балерин» и «пастушек» налепили на три века вперед. Не говоря уже о тарелках с цветочками. Рассматривая один из симпатичненьких чайничков, который по ее бумажке проходил

предположительно как «Розенталь», Наталья почувствовала радостную дрожь охотницы за сокровищами при мысли, сколько евриков она получит в Париже за эти осколки роскоши. Откуда-то появившаяся старушка, заметив Натальины манипуляции с посудой, заявила, что чайничек превосходный, и если девушка не в курсе, то это сам Розенталь. Наталья с видом знатока подтвердила, что именно поэтому его и приобретает. Тогда старушка цепко ухватила ее за руку и повела к другому стеллажу, демонстрируя пару старых сервизных тарелок с потертыми краями с намеком на позолоту и пару чашек, одна с отколотой ручкой, и тихо объяснила, что это тот самый Кузнецов, и если бы не кризис, то купила бы все и сразу. Наталья мило улыбалась и, подождав, когда старушка скроется из виду в пыльных закоулках комиссионки, схватила все, на что указал перст выпускницы Смольного. Домой Наталья поехала на такси, побоявшись доверить общественному транспорту две сумки и пакет с предметами «не кантовать». Ночью она спала плохо, перед глазами маячили буквы, цифры, короны и скрещенные мечи. Конфетницы с менажницами вертелись и кружились, обещая сладкими голосами большие деньги.

ГЛАВА 38

Илья рос послушным мальчиком, но вечно работавшая мать, жившая с чувством вины перед брошенным на государство чадом, сотворила из беспроблемного ребенка инфантильный продукт, оживающий лишь в случае нарушения привычного, заложенного с первым требованием «хочу черпалку» ритма жизни.

Появление в его однообразном мирке девушки с красивым именем Иванна и с прицепом в виде двух малышек не напрягло молодого человека. Наоборот, прыжок шириной в рождение, кормление, поповытирание он рассматривал как личную удачу, радуясь, как ему повезло. Волнение в ряды неожиданно внесла мать, Светлана Валерьевна, обнаружившая в преклонном, по мнению сына, возрасте существование жизни после пятидесяти. Ее походы по курсам, ресторанам, театрам, бредовая идея поездки в Париж воспринимались Ильей как второй переходный возраст, в народе именуемый климаксом. Болезнь прогрессировала. Сын тонко намекнул родительнице, что вещи странным образом перестали запрыгивать на свои места в шкаф. Что печка-СВЧ презентована для разморозки принесенного самцом куска мяса, а не для разогревания пиццы. Что любимая грязная кружка в посудомоечной машине лишает его завтрака. Без результатов. Однажды вечером он застал ее сидящей с тихой улыбкой в темноте кухни и гипнотизирующей кипящий чайник. На вопрос, почему она здесь, вместо привычного раздражения, она ласково потрепала его по волосам и предложила испечь блинчики с клюквенной начинкой, и это в двенадцать часов ночи. В другой раз, подпирая косяк двери его комнаты, она минут двадцать тархтела о выставке то ли голубых, то ли зеленых, выдавая информацию, как Википедия, о мазках, палитрах, полутонах. Когда же он, устав ждать, что фонтан красноречия иссякнет сам собой, грубо оборвал ее просьбой о глажке к завтрашнему дню рубашки, Светлана на минуту исчезла в темноте коридора и вернулась с запечатанной сорочкой. Вручая сыну пакет, она уже всю трепалась с подружкой по мобильному. Прикрыв трубку рукой, пожелала ему хорошего вечера и выпорхнула за дверь. И тут Илья прозрел. Только пылкая любовь к мужчине закрывает материнские глаза на отсутствие глаженных рубашек у единственного сына. Только запоздалая страсть, нашептывая в уши матери нежные слова, заглушает требования повзрослевшего чада. И только жгучий стыд заставляет женщину бежать в ночь из собственной квартиры,

чтобы не встречаться за ужином глазами с домашними.

Козла, посягнувшего на святое — работницу домашнего очага, он засветил мигом. Гулена, скорее по глупости, чем по неопытности, по мнению сына, встречалась открыто, не таясь. Искуситель располагал полным дьявольским набором: импозантной внешностью, оттененной дорогой одеждой вкупе с хорошими манерами, умопомрачительным авто, да не одним, а целым автопарком. В воздухе запахло разводом, что в планы Ильи никак не входило. Тогда, наугад, он сделал ход конем, приведя Иванну в дом. Бинго! Мать сразу образумилась и стала прежней тихой пожилой женщиной, мечтающей о внуках и счастье сына.

Оставался последний маленький нюанс — убрать копытного в другой огород.

— Подождите, — крикнул Илья, бросаясь наперерез собравшейся отъезжать машине.

— Вот клоун, — тихо сказал водитель, поворачивая ключ в замке зажигания. — Откуда он только взялся?

Один из респектабельных переулков в центре города был давно поделен исключительно между офисами. Отреставрированные особняки конца XVII века, кованые ограды, утыканные видеокамерами, редкие прохожие.

— Расслабься и дай отбой своим, — сказал Александр. — Сомневаюсь, что юноша совершит на меня покушение. Можешь пойти подышать воздухом, а мы поговорим.

Водитель улыбнулся. Рабочий день на сегодня был закончен, что означало возможность проявления человеческих эмоций, но в пределах разумного. Буркнув что-то в рацию, он вышел из машины. Мимо Ильи тихо прошуршал шинами «Хаммер» охраны.

К сыну Светланы Александр испытывал стойкую антипатию, чувствуя в нем соперника. Они много разговаривали со Светланой, и как только разговор заходил о сыне, ее голос теплел. Она обожала своего мальчика, не замечая, что он копия отца с поправкой на возраст. Из-за него она готова была забыть о том, что она женщина, оставаясь с мужем, боясь, что развод — «серьезная психологическая травма для ребенка в такой сложный период». Мало занимаясь сыном в детстве, она решила похоронить себя ради него в зрелом возрасте. На чувстве вины сынок играл, как профессиональный музыкант, без ошибок, периодически с грустью в голосе заводя: «А помнишь, как вы отправили меня в лагерь, и я неделю плакал, так скучал без тебя», или наоборот, с горящим взором бросал обвинения, что все одноклассники ходили в спецшколу, а его возить было

некому и некогда, поэтому английский у него на троечку, а вот если бы мама больше думала о нем, чем о собственной карьере, то сын давно бы в Америке доллары зашибал. Светлана слушала и соглашалась, глядя на его капризы сквозь призму материнской вины.

— Здравствуйте, Илья, — обратился Александр к молодому человеку, выходя из машины.

Илья, провожавший завистливым взором автомобиль с охраной, дернулся при звуке собственного имени, уставившись на мужчину недоуменным взглядом.

— Вы меня знаете?

Александр великодушно улыбнулся.

— Как и то, что ты следил за мной и за своей матерью. Так о чем будет наша беседа?

— Зачем она вам? — раздосадованный Илья бросился с места в карьер. Старый козлина сбил его подготовленную речь. Откровенной грубостью приходилось прикрывать неуверенность, поэтому он добавил, глядя прямо в глаза: — Вы же все равно ее бросите. Куда она потом, когда надоест вам, и вы ее оставите? Отец не простит ей измены.

Слова донеслись до водителя, стоявшего в нескольких метрах. Тот присвистнул, но вовремя сообразив, что позволил себе лишнего, отошел подальше.

Последовала пауза. Александр всматривался в лицо Ильи, пытаясь зацепиться взглядом за какую-нибудь черточку, напомнившую ему лицо любимой женщины, чтобы не сорваться и не дать этому молокососу в морду. Наконец, справившись с бушевавшими внутри эмоциями, глубоко вздохнув, он предложил:

— Илья, я так понимаю, разговор будет долгим. Может, пойдем перекусим? — и сразу добавил: — Естественно, ты выбираешь ресторан, кафе, забегаловку или палатку с бутербродами и горячим кофе, и расплачиваешься за свой ужин.

— Хорошо, — вяло согласился тот, — только...

— Ты хочешь добраться до общепита общественным транспортом? — Александр удивленно поднял брови.

— Нет... Я должен... нет, неважно, — Илья окончательно смутился, злясь на себя, что не может цепко пошутить или осадить, как отец.

Желая скрыть смущение, подошел к машине и рванул на себя ручку.

— Дима, — позвал Александр.

Водитель подбежал, щелкнув брелоком на ходу.

— Едем ужинать. Илья покажет дорогу.

Водитель сдержанно кивнул головой.

Александр сел первым, понимая, что попытка быть вежливым приведет к бесповоротному конфузу молодого человека, на языке которого явно вертелась фраза: «Только после вас».

Под последние известия из радиоприемника машина миновала тихие улочки исторического центра, вырулила на проспект. Потянулись шумные центральные улицы.

Илья попросил остановиться.

— Извините, я передумал, ни к чему эти реверансы, давайте здесь поговорим.

— Хорошо, — согласился Александр, делая знак водителю.

Тот кивнул и стал подбирать место для парковки. Свернув на тихую улицу Пушкина, он вклинился на свободное место между зоомагазином и нотариальной конторой.

— Я, это... за кормом для попугайчиков, — пробормотал Дима, вылезая из автомобиля под не требующим пояснений взглядом шефа.

— Итак, наша увлекательная беседа оборвалась на том, что твоя мать заслуживает большего, чем муж, который за три месяца не поинтересовался, где его жена проводит вечера.

— Он интересовался.

— Правда? Ты сам слышал? Можно спросить, когда? По словам Светланы, ты сутками пропадаешь то в универе, то у друзей, а дома появляешься сменить белье и поесть. Вечера ты проводишь в тесной компании с компьютером, а с появлением невесты нетрудно догадаться, что львиную часть свободного времени ты стал уделять ей.

— Она вам все рассказывает?

— Нет, не все. Но бывают моменты, когда ей тоскливо и одиноко, и я единственный человек, который может ее выслушать, не считая рассказ о ее заботах и переживаниях пустой бабской болтовней. Вот ты мне скажи, защитник семейных ценностей, что ты знаешь о жизни своих родителей, предлагая их на конкурс «Идеальная пара года»? Ты знаешь любимый мамин фильм или дату ее знакомства с отцом? Тебе же наплевать на ее чувства, слезы по ночам в подушку. Она, как кухонный комбайн, который должен стирать, готовить, убирать и быть вечно сыночку поддержкой. Видишь, ты ухмыляешься.

Сравнение Светланы с домашним агрегатом Илью насмешило. Он привык, что отец и мать — некая константа. То, что семья может распасться, да еще по вине матери, казалось ему чудовищной нелепостью. Ладно бы отец загулял, обычное дело. Молодое дело, потянуло на

свежатинку. Но мать, да в полтинник, когда нормальные тетки мечтают нянчить внуков и солить по осени капусту! Это никак не вязалось с его концепцией удобной жизни, а главное, их планов с Ивановой, и сильно злило его.

— Оставьте ее.

— Нет, молодой человек, я люблю твою мать, — Александр говорил медленно, подбирая слова. — Моя жена умерла пять лет назад, детей мы не нажили, жена так хотела, глубоко уверенная, что дети отдаляют женщину от мужа, что она не способна на любовь в квадрате. Похороны, соболезнования. Я ушел в работу, завел два-три хобби. Помышлял даже жениться на молодой и длинноногой, чтобы она подарила мне сына, но понял, что вместо одной проблемы, хандры, у меня будет целый букет, и сбежал. Твоя мать спасла мне жизнь дважды. Первый раз буквально вернув с того света. Второй — подарив мне свою дружбу и доверие. М-да, поразительное слово «доверие», немного интимное. Ввериться судьбе. Отдаться на суд божий. Немного наберется в моей жизни людей, которым я доверяю. «С тобою чувствами сливаюсь, В речах веселых счастье пью; Но дев коварных не терплю, И больше им не доверяюсь», — продекламировал он и умолк.

Илья молчал. Александр откинулся на спинку сиденья, не глядя на собеседника. Затем повернулся и, как ни в чем не бывало поинтересовался:

— Кстати, ты, я слышал, толковый айтишник. Может, в один из наших филиалов? Мы постоянно набираем новые кадры.

— Купить хотите, — Илья гордо вскинул голову.

— Почему бы и нет, в любви подкуп не возбраняется. К тому же я предлагаю тебе работу на износ и соответствующую зарплату, а не пособие получать, — почувствуй разницу. Тебе уже двадцать четыре года, жениться собрался. О будущем пора подумать. Ты же не за вашу семью борешься, а так, потекаешь своему детскому эгоизму.

— Неправда, мне отца жаль, — тихо сказал Илья.

— А-а-а, мужская солидарность. «Потому что Ему можно, а ей нельзя», — процитировал Александр известные слова Михалкова. — Поразительно, по идее ты должен бы встать на сторону матери, как защитник, но нет. Вот и воспитывай, расти детей, а они, оперившись, начнут осуждать и диктовать родителям, с кем и как жить.

— Но у вас хотя бы с мамой ничего не было?

— Господи, — Александр расхохотался громко, заразительно, — ну какая разница, «спал или не спал»? Успокойся, сестричкой или братиком я тебя вряд ли порадую.

Илья покрылся красными пятнами. Пошловатый киношный вопрос вырвался у него от бессильной ярости, что он выставил себя полным идиотом, приняв по-глупости за флирт, легкую интрижку отношения между матерью и этим мужиком. Предположить серьезные чувства он никак не мог. Горький вкус поражения и стыда придавало ситуации и то, что Александр большую часть времени разговаривал с ним вежливо, но как с трехлетним.

— Моя будущая жена ждет ребенка, — брякнул Илья первое, что пришло в голову.

Александр задумался. Так вот откуда ветер дует. За последнюю неделю Светлана дважды отказалась встретиться с ним, найдя благовидные предлоги. До настоящего момента он предпочитал думать, что это временные трудности, иногда принимаясь искать причину в себе. По сто раз на дню пересыпал из одного сосуда в другой их последний со Светланой разговор, упорно отыскивая то самое случайное слово, после которого она могла так резко охладеть к нему. Теперь причина стала ясна. Такая женщина, как она, всегда выберет семью, а не просто мужчину, потому что чувство ответственности развито в ней сильнее, чем гендерные признаки. Если же Николай еще и чуток изменился, стал более внимателен к жене, то шансов у него, Александра, почти нет. Александр горько усмехнулся. Он мог заполучить любую красавицу в этом городе, но единственную желанную женщину он не в состоянии ни купить, ни завоевать!

— Спасибо, что предупредил.

— Это вы о чем? — не понял Илья.

— О том, что против меня решили выставить тяжелую артиллерию в качестве внука.

Илья нутром ощутил, что удар попал в цель, и решил дожать противника.

— Я поэтому и хотел с вами встретиться, — продолжал он сладким голосом, позволив себе снисходительно улыбнуться. — В прошлое воскресенье мы с Ивановой сообщили родителям об ожидаемом прибавлении. Мама была счастлива. Мы долго разговаривали в этот вечер, строили планы на будущее, а за ужином отец одел на руку маме кольцо, очень дорогое, в знак нового начала. Мама растрогалась и согласилась.

— Ты романы писать не пробовал?

— Чистая правда. По этой причине мама с вами и рассталась без объяснений, — фраза была брошена наугад, но по исказившемуся на долю секунды лицу Александра он со злорадством отметил, что попал в точку.

Ага, значит, действительно мать решила дать отцу второй шанс. Идея прийти и поговорить была не такая уж и бредовая. Может, теперь он отстанет от нее без выяснений отношений, и все станет как раньше.

Любимая женщина, похоже, предпочла его законному супругу, это как раз понятно: новый старт, внуки, — но вот осознание того, что ее чувства к нему были так слабы, что она вмиг о них забыла... Он ведь не мог ошибаться, читая в ее глазах нежность и обожание. Неужели не было мучительного процесса выбора между ним и Николаем? Неужели он не сумел воодушевить ее своим искренним отношением, где дружба переросла в сердечное влечение. Он не успел ей сказать, что только любовью жив человек.

— Хорошо, молодой человек, я приму вашу информацию к сведению, а сейчас прошу меня извинить, время позднее, хотелось бы перед сном поужинать. Вас с собой не зову, понимаю, что у вас теперь другие заботы. Всего вам наилучшего. И Александр вышел из машины.

— Дима, я пройду пешком. Здесь за углом бар «Привет», так что ставь машину на стоянку и подходи, — и зашагал, не оглядываясь.

Холодный ветер развеивал полы его пальто, стараясь забраться внутрь и устроиться там поудобнее. Шарф Александр оставил в машине, но не кутался в воротник пальто, вжимая голову в плечи от пронизывающего ветра. По привычке он двигался быстро, легко, с достоинством, хотя на душе лежал камень.

Дима открыл дверцу со стороны пассажирского места, Илья молча вылез. Водитель захлопнул дверь, попрощался и спокойно, без надрыва колес, отъехал от тротуара. Илья ухмыльнулся, глядя вслед бежавшим с поля боя противникам с видом героя, оборвавшего косы Медузе Горгоне. Он был безумно счастлив и, достав телефон, тут же набрал номер Иванны.

Названный Александром бар был обшарпанной забегаловкой. В каждом городе бывшего Советского Союза имеется сие культовое заведение. Никакого декора, серый бетонный пол с прикрученными намертво высокими столиками, пара-тройка тусклых лампочек в сигаретном дыму. Здесь редкость появление женщины. Исключение составляют местные падшие алкоголички с сизыми носами, которых всегда, в силу обычая, угощают на халяву. В таких местах царит демократия и равенство сословий: профессора и слесари равны, каждый человек получает плохо вымытый стакан с пивом или рюмку дешевой водки.

Мужчины со средствами приходили сюда, когда душа просила песни, когда она болела и страдала, предпочитая плохо освещенное замызганное

помещение приличному современному бару. Здесь пропускали по кружечке после работы или напивались до чертиков, всплакнув на плече час назад обретенного друга.

— А может, мы ее мужа грохнем? — предложил Дима, сдувая пышную пену.

— Нет, это не выход, — Александр заливался до самых бровей очередной стопкой водки, запивая томатным соком, налитым из огромной пятилитровой банки, которые делали где-то в области специально под заказ, с железной крышкой, резиночкой и ржавым ободком. — Надо, чтобы невеста отказалась от жениха.

— Он должен ей изменить?

— Неправильно, он должен потратить много денег на соперницу, — рассмеялся шеф, водка начинала действовать. Затем резко оборвал смех и с какой-то звериной тоской в голосе сказал:

— Я был так счастлив в эти месяцы. Думал, наконец нашел женщину, с которой буду не доживать, а жить, разделяя общие радости. Ты молодой еще, не понимаешь. Старость, она ведь чем страшна? Тем, что нет любви, пропадает смысл вставать по утрам, зарабатывать деньги, покупать новый костюм. Иногда встретишь где-нибудь в Европе или у нас прогуливающих под ручку старичков, и зависть поднимается аж до горла. Не на молодых глядя, а именно на них, уже отдавших свои долги государству, семье, обществу и живущих только друг для друга. Ты замечал, что у них как бы нимб над головой? И из глаз словно свет струится. Старость — это время наслаждаться жизнью в райском саду на земле, но если рядом нет родного человека, то она превращается в ад. Тебе не с кем поделиться своим восторгом по поводу прочитанной книги, нет желания посмеяться над хорошим фильмом, тебе наплевать на Париж и все его красоты. Я думал, вот она, синяя птица счастья, можно с работой и политикой завязывать и начинать жить, а тут приходит маленький ублюдок и рушит все, — Александр с такой силой сжал рюмку, что она лопнула с тихим хлопком.

Обитатели рюмочной без эмоций продолжали рассматривать жидкость в своих стаканах. Подошла бабулька в синем халате, собрала мусор, тряпкой вытерла стол.

— Слушай, вот скажи, — заинтересовался Александр, когда ему принесли новую посуду, — ты знаешь, почему тряпки, которыми вытирают столы, всегда черные? Они их такими угольными покупают или они просто грязные?

Дима пожал плечами.

— Загадка природы, — шеф поднял палец вверх. — Ну, вздрогнем. Он опрокинул очередную стопку.

— А она цепляется за эту старую тряпку, не понимая, что сколько не вози ты ей, чище, светлее на душе не станет. Одни грязные разводы и самовнушение о спасении семьи. А душа — вещь нежная, вранья не прощает и мстит за предательство больно. Никакие адвокаты не отмажут, общественное мнение и чувство долга не помогут. Перед богом сможешь оправдаться, он все поймет, а вот когда собственная душа призовет к ответу, попадешь в ад к чертям на сковородку. Но разве я могу смотреть, как любимая женщина падает в преисподнюю, когда она сама не ведает, что творит. Хотелось обойтись без жертв, но юноша глуп и сам лезет в капкан.

— Неспроста вас Мефистофелем кличут, — Дима спрятал улыбку, в очередной раз отхлебывая из бездонной кружки. Его задача была поддержать компанию и присмотреть за шефом.

— М-да... Падший ангел, дух отрицания и сомнения. Но это прозвище я приобрел, Дима, за веселый нрав, за подход к делам с иронией и презрением к человеческим слабостям. Азартное манипулирование политиками, банкирами, менеджерами, учеными, с улыбкой, под звук фанфар, под гром аплодисментов нынешних и будущих жертв. Жизнь — забавный покер, где проигрыш — это встреча «костлявой», — грустно усмехнулся Александр. — Но я всегда был справедлив, это ты должен отметить! Я никого не убил, никого не разорил. Эти люди потеряли свои деньги, красивых женщин и бизнес сами, сыграв со мной на свою загубленную душу. Я всегда ставил лишь на «зеро», на их пороки. И всегда выигрывал, потому что пороки есть у всех. А у кого нет, с теми я не играю. Хорошо еще, хватало ума не давать им шанса отыграться.

Дальновидность следовало обмыть, очередная стопка отправилась в жерло вулкана в надежде погасить пожар в душе.

— Девушка где-то работает, что означает наличие начальника, а начальники терпеть не могут декреты, в отличие от девушек не мечтают выйти замуж, у них уже имеются жены и дети которые грезят или о машине, или о шубе, или... — он выжидательно посмотрел на Дмитрия.

— Вакансия в столице, — выпалил тот через секунду. По реакции шефа было видно, что угадал. Дима расплылся в улыбке и позволил себе премиальный глоток пива.

— Вот теперь правильно рассуждаешь, а то — грохнем... Рэмбо выискался, — шеф стремительно пьянел.

— Это я так, чтоб разговор поддержать, — потупился Дима.

— Короче, узнай, что за фифочка, место работы, положение, а дальше

по схеме.

— Слушаюсь.

— И давай домой, устал как собака.

Найдя ответ на мучивший его вопрос «что делать?», Александр сник. Алкоголь наконец-то подействовал в полной мере, словно до сего момента ему не давала развернуться мозговая активность хозяина. До машины пришлось идти, опираясь на плечо преданного, как пес, Димы.

ГЛАВА 39

В связи с надвигавшимся Первым мая рабочий день был «короткий», курсы перенесли на пять часов, но мотивация подруг была на нуле. Лариса, опасаясь увольнения, в отпуск ехать не могла, поэтому огни большого города отодвигались на неопределенный срок.

К тому же погода располагала к удовольствиям и развлечениям. На исходе апреля природа традиционно одарила горожан несколькими почти летними деньками, готовя к неотвратимости майского похолодания. Горожане, привыкшие к резкой смене погоды, не спешили расставаться с пальто и куртками. Кто-то, изнывая, брел в расстегнутом пуховике, засунув шарф в карман. Кто-то нес на руке сложенный плащ. Кто-то смело остался в пиджаке, считая, что успеет добежать до дома раньше, чем на область обрушится давно обещанный арктический циклон.

Только сейчас Лариса поняла, как же тяжело несчастным школьникам, студентам высидеть часами за партой, когда на улице солнце, ветерок манит то ли в море, то ли в горы, а голова легкая и пустая, как перед экзаменом. Довольные, как сытые кошки, три прогульщицы сидели на скамейке в парке, мечтательно глядя на плывущие по небу облака. Даже в «Попугай» в этот чудный день им было лень идти. На посыпанной мелким гравием дорожке показалась опаздывающая Света. Она огибала цветущие клумбы, охваченные муравьиным порывом озеленителей в оранжевых жилетах.

Светлана была как на ладони. Подруги наблюдали за ней, нежась в лучах капризного весеннего солнца.

— Красиво бежит. Торопится, — констатировала Наталья.

— Кофточка на ней миленькая, — отметила дальнозоркая Валентина.

— Ага, вместе покупали, — сообщила Лариса. — Я ее три часа в магазине уговаривала. Она их, оказывается, выбирает на глаз, а потом удивляется, что одежда не подходит, плохо сидит, сборится на груди. Я заставила ее примерить блузочку на два размера больше, а еще через час мы наконец-то добрались до вешалки со страшными цифрами 50–52. Помоему, это был ужасный момент в ее жизни. Она пережила культурный шок.

— Ты просто далека от мира крупных и широких, — вступила Валентина. — Производители одежды ненавидят женщин. Я толстая, старая, — она мягко накрыла Ларисину руку ладонью, чтобы успеть

закончить фразу. — Об этом мне усиленно намекает европейский производитель совместно с российским и китайским. «Ты размер XXL, толстозадая старая корова. Ну минимум XL. Иди в отдел старух и там закупайся». Однако «Адидас» тихо шепчет, что я спортивный тип размера L. А камуфляжные брюки для стройного полковника убеждают: «Ты M, и нечего так страдать», — закончила она, пожав плечами.

— Не в штанах счастье, — подытожила Наталья, потратившая на днях небольшое состояние на открытии торгового центра.

— Девочки, мы сейчас едем на кастинг, — выпалила запыхавшаяся Светлана, аккуратно поставив сумку рядом с Натальей. Места для четвертого на скамейке не было предусмотрено, что соответствовало русской традиции «на троих».

— В кино? — поинтересовалась Наталья, шаря ногой под скамейкой в поисках сброшенной туфли.

— Ага, три танкиста и собака, — с ленцой в голосе отозвалась Лариса, глядя на подруг поверх солнцезащитных очков.

— Нет, в рекламе. Случайно столкнулась с приятелем Александра, познакомились на выставке месяц назад. Какой-то его продукт.

Лариса достала пудреницу и подкрасила губы.

— Я бы с удовольствием, — сообщила она, заглядывая в зеркальце то одним глазом, то другим. — Надо будет SMS послать, что сегодня задержусь.

Обретя обувь и возможность реагировать в движении, Наталья вскочила, чуть не уронив сумку опоздавшей.

— Ты с Олегом помирилась?

— Скажем, у нас, как у мусульман, религиозный праздник рамадан, когда орудия умолкают и начинается молитва. Удобно, когда противник не в курсе, что война уже объявлена.

— То есть вы молитесь, — съязвила Светлана.

— Ага, богу любви и секса. А у тебя как? Вы хоть спите вместе?

Три пары глаз уставились на обладательницу двух мужчин, один из которых законный муж.

— Спим, — спокойно ответила она.

— Как большие? — не удержалась Наталья.

— Мы с Колей вернулись в большой секс. Еще вопросы или перейдем к кастингу?

— С Колей?! — разом воскликнули Наталья и Валентина.

— А что вы так возбудились? Он мой муж. Да, у нас был трудный период, мы отдалились друг от друга. Именно после встречи с

Александром я поняла, что с мужем надо разговаривать, а не читать по глазам. Да, у Коли тяжелый характер, ему надо постоянно напоминать, что он женат на женщине, а не...

— У него Альцгеймер? — зло перебила ее Лариса, к которой вернулся дар речи.

Светлана с изумлением взглянула на подругу, как будто видела ее впервые.

— Как тебе объяснить...

— Я тебе сама объясню! Если страшно разводиться, можно внушить себе, что муж — это младший брат-дебил, он меня любит и без меня пропадет. Материнские чувства в нас неисчерпаемы.

— Кто бы говорил, — как можно более холодно отбила мяч Светлана.

Валентина заерзала на скамейке. Наталья хмурилась, обрывая листочки с куста сирени. У ее ног на газоне уже скопилась небольшая горка зеленого мусора.

— Когда в следующий раз ты скажешь в сердцах самой себе «какая же я дура!», а такой момент обязательно будет, так как он бывает у всех нас, вспомни мои слова. Только одни произносят эту фразу в ответ на какие-то житейские мелочи, а другие — глядя на свою прожитую жизнь. Женская чуйка подсказывает мне, что тебе придется сказать ее однажды по второму поводу.

— Ты хочешь поругаться, — отчеканила Светлана.

Щеки пылали, фраза далась с трудом. Повисла тишина. В голове Валентины пронеслось: «Может, о погоде разговор завести, мол, небо такое синее-синее». По лицу Ларисы пробежала тень. Она колебалась. Ей хотелось поставить замечтавшуюся подругу на место, привести неоспоримые доказательства, что она, Лариса, права, так как в гендерных отношениях разбирается лучше, чем Светлана. Боевой настрой тихой скромницы удивил ее. Ссора, тем не менее, была лишней.

Стараясь улыбнуться как можно более естественно, она промолвила:

— Прости, я просто устала, действительно, это твоя жизнь. Так когда ехать? Курсы все равно прогуливаем.

— Сейчас, — Светлана с облегчением вздохнула. Извинения подруги освободили ее от мучительной сцены, которая возникла бы, если бы ссору пришлось продолжать. Она с таким трудом успокоила растревоженную душу, а Ларка-садистка так и норовит туда пальцем ткнуть и поковырять для собственного удовольствия.

Лариса взглянула на часы:

— «Уж полночь близится», во сколько точно кастинг?

— Нам к семи вечера туда, им надо в сумерках снимать. Часа два на кастинг, к десяти-одиннадцати вечера будем дома.

— А помыться-побриться-подкраситься? — заволновалась Наталья, лишая куст последней надежды встретить лето зеленым. — И далеко ехать?

— На природу, — объяснила Светлана.

— Тема «Есть женщины в русских селеньях?». Вместо лошади впрягать будут?

— А сколько человек надо? — поинтересовалась Валентина. Она была согласна даже на роль телеги, лишь бы не ехать домой, где гробовая тишина и забытые игрушки напоминали о ссоре с дочерью.

— Много. Сюжет банальный: одноклассники через тридцать лет встречаются в лесу, на закате...

— И пьют пиво «Больной мельник»? — закончила фразу скривившаяся банкирша.

— Фу, терпеть не могу, — раздраженно сказала Наталья, поправляя отросшую челку, которая норовила попасть в глаза. До парикмахерской она опять не дошла, третью неделю размышляя, что на хорошего мастера надо много денег, а на плохого — красивый череп, на случай, если предстоит бриться налысо.

— Если всех статистов поить, то денег на рекламу не останется, но, может, они будут гонорар выдавать спиртным? — предположила Валентина.

— Что вы заладили «пиво, пиво», может быть, там про крем для бритья? Я не уточняла.

Наталья вопросительно взглянула на Светлану. Та улыбнулась.

— Потому и снимают на природе, и теток приглашают, чтоб они одним тюбиком через тридцать лет побрили заросшие подмышки и ноги, — бурное воображение Натальи работало на зависть.

— Странные вы какие-то, — возмутилась Светлана. — Ларка постоянно бубнит, что надо осваивать новые горизонты, расти над собой, вы ее поддерживаете, а как что, так сразу в кусты.

— Так там жизнь, — с театральной грустью заметила почитательница «Камасутры», — а здесь что? Нет, я никоим образом не отговариваю, я даже очень рада.

Она поднялась.

— Куда едем? Наталья, хватит куст щипать, что ты переживаешь из-за ерунды? У тебя в бауле косметики как в магазине, есть чем красоту подправить.

— Неправда, у меня там слезы, позор женщины. Смотри! — Наталья

высыпала доказательства на скамейку. Она сильно нервничала, ругая себя, что именно вчера отдала любимое платье от Гуччи в химчистку, и утром пришлось надеть черную юбку и белую блузку, нарядик школьницы. Шикарно подойдет для старых извращенцев из интернета, а не для приличного рекламного ролика.

— Видишь, тушь маленькая, пробник, дезик, румяна, карандаш для губ, помада, маскирующий карандаш, салфетки для снятия макияжа, точилка, бретельки прозрачные на всякий случай, «женское», — показывая на «тампаксы», — таблетки от головы, пудра, основа под крем-пудру, крем-пудра...

— Тормози, — взмолилась Лариса, — мы до завтра в твоём мешке будем копать. Валюш, скажи нам честно, что из декоративно-прикладного у тебя в котомке?

— У меня пудра и помада, губы сохнут, приходится подкрашивать, — смущаясь своей заурядности, сообщила та.

— Учись! И цвет лица, заметь, у нее лучше, чем у нас троих.

— У Валюшки внутренний мир во все стороны прет, а мне бог не дал мира, поэтому мне его рисовать на морде лица приходится, — заныла Наталья, собирая атрибуты женственности обратно в открытую сумку.

— Да твои глаза никакой косметикой не замажешь, — обняла подругу Лариса, — улыбнись и поехали покорять спонсора.

— Мне сказали, что кастинг будет в поселке Медный, — уточнила Света.

— Понятно, три дня на оленях по тайге, а потом на тракторе по старому тракту. Ты представляешь, что от моей «девочки» останется, когда я в ту глушь поеду? В общем, план таков: я довезу до черты города, а в попу мира мы едем на такси, — достав мобильник, Лариса быстро набрала номер популярного городского «извозчика».

— Стратег, — с восторгом посмотрела на нее Валентина, как только трубка была спрятана в карман.

— Нет, мне просто машину жалко. Между прочим, девицы, вы когда своих коней заведете? Почему всегда я? Нет, я не отказываюсь возить, но я принципиально против поощрения вашего бездействия. Ладно, я мирюсь с тем, что Наталья ленится эпилировать зимой волосяное покрытие ног выше колена, Светланка царапает когтями кафель в бассейне, а Валюшка носит брюки мужа, радуясь, что они мужского размера М. Но женщина в двадцать первом веке без машины, это как в девятнадцатом без любовника — позор и моветон, мои девочки, — выдала она на одном дыхании.

«Обвиняемые» привычно молчали, рассматривая небо.

— А теперь плечи расправили, отбросили грустные мысли, и красиво, как стюардессы в кино, с левой ноги, и-и-и «раз»...

Глядя на четырех женщин, с улыбкой идущих по площади, молодежь думала, что тетки совсем умом тронулись, мужчины с интересом смотрели им вслед, втягивая пиво-пельменные животы. Ровесницы завидовали, шепча товаркам: «Ну ты только взгляни на это! Конечно, хорошо этим богатеньким, а попробовали бы, как мы, утром на работу, вечером в магазин, посмотрела бы я, как они зашагают, да на таких каблучицах».

Где-то через час четыре грации добрались до конечной остановки двадцать шестого автобуса. Бетонный козырек был сверху донизу расписан монстрами и каракулями. Граффити пересекала свежая трафаретная реклама «веревка 555-55-55».

— Краткость — сестра таланта, — скривилась Лариса.

— Тянет дописать: «купившему пять метров — кусок мыла бесплатно», — пошутила Наталья и только после этого огляделась. — Девочки, это что?

— Как что? Край.

— Лар, а такси на край ходят?

— Спокойствие, все будет в ажуре. Видишь, кафе «Три поросенка», великолепный ориентир для таксиста, — Лариса развернулась и припарковалась почти у входа в заведение.

По количеству машин — «Жигули», одна штука — Шерлок Холмс определил бы, что поросят уже съели, и транспорт принадлежит оставшемуся в живых волку. Вряд ли поросенок, взявший кредит на строительство каменного домика, ездил бы на потрепанной «шестерке». Они зашли внутрь, пытаясь разглядеть ступеньки в полумраке кафе. Зал был оформлен по мотивам избышки на куриных ногах, «под старину», скамейки и столы из цельного дерева, несложный декор явно исполнен на заказ в одной из исправительных колоний, в изобилии понатыканных в губернии еще с царских времен. Обитали там люди мастеровые и за небольшие деньги по договору с начальством могли запросто сварганить и шкаф, и теремок. Главным украшением зала был огромный очаг с котлом, явно предназначенным для варки небольшого слона. По всем признакам заказчики и оформители сказок никогда не читали, но очень хотели там оказаться.

— М-да, я всегда думала, что жизни за городом нет, а оказывается, — Наталье кафе понравилось, и она расположилась на скамейке, сбросив нещадно жмущие туфли на девятисантиметровой платформе. Она с удовольствием носила бы кроссовки или тапочки на плоской подошве, но

рядом с подругами ощущала свой незавидный рост. Даже на фоне Ларисы, которая подавляла скорее авторитетом, она казалась себе паркетной собачкой. Каблуки добавляли ей десяток сантиметров уверенности.

Валя с Ларисой направились к барной стойке. Стоявший за ней официант яркой наружности развлекался с антикварной вертушкой для помывки стаканов. В незапамятные советские времена такой агрегат украшал каждую бочку с квасом или пивом.

— Здравствуйте, дайте, пожалуйста, сок, — попросила Валентина.

— Какой, милая? — спросил мужчина, отрываясь от увлекательного занятия.

— Томатный.

— Прости, красавица, — сосредоточенно глядя прямо «в глаза» обширному Валиному декольте, ответил бармен, — нет такого.

Для убедительности он развел руками и поскреб буйно пробивавшуюся на подбородке щетину.

— Извините, — Валентина собралась уже отойти, но споткнулась о Ларису.

— Как это «нет», а это что? — строгим голосом школьной старосты поинтересовалась она, указывая идеально наманикюренным ноготком на выстроившиеся рядком в холодильнике маленькие бутылочки.

— А, это? Так бы и говорила «памыдорный», да, — воздел палец к бревенчатому потолку бармен. — Савсем русский язык забыли.

Издав звонкое «чмок», банка открылась, кроваво-красная жидкость полилась в стакан.

— Держи, красавица, — он подал сок Валентине, — пей на здоровье.

Неожиданно в тишине пустого зала раздалось:

— Такси заказывали?

Все обернулись. На последней ступеньке лестницы стоял невысокой, идеально выбритый мужчина в костюме и при галстукке. На голове красовалась летная фуражка. По легкому акценту можно было предположить, что бармен и «летчик» родом из одной республики, но «земляки» не кинулись друг к другу и даже несколько насторожились. По всему выходило, что родились они по разные стороны гор.

— Я с ним не поеду, — прошептала Наталья, наклонясь через стол к Светлане, — ты же видишь, он не местный.

— Какая разница? Нас же четверо, — удивилась та.

— Ага, знаю я, он нас завезет...

— И продаст на опыты?

— Смейся-смейся, а по телевизору давеча показывали, вот так же

женщины садились в купе поезда, а там уже целая бригада медиков, и до конечной станции только оболочка доезжала, а все органы тью-тью в арабские страны.

— А ты мечтаешь к шейху целиком доехать, по частям никак? И потом, тебе что, почку для больного шейха жалко? У тебя же их две! — забавлялась Светлана, привыкшая, что Наталья то ломится к намеченной цели, не видя опасности, то впадает в крайнюю подозрительность, посмотрев на ночь «Дежурную часть».

— Прошу пройти на посадку, — обратился водитель к дамам, и исчез на плохо освещенной лестнице.

Валентина достала кошелек. Лариса стала всех подгонять, убеждая, что потрепаться можно и по дороге. Личное транспортное средство она оставила около теремка, уладив формальности с барменом. По его довольной физиономии было ясно, что он будет беречь машину, как и обещал Ларисе, «как собственного младэнца, мамой клянус, да».

Наталья антилопой пронеслась по лестнице и первой оказалась на заднем сиденье авто. Подруги недоуменно переглянулись. Обычно она восседала рядом с водителем, жалуясь, что на заднем сиденье ее укачивает. Шофер обошел машину, тщательно захлопнув каждую дверцу.

— Порядок, — подытожил он и сел за руль. — Пристегнуть ремни безопасности и открыть шторки иллюминаторов. Добрый вечер, уважаемые пассажиры, — продолжал вещать он. — Наш лайнер «Опель Омега» компании такси «На Дубровку» проследует по курсу остановка «Лесопарк» — поселок Медный. Время в пути сорок минут. Нашему маршруту присвоен статус некурящего. Через пятнадцать минут после взлета вам будут предложены прохладительные напитки.

Он выключил улыбку и завел мотор.

— Скорость следования сто километров в час. Температура воздуха за бортом шестнадцать градусов. Обратите внимание, с правой стороны дачный поселок «Заря», с левой — садоводческое товарищество «Машиностроитель». Для поднятия настроения пассажиров наша компания предоставила музыкальную подборку песен известной певицы Аллы Пугачевой. Он нажал кнопку, и машину заполнило: «Жил был художник один...».

Наталья толкнула Валентину, наклонившись, не разжимая губ, зашипела прямо в ухо:

— Он же псих, заговаривает нам зубы, чтобы мы в шоке были и не смогли оказать сопротивления.

— Ты серьезно?

— Он точно с «Агафуровских дач» сбежал, убил водителя и захватил его машину. Потом связался с таксомоторным парком, узнал адрес и теперь везет нас в условленное место, где нас будут расчленять, — вещала любительница «Хроники происшествий», — я сразу догадалась, потому и рванула на заднее сиденье. Ничего, вдвоем с тобой мы его обезвредим. Валюш, пришло время спасать жизнь, свою и своих близких, прикрой меня.

С улыбкой, призванной усыпить бдительность водителя, изредка бросающего взгляды в зеркало заднего вида, она заерзала на сиденье.

— Ты что делаешь? — забеспокоилась Светлана, увидав поднятый подол Натальиной юбки.

— Тише ты, колготки снимаю, — соблюдая правила конспирации, процедила Наталья.

— Зачем?

— У тебя есть монтировка или газовый баллончик?

— Нет.

— И у меня нет, — Наталья продолжала возиться, извиваясь, как уж на сковородке.

— Наталья!

— Что «Наталья»? Я жить еще хочу, а это маньяк. Усмирим его колготками.

— Сдурела? — слегка разозлилась Светлана, представляя, на что способна напуганная подружка.

— Да, окончательно, — огрызнулась Наталья, но потом смилостивилась. — Что ты дергаешься? Убивать до конца не будем, маленько придушим, чтобы властям сдать.

— Свет, ты зря не веришь, всякое бывает, — вмешалась в разговор Валентина. — Натуль, ты его отвлекай, а я тебе подсоблю, — Валентина исчезла в районе ног подруги. Та, широко улыбаясь, принялась подпевать Алле Борисовне.

«Псих» обернулся и одобряюще закивал. Ларису происходящее оставило равнодушной. Пока «галерка» готовилась контратаковать, она SMS-силась с Олегом, перенося встречу на более позднее время.

— Миллион, миллион, миллион алых роз, — присоединилась вспотевшая Валентина, отдавая Наталье черные ажурные колготки.

— Из окна, из окна, из окна видишь ты, — Наталья показала глазами на обозначившийся лес.

— Кто влюблен, кто влюблен, кто влюблен и всерьез, — продолжали они хором, одна — наматывая колготки на обе руки, другая — давая понять

кивком головы «готова».

Неожиданно таксист убавил звук и произнес, сбавляя скорость:

— А сейчас вам будут предложены прохладительные напитки.

— Какие напитки? У нас встреча, — вышла из комы Лариса.

— Не волнуйтесь, дамочка, мы идем по расписанию.

Убрав телефон в карман, Лариса развернулась к водителю, насколько позволял ремень. Леди до последней складки на юбке собралась провести разъяснительную беседу, чтобы невежда раз и навсегда уяснил разницу между «дамой» и «дамочкой». Первая — интеллигентная женщина из хорошего круга, вторая — особа недалекая, городская пиявка, живущая за счет мужчин, уверенная, что знает об этикете все, при этом облизывает пальцы после куриной ножки и собирает соус с тарелки кусочком хлеба.

Но тут зазвонил телефон в кармане таксиста. Дальше происходило нечто необъяснимое. Мужчина побледнел, остановил машину и, затравленно озираясь на пассажиров, ища в них материнскую поддержку, ответил:

— Алло! Кисонька, лапушка, — мурлыкал он в трубку, — конечно, на работе, где же еще. Пассажиры... — тут он замялся, но ответил: — Четыре женщины. Зайчик, но что я могу поделать, я же не виноват, заказ. Куда же я пойду? Я из авиации ушел, тебе стюардессы покоя не давали, в такси я должен кого, по-твоему, возить? — оправдывался таксист, вытирая платком выступивший пот.

Пять минут назад уверенный в себе псевдоманьяк в летной фуражке сдулся, превратившись в обычного мужичка с бегающими глазками. Лариса сардонически усмехнулась, посылая небесам воздушный поцелуй. Когда мужчина с пренебрежением отзывается о представительницах слабого пола, боги наказывают его «дамочкой» в качестве супруги.

— Нет, мое солнышко, я не спорю, я ищу решение, — прикрыв трубку рукой он обратился к притихшим женщинам: — Мы совершили вынужденную посадку в связи с ухудшением погодных условий. Приносим извинения за доставленные неудобства, внештатная ситуация, прошу вас покинуть салон.

— Я никуда не пойду, вы обязаны довезти нас до пункта назначения, — запротестовала Наталья.

Светлана изумленно взирала на начинающую преступницу, еще минуту назад мечтавшую удавить мужика колготками, чтобы вырваться на свободу.

— Вы поймите, она требует, и я должен, иначе она... Я мигом туда и обратно, я вам обещаю, — со слезами в голосе умолял таксист.

— С превеликим удовольствием, — разозленная Лариса выпорхнула из автомобиля, со всей силы грохнув дверью.

Последней, вздыхая, с колготками в руках показалась Наталья:

— Я с самого начала знала, что он псих.

Машина исчезла из виду, оставив облачко вонючего дыма. Лариса похлопала себя по карманам, затем невозмутимо раскрыла сумочку и углубилась в ее содержимое. Потянулись минуты. Лицо ее менялось, брови поднимались, затем сходились на переносице, в завершение две морщинки прорезали лоб, глаза гневно сузились. Она вытряхнула содержимое сумки на пробивавшуюся на обочине молодую травку, с видом Роденовского «Мыслителя» изучила валявшиеся у ног косметичку, портмоне от «Ферре», ключницу, складной зонтик и карманный французско-русский словарь, потом стукнула себя по лбу.

— Точно, в машине выронила. Мимо кармана положила! Валюш, одолжи, пожалуйста, мобильник.

— Держи, — та пошарила в сумке и протянула пульт от телевизора.

— Скажи, что у тебя плохо с глазами, иначе я даже боюсь спросить, какого года выпуска твой мобильник? — задумчиво протянула Лариса.

— Это, наверное, внучки пошутили, — соврала Валентина, пряча свой «дальнозоркий позор» обратно.

— Наталья, как я понимаю, другая сумка, забыла переложить, — голосом прокурора продолжила подводить итоги Лариса.

— Как ты догадалась? — поинтересовалась подруга, не любившая, когда ее уличали в забывчивости.

— Ты же в парке, как на таможне, сумочкой трясла.

Наталья в ответ сморщилась от боли. Ноги в новых туфлях распухли и теперь могли только стоять.

— Светкин мобильник я на днях экспроприировала для сюрприза. Как в плохом фильме, — хлопнула себя по ляжкам Лариса. — Именно в тот момент, когда надо, телефона не будет ни у кого, и даже если бы он был, то наверняка отсутствует связь.

Видя, как она расстроилась, а проще сказать, второй раз за сегодняшний день оказалась не на высоте, Валентина подняла сумку и принялась складывать вещи обратно.

Они стояли, как дозор на китайской границе. С одной стороны начинался лес, с другой на много километров тянулись заброшенные торфяные разработки. Солнце, наигравшись с облаками в жмурки, ушло готовиться ко сну. Слабым молочным контуром в небе проявлялась ущербная луна. От пустынной дороги отделялась и уходила в черноту леса

кривая тропинка, усыпанная прошлогодней листвой.

— Какие будут предложения? — тихо спросила «провинившаяся», не поднимая головы.

— Воспитать и послать почтового голубя? — пошутила Светлана, желая разрядить обстановку.

— Замечательно снялись для рекламы, — вздохнула Лариса, ненавидя себя за потерю контроля над ситуацией.

— Если Валюшка не появится дома в 23:00, Миша объявит план перехват и прочесывание лесополосы. Можно подождать, пока нас найдут, — после захода солнца резко похолодало, и Наталья вздрогнула от прислонившейся к голым ногам вечерней прохлады.

У Валентины заныло под сердцем. Зная, что у жены хрупкое здоровье, и не имея ее в зоне досягаемости, Михаил был способен поставить под ружье половину области.

— Боюсь, что Коля даже не заметит, что я не ночевала дома. Подумает, что поздно пришла, а утром рано ушла, — с потухшим взглядом призналась Светлана.

— Оказывается, у твоего Коли имеются и хорошие качества. Мечта. Даже лучше, чем капитан дальнего плавания, — не смогла сдержаться Лариса.

— Может, вернемся по той дороге, по которой приехали? Часа за два доберемся до кафе, а там и дома будем, — предложила Светлана.

— Девочки, я все понимаю, — Наталья чуть не плакала, вытирая нос колготками, — но я не дойду, у меня каблуки и ноги...

— Предлагаю бросить бойца здесь, — серьезно начала Лариса, — если встретим группу поддержки, передадим координаты.

Она послюнявила палец, подняла его для определения направления ветра.

— Юг, точно. В крайнем случае, юго-восток. Голосуем.

Три руки взмыли вверх.

— Ну что ж, Наталья, остаешься за старшего, — Светлана обняла ее за плечи. — Будешь охранять дорогу на Москву. Если вдруг народ поедет на кастинг или обратно, дашь сигнал — красная ракета. Если же никто не появится, то часа через три мы за тобой приедем. Вот французский словарь, — пошарив в сумке, Светлана извлекла потрепанный томик. — Сиди, учи, чтоб страшно не было. Да и «маньяк» обещал вернуться, сможешь воплотить свой план с колготками.

— Разговорчики в строю, — сдерживая улыбку, сказала Валентина. — Родина своих не бросает. Вот, Мише сегодня купила, — она достала из

сумки две пары толстых носков, оторвала этикетки и передала их Наталье. — Эх, салага, всему вас учить надо. Накупят туфель заграничных, а про портянки тетя Валя помнить должна.

— Каблуки оторвать не надо? — поинтересовалась Лариса.

— Нет! — с ужасом закричала Наталья, пряча туфли. Сапоги с крокодилчиками удалось починить, но шрам навсегда остался в ее душе.

Они пошли по дороге. Небо неотвратимо наливалось чернильной синевой, луна светила все ярче. Водитель, видимо обманул, оставив их умирать. Вдали показались темные силуэты. Подруги прибавили шаг, радуясь, что поблизости оказался населенный пункт. Разочарование было сильным. Вместо поселка обнаружилась очередная развилка. Одна дорога уходила в темноту, а другая начиналась кладбищенскими оградками и покосившимися надгробьями.

— По идее, здесь должна быть деревня.

— А мы должны сейчас пить пиво и сниматься в нетленке.

— Вообще не помню, чтобы мы здесь проезжали.

— Так куда теперь?

— Давайте мимо кладбища пройдем.

— А давайте не будем.

— Ага, испугались! Это же классный способ испытать себя, так сказать, снять стресс. Я давно хотела предложить собраться и повызывать духов, — пояснила Наталья.

— Для чего? — заинтересовалась Светлана.

— Ну, я бы спросила, кто убил Кеннеди.

— Нет, она решила, раз здесь с мужиками не выходит, то стоит в загробном мире попробовать, вдруг там суженый-ряженный попадется.

— А мне идея нравится, я б тоже погадала, карты таро разложила.

— Так, про тебя, Светка, понятно. Не знаешь, как из ситуации выпутаться, то ли Колю любить, то ли Сашу, вот тебе и нужна помощь, так сказать, извне, чтоб потом было на кого все свалить, если неудачный ответ.

— Лучше пойдем по другой стороне, чтобы покой не нарушать, — сменила тему Валентина. — Нечего к оградкам раньше времени приближаться.

— Трусихи вы.

— Знаешь, Наташ, я когда фильмы смотрю, все думаю: это какие же мозги надо иметь, чтоб по стуку в окно бежать куда-то в ночь, а потом еще одной залезать с фонариком в катакомбы, лишь бы узнать, а кто же это там. Теперь я понимаю, что эти фильмы снимались с людьми, подобными тебе.

— Если человека недавно похоронили, то края ограды светятся,

фосфор выходит и оседает на железе.

— Ты это серьезно?

— Вполне, только ничего здесь не светится.

— Ой, девочки, какая луна красивая, давайте повоем.

— Наташка, ты совсем дура или как?

— Нет, мне просто страшно, вот от страха и болтаю не переставая, — созналась Наталья.

И тут темноту разрезали автомобильные фары.

— Девочки, — в ужасе заорала Наталья, — маньяк возвращается!

В ее голосе было столько животного страха, что все рванули к могильным крестам, упали лицом вниз и затаились. Машина на полном ходу пронеслась мимо.

«Пи-пи», — раздался звук, предположительно с соседней могилы. «Пи-пи», — звук повторился. Подруги подняли головы и уставились в темноту, пытаясь выявить источник звука.

— Что это?

— Птичка какая-нибудь? — предположила Валя.

— Похоже на телефон, только откуда он здесь?

Лежать на земле было холодно, но встать и посмотреть было страшно.

— В газете писали, что в девяностые было модно хоронить братьев по оружию с большими почестями. Помните, по телеку почти каждую неделю показывали очередного отстреленного? — начала Наталья. — Так вот, в могилу клали самые дорогие его сердцу предметы, как у фараонов.

— Что ты говоришь?

— Темная ты, Лариска, необразованная, — взяла реванш Наталья. — Гробница Тутанхамона стала одним из величайших археологических открытий XX века. Восемнадцатилетний фараон был похоронен с фантастической роскошью: только на его мумии размещалось сто сорок три золотых предмета, сама же мумия хранилась в трех вставленных друг в друга саркофагах, последний из которых, длиной метр восемьдесят пять, был сделан из чистого золота. Кроме того, в гробнице были найдены царский трон, украшенный рельефными изображениями, статуэтки царя и его супруги, множество ритуальных сосудов, драгоценности, оружие, одежда и, наконец, великолепная золотая погребальная маска Тутанхамона, точно передающая черты лица молодого фараона.

— Наталья, у тебя прекрасная память на бесполезную информацию, — восхитилась Лариса. — Но ты забываешь, что я была в Египте. И к чему ты ведешь, я не понимаю.

— Я думаю, что это мобильник, который закопали вместе с хозяином,

но я его откапывать не пойду.

— Какие «братки», какие мобильники? Здесь уже давно никого не хоронят. Да и какой телефон столько выдержит.

— А... ну да. Но знаешь, мне маман рассказывала, одна ее знакомая похоронила мужа, и вот однажды он приходит к ней во сне, рассказывает, как он на том свете поживает, кого из общих знакомых встретил, с кем общается, чем занимается, а в заключение жалобно так говорит: «Ты б хоть мобильник мне принесла, что ли, так хочется позвонить тебе». Она, конечно, на следующий же день на кладбище поехала и телефон положила под камень, цветочками прикрыв, чтоб не украли.

— И позвонил? — спросила Светлана, вставая и отряхиваясь.

— Свет, не ходи туда, вдруг у них там совещание.

— Кончайте глупости молоть и давайте поднимайтесь, нечего органы морозить. Я мертвых на своем веку повидала, телефоном никто из них пользоваться не умел, — она скрылась в темноте.

Подруги поднялись. Через минуту вернулась Светлана, державшая в руках Натальину сумку, в которой пищал телефон.

— А откуда у меня мобильник? — Наталья была удивлена и растеряна. Она взяла сумку, пытаясь найти источник звука. — Вспомнила, тут же кармашек потайной, для телефона, я потому сумку и купила, чтобы телефон не терялся, и чтобы не украли.

Подруги молчали. К чему слова?

Наталья достала трубку и ответила.

— Наташенька, это Михаил! Ты случаем не знаешь, где Валюша? Десять вечера, а ее до сих пор нет.

— Миша, миленький, ты не волнуйся, она на кладбище, — радостно затарахтела Наталья. — Мы на кастинг ехали, а таксист психом оказался и выкинул нас около леса. Лариска забыла у него телефон, а у Валюшки только пульт от телевизора оказался. Я бы давно позвонила, да ноги совсем отказали, и все из головы выскочило. Я так рада, что ты позвонил. Ты нас спасешь?

На другом конце провода повисла тишина.

— Бум, — сказала Светлана, — звук падающего тела.

Валентина забрала у Натальи трубку.

— Миша, успокойся, у нас все в порядке, все живы-здоровы, но заблудились. Мы недалеко от города отъехали, от остановки двадцать шестого автобуса по старому тракту в сторону поселка Медный. Там еще кладбище по правой стороне. Хорошо, никуда не движемся, сидим и ждем тебя. Целую, родной, — и она отключилась.

— А вообще, это очень хорошая идея была, пойти в сторону кладбища, — зловеще начала Лариса, глядя на Наталью.

— Лар, ты сама виновата, сказала, что сумка другая, а я про кармашек забыла, — заблеяла Наталья.

Окончательно спустившаяся темнота спасла Наталью от безвременной кончины от стыда, а молниеносно примчавшийся полковник — всех четверых от пневмонии.

ГЛАВА 40

— Светик, спасай, два приглашения на прием, а Олег болен. Подруги пересеклись в обеденный перерыв у японцев.

Лариса обожала суши. На Светлану сырая рыба навевала тоску. Один раз она была в японском ресторане с коллегами по работе. Заведение называлось «Ем Сам» и выглядело вполне респектабельно. Посетителей заставили снять обувь, усадили на подушки перед низкими столиками. Сидеть было неудобно, ноги затекали, суставы ныли. Кроме перечисленных неудобств Светлане запомнилась еда в глиняных горшочках с иероглифами, полусырой рыс и сырые морские гады, которые хрустели на зубах. Экзотику медработники запили коньяком, с презрением отказавшись от подогретой рисовой водки. После Светлана все выходные мучилась тошнотой, навсегда возненавидев японскую кухню. Даже уверения Ларисы, что в этом ресторане все иначе, не могли переубедить ее. Она заказала свинину в сладком соусе с рисовой лапшой. Не сказать, что писк поварского искусства, но количество сахара в пикантном соусе заглушало вкус блюда. Лариса смаковала сашими, перейдя на высшую ступень сушиста «просто рыба».

— А я-то при чем, ты же с заместителем должна засветиться? — Светлана старательно распределяла соус по лапше с мясом.

— Понимаешь, эта вечеринка — особое мероприятие, с одной стороны, приглашен весь местный «зоопарк», с другой — нужно скопление народа, массовость. Все в лучших традициях: пионеры с флажками, дамы с транспарантами, мужчины в трико. Ну, соглашайся, — уговаривала она.

— Даже не знаю, мы сегодня с Колей собирались в кино сходить, — начала бойко Светлана, затем стала сбавлять обороты и затихла, аккуратно положив вилку рядом с тарелкой. У нее совсем вылетело из головы что тема «про Колю» выливается в ругань с подругой. По сузившимся глазам Ларисы она поняла, что обед на сегодня закончен. На десерт будет представлена лекция на тему: «если тебя интересует мое мнение, то...».

— Я тебе не рассказывала, Илья познакомился с замечательной девушкой, у той двое маленьких детишек, — с ангельской кротостью начала оправдываться Светлана, не чувствуя в себе сил для ссоры. — Мы вместе ходили в зоопарк, и как-то само собой получилось, что наши отношения вышли на новый виток, ну про это я уже говорила. Именно этого всплеска, общей идеи нам так не доставало, а теперь все

нормально, — Светлана виновато улыбнулась. Она сама не понимала, куда делась ее прежняя убежденность в правильности сделанного выбора.

— А красавец на крутой машине?

— Здесь сложнее.

— Ты его разлюбила?

Светлана молчала.

— Он тебя обидел? — пыталась Лариса выудить подробности из притихшей подруги. — Да не молчи ты, скажи что-нибудь, — рассердилась она в конце концов, не веря, что только совместное кормление бегемота могло вернуть Светлану в лоно семьи.

— Он мне нравится, — рассматривая тарелку, сказала Светлана дрогнувшим голосом. — Он хорош собой, галантный кавалер, интересный собеседник, но то, что я испытываю к нему, меня пугает. С Колей я чувствую себя спокойно, уютно, понятно. Это рутина. Александр же выводит меня из равновесия. После встреч с ним я как помешанная, не нахожу себе места. Работа, дом, сын — лишь незначительные компоненты в коктейле под названием «страсть». Понимаешь, он, как опасный вирус, проникает в меня и заполняет собой каждую клеточку, вытесняя все, что до встречи с ним было мне дорого и имело значение, — закончила она подавленно.

Во время монолога Лариса пару раз помышляла вмешаться, но останавливалась. На лице ее блуждала мечтательная улыбка, необыкновенно ее красившая.

— Почему ты с таким остервенением пытаешься убежать от своих чувств, от себя? Почему огромный мир усох, как шагреневая кожа, вмещая лишь дом и работу?

— Лар, но разве это плохо? Сколько тебя знаю, ты все стремишься к просторам вселенной, а я к покою.

«Ой, — подумала про себя Светлана, — напрасно я покой помянула. Ураган «Катрина», пятый уровень по шкале Саффира-Симпсона». Вздохнув, она переменяла позу, стараясь устроиться поудобнее на жестком диванчике.

— Жизнь только начинается, впереди столько нового, интересного, неизведанного, а ты все стараешься в инвалидную коляску забраться. Ты что, думаешь, она, эта коляска, от тебя убежит? Настоящим жить надо, путешествовать, пока имеются силы и возможности. У тебя две жизни? Подняв внуков, ты летать начнешь? Ничего подобного, после шестидесяти болячки повылезают, какая там прогулка по Парижу? Придется по поликлиникам ходить с майонезной баночкой и спичечным коробком.

Очнись, красавица, твои упыри решили тебя с помощью внуков обратно к рукам прибрать, а там уж виднеется узкоколейка на кладбище, с птичками, тишиной и покоем. А ухажер — он тебе все на блюдечке готов поднести, какой в баню Коля?

— Ларочка, не мучай меня. Он мне страшно нравится, но я хочу быть с Колей, он родной.

— И этот через пару лет родным станет, или ты думаешь, он всегда будет в костюме и на машине? Он тоже ходит в тапочках и писает стоя.

— Фу-у-у на тебя!

— А как ты хотела?

— Главное, чтоб во сне храпел на музыку Штрауса, — пошутила Светлана.

— Молодец, что напомнила, — переведя дыхание, Лариса полезла в сумку. — Твой мобильник, как обещала.

На свет была извлечена старенькая «Нокия». Из бокового кармашка Лариса выудила другой телефон и, нажав пару кнопок, замерла. Неожиданно «Нокия» начала издавать душераздирающий рев похороненного заживо мамонта. Люди стали оборачиваться. Светлана с ужасом смотрела на трубку, извивавшуюся в предсмертной агонии. Довольная эффектом, Лариса дала отбой. Дернувшись в последний раз, мобилка умолкла.

— Что это было? — спросила опешившая Светлана.

— Помнишь, ты Николая на диктофон записывала для эксперимента?

— Да, он сомневался, что его храп похож на салют в честь Победы.

— Угу, соседи кричат «ура» и, хлопая среди ночи балконными дверями, бегут, чтобы насладиться зрелищем. Так вот, я записала его храп в виде входящего звонка для твоего мобильного, чтоб ты помнила, кому обязана повышенным давлением, аритмией и целлюлитом на бедрах.

Светлана поставила локти на стол, положив голову на сцепленные в замок руки. Рано она радовалась, считая, что подруга насладились пятиминутной проповедью. Ураган возвращался, набирая обороты.

— Это ж надо, судьба подкинула подарок в виде лебединой песни, а ты швыряешь ей его под ноги, стремглав несешься к оставленным цепям в камеру, полную клопов и бандитов. Николай хорохорится, по кинам тебя водит, не иначе, почуял подвох. Ты изменилась, пусть для другого мужчины, но твой вроде тоже с глазами. Ты, наконец, закончила воспитательный процесс превращения мужа в человека, отстала от него, предоставив ему свободу, и теперь вы будете жить душа в душу, каждый для себя, периодически подавая перед смертью стакан воды.

— Вредная ты и не любишь Колю.

— Нет, — яростно возразила та, — я его не просто не люблю, я его терпеть не могу, потому что он среднее арифметическое российского мужика. Правда, твой деньгу в дом несет, но отношение к женщине потребительское, полное отсутствие уважения.

— Ладно-ладно, раньше вы с ним мило щебетали, однажды текилу на спор пили, а потом елку уронили. Илюшка неделю рыдал, что его синий шар со звездочками, подаренный бабушкой, разбился на мелкие кусочки. Он его обожал, он в нем море видел.

— А кто спорит? Иллюзии сопровождают молодость.

Я тоже верила, что женщина без мужика, как Карл Маркс без «Капитала».

Лариса углубилась в записную книжку своего телефона, затем прошла по входящим звонкам.

— Короче, давай сегодня со мной, ну пожалуйста. Я тебя и заберу, и отвезу обратно. Ты мне должна хотя бы этот вечер.

— Хорошо, не канючь, — Светлана обрадовалась перемене темы, приписав это такту подруги, в действительности же Лариса, взглянув украдкой на часы, поняла, что пора прощаться.

— Вот и замечательно, заеду за тобой в семь.

Заплатив по счету, они расцеловались и побежали в разные стороны. На подходе к кабинету до Светланы, пребывавшей в хорошем настроении, несмотря на недовольный обедом желудок, долетел мужской голос:

— Бабки, пропустите беременную.

— А у нас тут, милок, все ветераны беременные, — зашумела очередь.

В этот момент сумка завывала. От испуга Светлана чуть не швырнула ее в сторону.

— Да, Лар, что случилось? — проговорила она в трубку, кивая притихшим пациентам и закрывая за собой дверь кабинета.

— Слушай, а почему ты не поинтересовалась видом одежды для приема?

— Потому что у меня есть.

— Да? — удивленно выдохнули на том конце провода. — И ты уверена, что подойдет? Может, мне пораньше заехать, покопаться, пошуршать?

— Нет, Ларчик, у меня приличное платье, останешься довольна.

— Ну хорошо, тогда целую. До встречи, — голос в трубке звучал явно заинтригованно.

В машине Лариса с изумлением взирала на Светлану и щупала

«матерьяльчик».

— Может, на дорогу обратишь внимание? — по-королевски гордо заметил пристально осматриваемый объект. Ее радовало, что платье, подаренное Александром, произвело фурор, или, как говорится, убило наповал.

— А что я там забыла? Машина, дерево, фонарь, а тебя я такой только во сне видела. Честно сказать, я с трудом припоминаю, когда в последний раз ты так сногшибательно выглядела. Вот что значит качественная ткань и подобранная по фигуре вещь. Ты где эту неземную красоту отхватила, кто совет дал?

— Случайно в магазин для новобрачных зашла, там девушки-консультанты подобрали из вечерних платьев, — начала врать Светлана. Новые туфли под платье она действительно подобрала в салоне, что придало лжи легкую непринужденную нотку правды.

— Который на Ленина?

— Нет, на Вайнера.

Минут через двадцать они выехали за город. Короткое майское похолодание миновало, уступив место необыкновенной тихой, не по сезону теплой погоде. Природа словно по сигналу выдохнула миллионами зеленых листочков. Еще через пять минут Лариса свернула направо и отключила навигационную систему. Куда ехать дальше, было ясно без подсказок. Машины тянулись вереницей, направляясь в одну сторону. Деревья расступились, показалась великолепно отреставрированная усадьба, бывший загородный губернаторский дом. Выстроенный в начале девятнадцатого века по замыслу сумасшедшего миллионера в стиле «сапоги всмятку», особняк покорила сердце миллионера современного.

Когда подошла их очередь, Лариса расплылась в улыбке молодому человеку, учтиво распахнувшему дверь машины. Элегантно выйдя из авто, она, передав ключи, взяла Светлану под руку. Та, пораженная киношным антуражем, сияла, как Золушка на балу.

— Ты прям как люстра Большого театра.

Светлана даже не услышала. Мысли ее были заняты другим.

— Алло, Светик, третий звонок, гасим свет, — они направились в сторону дома. Воткнутые в землю вдоль широкой аллеи, горели факелы. Чуть дальше раскинулся великолепный сад, разделенный на несколько частей. Китайская беседка, японский сад камней с горбатым мостиком через ручей. С другой стороны разместилось несколько уменьшенных копий фонтанов Петродворца, возле которых прогуливались элегантные кавалеры и дамы в вечерних платьях, некоторые в шляпках. Действо

напоминало маскарад, и Светлана с радостью окунулась в мир праздника.

Становилось прохладно, подружки вошли в дом, миновав стайку распорядителей у входа. Поднимаясь по широкой лестнице, они слышали шум у себя за спиной. Лариса обернулась.

— Да не трогайте вы меня руками, есть у меня приглашение.

Светлана замерла.

— Олег? Ты же сказала, что он болен?

Лариса досадливо передернула плечами.

— Ты посмотри на него как доктор. Морда красная, глаза горят, ну разве можно сказать, что он здоров? Подожди, я сейчас.

Ларисины каблучки простучали вниз по лестнице.

— Ларочка!

— Олег Петрович, что вас привело сюда? Вы закончили отчет? — лицо начальницы выражало удивление, смешанное с недовольством.

— Ларочка, — тяжелый взгляд заставил его подавиться панибратским приветствием, — Лариса Михална, отчет у меня с собой, нужна только твоя... ваша подпись, — он подал Ларисе раскрытую папку.

— Хорошо, оставьте у секьюрити, я заберу по дороге домой. Благодарю за быстро выполненную работу. У вас, надеюсь, все? — взгляд ее был холоден, всем своим видом Лариса давала понять окружающим в целом и Олегу в частности, что появление подчиненного на вечеринке она расценивает как нарушение субординации.

В костюме, в начищенных ботинках, благоухая любимым «Аква ди Джиио», Олег улыбался, ожидая сигнального свистка, по которому эта глупая игра закончится.

— Прошу вас, объясните этим людям, что я с вами.

— Вы со мной? — удивление было сыграно так правдоподобно, что на секунду Олег забеспокоился.

— Странно. Где же ваше приглашение? — она провоцировала его на объяснение, скандал. Она знала, что бывший любовник ее предал, но фактов, доказательств еще не было. Ей надо было знать, действительно ли за ее спиной затеяна игра, где Олег играет заглавную партию.

— Секретарь сказал, что у вас, — неуверенно промямлил он, облизав пересохшие губы.

— Наверное, он что-то напутал, — Лариса была само расстройство, губки бантиком, бровки домиком, а в голосе слышалось сочувствие. — Два приглашения были на открытие молочного завода, на завтра, я вам их с вечерней почтой отправила, а на банкет только одно. Я понимаю ваше огорчение, Олег Петрович, но это вечеринка для высшего комсостава, а вы

пока, как курс доллара, замерли на критической отметке. Мне действительно очень жаль, хорошего вам вечера, — повернувшись к нему спиной, она подозвала одного из молодцов-охранников.

Олег не мог поверить, что начальница, как дрессировщик в цирке, щелкнула кнутом, и ему при всем честном народе пришлось лезть на разноцветную тумбу.

— Стерва, — процедил он сквозь зубы.

Проигнорировав «комплимент» в свой адрес, она продолжала мило чирикать с охранником, улаживая вопрос с временным пребыванием папки. Затем, поблагодарив, вернулась к заму по финансам.

Улыбаясь, тот передал ей папку. Улыбка выходила натянутая, но не слишком кривая, лишь глаза выдавали беспокойство и напряженную работу обоих полушарий. Как дикий зверь, чуя нутром опасность, он не понимал, откуда она исходит.

— Кстати, — глядя в глаза заместителю, молвила начальница, — на завод съезди, будет интересно, костюмчик от «Хьюго босс» прекрасно гармонирует с белым халатом и шапочкой.

— Объясни, в чем дело, — оставленная на лестнице Светлана чувствовала себя крайне неудобно.

— Пустое, пойдем, а то жаждущие зрелищ уже отрегулировали свои бинокли и слуховые аппараты, — схватив подругу за руку, Лариса поволокла ее за собой.

Снаружи особняк поражал воображение, зал приемов, в свою очередь, окончательно сбивал с ног, создавая ощущение неправдоподобности и стойкое желание ущипнуть себя. Зал, где сто пятьдесят лет назад нежные девы строили глазки статным кавалерам и вкушали фрикасе из рябчиков, был разделен на две части. С правой стороны стояли сдвинутые вместе столы, покрытые разноцветными то ли простынями, то ли скатертями с бахромой, окруженные банкетками вперемешку со стульями, табуретками и креслами. На столах красовались знакомые с детства большинству присутствующих продуктовые атрибуты развитого социализма. Плавленные сырки «Дружба» и «Виола» выстроились пирамидками, прибалтийские шпроты конкурировали с бычками в томате, тонкая нарезка костромского сыра оттеняла кружочки докторской колбасы и сервелата. Народ ходил вокруг столов, радостно вскрикивая, узнавая тот или иной продукт. Салат из зеленого лука с яйцом, селедка с луковыми колечками и капельками растительного масла. Бутерброды с красной икрой не привлекли внимания, а вот салат из печени трески вызывал слезы умиления. Противоположная сторона зала была оборудована под танцпол 60-70-х годов с садовыми

скамейками и дружинниками с красными повязками. Вокально-инструментальный ансамбль составляли длинноволосые юноши межгалактической ориентации в голубых, расшитых золотом и пайетками расклешенных комбинезонах, открывающих навстречу музыке и публике покрытые растительностью торсы.

Подруги задержались в дверях, размышляя, сначала перехватить кусок, а потом припасть к царственной ручке хозяина, или чинно, как в лучших домах Парижа и Лондона, заняться аперитивом, пообщаться с народом, нагулять аппетит и закончить вечер русской национальной забавой — танцами, которые нередко перетекают в мордобой.

— Смотри, Марианна Сергеевна уже здесь, — толкнула Лариса в бок подругу.

— А я думала, тут только из мира бизнеса.

— И творческая интеллигенция.

— Интересно, когда она спит?

— Когда ты на работу ходишь, пошли здороваться.

Таким нехитрым образом судьба решилась в сторону выпивки. Марианна Сергеевна в вечернем платье, отороченном серебристой лисой, и парчовом тюрбане с перьями стояла в окружении молодых людей, претендующих на громкое звание «богема». Неожиданно она обернулась к стоявшему рядом высокому корпулентному мужчине и поставленным голосом заметила:

— Извините, но вы закурили, не спросив разрешения у дам.

— О, сударыня, простите, виноват, но что делать, стрессы, тяжелая работа. К тому же хорошая сигара пахнет деньгами, вы не находите? — попытался пошутить он, застигнутый врасплох.

— Запах ваших купюр слишком ядовит и губит здоровье окружающих людей.

— Но разве мне есть дело до них? — к любителю сигар вернулась неприятная самоуверенность, он довольно обвел взглядом собравшихся с высоты своего роста и положения.

— Понимаю, но им есть дело до вас, — с этими словами маман подошла к великану, осторожно, двумя пальцами взяла у него сигару и опустила в пузатый бокал с коньяком, который он держал в другой руке.

— Теперь вы сумеете оценить не только запах, но и вкус ваших денег.

Присутствующие замерли.

Мужчина несколько мгновений переводил взгляд со своего бокала на пожилую женщину и обратно. Затем лепной потолок содрогнулся от раскатов его хохота.

— Bravo, bravissimo, а я сомневался в существовании амазонок! Оставьте мне ваши координаты, я буду счастлив отправить вам букет самых прекрасных роз в знак моего восхищения. Вы необыкновенная женщина.

Он подал ей свою визитку и извлеченную из нагрудного кармана ручку. Марианна Сергеевна с достоинством приняла «паркер» и быстро написала ряд цифр на обороте.

— Что это? — не понял толстяк.

— Мои реквизиты, счет в банке. Мне страшно любопытно, во сколько вы оцените букет для дамы, — показав кивком головы, что аудиенция окончена, опершись на руку одного из молодых людей, примадонна удалилась с видом королевы, увлекающей за собой свою свиту.

— М-да, — только и смогла вымолвить Светлана.

По знаку распорядителя, что пришло время приступить к горячему, они сели за один из столов. После куриного бульона с гренками наступила очередь основного блюда. С помпой и под аплодисменты были внесены макароны по-флотски.

— Я сплю? — поинтересовалась Света.

— Сама не знаю.

— Может, это намек на финансовый кризис?

— Или тяга к эпатажу? Кстати, в прошлом месяце приезжали аудиторы из Москвы на нашу птицефабрику. Директор мне рассказывал, повезли их в соседний городок пообедать, ресторан у озера, воздух, природа, караси в сметане. Аудиторы зашли в магазин с целью ознакомления с жизнью аборигенов, вышли счастливые, корчась от смеха. Купили «Тройной» одеколон и презервативы «Дружок». Давным-давно нигде такого нет, а в сельпо — пожалуйста!

Аромат поданного блюда щекотал ноздри.

— Знаешь, макароны по-флотски лучше, чем картошка фри с кетчупом, — Лариса придвинула к себе тарелку и с наслаждением вздохнула. — Сто лет макароны не ела, все салаты, гречка, вареные овощи.

К удивлению подруг, обычные на первый взгляд углеводы с фаршем таяли во рту. То ли аппетит разыгрался, то ли отвыкли от простой еды, то ли повар был виртуоз, но через десять минут тарелки опустели.

В ожидании следующего блюда они внимали массовику-затейнику, под умело подобранные слайды рассказывавшему про потерянное детство именинника, вырвавшегося из лесной глуши на большую дорогу бизнеса, через тернии к звездам пролетевшего к сегодняшнему успеху, преодолевшего голод, холод и политику партии, с которой он никогда не соглашался и часто страдал, подвергаясь гонениям. «Человек, сотканный из

одних достоинств, умеющий завоевывать друзей там, где другие наживают врагов, он достиг вершины пирамиды Маслоу нашего города», — подруги переглянулись. — «И теперь он встал на тропу чеховских сестер», — выступавший подмигнул и понизил голос, намекая на то, что приказ о назначении подписан, все об этом знают, но прикидываются, что это тайна.

Все закивали и зааплодировали.

Зажегся свет. Неожиданно подруги заметили за одним из столов Александра в компании какого-то мужчины. Светлана сразу обмякла. Картинка под названием «семейная идиллия», нарисованная за обедом подруге, — вечер, на полянке играют в бадминтон Илья с Ивановой, Коля в кресле-качалке, внуки вокруг стола, а она варит клубничное варенье, — начала исчезать, как под воздействием сильнейшего растворителя. Где-то внизу живота, но не там, где душа и бабочки, возникло странное ощущение, не позволявшее сосредоточиться. По телу побежали мурашки. От одного взгляда этого мужчины в ней просыпалась женщина и умирала замотанная жизнью тетка.

— Bonsoir, Mesdames^[1], — обратился к ним Александр, незаметно подмигивая Ларисе.

— Bonsoir^[2], — поддержала игру та, наступая Светлане под столом на ногу.

— Comment allez-vous^[3].

— Merci. Très bien. Et vous?^[4]

— Саш, это кто? — тихо спросил рыжеволосый веснушчатый мужчина, подошедший вместе с Александром.

— Шатенка в черном платье — жена французского посла, а в зеленом — коммерсантка из Люксембурга, — проговорил Александр, прикрывая ладонью рот, но так, чтобы подруги слышали.

— Сразу видно, не нашего полета тетки. Ухоженные, нормально одеты, грудь в тарелку не падает и трезвые. Местные все или с бантиками за ушами, или как мордой об асфальт, — и, обращаясь к подругам, громко, наклоняясь через стол, спросил:

— Как вам наш праздник?

— Oh! C'est formidable!^[5] — любезно отвечала Лариса, стараясь не рассмеяться.

— А чего они без мужиков своих?

— Петь, так они мне поручены, пока мужья политикой и контрактами заняты.

— Сразу обе? Может, поделишься? Всю жизнь о француженке мечтал,

а когда в Париж попал, то чуть не стошнило, ни одной красавицы.

— Да, не повезло тебе, прошли времена Ренуара, — хмыкнул Александр.

— Мне худенькая понравилась, юркая, как змеюшка, видать, та еще штучка, — бубнил рыжий. И Ларисе:

— Вы очень красивая женщина, настоящая парижанка. Шур, переведи!

— Vous êtes très belle, une vraie parisienne. Vous êtes prête à sacrifier cette soirée pour le bonheur de votre amie?^[6]

— Vous en doutez?^[7] — понимающе улыбнулась Лариса.

— Je suis très reconnaissant à vous. Je sais payer me dettes.^[8]

— Je m'en souviendrai.^[9]

Во время короткого разговора рыжий переводил взгляд с Александра на Ларису, пытаясь уловить, о чем идет речь. Было видно, что он не владеет ситуацией, и это ему неприятно.

— Что она сказала? — нетерпеливо дернул он Александра за рукав.

— Что она привыкла получать комплименты, но твой сразил ее наповал.

Рыжий разулыбался, расправил плечи, стал поправлять манжеты рубашки, демонстрируя золотые запонки с крупными камнями.

— Скажи ей, что я еще только разогреваюсь Мои скрытые резервы мушкетера еще дадут себя знать после пары глотков эля, или чего они там пили?

— Бургундское.

— Во-во, этого самого, они распустятся во всей своей красе.

— S'il vous plaît, pardonnez mon ami. Il est un brave homme, mais il y a bu un peu trop, et votre beauté l'a fait perdre la tête.^[10]

Лариса рассмеялась, радуясь, что поняла фразу почти полностью.

— Проблема лишь в языке, — продолжил поклонник француженки. — Одна бутылка виски спасает мой английский. Но чтобы понимать французский, так много я не выпью, — закончил он с грустью.

— Я есть совсем мало говорить русский, — пришла на помощь Лариса.

— Это меняет дело, мадам! Так вы, значит, из самого Парижа?

Лариса зацокала языком:

— Вы есть хорошо знать мировой география.

— Ну так ваши предки ж у нас в гувернантках были, обучены кое-чему.

— Молодца, русский Иван.

— Я Петр. Ну, не важно. Можно вас угостить?

— Я не пью виски, только хороший красный вино.

— Бургундское, нет проблем, сейчас изобразим.

Петр подбежал к Ларисе и галантно отодвинул стул.

— Мерси, — ответила та и, приняв предложенную руку, отправилась с ним в сторону бара.

Напоследок рыжий, повернувшись к Александру, поднял палец вверх, показывая всем видом, что вечер удался. Слюни и язык тянулись за ним, как у героя диснеевских мультяшек.

Светлана и Александр расхохотались.

— Света, я так рад видеть тебя. Так соскучился, — Александр почувствовал, что горло сдавила невидимая рука, — что-то случилось? Ты в последнее время избегаешь меня.

— Кто это? — показала Светлана глазами на удаляющегося Петю.

— Приятель, вместе работали. Знаешь, на подобных вечеринках часто натыкаешься на бывших партнеров по бизнесу, но ты уходишь от ответа.

— Саша, это сложно объяснить.

— А ты попробуй.

— У нас с Колей произошли некоторые перемены. Я, наверное, скоро стану бабушкой двоих внуков.

— Что ты говоришь? — выразил удивление Александр, а про себя отметил: «С учетом принятых мер — вряд ли».

— Я очень рад, только каким образом появление внуков отражается на наших отношениях? Ты можешь быть бабушкой, но выкроить пару часов для друга, разве это сложно?

— Ты же понимаешь, что это невозможно. Ты знаешь, как я к тебе отношусь, что чувствую, — Светлана паниковала, не зная, куда заведет их этот разговор.

— Хорошо, давай сменим тему, не будем торопить события, — почувствовал ее напряжение Александр. — Если ты решишь, что наши отношения зашли в тупик, что я ничего не могу тебе дать, кроме проблем, то я сразу удалюсь. «И не надейся», — подумал он и продолжил: — Кстати, когда ты последний раз кружилась в вальсе?

— Очень давно, — ответила Светлана, радуясь, что объяснение с Александром далось так легко, зря она столько волновалась, каждый день придумывая план разговора.

— Пойдем потанцуем, — предложил он и повел ее к танцполу. — Ты такая красивая.

— Ты уже говорил.

— Но я хочу повторить еще и еще раз, что встреча с тобой — это лучшее, что со мной произошло за много лет.

Светлана хотела возразить, но он остановил ее, мягко скользнув по ее губам теплыми пальцами:

— Позволь мне сказать. Ты мой идеал женщины, моя мечта юности, которая пришла ко мне теперь, чтобы я, циник, вспомнил, что любовь важнее, чем деньги, работа, власть. Любовь — то, что нельзя ничем заменить, потому что или ты влюблен, или нет. Обмануть себя невозможно. Все это я понял, встретив тебя. Ты живая, понимаешь? Твои глаза, губы, руки — это живой человек, а не набор косметических услуг. Не видя тебя, я тоскую и слышу твой голос. Ты как ангел, с которым я постоянно разговариваю, чувствую твое присутствие рядом. Я, как собака, скучаю по хозяину, который меня приручил и вдруг покинул в связи с окончанием дачного сезона, мне плохо без тебя. Я хочу, чтобы эти глаза смотрели с обожанием только на меня, я хочу, чтобы эти руки прикасались ко мне, я хочу, чтобы эти губы знали только мои поцелуи.

Он поцеловал ее, она ответила. Ее сердце расколосось ровненько на две половины. Больше поцелуев не было, но и одного было достаточно, чтобы весь вечер у Светланы горели щеки. Иногда она украдкой дотрагивалась до губ, не веря, что она вот так, прямо у всех на глазах, поцеловала мужчину, будучи замужем за другим. Было страшно и в то же время грустно от того, что она точно знала, что следующий шаг она не совершит никогда. Хотя бы из уважения к их с Николаем супружеской жизни и к себе. В остальном вечер прошел великолепно. Они много разговаривали, танцевали, пару раз мимо них промелькнула маман Натальи то с одним кавалером, то с другим. Пару раз она видела Ларису в компании приятеля Александра. Все были заняты и, как ей показалось, счастливы.

ГЛАВА 41

Лариса открыла глаза. По утверждению редакторов издательств, именно с пробуждения главного героя начинается две трети бульварных романов. В большей части романов главный герой просыпается с похмелья. Судя по раскалывающейся голове, Лариса не избежала участи большинства.

— Господи, кто я? Где я?

— Остался последний вопрос «почём я?» — раздался мужской голос с другой стороны кровати.

— Ну и? — поинтересовалась Лариса со своей половины, боясь повернуться на знакомый, но вряд ли родной голос.

— Дорого, очень дорого. Не побоюсь этого слова, так дорого я еще ни разу. Чертово вино! Не мог же я ударить лицом в грязь и поить Эдит Пиаф шипучкой.

— Кого? — Лариса мгновенно села в кровати с широко раскрытыми глазами.

— Разрешите представиться, Ив Монтан, — рыжий друг Александра, опершись на подушки, изобразил полупоклон.

Лариса отметила черную футболку, деталь гардероба, которая накануне вряд ли скрывалась под костюмом с галстуком.

— Оказывается, все еще хуже, чем я думала, — и она рухнула обратно.

— Если тебя терзает вопрос, — начал он многозначительно, — было или нет, то...

— Судя по количеству гномиков в моей голове, — перебила его Лариса, — выбивающих мои драгоценные мозги, я со спокойной совестью могу сказать, что ты остался девственником.

Бросив взгляд на стол, где стояло пять пустых бутылок из-под «Шато Мутон Ротшильд», она продолжила:

— М-да, странно, что я вообще встретила утро. А почему Эдит Пиаф? Я как-то прокомментировала?

— Сначала мы хорошо отметили знакомство на вечеринке. Потом поехали кататься по ночному городу. Потом ты пела. Но, рьен до рьен, но, же не регрет де рьен...

— Точно! На курсах проходили, — припомнила Лариса.

— А потом жаловалась на поруганную честь, загубленные годы, и что он сволочь. Потом ныла, что нет ни одного друга, кто бы понял твою

мятущуюся душу, и назвала меня Ивом Монтаном. Я согласился. А дальше мы с тобой поехали сюда и выхлебали все коллекционное вино, имеющееся в ресторане гостиницы.

— А почему я к тебе поехала? — недоумевала новоявленная пьяница.

Они так и лежали в кровати, глядя в потолок на огромную люстру с висюльками под чешский хрусталь.

— Потому что мы дружили.

— Да, да, — в задумчивости, как бы про себя, произнесла Лариса, — Эдит дружила с Ивом Монтаном, он присутствовал на ее последнем концерте в «Олимпии».

— Ага, ты так и сказала: «Страх одиночества выше, чем страх смерти. Поедем, я буду петь, чтобы доказать, что я еще живу».

— Какое счастье, что в момент моего грехопадения на пути возник ты. Кстати, как тебя зовут по паспорту?

— Забудь. Пусть я навсегда для тебя останусь Ивом Монтаном. Честно говоря, даже денег не жалко. Знаешь, давно, в юности, мы с пацанами разработали классификацию дам по спиртным напиткам. С годами, набираясь опыта, я ее усовершенствовал.

— Внимаю, — Лариса поудобнее устроила на подушке больную голову.

— Двадцать — это пиво, много пены, а кайфа ноль. Тридцать — вино, как правило, хорошее, но безумно дорогое. Сорок — коньячок. Здесь можешь нарваться и на марочный, и на отдающий клопами, как повезет. Пятьдесят — «амаретто». С одной стороны, вроде тот же ликер, но нотка ореха будоражит и запоминается навсегда. Шестьдесят — сладкое пойло типа «Бейлиз», которое мужики пьют изредка, в домашней обстановке, когда женат тридцать лет и три года, одну рюмочку и спать. Семьдесят — чай с малиновым вареньем.

Лариса с интересом посмотрела на рыжего, жестикулирующего в кровати, как профессор на кафедре.

— Э, так нечестно. Про семьдесят ты сжухал.

— Моя жена на тридцать лет моложе меня, — вдруг грустно сказал он, повернувшись к ней. Теперь оба лежали на подушках, каждый под своим одеялом, лицом друг другу.

— Ну и как?

— Как-как... Красиво. Знаешь, раньше не понимал. Вокруг модельный бизнес штампует беленьких, черненьких, красненьких, только выбирай. А теперь понял. Это общее время, общие воспоминания, знания, идолы, мечты. Разве поймет молодая бычки в томате или Юрия Антонова?

— Можешь мне не рассказывать, у самой до недавнего времени любовник молодой был. Не на тридцать лет моложе, но все равно другое поколение.

— Тот самый козел?

— Угу. Столько времени с ним была, а вот песен не пела, в ролевые игры не играла, да и не знает он Ива Монтана, если вообще кроме курса валют и «Ночного дозора» смотрел что-то. Ладно, отвернись, прогулка в молодость завершена, пора вступать в жестокое настоящее, — Лариса со стоном оторвалась от подушки.

— Погоди, сейчас сделаю тебе растворчик, я все ж старый алкоголик, сразу оживешь и на работу еще успеешь.

— Наркотическое?

— Упаси Господи, я ж не поколение пепси. Только проверенные методы и по договоренности с лечащим врачом.

— Давай, я тебе доверяю после всего этого.

— А я тебе не сказал, что мы еще танго танцевали?

— О-о-о, давай на этой подробности мы и остановимся. Боюсь, если я узнаю о себе еще что-нибудь новое, то не смогу... — Лариса наткнулась на взгляд.

— Что?

— Последнее. У тебя классная фигура.

В Ива Монтана полетела туфля.

ГЛАВА 42

Наталье снился Париж. Остров Святого Людовика, омываемый Сеной, утопающие в зелени домики по баснословным ценам, башня и колокольчик. Звук отдаленно напоминал позывные домофона.

С трудом разлепив глаза, она замерла на краю кровати, ногой пытаясь отыскать тапочки. Они не находились, зато нащупалась тонкая материя, которую Наталья Семеновна определила как пеньюар. Находка порадовала и огорчила. Легкий шелковый халатик был ей к лицу, но именно вчера она прикупила на распродаже, однако за приличные деньги, черное китайское кимоно в полной уверенности, что одного пеньюара и двух банных халатов маловато будет. Наталья натянула на себя находку и, сделав несколько шагов с вытянутыми руками, пребольно ударилась лбом о полуприкрытую дверь. Машинально отступив назад, она попала ногой в потеряшку-тапочку и так, наполовину обутой, потирая ушибленный лоб, прошуршала до входной двери, где, наконец, и зажгла светильник.

— Да, — буркнула она в трубку домофона.

— Натусик, ку-ку! — раздалось веселое приветствие.

В обычное время хозяйка квартиры сразу бы нажала кнопку открывания двери, не заботясь, друг там или враг. Раз человек назвал ее по имени, значит, они знакомы. Всех знакомых не упомнишь, так что лучший способ разобраться — сначала увидеть, а потом решать. Сейчас мозг еще спал, удар дверью тоже способствовал заторможенности реакций, поэтому инстинкт самосохранения взял ситуацию в свои руки и выдал: «Ты кто?»

— Это я, это я, твоя мама, звоню, вся извелась прямо на корню, — запела трубка мужским голосом, — Наталья Семеновна, еще пара минут и я замерзну, заболēju и умру... и мой хладный труп найдут... Здрасьте, — приглушенно донеслось куда-то в сторону и потом громко: — Натусик, я уже бегу, нашлись добрые полуночники-полусобачники, впустили северного оленя. Я уже стучу копытами по ступенькам твоей ледяной избушки.

Наталья мгновенно проснулась. Рванув в спальню, раскидывая содержимое гардероба, она стала перебирать в уме знакомых и малознакомых мужчин, которые могут так романтично помогать ее в час икс. Может, старый поклонник, который таким вот нехитрым образом... или носки сработали? — лихорадочно думала она, выбирая подходящий к случаю наряд.

Новое кимоно прекрасно гармонировало с голубой сорочкой от Белдоны. Одеть его на голое тело она постеснялась, слишком уж вызывающе выглядит, а так, мол, встала с кровати, лишь халатик успела накинуть. Второй тапок отыскался под прикроватной тумбочкой. Плотно прикрыв дверь спальни, Наталья бросила мягкий плед цвета топленого молока на диван в большой комнате, отметив про себя, что салон прекрасно подойдет на случай непредвиденной ситуации. Она была в полной боевой готовности: пеньюар, ниспадающие волосы в прическе «я вас не ждала, но надеялась на встречу». Мягкой походкой от бедра она подошла к двери и распахнула ее. В коридор ввалился абсолютно пьяный Олег.

— Ты настоящий друг, — сказал он, рухнув к ее ногам.

Наталья отпрянула назад. Широко раскрытыми глазами она смотрела на Ларисиново бойфренда, пытающегося устроиться на ночлег на коврике в прихожей.

— Олег, ты что здесь делаешь? Ты адресом ошибся, — пролепетала она, соображая, куда звонить, кого будить. Это не просто мужик, а бойфренд подруги, статус почти что мужа. Пьяный чужой муж ночью в вашей квартире расценивается как сигнал наивысшей опасности. Незванный гость лежал, свернувшись клубочком, и тихо сопел. Наталья схватилась за телефон и набрала номер Валентины. Подошли сразу. Во-первых, военная служба обязывала, во-вторых, наличие маленьких детей в семье сделали сон бабушки, как у зайца в лесу, — в одно ухо.

— Да, слушаю, — раздалось тихое Валино.

— Валюш, прости, что разбудила.

Еще на ранней стадии дружбы подруги договорились, что звонки ночью в экстренных ситуациях разрешаются, но без идиотского вопроса: «Ты спишь?»

— Наташ, ты? Что-то с Марианной Сергеевной? — заволновался голос.

— Нет, маман нормально. У меня здесь тяжелый случай. Что делать, ума не приложу. Олег пьяный в дрова спит у меня в коридоре на половичке. Я хотела Ларке позвонить, но кто знает, как человек со сна отреагирует. Потом, я плохо понимаю, в какой стадии их отношения в настоящий момент: война или маневры. Он то ли военную тайну буржуинам продал, то ли он Мата Хари под прикрытием, но повод выпить нашел.

— Правильно сделала, — одобрила подруга. — Они сегодня поругались, завтра помирились, а визит к тебе наша гордая королевична расценит как провокацию и бросит его. У нее же принципы заменяют общечеловеческие ценности. Но в глубине души она его любит.

— Думаешь? — Наталья бросила взгляд на существо в позе зародыша, завладевшее ее малиновым ковриком, подумав, что в поговорке «Любовь зла, полюбишь и козла» речь шла о трезвом животном.

— Ты оставь его у себя, куда его в ночь, — переживала Валентина, — а утром, я уверена, он сам тихонечко исчезнет. Наверняка Ларочка накричала на него, не разобравшись в ситуации до конца, и выставила. Он с горя напился и пришел к тебе зализывать раны, так сказать, поговорить о своих страданиях, — расставила все по полочкам Валентина.

— Валюш, на часах три ночи, раны давно зарубцевались, душевная боль излечена алкоголем. Лариска с семи вечера на каком-то фуршет-банкете мазурку со Светкой отплясывала. Олега она могла лицезреть только днем.

— Молодой организм, — живо отреагировала человеколюбивая подруга, — начал раньше, чем я подумала, но алкоголь не заглушал страдания, причиненные любимой женщиной, и лишь к ночи критическая доза была достигнута. Ты, главное, на улицу его не выставляй, еще в милицию заберут или хулиганы пристанут, обворуют, убьют, не дай бог. Он ведь к тебе за сочувствием пришел.

— Ладно, — прониклась Наталья, — позабыв, что последняя встреча с Олегом закончилась под знаком бога войны Марса.

Пожелав друг другу спокойной ночи, подруги разъединились. Бросив трубку на диван, Наталья вышла в прихожую проведать гостя. Тот спал на коврике, поджав ноги и положив руки под голову.

Вначале она хотела прикрыть его пледом и оставить в покое, но в ушах еще звучала прочувствованная речь подруги о любви к ближнему. Запахнув халат и затянув пояс покрепче, она попыталась тихонечко приподнять гостя, но Олег был мужчиной крупным, с хорошо развитой мускулатурой, поэтому попытка не увенчалась успехом. Спящий красавец даже не заметил ее слабых попыток. Наталья решила разбудить его и отвести в большую комнату на диван. Нагнувшись, она легонько потрясла за плечо, в ответ получила со всей силы ногой в бок. Наталья охнула, схватилась за поясницу, слезы брызнули из глаз от боли и осознания собственной глупости. Запас козлолюбия был исчерпан.

— Черт подери! Тебя проще не пустить, чем выгнать! — в сердцах воскликнула она.

Сбежав на кухню, она вернулась с полным чайником воды, который и вылила на голову обидчика. Тот заорал, вскочил на ноги и, схватив Наталью за плечи, стал трясти, как куклу. Когда жертва уже решила, что у нее отвалится голова и обязательно закатится под шифоньер, взгляд мучителя

принял более-менее осмысленное выражение. Он отпустил ее, обвел взглядом коридор, но, не обнаружив ничего подходящего, уселся на пол и почесал за ухом, как плешивый пес. Наклонившись, он вытер лицо полой Натальиною халата.

— М-да, интересно, зачем я к тебе пришел? — хмуро произнес он. — Тебя-то мне хотелось видеть в последнюю очередь. Или нет? — он выразительно посмотрел на Наталью карими маслянистыми глазами.

Именно глаза были его изюминкой, а вкупе с очаровательной улыбкой в тридцать два зуба делали неотразимым злодеем-сердцеедом, о котором мечтает каждая женщина, разочаровавшаяся в принцах. Проведя рукой по волосам, — еще один жест, украденный из арсенала совратителей, — Олег с интересом осмотрел свою мокрую одежду и спросил:

— Мы занимались этим под дождем?

Наталья смущенно достала спрятанный за спиной чайник.

— У-у-у, — неопределенно промычал Олег и, потеряв всякий интерес к хозяйке квартиры, двинулся на кухню.

— Наталья Семеновна, у тебя выпить имеется? Согреться надо, — крикнул он, гремя дверцами открываемых и закрываемых шкафов.

— Олег, может, лучше спать? — растерянно предложила она, присев на краешек стула.

Повернувшись к ней лицом, Олег широко улыбнулся:

— О сексе даже не волнуйся, сейчас подниму градус настроения и поскочем. Он вновь принялся за поиски спиртного.

— Ты не так понял, — Наталье все это страшно не нравилось.

— Я все правильно понял, я тебя с первого раза раскусил, когда ты нас в аэропорту с Ларкой встречала. У таких, как ты, на лице все написано, — Олег нашел початую бутылку коньяка, которую Наталья держала для маман, и наполнил пузатую рюмку до краев.

— Ваше здоровье, — гадко ухмыльнувшись, он чокнулся со стоявшей в рамочке фотографией с недавней вечеринки, залпом выпил и продолжил: — Но «кодекс чести» не позволяет вам посягнуть на чужого мужика, ведь так, Наталка? — схватил фотографию и со всей силы бросил об пол. — Признайся, если б не подружка, давно б ко мне в койку прыгнула. Халатик вон нацепила, — он хмыкнул, — память о прошедшей молодости.

— Олег, ты сволочь. Я это сразу поняла. И лишний раз убедилась, когда ты со своей женой ко мне приходил.

— Раскусила, специалист по юридическим вопросам. Вот ведь связался, четыре старые гримзы, грации предпенсионные. А эта бросить меня решила, явно с твоей подачи. Что ты ей напела?

— Олег, не выдумывай. Я не имею к вашей ссоре никого отношения.

— Да ладно, знаю я ваши бабские штучки, — Олег почти кричал. — Что она о себе возомнила, старая кошелка?! Да я любую «мурзилку» заполучить могу, а эта стерва решила мне нос утереть? Егор сболтнул в столовке, что два приглашения было! Интересно, кого она с собой прихватила? Не иначе, нового жеребца на помойке подобрала.

— Не смей так говорить о ней.

— А что ты мне сделаешь, пигалица? Кричать будешь? Уверен, что соседей постесняешься, — Олег пошел на нее, Наталья попятилась в коридор. — Ты не трусь, я Ларке не скажу.

— Ты и так ничего не говоришь, врешь, что твоя жена другого завела и развода требует, а на самом деле тебе просто денег жалко.

Он остановился, последние слова Натальи больно ударили по самолюбию.

— Да, жалко. Почему я должен выкидывать свои кровные на ее больную мать? Я достаточно истратил за годы нашей совместной жизни на сиделок, врачей и санатории. В отпуск не ездил, все на старую каргу уходило. А теперь пусть сама покрутится, не может — пусть полы идет мыть, но из моего нажитого ничего не получит.

— Но ведь ты понимаешь, что она не сможет, не потянет?

— А почему это должно меня волновать? Я, Наталья Семеновна, мужчина молодой, мне хочется развлечений, а не старую бабку в памперсах.

— Придет день, когда...

— Ой, да ладно, когда придет, тогда и посмотрим. Не я перестройку организовал и все деньги в «МММ» отнес. Мозгами надо шевелить, а не телевизору молиться.

— Знаешь, смотрю на тебя и не понимаю, что Лариска в тебе нашла.

— О-о-о, ты даже себе не представляешь! Давай я тебе покажу, что, — Олег пьяно заржал и начал расстегивать ремень на брюках.

Неожиданно он замотал головой, поморщился, словно его мутило, и прислонился к стене.

— А нафига ты мне сдалась? — задал он неожиданный вопрос. — Действительно, девок, что ли, мало, что я с одной мумии на другую прыгаю. Надо заканчивать с этим домом престарелых. Но Лариска-сука свое получит, я ей биографию-то подпорчу, — забормотал он несвязно, затем сфокусировал взгляд на Наталье. — Чего вылупилась? Не судьба тебе быть оттраханной настоящим мужиком.

Раздался звонок в дверь. Наталья и Олег переглянулись.

— Я смотрю, у тебя движение, как на проспекте в час пик, — он устало опустил на пол, закрыв лицо руками. Видно было, что ему совсем плохо.

Наталья пожала плечами. Она никого не ждала, но в настоящий момент рада была бы кому угодно, лишь бы выпутаться из неприятного положения и побыстрее выпроводить Олега.

— Слушай, мне за занавеску спрятаться или в шкаф лезть? — поинтересовался Олег.

— Сиди, где сидишь, тебя вряд ли заметят, — презрительно буркнула Наталья и пошла открывать дверь.

На пороге виновато улыбались Валентина и Михаил.

— Службу спасения вызывали? — строго спросил последний и выразительно помахал монтировкой.

— Миша, перестань. Натуль, извини за вторжение. Он наш разговор случайно услышал и потребовал выдвинуться на позиции.

— Заметь, к счастью, — сделал вывод Михаил, мгновенно оценивая обстановку в прихожей.

— А чего он мокрый? — поинтересовалась Валя, прикрывая за собой дверь.

— Дрался, — мрачно ответила Наталья, потирая нывший бок. Олег молчал.

— Так, молодое поколение, — Михаил выразительно переложил монтировку в другую руку, — встаем и спокойненько выходим из помещения без лишних телодвижений, а в благодарность за хорошее поведение я отвезу тебя до дома.

— А другой вариант? — нахально усмехаясь, спросил Олег, слегка пришедший в себя.

— Другой вариант тебя вряд ли устроит. Я бью тебя монтировкой по голове и выбрасываю на улицу. А там или милиция подберет, или любители ничейных вещей.

Олег не считал себя трусом, но алкогольная усталость давала себя знать, к тому же по рассказам Ларисы он знал, что Михаил слов на ветер не бросает.

— А звонок адвокату? — решил повредничать он.

— Чтоб отдать последние распоряжения? Нет. Пусть все государству отойдет, на культуру.

Олег, кряхтя, поднялся.

— Я готов, — развел он руками.

— А извиняться? Визит был не слишком мирный, как я погляжу.

— Еще чего.

— Знаешь, я передумал, — Михаил достал телефон. — Сейчас наряд вызовем, оформим вторжение в квартиру и нападение на хозяйку.

— Не выйдет, она сама мне открыла.

— Ошибаешься, дорогой товарищ. Она открыла, думая, что это мы пришли, — Михаил поднял палец. — Следы борьбы организуем, синяки на Наталье в любой момент можно обнаружить. Не повезло тебе.

— Ладно, ладно, я все понял. Извините меня, Наталья Семеновна, я больше так не буду, — кривляясь, процедил Олег, буравя ее ненавидящим взглядом.

— А теперь встал и на лестницу шагом марш.

— Ой, Миша, — бросилась к спасителю Наталья, — спасибо, даже не знаю, что бы я без вас с Валюшей делала. Думала, не отвяжется уже. Даже не знаю, как вас отблагодарить.

— Бумага и карандаш есть?

Наталья сбегала за блокнотом.

— Пиши! «Спроси, кто там, а потом открой дверь!» Написала?

Михаил вырвал листок и протянул хозяйке.

— Повесишь вот сюда, — потыкал он пальцем возле двери. — И чтобы всегда висел на этом самом месте!

Подруги разулыбались. Из-за двери донеслось пьяное хихиканье.

— Все, пошли, — скомандовал Михаил. — Увезем арестанта от греха подальше.

ГЛАВА 43

Глаза начали болеть, пощипывать, рабочий день подходил к концу, и Наталья решила закончить на сегодня бродить по интернету. На последнем уроке французского изучалась тема «Мое жилище». Читали и разбирали диалог старушки-француженки, сдающей комнату молодому русскому студенту. Мадам расписывала прелести крошечного мезонина, по тексту вмещающего средний аристократический дом. Сидя после занятий в «Попугае» и обсуждая прогнившую Европу, подружки придумали, что Наталье срочно нужен квартирант, учитывая, что данный способ знакомств плохо представлен в классической литературе и советском кинематографе.

Подруги пошутили и разошлись, Наталья же, вечно ищущая приключений на свою пятую точку, оценила идею по достоинству. Провозившись два дня, она выдала «на гора» объявление: «Симпатичная вдова, в связи со стесненными материальными обстоятельствами, сдаст одну из комнат в просторной квартире в центре города. Только для серьезных, обеспеченных, от 45 лет, без вредных привычек. Животные — только рыбки и черепахи. Оплата вперед». Она стойко выдержала день и, открывая электронный почтовый ящик, готовилась к разочарованию, в лучшем случае, паре-тройке ответов. Волнения были напрасны. Ящик был переполнен сообщениями. Серьезными и не очень, с непристойностями и предложениями руки и сердца. Наталья купалась в лучах повышенного интереса, забыв, что именно хотела в результате. Насладившись, она отобрала около тридцати сообщений, обращая внимание больше на грамматику и стиль письма, чем на смысл. Обзванивая выбранных кандидатов, она представлялась работником правоохранительных органов, что уменьшило список претендентов ровно наполовину. Теперь предстоял самый увлекательный этап работы — личная встреча. Ежедневник запестрел красными датами свиданий с претендентами на жилье.

Среди желающих был даже иностранец, изучающий, назло своим европейским коллегам, глобальное похолодание, которое вот-вот должно было заколоситься апельсинами в сердце Сибири.

Домой не хотелось, но кукушка намекнула, что день подходит к концу и что бокальчик красного вина приятно скрасит временное одиночество и подарит здоровый сон. Наталья достала мобильник.

— Ларчик, ты где? На работе? От Олега скрываешься, — поразилась Наталья, но быстро сменила тему. — Какие планы на вечер? Заезжай ко

мне в офис, выпьем красненького перед сном, грусть-тоска меня снедает, — процитировала она классика. — Мне просто необходима твоя жизненная энергетическая подпитка. Я понимаю, что за рулем. Если настроение скажет «пьянству бой», то мы сразу по домам, а если радостно откликнется на предложение, то машину оставим, а сами на такси. Я всегда знала, жду, — Наталья отключилась.

Минут десять она ходила по кабинету, размышляя, полить цветы или оставить скучный труд секретарше. Затем, сполоснув пару бокалов, поставила их на журнальный столик. Передвинув пару раз, сообразила, что такой красоты, как у Ларки, не получится, да и закусить нечем. Бокалы отправились обратно в шкаф с решением извлечь вино и посуду легким движением руки, спонтанно. Оставалась проблема закуски. Бежать на улицу за «сухим кормом», как она называла аперитив, не хотелось. Весна, поманив солнечными деньками, скуксилась. Холодно, сыро, противно.

Проходя мимо секретарского стола, она заприметила конфеты. «Белочка», — прочитала Наталья на обертке. Конфет было две. Ничего не оставалось, как перераспределить блага, экспроприировав одну. Шоколад раздражил аппетит, пришлось вернуться и съесть вторую, но уже без удовольствия.

— Вот, Наталья Семеновна, из-за вашей жадности завтра придется Людочке полкило конфет купить. Не объедать же бедную девочку. И ладно бы шоколад любила, а то ведь так, глаза завидующие, — ругала она себя, мечтая о бутерброде с икрой.

Монолог оборвался, когда за дверью послышался шум и в кабинете сразу стало тесно. Лариса пришла не одна.

— О, да вы всем табором, по какому случаю? Я что-то забыла, пропустила курсы, не сдала деньги? — тарахтела Наталья, расцеловываясь со Светланой и Валентиной.

— Успокойся, твоя память в порядке. Валюшка у Светланки была. Тут я их и поймала.

— Заставляю обследоваться, так ведь не хочет! — посетовала Светлана. — Совсем старые стали, разваливаемся на запчасти.

— Ты заболела? — спросила Наталья больше для приличия, чем для информации.

— Ничего страшного, давление, — соврала Валентина.

Она заезжала к подруге, так как считала, что должна хотя бы попытаться спасти ее брак, а главное, списать домашнее задание по французскому. После непринужденной беседы с Александром Лариса как с цепи сорвалась. На фоне первых убедительных успехов у нее открылось

второе дыхание. Пришло понимание, что посещая обычные курсы, можно действительно добиться приличных результатов. От подруг требовалось соответствовать. Теперь за каждый прогул или несделанное упражнение вместо веселых посиделок в «Попугае» проводилась тематическая лекция «французский язык превратил обезьяну в человека» с приведением в пример французских колоний. Валентине было стыдно.

— Давайте поедem ко мне, — радостно предложила Наталья, вспомнившая, что в холодильнике оставалось что-то съедобное.

— Давайте лучше в сауну, — предложила Лариса, — смыть пыль веков.

— А полотенце? — засомневалась Валентина.

— Ерунда, заедem по дороге ко мне и все возьмем.

— Я готова! — идея Наталье понравилась. Она не слишком любила парилку, но обожала завернуться после сауны в мягкий халат и расположиться на лежаке, заполучив порцию горячего чая на травах или глинтвейна. Пальмы, тепло помещения, непогода за окном — в такие минуты приходило ощущение покоя и нежелание двигаться. Они даже больше молчали, чем говорили, чувствуя, как никогда, что дружба и взаимопонимание — это не когда находится о чем поговорить, а когда есть о чем помолчать.

— Скажи просто, что ты сумку с прошлого раза еще не разобрала, — поддела Лариса, намекая на легендарную лень хозяйки кабинета.

— Да, я лентяйка! — скорчила рожицу Наталья, не желая признаваться, что слова попали в точку.

— Угу, самый ленивый человек на свете, — поддакнула Светлана, вступая в игру.

— Да, и горжусь этим. Человек ленивее меня еще не родился.

— Ему было лень, — сделала вывод Валентина.

— Кстати, для повторения французских глаголов душ — самое удачное место.

— Лар, я тебя умоляю, оставь глаголы для уроков, сауна — это для души.

— И вообще, самое удачное место для повторения пройденного — это Париж, — заныла Наталья, вспомнив, ради чего все было затеяно. — А мы все едем, едем и никак не уедем.

Валя укоризненно посмотрела на Наталью, Светлана сделала вид, что ничего не слышала, Лариса последовала ее примеру, поскольку Наталья была права. Майские праздники миновали, Париж оставался мечтой. Лариса наотрез отказывалась ехать, намекая, что подруги все еще не

способны узнать дорогу до Эйфелевой башни у аборигенов. На самом же деле уехать на майские означало взять билет в один конец. Лариса боялась вернуться к шапочному разбору, обнаружив в своем кабинете новое лицо, а точнее, «старое», давно знакомое.

Наталья закрыла двери, нажав кнопку сдачи помещения на вневедомственную охрану. Все вместе они уселись в машину, которую Лариса припарковала у самых дверей, игнорируя знак «стоянка запрещена», Валентина со Светланой сзади, Наталья традиционно пожаловалась на укачивание, захватив место рядом с водителем.

Лариса вырулила на Декабристов, потом свернула на Лермонтовский бульвар, объезжая пробки на центральных улицах. Наталья ерзала на сиденье, пытаясь угнездиться поудобнее. Она то регулировала наклон спинки, то пыталась навести порядок в своей сумочке, наконец, обнаружила источник раздражения — картонную елочку-освежитель воздуха, болтавшуюся на лобовом стекле с ее стороны. Заткнув елочку за козырек, Наталья ворчала:

— Зачем тебе это безобразие? Как в такси, фи! И от дороги, наверное, отвлекает.

— Натуль, она с твоей стороны висит, как она может меня отвлекать? — улыбнулась Лариса.

За очередным поворотом обнаружилась машина ДПС и одинокий продавец полосатой палочки. Не вызывающим сомнения жестом Ларисе было предложено остановиться.

— Что нужно этому альтернативно одаренному? — за рулем Лариса превращалась в монстра. — Я ехала четко пятьдесят!

— Может, денег жене на шубу?

— Ну прям, от меня еще никто денег просто так не получил, — расправила Лариса плечи и, открыв окно, ласково поздоровалась. — Добрый вечер, товарищ... — она посмотрела на погоны, — майор.

— Капитан. Капитан Кульков.

— Какие у вас проблемы?

— Не у нас, а у вас.

— Вы хотите сказать, что я превысила скорость?

— Нет.

— Пропустила знак?

— Нет.

— Слушай, капитан Немо, ты нормально можешь коммуницировать? — влезла Наталья, которой смертельно хотелось в сауну и дуло из открытого окна.

Капитан нахмурился, а Наталья ойкнула, получив острым локотком.

— Документики попрошу, — поджал он губы, сразу перейдя на официальный тон.

— Одну минуточку, — Лариса протянула права и техпаспорт, бросив уничтожающий взгляд на подружку.

— Лариса Михайловна, вы когда последний раз видели номерные знаки на вашем транспортном средстве? Утром был номер?

— Утром, вроде, был.

— А вот сейчас нет.

— Куда ж он делся?

— Откуда ж мне знать, ветром сдуло, лавиной унесло, грязевым потоком смыло.

Мысленно прикинув, что первое апреля было больше месяца назад, Лариса выскочила из машины и уставилась туда, где должен был крепиться номер. Пауза затянулась. Заинтригованные подруги высыпали из машины и застыли рядом с ней. Валентина принесла плащ и накинула Ларисе на плечи.

Вместо номера была привинчена жестяная табличка с надписью «Стерва».

— Сволочь, гаденыш, когда только успел! — поняв, что это не сон, Лариса забегала вокруг машины. — Да я ему за такие выходы яйца на машине развешу вместо фонариков, как новогодняя елка будет. Валентина бегала за ней, призывая успокоиться и поправляя плащ, норовивший свалиться то с правого плеча, то с левого.

Капитан улыбался. Ситуация забавляла, и женщина ему понравилась — симпатичная, и ругалась она особенно, не как жена, а интеллектуально.

Выпустив пар, Лариса взяла себя в руки и уже спокойно обратилась к блюстителю порядка:

— Товарищ капитан, это бывший муж никак не успокоится, все норовит то шины проткнуть, то дверь поцарапать, то еще какое-нибудь художество выдумать.

— Понимаю, сам на стадии, — проникся капитан, отмечая стройные ноги Ларисы, обтянутые черными брючками.

— Что вы говорите, — встряла Наталья, сто раз пожалевшая о вырвавшихся словах. — Вот, пожалуйста, моя визитка. Разводим, делим, оформляем. Три желания клиента — и ваша жена останется с тем же скарбом, что и старуха из «Золотой рыбки».

Кульков с сомнением посмотрел на заполошную пигалицу.

— Берите, берите, это я с виду такая противоречивая.

— Возьмите, она действительно очень хороший юрист, — подтвердила Светлана.

— Спасибо, подруга, ты спасла мою репутацию. Будешь разводиться, получишь бонус — стиральную машину вместо корыта.

Продолжая сомневаться, капитан спрятал визитку в нагрудный карман.

— Давайте я вам этот «сюрприз» скручу, а номерок вы завтра у благоверного заберите.

— Ой, спасибо, — обрадовалась Лариса и полезла в сумочку.

— Ничего не надо, — решительным жестом капитан дал понять, что гусары денег не берут. Через минуту дело было сделано.

Повертев табличку в руках, милиционер поинтересовался:

— Вы не будете против, если я табличку себе заберу? Зачем она вам? А моя просыпается утром, а на столе записка...

— Да вы шутник! — похлопала ресницами Лариса, тонко чувствующая, когда надо подыграть, когда поставить на место.

— Есть такое дело, — капитан расправил плечи, считая, что рыбка заглотила наживку.

— Спасибо, что помогли.

— Не за что.

Подружки уселись в машину, Лариса устраивалась, убирая документы в бардачок. Капитан мялся рядом, прикидывая, под каким предлогом спросить номер телефона. Лариса, заметив его интерес, поспешила закончить знакомство и, махнув ему рукой, хлопнула дверцей. Хлопок получился не таким, как обычно.

— О, черт! — выругалась Лариса, резко открывая дверь и выскакивая обратно.

Капитан хлопал круглыми глазами в обрамлении светлых поросячьих ресниц и хватал ртом воздух. Прищемленную дверью руку он держал на весу, как больного зверька, и пытался не завывать от боли.

— У меня в багажнике минералка, — скомандовала Лариса.

Валентина принесла бутылку.

— Протяните руку.

Он повиновался. В свете фар Лариса пыталась рассмотреть нанесенные увечья. Кровь хлестала. Не фонтаном, конечно, но лилась хорошей рекой из небольшой ранки возле ногтя большого пальца.

— Странно, — откопав аптечку, Наталья тоже вылезла из машины, желая посмотреть поближе, что происходит. — Пора бы уже перестать.

Капитан, чертыхаясь, достал платок, собираясь перебинтовать палец.

— Да вы что! Заражение будет, — Наталья достала из набора первой

помощи пузырек с йодом и от души плеснула на рану.

— А-а-а-а-а! — заорал больной, вновь обретая голос.

— И нечего так орать, у меня подруга доктор.

Светлана помахала ручкой, но из машины не двинулась, предпочитая наблюдать со стороны. Было интересно, как девчонки будут выпутываться.

— Ларис, может, жгут наложить? — с пытливостью юного натуралиста спросила Наталья.

Лариса пожала плечами.

— А куда накладывать? — заволновалась Валентина, потом решила, что с пострадавшего хватит и Натальи с Ларисой, и вновь умолкла.

— Не знаю, зато точно помню, что надо бумажку положить, во сколько часов был наложен жгут. Нас на курсах «Первая помощь» так учили, когда я на права сдавала.

— Учили, вот и делай, — Наталья подала Ларисе аптечку.

— Так когда это было, — Лариса вернула аптечку подруге.

— Может, дорожник приложить? — с серьезной миной предложила Наталья.

— Точно, и соком алое сверху накапать.

Капитан Кульков переводил взгляд с одной на другую, жалобно улыбаясь.

— Мы тут посоветались и решили жгут не накладывать, а то вдруг рука отвалится. Давайте сделаем проще! Полынная сигарета — вот наше решение. Прижигаем биологически активные точки. Температура пятьсот градусов.

— Где будем прижигать?

— Точка интань, третий глаз, — ткнула Наталья капитана в лоб.

Капитан пошатнулся, но устоял.

— Совсем забыла, у меня же имеются астральные пиявки! Себе берегла, но по такому случаю отдам по сто рублей за штуку, — Лариса полезла в аптечку, которую все еще держала в руках Наталья.

— Девочки, а может, я лучше пойду?

— Ни в коем случае, потеря крови! — Наталья быстро размазала ногой небольшое пятно, образовавшееся на асфальте в результате кровотечения. — Посмотрите, почти литр, только энергетические пиявки, иначе шок, кома, смерть.

— И жене все достанется, — подмигнула Лариса.

Мужчина побледнел, казалось, еще минута, и он рухнет на землю от ужаса.

— Наталья, Лариса, прекратите, — зашептала Валентина, решив

вмешаться. — Мне его жалко, он совсем побледнел.

— Хорошо, хорошо, не волнуйтесь. Я посмотрела, пиявки просроченные. Сейчас перевяжем палец, вот и кровь уже не идет, и все будет хорошо. А в трампункт все-таки наведайтесь, мало ли что.

Мужчина радостно закивал, доверчиво протягивая руку.

— Что, даже ноготь не будем отрывать? — кровожадно поинтересовалась Наталья.

Рука была мгновенно спрятана за спину.

— Оставим это для более опытных коллег.

Рука вернулась в зону досягаемости и была заботливо перебинтована Ларисой. Наталью он явно побаивался.

Когда капитан, наконец, отправился в сторону машины ДПС, бережно прижав к груди подлеченную руку, подруги уселись в авто. Наталья тряслась от хохота, Лариса похрюкивала, вытирая уголки глаз, Валентина укоризненно качала головой, пряча предательскую улыбку.

— Девчонки, ну почему вы такие вредные? Вы его чуть до инфаркта не довели.

— А ты почему не бросилась к нему на помощь? — все трое обернулись к Светлане, отсидевшейся в машине.

— Ну видно же было, что перелома нет. Знаешь, как сломанные пальцы на глазах распухают. А он, в конце концов, мужчина. Может и потерпеть. Это в фильмах при первом же крике «Врача!» один из пассажиров тут же бросается в гущу событий, а в жизни доктор молчит и наблюдает, надеясь, что без него обойдутся. И только в тот момент, когда он видит, что пациента определенно убивают, он бросается выполнять клятву. Врач тоже человек и не может быть вечно на переднем крае.

— А капитан симпатичный. Может, надо было дать ему шанс, — улыбнулась Лариса, поворачивая ключ в замке зажигания.

— И почти свободный, — обрадовалась Валентина, что Лариса так быстро забыла любовника.

— А Олег сволочь, — заметила Наталья.

— Не скажи, красиво набезобразничал.

— Да просто любит он тебя, вот таблички глупые и вешает. Школьники так одноклассниц за косички дергают, — добавила Валентина.

Ларисе было приятно.

— Не знаю, я тут пыталась выяснить, насколько верны слухи, так вот пока все тихо. Может быть, я ошибаюсь, ведь не может человек так страдать и в то же время делать гадости за спиной? Может быть, его хотят подставить? После той вечеринки, когда я его при всех на место поставила,

напился с горя, на другой день как побитый пес ходил, в глаза заглядывал, мол, знаю или не знаю о его показательных выступлениях. Мне, конечно, все доложили. Город у нас хоть и «миллионер», но кабаков, куда может пойти Олег, по пальцам перечесть. И публика в них одна и та же.

— Свинья он и бабник, — сказала весело Наталья, не чувствуя, что ступила на минное поле. Настроение было прекрасное.

— Что ты хочешь этим сказать? — Лариса затормозила так, что Наталья чуть не ударилась.

— То и хочу, — глаза Натальи забегали.

— А второе на себе проверяла? — повернулась Лариса к подруге, ее глаза сузились.

— Ларис, он был у меня с женой, — Наталья пропустила мимо ушей последнее замечание. — Нормальная тетка. У нее на руках парализованная мать, как ей на работу выходить? Она заработает ровно на оплату сиделки, а кушать на что? Олег хочет лишить ее всего.

— Ну, конечно, ты у нас психолог, инженер человеческих душ, по одной встрече сразу докопалась до сути, расставила всех по местам в ролевой игре. Олег — злодей, жена — жертва. Наташенька, очнись! Мир — не сцена, не Голливуд. Ты же всю жизнь витаешь в облаках и грезах, как стрекоза. Единственное, что тебя выводит из анабиоза, — это лейблы на шмотках.

— А тебя — мужская задница! — парировала Наталья, задетая эмоциональным монологом. — Ты помешалась на сексе. Не видишь, что Олег тебя просто использует.

— Откуда такая осведомленность?

— Девочки, прекратите ругаться.

— Свет, а ты чего вмешиваешься? У тебя все прекрасно: и муж под рукой, и любовник под ногой.

— Ларис, если у тебя проблемы, то выплескивать злость на друзей — не лучшая идея.

— Кто сказал, что я злюсь? Я констатирую факты.

— Ты хоть раз подумала, а кому нужны твои констатации? Тебя ничем не проймешь, но люди разные, и твое желание раскрыть глаза принижает, подрезает крылья. Вместо того, чтобы собраться с силами и решать проблемы, человек начинает копать в себе и примерять на себя твою рубашку.

— Конечно, правда мало кому нравится. По-твоему, называя вещи своими именами, я автоматически становлюсь плохой. Зато ты, скрывающая правду сама от себя, — честная и порядочная.

— Я не оправдываю себя. Я живой человек, имею право на ошибку, как и ты, впрочем. А с твоей точки зрения люди не имеют права ошибаться.

— Девочки, я вас прошу, мы же подруги, мы же сто лет вместе. Ларис, я с тобой в чем-то солидарна, действительно, мы стали слишком много скрывать, но ты пойми, ты слишком эмоционально воспринимаешь некоторые вещи.

— Поясни?

Наталья делала знаки, но Валентина их проигнорировала.

— Мы не хотели тебе говорить, — продолжила она, — но Олег приходил к Наталье, пьяный. Ты не думай, она сразу мне позвонила, мы решили...

— Н-да, подружки, — Лариса откинулась на спинку водительского сиденья. — Ну и что вы с моим бывшим решали? Какие судьбоносные проблемы обсуждали? Светк, а твой муж тоже им душу отводит? Здорово получается, одна подружка у нас такая свободная и жалостливая до чужих мужей, сопли им втихаря вытирает, на путь наставляет. А другая это все прикрывает.

— Ларис, зачем ты так, ты же знаешь...

— Откуда я знаю, чем они кроме разговоров занимались? Светланка, когда твой Николай в прошлом году помогал ей с новым диваном, ты уверена, что они диван потом не опробовали?

— Ларис, перестань! Ты злишься на Олега, а срываешься на нас. Девочки, ну что вы молчите, скажите же что-нибудь! — чуть не плача, пробормотала Наталья.

— Лар, ты действительно перегнула. Вспомни, что ты сама о нем говорила.

— Света, не лезь, без тебя тошно. Тоже мне, праведница-заступница.

— Девочки, ну что мы из-за мужиков ссориться будем?

— О-о-о-о, святая Магдалина очнулась! Хорошо тебе говорить, посмотрела бы я на тебя, если бы о твоём мужике речь шла.

— Ты не права, — тихо сказала Валентина, — Наталья правду говорит, козел твой Олег. Он был пьяный в стельку, Наталья мне позвонила, и мы не знали, как с этим справиться. Но там ничего не было.

— А ты, я смотрю, свечку держала. Пока я зализывала раны, лучшая подруга подсуетилась, — перебила Лариса, — быстро поднятое не считается упавшим, закон десяти секунд.

— Как ты можешь! Ты достойна своего Олега. Он говорил теми же словами. Ты просто завидуешь Светланке, что у нее достойный поклонник, а у тебя только молодые да ранние, — с этими словами Наталья вылезла из

машины, с силой захлопнув дверцу.

— Ничего подобного, — крикнула ей вслед Лариса, потерявшая от гнева голову. — Да если я захочу, за мной очередь выстроится.

Она повернулась к сидевшим сзади Валентине и Светлане.

— Да, действительно, я не могу, как ты, Светик, ходить, взявшись за руки, как встретившиеся через сорок лет после войны. Отношения между мужчиной и женщиной включают в себя секс, нравится тебе это или нет. На Западе тетки до девяноста трахаются, а у нас в пятьдесят что угодно, любые развлечения, но койка — табу, как будто это стыдно. Господи, вы в молодости недополучили, теперь все можно, но все равно вы не готовы к этому. Так и помрете девственницами.

— Ларис, хватит, — сказала Светлана. — Мы пойдем, а ты домой давай, устала ты, наверное.

Лариса молчала. Светлана и Валентина вышли из машины. Набрав номер, Валентина попросила мужа приехать. Усевшись на пустой остановке, они молча ждали Михаила.

Приехав домой, Лариса приняла успокоительное и отправилась в ванную снимать макияж. Глядя в зеркало, думала, как неумолимо она стареет. Физически ощущая, как часы отсчитывают время, она прикидывала, сколько ей осталось продержаться, не сдавая позиции. Пять, десять, пятнадцать лет, а что потом? Показавшиеся на верхней губе пигментные пятна Лариса называла трупными. Подруги не знали — год назад она ездила в Москву, якобы встречаться с владельцем, а на самом деле сделала пластику век. Вернувшись, две недели рассказывала о поздних совещаниях, бессоннице, плохой столичной погоде, избегая встречаться с подругами и маскируя синяки. Через какое-то время, «отдохнув», «приведя себя в порядок», Лариса расцвела, и все признали, что выглядит она замечательно. Почему она не сказала подругам, она и сама не знала.

ГЛАВА 44

Сказались волнения последних недель. Пережив ссору с дочерью и переволновавшись из-за подруг, Валентина чувствовала себя неважно, но наотрез отказывалась «полежать» в частной клинике. Свято веря в бесплатную медицину, она считала, что хорошие врачи работают из чувства долга, а не ради наживы. Дочь, конечно, разнервничалась, начала рассказывать ужасы про ампутированные ноги вместо рук, перепутанные бирки с полом у новорожденных, но на выручку неожиданно пришел зять, спокойно объяснив разбушевавшейся жене, что мамулю кладут для профилактики в отделение санаторного типа, где только осмотр, процедуры и никаких обрезаний, пошутил он. Войдя в палату, рассчитанную на четыре человеко-койки, Эльвира признала, что ни в коридоре, ни в комнате люди не лежали друг у друга на головах, как в дореволюционные времена в тифозных бараках, а мухи не роились над кроватями. Чисто и довольно уютно. Веселенькие занавесочки на новых евроокнах, тумбочка и даже старенький холодильник делали палату похожей на номер в отеле для человека неизбалованного, но любящего чистоту и порядок. Три кровати были разобраны. Четвертая была застелена белым, как вафельное полотенце, покрывалом, а подушка стояла углом, как в пионерлагере. Палата была пуста.

— Больные на процедурах, — сообщила сестра-хозяйка, передавая Валентине комплект полотенец.

Торжественно пообещав звонить после каждого посещения врача и передавать сводки о здоровье, Валентина отправила своих до дома, до хаты, а сама прилегла на кровать.

С дочерью они помирились на удивление быстро. Алексей, относившийся к теще с глубоким уважением, поговорил с Элей, упрекнув за неуместный, как он выразился, «coming out». Эльвире и без того было стыдно. Кроме того, приглашая няню, бедная девочка представляла себе даму возраста своей мамы, с детской наивностью полагая, что кто платит, тот и музыку заказывает. Реальность разочаровывала. Гувернантки, молодые интересные женщины в хорошей физической форме, подчеркнутой английским костюмом, были далеки от литературного образа крепостной Арины Родионовны, кланяющейся в ноги своей барыне. Остановив свой выбор на одной из них, Эльвира почувствовала себя не в своей тарелке, слегка побаиваясь новоявленную фрекен Бок. Гувернантка,

присланная элитным агентством, выполняла свою работу: воспитывала детей и попутно домочадцев. Осознав, что она теряет последние позиции в собственном доме, оставляет деревню за деревней, Эльвира появилась в родительском гнезде с предложением об окончании военных действий. По вопросам питания и здорового образа жизни она не уступила ни пяди, продолжая обеспечивать семью подножным кормом. Семья отнеслась с пониманием, уважая право каждого человека на самовыражение. С передачей воспитательных функций бабушке и дедушке пришлось повременить, поскольку Валентина выглядела неважно, и Эльвира с Михаилом уговорили ее обследоваться.

Проснулась Валентина от тихого разговора. Прислушалась.

— Мужики все-таки поголовно бестолковые. Мой не жмот, плохого не скажу. Самое обидное, что подарки дарит дорогие, но мне не нужные. Спрашивается, зачем мне дорогие часы, если я их не ношу вообще? Или очень красивые золотые серьги в виде цветочка, но с розовой серединкой? У меня из розового только бантик на лифчике! Еще я балдею, когда он собирается на мероприятие. «С пониманием» ждет три часа, пока я начищу перышки, перемеряю все платья, переделаю пять раз прическу. Я всегда при параде ровно за пять минут до выхода. Сам же никуда не спешит. Он терпеливо ждет. И начинает собираться ровно тогда, когда я готова. И тут начинается! Он, оказывается, тоже в замешательстве, что сегодня наденет, или не может найти подходящий галстук. Выясняется, что на костюме пятно, оторвалась пуговица, или то, что он хотел надеть, в химчистке. Нет, конечно, так не всегда. Иногда мудрая женщина, то есть я, все ему подготовит заранее. Тогда он уверен, что он сам собрался за пять минут. И догадайтесь с трех раз, кто всегда виноват в опоздании?!

— А я никогда не могу прийти вовремя. Являюсь или на час раньше, или на час позже. Я и вещи с вечера соберу, и сумку. Раньше даже маршрут прорабатывала, но каждый раз, как только у меня остается времени в обрез, кто-то третий путает карты, рвет последние колготы, прячет косметичку, ломает кофеварку, делает мелкие пакости, чтобы я носилась по дому как электровеник, сшибая углы.

— Барабашка?

По голосам Валентина определила, что девушки молоды. Наверное, ровесницы ее дочери.

— Прикалывайтесь-прикалывайтесь, а мне привелось на себе испытать. Подробности опушу, но падающие зеркала, срывающиеся со стен картинки, самовключающийся свет не раз заставляли мои волосы вставать дыбом, — с обидой в голосе гордо заключила вторая. — Когда домой

прихожу, всегда в звонок звоню.

— Зачем?

— С домовым здороваюсь.

Девушки фыркнули.

— Вообще я в это все не верю, но вот спиной к стене предпочитаю спать, — созналась первая.

— Да, — поддержала вторая, — я вот тоже не люблю спать так, чтобы рука с кровати свешивалась, страшно, вдруг схватит... Но сейчас мы с ним помирились, я ему печенье на карниз положила. Но иногда он нервничает, что я дома долго не появляюсь, и свет включает.

— Туда, где лежит печенье, заглядывала? — вступила третья девушка. Голос с хрипотцой выдавал курильщицу со стажем.

— Нет, обхожу это место. А вдруг оно его съело? — с ужасом спросила вторая.

Девушки захохотали. Валентина кашлянула и приподнялась на кровати, опираясь на подушку. Три девушки сидели на кровати у окна, поджав под себя ноги, и угощались чипсами.

— Ой, извините нас. Мы, наверное, громко, — разволновалась худенькая светленькая девушка в детской пижаме с мишками и красными мячиками. По голосу Валентина определила, что именно она совращала домового печеньем. Девушка стала собирать крошки на покрывале в руку.

— Разбудили? — озаботилась яркая блондинка а-ля Мэрилин Монро с малиновыми губами, то ли от природы такими полными, то ли доктора постарались. Сексапил, как принято говорить, сбивал наповал. Энергетика исходила от девушки, как жар от батареи.

— Да нет, девочки, я привыкла дремать под звук телевизора, — соврала Валентина.

— А можно вас спросить, вы верите в нечистую силу? — поинтересовалась девушка с мишками.

— Знаете, на заре перестройки, — Валентина поудобнее устроилась на кровати, — с появлением первых видео, страна поделилась на три лагеря. Одни смотрели «про это», вторые — боевые искусства Шаолинь, а третьи — ужастики. Удивительно, но никто не кинулся смотреть классику американского кино, «Завтрак у Тиффани», например. Ну да ладно.

— «Про это» — это про что? — нахмурила брови девушка-подросток.

— Деревня ты, Катерина. Одни черти на уме. Эротика, секс, поза лотоса, — томным голосом из «секса по телефону» проинформировала «Мэрилин».

— А у тебя одни тряпки и мужики, — огрызнулась та. — Брать нужно

внутренней красотой.

— А давать чем?

Подружка барабашки пошла пятнами. Сжав кулачки, она готова была кинуться на обидчицу.

— Прекрасный внутренний мир — здоровые органы для трансплантации, — спокойно заметила третья, круглолицая толстушка с непримечательной внешностью. — Не слушайте их, — обратилась она к Валентине, — они сестры, но одна блондинка натуральная, а вторая — крашеная.

Тут она, как фокусник, выудила из-под подушки коробку конфет и, прикрыв полый махрового халата, строго посмотрела на сестер:

— Будете ругаться, одна трюфеля съем. Дайте человеку рассказать.

Блондинки выразили согласие быть хорошими девочками. Коробка была отдана на съедение.

— Муж у меня военный, — продолжила Валентина, — потому Шаолиня ему на работе хватало. Эротические фильмы — «много шума из ничего». Он любил ужасы. Они доводили его до слез больше, чем комедии. Все эти монстры и вампиры казались ему сказочными героями. Он смотрел ужастики, как «В гостях у сказки», а не как того требовал жанр и задумка режиссера. Кетчуп, льющийся рекой, и дырки в голове размером с воронку от взрыва водородной бомбы, образовавшиеся от простенького ружья, радовали его, как ребенка. Пару раз я посмотрела за компанию, но однажды ночью подхожу к окну и вижу, как мертвяки из фильма в белых балахонах направляются из нашего дома в соседний. Лица в лунном свете цвета сбежавшего молока и светятся изнутри. В руках они держали фонарики, как светлячки. Стою у раскрытого окна и молю лишь об одном, чтобы ни один из них не поднял глаза. Мне показалось, если луч от фонаря попадет на меня, то они придут за мной. Я стояла, смотрела и ждала. Было так страшно и так хотелось, чтобы этот ужас закончился, что на мгновение мне захотелось выпрыгнуть в окно, в ночь, куда угодно.

Девушки слушали, затаив дыхание и постепенно перемещаясь ближе к Валентине, пока не уселись на ее кровать, не забывая, впрочем, шуршать обертками конфет. Коробку поставили посредине, на покрывало, жестом предложив Вале угощаться.

— Я понимала, что это видение, мираж, что бояться нужно живых, мертвые не шляют по улицам, но я видела собственными глазами соседний дом в разрезе. Знаете, как в кино про войну, когда видны лестничные пролеты, а стены нет. Так вот, я видела, как они идут по лестнице, направляясь в одном им ведомую квартиру. Ужас, который я

испытала, не передать словами. Отойти от окна я не могла. Мне было так страшно, что я боялась пошевелиться. Я, наверное, так и простояла бы до утра, но в какой-то момент муж обнял меня сзади и взял на руки. Я уснула еще до того, как он положил меня на кровать, такой был у меня шок. Наутро он рассказывал, как, проснувшись, увидел меня перед раскрытым окном в развевающейся ночной рубашке, и ему даже показалось, что я светилась изнутри. Я же смутно помнила, что видела, но животный страх не забыла. Так что нет никаких привидений и потусторонних сил, а есть лишь много плохих фильмов на ночь, — весело закончила Валентина и потянулась за конфетой.

— Точно, Сергей Алексеевич, главврач, так и сказал, что все наши болячки от стресса, — обрадовалась Катерина.

— А зарплату без стресса он не сказал, как получать? — тут же отозвалась сестра.

Катерина показала ей язык.

— Скажите, а как вас зовут? — вдруг спросила она.

— Валентина, можно без отчества.

— Не-е-е, без отчества я не могу.

— Тогда зовите тятя Валя. Меня девочки на работе всегда так звали.

— А скажите, вы верите в любовь на всю жизнь и чтобы без измен?

«Мерилин» и толстушка покатались со смеху.

— Ну что вы ржете, как две лошади? — оскорбилась Катя.

— Пытаюсь уловить ассоциативный ряд. Бумбарашка, ужасы, любовь до гроба, — давясь от смеха, выговорила ее сестра. — Теть Валь, объясните хоть вы ей, что мужики все козлы, а то она целует козлиные морды и все ждет, когда вместо одной из них принц образуется. Кать, когда же ты повзрослеешь? Я тебе сто раз уже говорила, что розовые очки бьются стеклами внутрь. Взгляни на мужиков глазами простой русской бабы. Я когда замуж выходила, только и слышала со всех сторон, какой Ванечка хороший да как он всю жизнь пылинки с меня сдувать будет.

— Так ведь сдувает, — подала голос сестра.

— А куда ему деваться? Дело было так. Собирались мы с Ванькой в Хорватию съездить на море. Целый год деньги копили, мечтали, как будем на пляже попы греть, а вечером по барам да дискотекам, и чтоб ни шагу без прислуги, чтоб все за нас делали. В общем, заказали отель суперстар, пять звезд. Я уже и гардеробчик начала подбирать. Прихожу однажды домой, думаю, надо срочно старый Ванькин паспорт на продление отдать. Время идет, Ванька сказал, что сам сделает, но так и не чешется, думаю, отнесу в агентство, там все сделают. Решила, чего я его будить после ночной смены

буду, сбегая сама, тем более что с работы отпустили. Лезу в тумбочку, достаю паспорт, раскрываю на странице «дети». Случайность, но кто ж знал, что я там обнаружу. Оказалось, что у моего Ванечки в Алапаевске имеется сынок пяти месяцев. Я его паспортной прямо во сне и измордовала. Говорю, ах ты, козел, когда я тебя из тюрьмы ждала, а он туда по глупости залетел на год, надеялась, что тебе наука уже была и ты точно в семье осядешь, а ты дитенка успел какой-то клуше заделать, компьютерщик хренов. Пока я волосья стригла, чтоб тебе на обучение, а потом на фирму собственную наскрести, ты по бабам бегал, а потом песни пел, что в Алапаевск вы интернет проводите.

— Вы разошлись? — грустно спросила Валентина.

— Да нет, простила я его. Он в ногах у меня валялся, клялся, что больше никогда. Да и польза была от того загула. Теперь он виноват и знает, что виноват, потому ведет себя как шелковый. Но это ерунда, моя сестрица почище моего мужа номера откалывает. Вы спросите, от кого у нее ребенок. Кать, скажи тете Вале, кто отец моего племянника.

— Ну зачем вы так, я же человек посторонний, — Вале стало неудобно.

— Нет, пусть скажет. Кать, давай, как на духу.

Катерина опустила голову и всхлипнула.

— Дед Мороз.

— Что? — не поняла Валентина.

— А то, отец ее ребенка — Дедушка Мороз, — торжествующе пояснила сестрица. — Она с ним на маскараде во Дворце культуры железнодорожников познакомилась. Я ей пригласительный достала, думала, может, нормального парня найдет. Нет, железнодорожники ей не понравились. Понравился этот, с бородой, из-за которой даже лица видно не было. Как сексом заниматься — это она сообразила, а как зовут мужика, забыла спросить и предохраняться тоже забыла.

— А что ребенку сказали? — поинтересовалась толстушка, заедая историю очередной конфетой.

— Как и положено, соврали про папу-полярника. Погиб на задании, разгребая лед перед «Титаником». Пока кушает, а вот подрастет — будет у пацана шок.

— Понимаете, — подала голос Валентина, видя, что Катерина совсем сникла, — человека нельзя заставить быть верным.

— Зато можно контролировать, — деловито заметила «Мэрилин».

— Глупо устраивать слежку. Если он решил изменить, то изменит, неважно, где и как. Мужчина может быть занятым с утра и до ночи, в

свободное от работы время пахать на тещиной даче, оставшиеся минуты посвящать жене и детям, но из двадцати четырех часов он сделает двадцать пять, и этот час он проведет с женщиной, которую любит.

— Я ж говорю, все козлы.

— Нет, не все, а только те, которых мы козлами делаем. Мы же воспитываем, растим мужчин. Знаете, я не люблю говорить, но надеюсь, что мой муж мне не изменял никогда.

— А как вы познакомились?

— В седьмом классе я залезла на высокое дерево и не могла спуститься, а потом просто упала ему в руки, при этом сломав ногу не себе, а ему. На мне же не было ни царапины. Я страшно переживала, кость у него срослась неправильно, и ему ее ломали. Пришлось бросить спорт, а у него был разряд по лыжам. И вы знаете, он никогда меня не попрекнул и не вспомнил.

— Видимо, так на роду написано, — покачала головой толстушка.

— Не знаю. Когда мы поженились, все смеялась, что свадьба у него не последняя, потому что у мужа было две макушки. Примета есть такая, две макушки, значит, два раза жениться будет... Лет через десять обратила внимание, что нет второй макушки, одна осталась.

— Красиво.

Разговор прервался стуком в дверь, начался вечерний обход. Отбой был ровно в 22:00. Девушки на удивление быстро уgomонились. Валентина, которая уже выспалась, долго ворочалась, стараясь как можно тише перемещаться на скрипучей кровати. Она думала об этих молодых женщинах, из рассказов которых поняла, что работа и начальство довели их до больничной койки. Работают с утра до ночи, без выходных и праздников, чтобы не выперли. Мысли свернули на проблемы дочери. Душа болела за всех, за весь мир. Вспомнилась история, которую она рассказала девушкам. Страшно не было, но неожиданно стало грустно и тоскливо. Захотелось домой, в родную постель, под теплый бок к Михаилу, такому близкому и понятному. Грудь сдавило тягостное предчувствие, то ли к дождю, то ли к беде. Валентина дотронулась до крестика на груди и забормотала «Отче наш», но тоска не проходила, а наоборот, поднималась все выше и выше, в область сердца. «Медсестру, может, позвать», — мелькнула мысль, но потом Валентина вспомнила сериалы про замотанных медсестер, работающих на трех работах и отсыпаящихся только на ночных дежурствах, и решила, что она уж как-нибудь. Зачем тревожить из-за ерунды. Она приподнялась и, налив минералки, выпила залпом почти целый стакан. Стало полегче. Она закрыла глаза и стала вспоминать

французские глаголы: же перд, тю перд, иль перд...

Сквозь дрему Валентина почувствовала как что-то сдавливает грудь. За окном загромыхало, деревья шумели под порывами ветра. Начиналась гроза. Занавески шевелились, комнату освещали яркие всполохи. Дышать стало совсем тяжело. Она хотела встать и позвать кого-нибудь, но тут услышала странные звуки. Очередная вспышка молнии осветила у нее на груди поверх одеяла угольно-черного дьявола со светящимися глазами. Дьявол монотонно бормотал заклинание на непонятном языке. Когти подбирались к груди, прикрытой только тонкой тканью ночной сорочки. В пустой от ужаса голове звонко тикала мысль, что не стоит будить лихо, пока оно тихо. Не стоило своим рассказом вызывать смерть. Вот она и пришла. Дьявол, казалось, рос на глазах. Не сводя глаз с чудища, Валентина потянулась к тумбочке, зацепила стоящий на ней стакан, который брякнулся об пол. Она заорала не своим голосом.

Мгновенно, как ей показалось, зажегся свет, соседки забегали, кто призывая дежурную сестру, кто закрывая распахнувшееся от порыва ветра окно. Катя подбежала к ней, успокаивая, бормоча, что гроза — это не конец света. Валентина пила воду, пыталась объяснить, что за ней приходила смерть, и никто не обратил внимания на огромного черного кота, спрыгнувшего со шкафа и шмыгнувшего в коридор. Он был очень обижен, что его стряхнули с насиженного места, такого мягкого, теплого и вкусно пахнущего валерьянкой.

Медсестра сделала успокоительный укол. Остаток ночи прошел спокойно, а на утро Валентина попросила мужа забрать ее домой. Врач с радостью согласился, выписав пачку рецептов и шепотом порекомендовав Михаилу сводить жену к специалисту по нервным болезням.

— Галлюцинации — это начало, — закончил он.

— Валюш, а колоть тебя кто будет? — спросил уже дома Михаил, выстраивая батарею флакончиков и коробочек на кухонном столе.

— Давай ты. Ничего же сложного.

— Я? Я не могу, не умею и мне плохо от одного вида, — замахал руками муж.

— С каких это пор тебе плохо от вида моей пятой точки? — Валентина распаковала одноразовый шприц, купленный в аптеке, налила внутрь воды и дала мужу диванную подушку. — Вот, тренируйся.

— Я крови боюсь, — признался полковник, но шприц взял, эффектно выпустил фонтанчик воды и осторожно стал втыкать шприц в подушку.

— Да ты не мучай ее, а быстренько. Смотри! — Валентина легким движением всадила шприц в вышитую пастушку.

— Хорошо, хорошо, а тебе больно не будет?

— Если будешь два часа колоть, то будет, а если быстро, то нет. Давай, тренируйся, а то скоро укол надо делать, а ты еще на подготовительной стадии.

Минут пятнадцать Михаил колол подушку шприцем, как шпагой.

— Кажется, я уже могу. Давай, оголяйся, я буду тебя лечить, — он стоял в дверях спальни. — Ложитесь, пациент.

Валентина, смеясь, улеглась на кровать.

— Начинаю.

Михаил минут пять ходил вокруг, пытаясь найти удачный момент и место, передвигая то край ночной сорочки, в которую была облачена Валентина, то одеяло, то саму Валентину.

— Ты долго будешь меня как тушку рассматривать?

— Не торопи, я должен высчитать угол падения шприца. Ой!

— Что такое, у меня хвост вырос?

— Я же забыл продезинфицировать место.

— Я с тобой инфаркт заработаю и придется тебе делать мне искусственный массаж сердца. В общем, так, или коли, или я позвоню Светке.

— Хорошо, хорошо, я уже в пути.

Намазав половину ягодич йодом и изобразив мишень с «яблочком», закрыв глаза, Михаил воткнул шприц. Валентина ойкнула, он тут же вытащил шприц обратно.

— Ты что делаешь, я ж не подушка!

— Прости, Валюш, но в подушку он входил жестко, а в тебя как нож в масло. Я ж не знал, что так мягко будет. Знаешь, звони Светке.

— Хорошо, — сказала Валя, поправляя рубашку и накрываясь одеялом. — Не хотела человека беспокоить, но придется. Заодно узнаем, что там у нее с Николаем. А пока пропустим один укол, не страшно ведь.

— Я отгулы взял, так что неделю с тобой побуду, присмотрю, а то напугала ты меня с этими больницами. Ты отдыхай, я пойду куплю чего-нибудь вкусенького, благо, наша дочь тоже решила на пару дней нас оставить, так сказать, у нас с тобой медовая неделя. Будем одни. Радоваться и наслаждаться, — поцеловав жену, он отправился в магазин, прихватив пса, который поселился у них навсегда.

ГЛАВА 45

Прекрасно разбираясь в людях, Александр не находил достойного ответа, почему женщина его мечты отказывается от него. Отъезд девушки Ильи на повышение в столицу оказался палкой о двух концах. Иванна, у которой кроме «духовного термометра» на стене гостиной оказалось еще отличное образование и приличный опыт работы, двумя руками ухватилась за соблазнительное предложение. Молниеносно оформив перевод детей в один из московских лицеев, она рассорилась с наставником Кинжуи, выкинула измеритель продуктовых душ и, пообещав Илье при случае позвонить, укатила. Илья не находил себе места, Светлана заламывала руки, проклиная обольстительницу, разбившую ему сердце.

С другой стороны, было не слишком ясно, почему Светлана отказывается от любви только из-за того, что муж стал чуть более внимателен? Александр знал, чувствовал, что дорог Светлане, и вдруг такая перемена, отказ от всего ради родного болота и царящего в нем водяного. Ситуацию не переломила даже встреча на вечеринке. Как платье Золушки превращается в лохмотья, а карета — в тыкву, так романтический настрой Светланы исчез с последним ударом часов.

Александр сидел на скамейке, смотрел на прохожих и ломал голову над вечным вопросом, как завоевать женщину. Сквер перед горсоветом был вылизан до блеска. Дорожки аккуратно подметены, бордюры покрашены, цветы высажены в виде герба области. Пушной геральдический зверек в своей цветочной ипостаси больше напоминал кошку, но идея горожанам нравилась и на фоне клумбы активно фотографировались жители и гости региональной столицы. На лавочках сидели любители пернатых и кормили голубей, которые были почти домашними. Некоторые садились прямо на руку или клевали принесенный хлеб с носков ботинок. Моложавая бабушка, стараясь одной рукой удержать коляску, другой — внучку, объясняла малышке, что надо, как большие дяди и тети, не пугать птиц, а стоять тихонечко, и тогда они подойдут поближе и попросят угощения. Но девочке хотелось сейчас, потому что ее хлеб лучше. Вырвавшись из рук женщины, она с пронзительным криком врезалась в мирно пасущуюся, ничего не подозревающую стаю. Птицы взметнулись ввысь. Девочка и сидящие на скамейках смотрели в небо, никто не возмутился, кроме бабушки, пытающейся из всего вычленить воспитательный момент. Все понимали, что гораздо интереснее сделать по-своему, а не чинно кормить

птичек. Мало кто из находящихся в сквере мог себе позволить выходку маленькой девочки, еще незнакомой с условностями, правилами и прочим балластом, который прибавляется с каждым лишним годом в паспорте и каждой новой морщиной на лице.

— Вот так и надо жить, не задумываясь. Делать то, что нравится, не то, что должен, — задумчиво произнес Александр, решительно вставая и направляясь на стоянку машин.

— Есть кто дома? — Николай заглянул в прихожую, пряча руки за спиной. — Есть здесь кто живой? — короткими перебежками он метнулся на кухню прямо в ботинках, оставляя грязные следы на паркете, шлепнул на стол букет алых роз.

— Куда, куда вы удались? — напевал он, избавляясь от шуршащей бумаги. Настроение было прекрасным. Достав из пакета уже готовую курицу, он устроил ее в утятнице, разложив по бокам печеный картофель, отошел посмотреть на свое произведение, как скульптор. Затем, вооружившись кулинарной силиконовой кисточкой, начал намазывать курицу соусом. Продавщица клятвенно заверяла, что аромат приправ заставит захлебнуться слюной каждого, кто только появится в районе первого этажа. Взглянув на птичку еще раз, он ощутил некоторый диссонанс. Повернув курицу животом вниз, соорудив из одной картофелины голову, а из двух изюминок глазки, он запихнул шедевр кулинарного искусства в духовку, поставив на пятьдесят градусов. Цветочки отправились в вазу. Нарезка и пара салатиков — по тарелкам. Сбегав с полным ведром к мусоропроводу, он радостно прислушался, как уничтожаются следы преступления: упаковки, ценники, пластиковые лоточки.

Сегодня была годовщина, требующая в свете последних событий показательного выступления и денежных вливаний. Сыну он профинансировал поездку в Москву, чтобы тот расставил все точки над і. После отъезда Иванны влюбленный Ромео пребывал в коматозном состоянии от скоропостижной разлуки с любимой. Озарение пришло во время программы «Метросексуалы». Осознав, что он отпустил красавицу-вдову прямоком в лапы позора и разврата, Илья засобирился, как жена декабриста. Желая убить разом двух зайцев, Николай оплатил билет и приготовился отпраздновать с женой, как в молодости, когда сына еще и в проекте не было.

Удивительно, но отсутствие отпрыска не только в квартире, но и в городе страшно будоражило Николая, он даже немного мандражировал.

— Прямо как мальчик, — произнес он вслух, после минутного

раздумья решив плеснуть себе пару капель для аппетита.

Аромат праздничного блюда начал заполнять квартиру, устремляясь в сторону входной двери. Запах настиг Светлану в лифте, в районе третьего этажа. В районе пятого она с легкой завистью подумала, что есть семьи, где к приходу жены и стол накрыт, и тапочки на коврик. К девятому этажу она вспомнила, что «мужик на кухне — грязь по всей квартире». Подойдя к двери, она обрадовалась, осознавая, что ароматы исходят отсюда. Радость поутихла, когда в чисто вымытой накануне прихожей обнаружили следы грязных ботинок. «Козел», — мелькнуло в голове, в этом емком слове заключались страдания всех русских женщин, начиная с Ярославны. Грязь, мужской способ метить территорию, означала: «Я здесь хозяин, я здесь живу и имею полное право на все».

Злость и разочарование заглушил запах: тимьян, розмарин, чабрец, корица, имбирь, эстрагон... Николай по совету продавщицы даже впрыснул в ножки птицы красное вино, чтобы мясо не стало суховатым. Стоящий у плиты «козел» трансформировался в того, о ком она мечтала между пятым и шестым этажом.

— Не входи, не входи, еще не готово, — раздался мужнин крик из кухни. — Проходи в комнату, я скоро.

Светлана прошла в гостиную, обнаружила накрытый стол под праздничной скатертью. «Гости! Свекровь? — похолодела она, вспомнив, что для мамы сыночек всегда был гостеприимным хозяином. — Восьмое марта давно прошло, День Победы тоже, день рождения не сейчас, — перебирала Светлана по месяцам, чтобы не сбиться. — Что там еще осталось? День города, день сва... блин. Хорошо, что хоть орать сразу не начала, нехорошо получилось бы. Так, а как же подарок?»

Выходило, что муж подготовился, а она нет. Надо было прикрыть чем-то позор. Мелькнула бредовая мысль позвонить Александру и посоветоваться. Нет, она не могла. Оставленный в прихожей телефон тренькнул, извещая о полученном SMS. Светлана сходила за ним и прочитала сообщение:

*«Я обернулся каплей дождевой,
Слезой по щеке твоей сбежал,
Узнай меня, как я тебя узнал,
из тысячи других
И стань судьбой...»*

Стихи обрывались, заканчиваясь припиской: «Я понимаю, что уже поздно, что ты замужем, но, может, у вас соль закончилась? Знаешь, какая сегодня будет луна?»

Светлана улыбнулась и ответила: «Спасибо, стихи замечательные. Но на луну я посмотрю с балкона». Муж гремел на кухне тарелками, вилками, рюмками. У него что-то падало и звоном отдавалось по квартире. От помощи жены он отказался, заявив что день свадьбы, как Новый год, раз в году. «Вот видишь, — сказала она внутреннему голосу, — заботливый, думает обо мне». Она грустно вздохнула. Старания Николая доставляли удовольствие, но к радости примешивалось все больше раздражения. Ее страшно тянуло к Александру. Единственный их поцелуй не шел ни в какое сравнение с тем, чем они с мужем занимались в спальне.

Чувства были обострены, как в юности, когда все в первый раз, и весна, и теплый вечер, и счастье переполняет до краев, выплескиваясь в теплую ночь. Признаться, она не хотела с Александром большего, желая сохранить ощущение счастья и покоя.

Мобильник пискнул сообщением: «Луна в форточке?! Напоминает наши с тобой отношения. Так почему бы не открыть окно настежь?»

«Потому что сегодня день свадьбы, и я о нем забыла», — написала Светлана и испугалась. — «Если бы не дата, я бы с удовольствием посмотрела на луну», — дописала она.

— Коль, давай я тебе все-таки помогу, иначе мы и к полуночи с тобой за стол не сядем.

— А куда нам торопиться? Завтра суббота, сына нет, у нас вся ночь впереди, — многозначительно ответил муж.

Стол получился достойный. Курица, салатки, вино и как фон — телевизор. Николай что-то говорил, Светлана что-то отвечала, стараясь попасть в настроение. Она привыкла, что после работы муж рассказывал, как прошел день, ожидая в нужный момент одобрительного вздоха или отрицательной реакции, в противном случае он начинал доказывать, почему реплика жены неуместна, объяснять, что она не права, поэтому проще было молчать и мычать. В последнее время Николай стал для проформы спрашивать о ее делах, но было видно, что ему это абсолютно неинтересно, да и не умела она рассказать так, чтобы было смешно или хотя бы занимательно. Она знала коллектив, где он работал, с ее же коллегами он не общался.

Монолог Николая, подпитанный тележурналом, свернул на очередного политика. Светлана слушала и думала об Александре. Конечно, он нравился ей, ой, как нравился. Она посмотрела на мужа, на его сидящие,

коротко подстриженные волосы, и на душе потеплело, хотя внутренний голос опять завел шарманку о том, что она размякла от бокала вина, а муж уделяет больше внимания телевизору, чем ей.

— Чайку? — донеслось до нее, как сквозь вату.

— Что? Нет, не хочу, голова что-то разболелась.

Муж сразу как-то напрягся, как будто в мозгу тумблер переключили, Светлана даже щелчок услышала.

— Может, тебе прилечь? — проявил он беспокойство.

— Нет, просто душно здесь, — засуетилась Светлана, оправдываясь. — Я сейчас чайку заварю и балконную дверь открою, чтоб свежий воздух.

И тут зазвонил его мобильник.

Десятью минутами ранее Александр вышел из офиса во двор и весело крикнул:

— Василий!

Из припаркованного под окнами «Хаммера» раздался нечеловеческий стон пленника, которого ведут напрямиком к жертвенному огню. Василий был палочкой-выручалочкой запавшего на жену дантиста Александра. Еще со школы двухметровый детина с пудовыми кулаками при слове «зубной» покрывался холодным потом и бледнел, правдами и неправдами избегая лечения зубов. К тридцати пяти ротовая полость представляла собой руины, не подлежащие восстановлению.

— Кстати, вы обратили внимание, как Вася похорошел? — с иезуитской улыбкой благодетеля обратился Александр к двум другим охранникам.

— Я просто пять кило сбросил, пока у вашего живодера в кресле мучился, — пробубнил Василий, на лице которого отразились страдания христианских мучеников.

— Что тебе не нравится? — ласково удивился шеф. — Тебя лечили бесплатно, специалист высшей категории, почти светило, автор монографий, да тебе просто повезло!

— Живодер он, ваше светило, — ныл Вася, тыкая пальцем в телефон в поисках нужного номера.

В этом была горькая, но правда. Николай был великолепным специалистом, но работу свою выполнял без эмоций, абсолютно не понимая страхов клиентов. При просьбе о наркозе предлагал воспользоваться бейсбольной битой. Спокойненько точил корень зуба у пациентов на глазах, охотно вводя в курс дела: «Видите, как морковку! Читал об одном интереснейшем методе, на вас и попробуем». И зуб

приживался, чудом прирастало то, что по идее должно было отмереть.

Впервые в жизни Вася упал в обморок именно в кабинете Николая. Наслушавшись Васиных рассказов, товарищи сочувственно смотрели на великана, моля бога, чтобы больные зубы у него не заканчивались, понимая, что как только это случится, сразу наступит их черед. В свободное от работы время первый тост теперь был всегда за Васины зубы.

Отказать шефу Василий не мог, такой работой не разбрасываются, и коллектив у них за много лет сформировался на зависть всем. Нет, он готов был умереть за шефа, но почему нужно умирать обязательно в кресле дантиста? Раньше он так хорошо обходился «золотинкой» от шоколадки, затыкая дыры в зубах.

Николай прикрыл трубку рукой:

— Свет, так обидно, но десерт откладывается. Любого бы послал, но у этого такой интересный случай, на нем можно докторскую сделать. Тридцать лет человек ничего не делал, картина сказочная, да еще подкрепленная парадонтозом. Прости, что так получилось. Я на часик-полтора, не больше. Мигом обернусь, и тогда продолжим.

Светлана сразу догадалась, о каком пациенте идет речь.

— Знаешь, а я с тобой пройду, — предложила она Николаю. Ей захотелось испытать судьбу.

— Куда пройду? До машины? — не понял Николай.

— Ну, хотя бы воздухом подышу. Может, голова пройдет.

— Слушай, тогда давай ты за пирожными сбегаешь, пока я клиентом займусь? Потом вернусь, чай, кофе, потанцуем?

— Так поздно уже, — запротестовала Светлана, словно ее выгоняли под пули.

— Да ладно, детское время, половина десятого.

— Темно уже, вдруг хулиганы, — упиралась та.

— Свет, не хочешь — не ходи. Как к Лариске в ночь-полночь — так без проблем, а тут маньяки ей мерещатся. Я целый день на работе, потом у плиты, салатики, то-се, ты же только сидела и ела. Попросил сбежать за сладким, — изобразил обиду Николай.

— Ладно, Коль, схожу, конечно.

— Да не надо уж мне одолжение делать.

— Коленька, ну не сердись, — она стала одеваться, стараясь привести себя в порядок, но при этом не слишком явно прихорашиваться.

Проводив его до машины, помахала рукой. Когда она свернула за угол, рядом притормозил автомобиль.

— Не верю, что ты решилась на такое, — сияющий Александр

распахнул перед ней дверцу. — Я безумно рад тебя видеть! Скажи, что ты должна купить, ребята смотаются.

— Да, но я должна быть дома через час.

— Будешь.

— Знаешь, — замялась Светлана, не веря, что говорит эти слова, — у нас день свадьбы, нужен небольшой презент. Я на работе оставила, а надо бы сегодня, Коля так старался...

— Галстук, — предложил ничуть не смутившийся Александр.

— По-моему, банально.

— Ошибаешься. Галстук — это самая интимная деталь мужского гардероба. Одна часть выставлена на всеобщее обозрение, она кричит о своем владельце: «Я крут, моден, молод душой». А другая, как подводная часть айсберга, скрытая от женских глаз, находится на мужской груди, близко к сердцу. Галстук — это показатель, индикатор. Как правило, его дарят любовницы. Потому я советую женщинам всегда обращать внимание на новые приобретения мужа в области шеи. По рисунку, цвету, эксклюзивности умная женщина сразу определит, выбран ли он продавщицей или рукой соперницы.

— Но ведь мужчина может тоже разбираться.

— Маловероятно, если он правильной ориентации, женат или не покупает все, от костюма до носового платка, в одном бутике. Мужчина никогда не сумеет описать продавщице цвет своего костюма и рубашки, чтобы подобрать правильный галстук.

Светлана никогда еще не покупала Николаю «удавки» без костюма, и именно галстуки она внимательно рассматривала в магазинах, думая о подарке для Александра, выбирая подходящий под цвет его глаз.

Отдав распоряжения, Александр повел машину по ночному городу. Минут через десять они остановились у башни, возведенной в царские времена одним из тогдашних нуворишей. Вошли внутрь, поднялись по каменной лестнице на верхнюю площадку. Освещенный фонарями, наверху был накрыт столик на двоих, рядом стоял телескоп.

Александр взял ее за руку.

— Смотри сюда, видишь вон ту звезду? Рядом с созвездием Льва. Рядом с ней есть маленькая, почти неразличимая точка, тоже звезда. Так вот, с сегодняшнего дня она носит твое имя. Прости, что вытащил тебя среди ночи. Дело в том, что ее видно лишь раз в сто лет. Я не виноват, что этот день совпал с днем твоей годовщины, — хитро улыбнулся он.

— А как ты узнал?

— Ты мне сама сообщила.

— Нет, я про сто лет.

— Ах, это. Кто владеет информацией, владеет миром, — улыбнулся Александр. — Навел справки. Хотел преподнести любимой женщине подарок, который она сможет увидеть, а не просто так: «Дорогая, я подарю тебе звезду», — и пальцем в черноту неба, — его синие глаза сверкали, сливаясь с темнотой ночи.

Они сели за стол. Из небытия возник официант, тихо хлопнула пробка, шампанское полилось в тонкие бокалы. В этот момент небо озарилось фейерверком.

— Фуа-гра и немного икры, — предложил Александр. — Ты же только что из-за праздничного стола?

Светлана махнула на него салфеткой, пряча улыбку. Она смотрела в звездное небо, было хорошо и спокойно. Она подумала, что он захочет ее поцеловать, но он даже не попытался, и Светлана с удивлением поняла, что это ее огорчило.

— Теперь, когда ты будешь смотреть на небо, ты всегда будешь вспоминать меня, а это уже кое-что, — сказал он ей на прощание.

Все закончилось на том же месте, где и началось. Светлане вручили коробку с пирожными, сверток в подарочной упаковке, и она пошла домой. Николай еще не вернулся. Она переоделась и решила лечь спать, понимая, что вряд ли сегодня сможет ответить на мужнины ласки, только испортит ему праздник. Протерев следы на полу, она положила подарок на видное место, потом вышла на балкон, чтобы еще раз полюбоваться на свою звезду.

— Спокойной ночи, любимый, — тихо сказала она. — Спокойной ночи, родной, — добавила она, переведя взгляд на сверток на столе.

ГЛАВА 46

Наталья пыталась вспомнить цель посещения гипермаркета на Островского. Кругом сновали люди, пришедшие провести выходные в магазине. Наталья удивлялась: по всем каналам народ жалуется на тотальное безденежье, но только она случайно оказывается в торговой точке, глаза разбегаются от бедных тружеников, нагруженных пакетами. Впечатление, что коммунизм наступил и покупки выдают без денег. Ее толкнул проходящий мимо мужчина.

— Чего встала посреди дороги, — пробурчал он, перехватывая поудобнее коробку с караоке.

— Хамло, сплошное хамло, — сказала себе Наталья. — Ничего удивительного, что я одна, без мужа, здесь же выбрать не из кого!

Она все же отошла в сторону, остановившись у витрины с белыми манекенами без лиц, наряженными в нечто несуразное.

Так, опять отвлеклась. Зачем-то же она проехала три остановки, надо просто вспомнить. О чем же я думала? Так было всегда. Наталью посещала мысль, с ней она выходила, ехала куда-то, потом, увлекаемая рекламой то одного товара, то другого, забывала цель поездки. Она сто раз обещала себе записывать в ежедневник, но его еще нужно было найти, поэтому запись делалась на листочке, а листочек клался на видное место. Там он и оставался, забытый, либо исчезал таинственным образом и приходилось искать его полдня.

Она решила пробежаться по магазину, вдруг нужная вещь промелькнет, напомним о себе ненавязчиво. Проходя мимо отдела для рукоделия, Наталья узрела знакомую шаль.

— О, мамуль, привет!

— Здравствуй, моя хорошая, ты что здесь делаешь?

— Я мимо шла, — привычно соврала дочь, — а ты что ищешь?

Маман наклонилась над витриной.

— Да хотела бусинки для глазок прикупить, а смотрю, тут уже целые глазки продаются, кто бы мог подумать.

— Для чего?

— Для глазок, — не отрываясь от витрины, чуть раздраженно ответила Марианна Сергеевна.

— Все равно не поняла.

Маман оторвалась от своего занятия и взглянула на Наталью:

— Петь не умеешь, ладно, но с мозгами у тебя нормально до сегодняшнего времени было. Помнишь крысу?

— Которая гнездо устраивала?

— Да, — перебила маман. — Так вот, это была не крыса, а голубка. Каким-то образом попала в вентиляцию, а вылететь не смогла. Все ты виновата. Если бы не была такая трусиха, то еще тогда увидела, что это божья тварь, а не пасюк, а ты вся тряслась, как на электрическом стуле. Так вот, птичка умерла и мумифицировалась. Когда работники пришли, чтобы дырку заделать, кстати, матерились как сапожники, пока твои художества отдирали, хотели руки оторвать тому, кто это сделал, ты б еще гипсом залепила, они ее и достали. Я ее помыла, подсушила, хотела еще в «Ванише» сполоснуть, чтоб уж беленькая была, но не стала. Она такая красивая сделалась, теперь вот ищу глазки, чтобы совсем как настоящая была. Поставлю на полку. Что ты на меня так смотришь? Я же сказала, высохла птичка, мумия, понимаешь, как в магазине «Охотник». Тебя в зоологическом музее экспонаты не путают, так в чем проблема?

— Может, не надо? — робко поинтересовалась Наталья.

— Я сама знаю, что мне надо. Подарю ее потом Галине на юбилей, пусть радуется. А на шею повешу флешку шестнадцатигигабайтную, ей пригодится, мы как раз к тому времени закончим ноутбук осваивать. Красивая упаковка и небанальная, заметь, — маман обратилась к подошедшей продавщице: — Девушка, вот эти серо-голубые, пожалуйста, с крапинками, — поворачиваясь к Наталье: — Как раз как у Галины, водянистые. Еще реснички прицеплю накладные, будет шедевр.

Марианна Сергеевна радовалась, как ребенок.

— Ты сейчас куда? — поинтересовалась она у дочери. — Пойдем, здесь замечательная «Сладкоежка» открылась.

— Мне нельзя, я на диете.

— А кто сказал, что есть будешь ты? Мама будет кушать, а ты — вырабатывать силу воли. Поговорить нужно.

Кафе находилось в подвальном этаже торгового центра, рядом с гаражом. Они нашли свободный столик, расположились, утонув в мягких креслах.

— У тебя сегодня никаких дел после обеда?

— Нет, конечно, — с готовностью ответила Наталья, зная, что так начинается каждая мамина просьба, и не дай Бог она окажется несвободна.

— На кладбище надо съездить, дядька твой помер, — сообщила маман, изучая карту десертов.

— Когда? — опешила Наталья.

— Вчера похоронили. Не хотела я ехать, но дух Казановы сказал, что это не по-людски, я с ним советовалась.

— Мам, но я не одета, траур полагается, — заблеяла Наталья. Новость была слишком неожиданная.

— Ты же не на похороны, а на кладбище. Покойникам никакого дела до твоих красот, знакомых среди могильщиков у тебя нет, или я что-то упустила?

Наталья замотала головой, подумав про себя, что на кладбище уже недавно была. Подошла молоденькая официантка в строгом форменном платье.

— Так, милая, — улыбнулась маман, — мне большую чашку кофе, четыре куска сахара, прошу обратить внимание! Клубничное мороженое в шоколаде с двойной порцией взбитых сливок и орехов. А молодой даме, — кивок головы в сторону дочери, — зеленый чай и диетический кекс. Пожалуйста, кусочек потоньше изобразите, дама играет в диету.

— Жалко, — вздохнула Наталья. Было неясно, переживает она по поводу пирога или из-за дядиной кончины.

— Что жалко, если ты видела-то его пару раз, и то во младенчестве. Ладно, я еду отдавать долг, так сказать, детству, хотя и в то время паршивец он был несносный. Когда я была маленькая, родители уходили, а его нянькой оставляли. Этот гад засовывал меня между оконными рамами, знаешь, в сталинских домах окна были огромные, до потолка, а я худющая была, отлично помещалась, а сам, сволочь, бежал с мальчишками в футбол играть. Играл он лучше всех. Одного из запасных ставили на шухер в подворотне, и как только кто-то из родителей появлялся, он тут же со всех ног бежал домой, доставал меня, сажал на стульчик и с умным видом начинал книжку читать. Родители умилялись. Я готова была разрыдаться от обиды, но он каждый раз покупал меня за кусок сахара, припрятанный с обеда. Сам он сладкое терпеть не мог, только делал вид, что ест. А я же за сахар отца и мать продала бы, — маман вздохнула. — Если бы не эта семейка, которая кастрировала его по самые мозги, то сейчас, может, и жив был бы, а так... Три бабы сделали из сибиряка идиота, несуразного, как негр на Аляске.

Принесли заказ.

— А мы с Лариской поцапались, — грустно поделилась Наталья. — Теперь точно накрылся Париж.

— Из-за чего поругались? — Марианна Сергеевна сделала глоток кофе.

— Да ее хахаль заходил ко мне, а Валентинка сболтнула, не со зла,

конечно. Лариска завелась, мол, глаз я на Олега имею. Сама же разошлась с ним после того, как на работе у них проблемы начались.

— М-да, Ларочку я люблю, она меня в молодости напоминает, такая же боевая, — причмокнула маман. — Мужиков только она выбирает все как-то не по рангу. Брать надо выше и расти с ним, а она хочет поймать осетра, но ловит на мелководье.

— А как же чувства?

— Господи, девочка моя, послушав тебя, прихожу к выводу, что должна жить вечно. Кто тебе это вбил в голову? При чем здесь чувства? Они совсем не связаны с теми «чудными мгновеньями», которые базируются на влечении самца и самки, которые возникают сами собой и таким же образом исчезают. Невозможно и не нужно пытаться их удержать, тем эти мгновения и хороши! Птица садится только в открытую ладонь. Попытайся сжать кулак — упорхнет бесследно.

— Он же использовал ее.

— Это бартер, — цинично заметила маман. — Какая-никакая любовь в обмен на опыт. Мужчина или любит, или нет. Когда любит, он подстраивается под женщину, когда чувства угасли, он становится таким, каким его создала природа и воспитала собственная мать, то есть зачастую эгоистичным животным, способным только жрать и грязь разводить.

— Лариску уволят, — грустно заметила Наталья, пропуская мимо ушей знакомые сентенции.

— Если она захочет, то не уволят, таких не увольняют. А что касается ее хахалы, тут все просто. Взыграло самолюбие. Она думала, что управляет их отношениями, вышло немного иначе. Ладно, хватит болтать, поехали, не к ночи же по кладбищу бродить, — она достала телефон и начала набирать SMS.

— Позвонить-то проще, — заметила Наталья, доедая кекс.

— Может, и проще, но дороже. К тому же у нас в клубе сейчас тема «Отправка SMS». Медленно, но дело идет. К лету должны с телефонами закончить. Потом по лэптопу купим и интернет подключим.

— Мам, а зачем тебе интернет?

— Как зачем? Вот мне надо было адрес один узнать, два часа на телефоне висела, а так раз — и нашла. Иван Сергеевич говорит, там все есть, как в Ленинской библиотеке, документы какие нужны или как болячки лечить. И вот хорошую вещь изобрели: интернет-магазин, чтобы продукты на дом заказывать, лекарства или чтобы продать что-нибудь ненужное.

Около часа дня мать и дочь добрались до Михайловского кладбища,

располагавшегося в сосновом бору.

— Парадокс, — рассуждала Марианна Сергеевна, — кладбища у нас в России приличные. Живем, как в Азии, а помираем, как в Европе. Чище, чем у некоторых дома.

Они прошли мимо теток, продававших цветы.

— Вот, молодцы бабки, — маман удостоила комплиментом и их. — Вместо того, чтобы сидеть в поликлиниках, на свежем воздухе общаются, да еще богоугодное дело делают. На обратной дороге купим пару цветочков у них, для под держания бизнеса.

Кладбищенская контора располагалась в окруженном кустами сирени деревянном доме.

— Добрый день, Леопольд Яковлевич, — обратилась примадонна к сидевшему за столом старичку в огромных очках. Тот встрепенулся, вскочил.

— Марианна Сергеевна, сколько лет, сколько зим. А я вас сразу узнал по голосу!

— Надеюсь еще столько же с вами не встречаться.

— Конечно, ни к чему это. И так сколько ваших уже здесь полегло, — затем, сообразив, что говорит не то, зачастил: — Но вам-то не грозит встреча с нами, вы-то как всегда цветете! Богиня, просто богиня! А как была великолепна ваша ария Далилы, — и он фальшиво запел:

*Открылась душа, как цветок на заре
Для лобзаний Авроры,
Но чтоб утешилась я, мне слезы осушили
Жгучей лаской страстным взором.*

— Ну что вы, голубчик, — отмахнулась маман, но лесть была ей приятна.

— Даже не спорьте. Вам бы в Ла Скала петь, а не в нашем захолустье. Архипова, Образцова, я же был в Москве, слышал, — они вам в подметки не годятся.

— Да, да, были времена, но страна была другая, времена другие, давайте вернемся от дел земных к нашим баранам.

— Ах, простите, что я ударился в воспоминания. Вы же по делу. Кстати, наслышан про ваш кружок, сорока на хвосте принесла.

— Той бы сороке перья из хвоста повырывать.

— Не составите протекцию?

— С превеликим удовольствием, — последовал великодушный кивок головы.

— Так вот, похоронили мы вашего братца, хорошие были похороны, очень хорошие. Народу было мало, но все люди приличные, на машинах.

— Ага, значит, всей семейкой сюда прикатили.

— Гроб дорогой был. Погода была прекрасная, человек ведь светлый, земелька под лопатой как по маслу, легко закопали.

— Как закопали? — тихо прошипела Марианна Сергеевна. — Мы же договаривались, чтобы сжечь. Сволочь такая, и здесь обскакал, с удобствами устроился, а я в горшке скрюченная должна лежать, как джинн в лампе? Могила родительская, договаривались вместе!

Примадонна разошлась и топнула в гневе ногой.

— Выкапывайте!

— Да вы что, — старичок всплеснул руками. — Бумаги нужны, родственники, скандал будет!

— Я что-то не поняла, я что, не родственник? Вам что, бумага от президента нужна или, как в кино, разрешение на эксгумацию?

— Но если узнают?

— Кто? Покойники? Слушайте, Леопольд Яковлевич, мне никто никогда в моих просьбах не отказывает, и если я решила, что хочу попрощаться с горячо любимым братцем, — Наталье показалось, что она услышала скрежет зубов, — то даже выходцы из могил меня не остановят. У вас есть два варианта: или вы делаете, как я сказала, или я делаю сама, — она вынула из ушей серьги с бриллиантами, положила на стол. — Завтра дочь вместо них деньги привезет. Выкапывайте и в крематорий, я договорюсь.

Леопольд поник головой, смиряясь.

Уходя с кладбища, маман, как и обещала, купила букет цветов, который и вручила Наталье на пороге своей квартиры, прощаясь с ней.

— А, вот еще что, — задержала она ее в последнюю минуту. — Мне принесли билет на премьеру в Доме кино, сходи обязательно.

Она протянула пригласительный.

ГЛАВА 47

Валентина страдала, посещая магазины. Выбрав симпатичную вещь и раздевшись в примерочной, она приходила в ужас от собственного отражения. Дома и во время прогулок по городу в зеркалах и витринах отражалась довольно милостивая, чуть полноватая женщина. В примерочной в зеркале обнаружился тюлень с глазками-бусинками в толще жира. Поборов отвращение к себе, она все-таки примеряла выбранное, но с ужасом узнавала, что налезавшее вчера сегодня с трудом натягивается до колен. Кофточки с трудом застегивались на пару верхних пуговиц, дальше до живота шло сплошное декольте. Очень хотелось брюки или платье, а мечтой был брючный костюм. Платья в магазинах предлагались на стройненьких, в крайнем случае на полненьких.

Дамам размера Валентины оставались картофельные мешки с рюшечками и фантазии на тему русского сарафана, в лучшем случае был один вариант — празднично-новогодний. Украшенная мишурой и блестками елка тихо плачет в сторонке от зависти к мерцающей, как электростанция, женщине. Золото, серебро, леопард, перья — чем больше кусок ткани, тем безудержнее размах художника. Наряды «на выход» у Валентины были в изобилии, а вот на каждый день платьев не завозили, полагая, что с такими размерами надо покупать треники, а потом уже мечтать о красивых вещах. Тренировочные штаны она носила мужские, так как живот, запихивающийся в утягивающие панталоны, даже оттуда торчал средних размеров арбузом. В результате походы по магазинам заканчивались для Валентины покупкой очередной сумочки или платочка с обещанием, что к следующему году она чуть-чуть похудеет и накупит себе красоты. Время шло, килограммы оставались на вечном боевом посту, не сдав позиций ни на грамм. После рождения внучек новоиспеченная бабушка возобновила походы по магазинам, находя применение хорошему вкусу.

Прогуливаясь по торговому центру, Валентина остановилась у входа в детский отдел, рассматривая футболочки, трогая швы.

— Так, Эдик, ну-ка с этой точки!

Валентина обернулась и замерла.

— Не вижу повода для улыбки, да еще такой радостной, — заявил ей лысый дядька с платочком на шее. — Видишь, люди работают. Ты тряпочки-то перебирай, рассматривай.

Валентина ошарашенно повернулась обратно к корзине с футболками.

— Эдик, возьми крупным планом лицо и бюст.

Валентина машинально прикрыла грудь руками.

— Господи, вот темный народ. На съемках в Италии при слове «бюст» итальянки расправляли плечи и норовили попасть в кадр всем декольте, а на моей несчастной родине бабы продолжают думать, что грудь — единственное, о чем думает мужчина. Дама, уберите руки от бюста! — заорал он. — Не мешайте искусству запечатлевать вас для истории!

Валентина в ужасе убрала руки.

— Молодец! — похвалил лысенький. — Теперь о деле. Вы хотите быть моделью?

Валентина огляделась по сторонам.

— Але, дама, у вас бюст занимает все жизненное пространство или извилины остались? Я с вами разговариваю.

— Вы хам, — с достоинством ответила Валя.

— Ну и что? Это не помешало мне взять первый приз за рекламу ролика о садовой лопате. Да-да, я понимаю, Антониони снимал кино, а я — рекламу. Каждый дурак покажет жизнь за три часа, а ты сумей уложиться в пять минут, чтобы и начало, и сюжет, и развязка, и чтоб драматично было, или чтоб все смеялись. Короче, дама, вы согласны?

— Но я же не модель, я не умею.

— И не надо.

— А что я должна буду делать?

— Мариночка, даме сценарий. Вы страшно напоминаете мне мою покойную тетю Саню. Я как увидел вас, вот то, как вы тряпочки перебирали, сразу понял.

— Вениамин Карлович.

— Что, Марина? Мы будем работать сегодня или так и будем ходить с моим именем на устах?

— Вы сказали, что сценарий меняете.

— И что?

— У меня только старый, нового нет.

— Я что-то не понял, а где все эти дармоеды, съемочная группа? Почему только Эдик и ты в наличии? Я тут как пчелка тружусь. Почему пчелка всегда одна, а трутней целый улей? Где рабочие пчелы?

— Вениамин Карлович, вы же перерыв объявили, пока натуру искали.

— Я уже минут десять как нашел тетю Саню, а у народа все еще перерыв? Да если бы Пазолини имел подобную съемочную группу, он бы свои шедевры веками снимал.

— Вениамин Карлович, вот они идут.

— Пришли, дармоеды! Один я вкальваю, а эти лишь жируют за счет моего таланта и успеха. Грифы. Орлы и леопарды...

— Вениамин Карлович, какой сценарий-то?

— Для тупых, прошу внимания, объяснение для тупых. Тетя Саня...

— Валентина, — подала голос Валя.

— Не перебивайте его, — замахала руками ассистентка.

— Так вот, тетя Саня идет по магазину, ничего ей не нравится, в отчаянии примеряет два половника, два дуршлага, затем прикидывает к себе палатку и тут радостно обнаруживает стойку с бельем фирмы «Бюстик-фэшн». Она идет в кабинку мерять, зовет мужа, тот скрывается в кабинке, потом высовывает голову и говорит «Бюстик — это не только декольте, это еще и счастье в семье». Где муж?

— Я здесь, — последовал четкий, как в армии, отзыв.

— Итак, тетя Саня, тренируемся.

Валентина как в тумане пошла по торговому центру, который неожиданно оказался пустым, лишь заученно улыбались кассирши и редкие зрители-покупатели наблюдали за творческим процессом. В отделе кухонных товаров «примерила» крышки от кастрюль, половник налез бы ей разве что на уши, затем была очередь дуршлага и, наконец, она дошла до кабинки, улыбнулась.

— Стоп. Прекрасно, тетя Саня, просто шедеврально, половники отвергли очень реалистичненько. Так, еще раз, все по местам. Припудрите ее и снимаем.

— Но как же? — оторопела Валентина, до которой дошло, что ее увековечат всерьез.

— Милая, еще пять минут и штука баксов у вас в кармане, — зашептала ей Марина. — Видите ту тетку, которая зеленее зеленого? Это актриса московского театра, ее забраковали, а вас на ее место взяли.

— Так вы что, из Москвы?

— Конечно, сейчас модно снимать новые лица и живую природу.

Валентина вспомнила неудачную попытку рекламы.

— Да, сюда приезжали уже снимать.

— Как приезжали? — в ужасе спросила женщина. — Господи, если Вениамин узнает, что здесь уже были, то эта командировка не закончится никогда. Он нас точно в тайгу потащит. Умоляю, не говорите ему.

— Да, конечно, не скажу, — утешила ее Валя.

— Почему болтаем? Почему опять не работаем? Тетя Саня, я думал, хоть вы в адеквате.

— Все нормально, я проговаривала текст.

— Тоже неплохо.

Часа через два Валентина, измотанная, как будто разгружала вагоны, упала на креслице, принесенное кем-то из продавщиц магазина. Съёмочная группа держалась на последнем дыхании. Режиссер продолжал броуновское движение, ругаясь и подгоняя.

— Он у вас из чего сделан? — спросила выжатая как лимон Валентина. — Он же скоро упадет от нагрузки.

— Я тоже так раньше думала. Нет, он как гиперактивный Кощей Бессмертный. В гороскопе такого знака просто нет. Бешеный бурундук. Жен меняет каждые два года. Больше ни одна не выдержала. А это уже третья съёмочная группа.

— Умерли?

— Почему сразу «умерли». Сошли с дистанции, не смогли вынести темпа его работы, уволились, несмотря на зарплату. Я — последняя из старичков, но у меня сын, и алименты муж не платит.

— Знаете, а я, кажется, могу вам помочь, — вдруг твердо сказала Валентина.

— Вы что, волшебница?

— Нет, я мать и жена. Проблема вашего режиссера в том, что он просто голодный. Вы все уже и по кофе успели, и пообедать, а он водичку да водичку.

— И правда! Удивительно, но меня не посещала эта мысль.

— Он просто как моя дочь. Та тоже носится, носится...

— Может, он правда ваш родственник?

— Тетя Саня умерла, а я живая, — напомнила Валентина.

Откуда ни возьмись, появился поднос, нагруженный тарелками. Ноздри защекотал запах горячего плова. Режиссер сопротивлялся, говорил, что есть не хочет, а хочет мировой славы, признания и «Золотого льва» в номинации «рекламный ролик». Марина наседала, объясняя, что еда — это подношение от руководства торгового центра, что аборигены не поймут отказа, страшно обидятся, ведь для них огромная честь принимать у себя такую знаменитость.

После первой ложки, принятой внутрь с опаской и отвращением, пришел аппетит. Режиссер заграбастал миску и упал на свой стульчик. Съёмочная группа упала на пол.

Когда в тишине и покое завершилась съемка, к Валентине, ставшей героиней номер один, подходили по очереди, с чувством благодаря за спасительную идею. Ей выдали деньги, записали координаты, пообещав

будущее звезды рекламы. Валентина в звездность не верила, но чувствовала себя счастливой. День прошел среди интересных людей, в работе с полной самоотдачей и хорошими деньгами. Похвалы и комплименты напомнили ей, что она может быть полезной, нужной, а не просто бабушкой для внучек.

ГЛАВА 48

У мужчин жизнь организована просто. Они могут годами не встречаться, а потом в один прекрасный день появиться на пороге, обрадовав старого приятеля. Не будет вопросов, не будет неудобства, что только сейчас нашлось время. Человек не давал о себе знать, не звонил, чтобы узнать, как дела, как семья, не поздравлял с праздниками, а теперь объявился, потому что душа потребовала общения или ситуация — помощи именно этого друга. У мужчин не принято спрашивать: «Что-то случилось?» Раз друг пришел и сто граммов принес, значит, разговор будет серьезный. Еще проще, когда два приятеля встречаются случайно. На автозаправке, в магазине рыболовных принадлежностей или в винном отделе супермаркета. Ситуация резко осложняется, если в этом отделе продается что-то недостойное настоящего мужика.

Николай, пробирающийся между стеллажами, уставленными баночками и коробочками, мечтал только об одном: не наткнуться на пациента или сотрудника с работы. Как всегда в таких случаях, провидение четко выполнило инструкции, издевательски следуя дословной формулировке. Не указанный в повторяемой мантре оказался Михаил, которого Николай отлично знал, но уже сто лет не видел. «Девчонки» после развода Ларисы встречались все чаще без своих половин, работы вечно вагон, и вообще как-то потеряли друг друга из виду.

Увидев Михаила, Николай постарался спрятаться за стойкой с духами, зайчиком метнулся мимо прилавка с косметикой «Эсти Лаудер», выдохнул и спиной наткнулся на Михаила, тихо, как Рембо, подошедшего с другой стороны.

— Стоять, бояться. Ты чего такой испуганный, косметику ворует? — спросил Михаил.

— Почему ворую?

— А чего бегаешь от стойки к стойке, я за тобой минуты две по зеркалам наверху наблюдал, — он указал на зеркальный потолок.

— Черт, — Николай почувствовал себя идиотом.

— Так чего ты тут забыл?

— А ты? — перешел в наступление Николай.

— Духи Вале купил, — показал приобретение, — решил подарок сделать в честь ее выписки из больницы. Эля название написала, так что все четко, как на строевой.

Крыть было нечем.

— Светка просила краску для волос купить, — соврал Николай, успевший повернуть в голове несколько вариантов один другого фантастичнее.

— А-а-а, и ты решаешь, то ли ей с мужиком на коробке брать, то ли с теткой?

— Ну да, она сказала, вроде с мужиком покрепче.

— Коль, ты меня за дурака держишь? — по-ленински прищурился Михаил.

— Ладно, поймал, — сдался Николай, прикинув, сколько лет они знакомы. — На днях подслушал, как наши медсестры между собой разговоры разговаривали. Клянусь, случайно! Так вот они мужиков наших обсуждали, ну и сказали, что я сдал в последнее время, мол, раньше интересный мужчина был, а теперь старый, только гвозди забивать, и знаешь, как ржали, мол, на голове у меня... В общем, я решил покраситься, — Николай обреченно замолчал.

— А чего не в парикмахерской? Сейчас же многие красят, я сам видел.

— Ну да, многие. Я тут решил парикмахерскую сменить. Неудобно около дома, вдруг разболтают соседям. Думаю, сначала зайду постричься, на разведку. Потом невзначай про покраску узнаю. Выбрал такую модную, современную. «Салон» написано. Повели меня голову мыть. Подхожу к раковине с креслом. Ну, встал на колени в кресло и голову наклонил. Опозорился, в общем. В старой-то парикмахерской без выкрутасов, голову над ванной моют, с советских времен еще стоит.

Михаил улыбнулся, представив ситуацию, а Николай продолжал:

— Пока стригли, слышу, рядом ведущий мастер какому-то педикю волосы красит и объясняет: «У вас луковицы близко к поверхности кожи, поэтому волосы тонкие. Луковицы должны сидеть на десять сантиметров в коре головного мозга». Не стал я у них краситься. Да и не хочу я всю голову красить, лучше, как Светка, ну, этими... клоками.

— Перьями, — подсказал Михаил.

— Точно, перьями для начала, как бы у меня натурально так волос расти стал. Должно быть чуть с сединой. Сам покрашу.

— Ты уверен, что у тебя получится? Это ж сноровка нужна, я б попросил кого.

— О, давай ты мне поможешь, — обрадовался Николай.

— Нет, ты меня не так понял, — дал задний ход Михаил. — Я имел в виду жену или Валюшку. Я не могу, не умею.

— Слушай, тебе вроде коронку давно пора менять...

— Ты злодей.

— Ты, когда меня красить будешь, помни о коронке. Как покрасишь, сделаю в лучшем виде.

— Это несправедливо. Ты всю жизнь это делаешь, а от меня ждешь работу, которой я никогда не занимался.

— А чем ты в армии занимаешься? Траву красил к приезду начальства? Это почти то же, только объем работ в несколько раз меньше.

— Хорошо, поехали к нам, — смилостивился Михаил. — Ты только никому, что я тебе в этом деле помогал.

Хотелось помочь хоть чем-то. Из рассказов жены Михаил знал достаточно, но делал вид, что не в курсе. Кому приятно, что товарищ заметил твои ветвистые рога, которые ты тщательно скрываешь под шапкой-ушанкой летом.

Взяв по дороге пива, друзья расположились на кухне. К ответственной процедуре прямо с порога приступить было страшновато.

— Может, шахматы разложим? — предложил Михаил.

— Давай.

Разложили, поставили, открыли, сели.

— Даже не знаю, с чего начать.

— С пешки и начни.

— Да я не о том... — Николаю захотелось выговориться. — В последнее время так хорошо дома стало. Я даже с работы стал с радостью приходить. Как у вас с Валентиной, ни крика в доме, ни шума, спокойно, тихо. Правда, с Ильей неувязочка вышла, но, вроде, даже к лучшему, за ум взялся, решил побыстрее с учебой развязаться, на работу устроиться.

— Да, люблю, когда покой в семье. Стресса на работе хватает, дома нужен покой и любовь, — сделал очередной ход Михаил.

— Да и с любовью, вроде, в порядке.

Михаил поднял на него глаза от доски.

— Ну, не так, как в молодости, но вполне. А тут идем со Светкой по рынку, я что-то приотстал, смотрю, на нее мужики прям зубами щелкают, глазками маслянистыми обхаживают. То попробовать предложат, то комплимент отвесят. Я уж забыл, когда ее последний раз ревновал. Мне даже в голову не приходило, что моя жена может кому-то нравиться. Она же не модель какая, обычная. Вижу, а Светке приятно, когда вокруг нее вертятся.

— Постой, Коль, работа у них такая, товар продавать.

— Не-е-е, они ей его не просто предлагали. Я ж мужик, могу отличить, когда глазки строят, а когда товар впаривают. Светка в последнее время

похорошела. То ли от любви нашей, то ли... Знаешь, она всегда мне про эту романтику трещала, но я все как-то не верил, что именно этой хренью можно отношения поправить, а она прямо расцвела вся. Я же рядом с ней... — Николай досадливо махнул рукой.

— Мужик и должен быть чуть красивее обезьяны, — пошутил Михаил, желая поднять товарищу настроение.

— Правильно, но не старее собственной обезьяники. Недавно к окулисту ходил. Проверяют мне угол зрения на аппарате. Показывает аппарат, что угол зрения очень узкий. Ну что, поднимаю веки пальцами, показывает, что нормальный. Но я же не хожу, придерживая веки руками...

— Сделай пластику век, — хмыкнул Михаил.

— Смешно ему. Я еле на краску решился.

— А мне на днях приснилось, что я на службе, и наш генерал оборудовал отдельный кабинет по отучению от мата. В приказном порядке заставляет всех через него пройти. Наступает моя очередь, подхожу к кабинету, а из него майор Козлов выходит, есть у нас такой, матершинник страшный. А над дверью табло горит «— 30». Минус тридцать слов. Спрашиваю у него: «И как?» Он в ответ только мычит: «А...э-э-э...у-у-у». Я: «Как же ты теперь?». Он, весь растерянно-расстроенный, едва не рыдая: «Не...не...не знаю». Я у двери чуток постоял, затылок почесал и к выводу пришел, что у меня один выход есть: взять и проснуться. Так в итоге я и поступил: взял и проснулся.

— Вот, блин, — покачал головой Николай и радостно добавил, припечатывая ферзя к доске: — Шах тебе и мат.

Михаил равнодушно покосился на доску.

— Ну что, будем красить? — окрыленный победой, Николай поставил на стол коробочку.

Михаил опять замаялся, не представляя, с какой стороны подходить к продукту.

— Может, сначала на собаке проверим?

— У нас с животными разная структура волос, как же я узнаю, как я буду выглядеть? — отмел рацпредложение Николай.

Они раскрыли коробку, достали тюбик с краской, бутылочку с какой-то непрозрачной жидкостью, целлофановую шапочку и перчатки.

— Эти перчатки на меня не налезут, — констатировал Михаил, — поищу, у Валюшки должны быть в запасах нормального размера. Ну что, пошли в ванную?

— Ты подожди, — Николай занервничал, — сначала надо на голову шапочку надеть и через дырочки шпилькой вынуть клоки волос, которые

будем окрашивать.

— А, хорошо, только у меня шпильки нет. Крючок вязальный подойдет?

— Думаю, да. Давай, неси крючок.

— Может, Валюшку подождем? Она тебе все как надо сделает.

— Я же сказал, что нельзя. Она Светке расскажет, та сразу поймет, что к чему. Поймет, что старею... — голос Николая дрогнул.

Михаил молча отложил коробочку. Отодвинув шахматы и пустые пивные бутылки, сходил к холодильнику за бутылкой коньяка и свежей закуской. Себе налил на доньшко, поддержать компанию, приятелю — полный стакан.

ГЛАВА 49

На премьеру в Доме кино Наталья, разумеется, опоздала бы. Накануне легла поздно, пытаясь придумать удачную комбинацию для примирения рассорившихся подружек, но в голову ничего не лезло.

С момента ссоры с Ларисой прошло достаточно времени, чтобы страсти улеглись, но воз был и ныне там. Прогуляв несколько занятий французского, подружки обнаружили, что на курсах наступили каникулы. Звонить Ларисе первыми Наталья и Светлана отказывались, Валентина решила на этот раз не вмешиваться, а Лариса и вовсе не подавала признаков жизни. Она по-прежнему занимала свой пост, но позвоночником ощущала мышиную возню, не дававшую ей расслабиться.

В «Попугай» идти без Ларисы тоже не хотелось. Слишком это было похоже на признание, что их осталось только трое. Наталью начинала напрягать затянувшаяся ссора, она ворочалась в постели до двух часов ночи, мечтая изобрести волшебную палочку и вернуть все на круги своя. Еле разлепив глаза к обеду, она малодушно решила провести выходной у телевизора. Тащиться на премьеру страшно не хотелось, но маман сначала позвонила ей, напомнив, что билет пропасть не должен, а затем явилась лично, дабы руководить сборами бестолкового чада.

В результате к Дому кино Наталья подкатила на такси за двадцать минут до начала. У входа клубилась разноцветная толпа, просачиваясь в помещение мелкими партиями. Многометровая афиша на фасаде гласила: «Презентация фильма «На склонах Сьерра-Мадре», производство Мексика-Россия». Проникнув внутрь, Наталья осмотрелась. Просторный холл, щедро декорированный под мексиканскую пустыню, был уставлен по периметру гигантскими кактусами, явно выкупленными за бешеные деньги в местном Ботаническом саду. Ярко разодетые сеньориты разливали всем приглашенным халявную текилу, показывая непосвященным, как следует ее употреблять. Народ, основательно посолив руку, опрокидывал узенький стаканчик, закусывал лаймом и, повеселев, утекал ко входу в кинозал, огибая стойки, где текила разливалась уже в виде коктейлей. Наталья отказалась от чистого напитка, обошла осаждаемый публикой помоложе бар, где разливали текилу-бум и за стуком посуды не было ничего слышно. Людской волной ее прибило к другой барной стойке, где она соблазнилась на коктейль из мартини с текилой.

— Наталья! — услышала она позади себя.

Повернувшись, она обнаружила покрасневшую от духоты Валентину в вечернем платье и с выходной сумочкой.

— Валюшка, ты как здесь оказалась? — сделала Наталья круглые глаза.

— Твоя мама пригласительный подарила.

— Странно, я у нее просила на всех, она сказала, что больше нет, страшный дефицит и тому подобное. Ничего не понимаю.

— Да, странно, — Валентина выглядела удивленной.

— Еще по коктейлю и пойдём в зал? — предложила Наталья.

Усевшись на свои места, они осмотрелись. Зал быстро наполнялся. Публика поражала воображение изысканными туалетами. Глаза после текилы блестели ярче бриллиантов, в изобилии наблюдаемых на приглашенных дамах.

— Ну ты только посмотри, — поразилась Наталья, — и местное телевидение, и бизнес-элита. В толпе слышала, что мэр и губернатор тоже приедут.

— Твоя мама сказала, что в фильме снялась дочка нашего губернатора, — Валентина обмахивалась программкой.

— Ясно, откуда такая роскошь. Мне она тоже что-то такое говорила, — припомнила Наталья, привыкшая слушать монологи маман вполуха.

— Смотри, — толкнула ее локтем Валентина.

Справа к их местам пробиралась Светлана.

— Нет, ты вон туда смотри, — дернула ее за рукав в свою очередь Наталья.

Слева с недопитым коктейлем в руке подходила Лариса.

В этот момент на сцену выбежал развязный конферансье, свет начал гаснуть, опоздавшие суетливо рассаживались.

Подружкам ничего не оставалось, как молча сесть на свои места. Лариса сидела с окаменевшим лицом, как на партсобрании, внимательно глядя на сцену, где надрывался аниматор, в красках рассказывавший о новой эпохальной киноленте, снятой молодым, подающим надежды мексиканским режиссером с участием блистательной актрисы, родившейся в их скромном городе.

Наталья, сидевшая рядом с ней, молчала, иногда бросая на Валентину и Светлану удивленные взгляды. Светлана, поприветствовавшая подруг кивком головы, не решалась заговорить, стесненная присутствием Ларисы. Было ясно, что Марианна Сергеевна получила целых четыре пригласительных, которые и распределила со свойственным ей пониманием жизни.

Тем временем начался обещанный шедевр с большой буквы «Ш», как его анонсировал конференсье. Надувшись как мыши на крупу, подруги усталились на экран.

Душещипательная история разворачивалась стремительно. Прекрасная, но несчастная героиня переживала взлеты и падения, любовь и разочарования, перемещаясь то на плантации агавы, то в великолепные интерьеры особняков Гвадалахары. То ли режиссер был и правда восходящей звездой, то ли сюжет бил без промаха по больным местам зрителей, то ли текила давала себя знать, но уже через пятнадцать минут после начала сеанса в кинозале раздались редкие всхлипы. Валентина, становившаяся с возрастом все более сентиментальной, приложила к глазам платочек, когда героиня осталась беременная одна в чужом городе без куска хлеба. Еще пять минут мытарств голодной красавицы добились ее, и она всхлипнула. Разрываемая любовью к двум мужчинам, героиня довела до слез Светлану, и Валя поделилась носовыми платками. Наталья, обуреваемая жалостью к героине, себе, подругам, вытирала катящиеся слезы, делая вид, что ей просто что-то попало в глаз. После сцены, когда у героини похищали ребенка, она, скосив глаза, увидела, что Лариса тоже плачет. Остаток фильма подруги рыдали, взявшись за руки. Ссора была забыта.

ГЛАВА 50

Лариса стояла в прихожей, прислонившись к стене, наблюдая, как Олег натягивает куртку.

— Лар, — может, все-таки поговорим? — в голосе послышалась мольба.

— Олег, мы с тобой полдня на разговоры потратили. Я все понимаю, трудное детство, обстоятельства. Но почему за счет меня? Мне всегда казалось, что при всех твоих недостатках на подлость ты не способен.

— Но это же все неправда. Да, у меня был разговор с Эдуардом Кимовичем. Мы действительно говорили о моих перспективах, но о тебе не было речи.

— Тебе самому не противно? О каких перспективах вы могли говорить, если следующая ступень — это моя должность. А мне что прикажете, к тебе в заместители?

— Ну почему, — Олег смутился. — Есть и другие должности, холдинг большой.

— Правда? Какие? — Лариса горько рассмеялась. — Может, в другом холдинге?

— Лар, извини, я не виноват, что так вышло. Это не моя идея.

— Конечно, эта гениальная идея посетила нашего хозяина во время медитации на Кипре. Все, Олег, закончили данную тему. Я устала.

— Ну, как знаешь. Хочешь строить из себя обиженную — твои проблемы.

— Угу, иди, Олег, иди. Иначе ничем хорошим наш разговор не закончится.

Звонок в дверь вызвал у Ларисы вздох облегчения.

— Кто это? — удивленно поднял брови бывший любовник.

— Этот вопрос тебя уже волновать не должен, — Лариса пошла открывать.

На пороге с бутылкой шампанского и тортом стоял бывший муж. Лариса была очень рада его видеть.

— Костя, проходи. Товарищ был по работе, уже уходит.

— Да-а-а-а, — зло засмеялся Олег, — еще не успела остыть кровать после одного, а другой уже на пороге.

Хлопнув дверью, он выбежал на лестницу.

— Костя, не стой в дверях, проходи, раздевайся, — Лариса потянула

бывшего мужа за рукав, поскольку тот стоял ошарашенный и никаких действий не предпринимал.

— Кто это? — выдавил он.

— Я же сказала, по работе. Возникли у нас некоторые трения, вот он и расстроился.

— А-а-а-а, — протянул Костя, снимая ботинки. — А что это он про оставленную постель пел? — закончил он вопрос.

— По совместительству он был моим любовником, — пожал плечами, не стала скрывать Лариса.

Костя застыл, не зная, как реагировать. Достав бокалы для шампанского, Лариса протянула ему бутылку.

— Открывай. Что ты на меня так смотришь? Тебя что-то удивляет? Мы с тобой взрослые люди и уже пять лет в разводе. Или я должна была остаться монахиней до гробовой доски?

Костя перевел дух, засопел и открыл бутылку.

— Нет, конечно, нет, но ты так спокойно об этом говоришь...

— А что, я должна краснеть, как ты? Ты даже слово «секс» произнести не можешь, — иронично улыбнулась Лариса.

— Почему, я могу. Секс, — Костя мучительно покраснел.

Лариса снова улыбнулась, но уже по-доброму.

— Ладно, не мучайся по пустякам, садись. Давай за Дарью, и за нас. Все-таки бабушкой с дедушкой скоро будем.

Они чокнулись, выпили, поболтали об общих знакомых.

— Ларчик, ты ведь меня позвала не только чтобы за будущих внуков выпить, — перешел к делу Костя. — Выкладывай.

— Костик, ты прав, нужна твоя помощь. Мой бывший, — она подчеркнула это слово, — любовник решил занять мое место. Все рассказывать не буду, долго и неинтересно. На должность его зама я не соглашусь. В общем, я решила уйти. Повесила свое резюме в интернете, думаю, а вдруг?!

— И что? — заинтересовался Костя.

— Да ничего, — махнула рукой Лариса, — мне позвонили! Звонят, приглашают на работу, но на вопросы по телефону не отвечают, настоятельно зовут в гости. Думаю, ладно, заеду, посмотрю. Офис в центре, не где-нибудь. Приемная в мраморе и в канделябрах. Привели в переговорную, дали анкету. Думаю, совсем кадровики с ума сошли, я даже не помню, когда анкету в последний раз заполняла, не тот уровень должности. Начинаю злиться и собираюсь уходить. Прибегает тетка и начинает рассказывать, какая у них замечательная контора. И до меня

доходит, что я попала в брачное агентство.

— Ну дела!

— Целый час меня окучивали, какая я умница и красавица. Обещали, что замуж выдадут быстро, — Лариса рассмеялась. — Предлагали купить личное счастье всего за четыре тысячи условных единиц.

— И недорого, — подыграл ей Костя.

— Я даже договор почитала. Конечно, работают нагло, но качественно. Нарвались бы на кого послабее, договор был бы у них в кармане. А ищут они женихов и невест по полю «семейное положение» на сайтах поиска работы. Гениально, правда?

— Да, везде нужна идея, — согласился бывший муж.

— И у меня она есть! После визита в брачную контору я поразмыслила и поняла: устраиваться в незнакомый коллектив на птичьих правах новичка, опять что-то доказывать смысла нет. Я решила, — она сделала паузу, — заняться бизнесом, открыть в нашем городе прачечную.

— Ты это серьезно? — Костя задумался.

— Абсолютно. Смотри, народ богатеет. Работают, как правило, и муж, и жена. Времени, а главное, желания на стирку-глажку нет. Дресс-код тоже все чаще обязывает каждый день рубашку менять, а не раз в неделю ее в угол ставить. Тебе кто гладит?

— Мама, — он смущенно опустил глаза.

— А-а-а-а, выходит, я на правильном пути. Кстати, помнишь, как мы раньше тоже белье в прачечную сдавали? Зимой сумку на санки, сверху Дашку — и поехали! — Лариса рассмеялась.

— Помню! — подхватил Костя. — А ведь удобно было, сдал-получил. Еще бы вещи не теряли и не хамили. Правда, потом цены вверх поползли, все стали сами стирать, прачечные закрылись. Ты знаешь, та сумка все еще у меня на даче лежит.

— Это говорит только о том, что ты не в состоянии избавляться от хлама, — вздохнула Лариса, отпивая из бокала.

— Это говорит о том, что старое не значит плохое и ненужное, — не согласился Костя.

— Ладно, вернемся к моему проекту. Так вот, помещение я найду, деньги тоже, а вот пожарные, санэпидемстанция, разрешения от чиновников — здесь бы я хотела, чтоб ты мне помог.

— Знаешь, Лар, а идея неплохая.

— Я знаю, смотри, я все посчитала.

Она достала ноутбук, и бывшие супруги углубились в дебри графиков и расчетов точки безубыточности. Через некоторое время Костя

удовлетворенно откинулся на спинку стула.

— Ларка, ты гений. Тебя в президенты надо. Все учла.

Лариса сияла. Костя был хоть и бывший муж, но похвалы в профессиональной сфере расточал крайне редко.

— Я поговорю с нужными людьми, — пообещал он. — А прогореть не боишься? На бумаге все красиво, но жизнь может внести свои коррективы.

— Будет проблема — будем решать, — развела руками Лариса.

— И кредит придется немаленький брать, — беспокоился Костя.

— Ты специально, да? Слушай, не начинай, сам же сказал, что я все просчитала. У меня обязательно получится. Я чувствую, понимаешь?

В глубине душе Ларисе было немного страшно, но она понимала, что это всего лишь страх неизвестности, как перед прыжком в воду. Признаваться в этом Косте не хотелось.

— Так-то оно так, но ты представляешь сколько пахать придется, прежде чем твой бизнес начнет приносить доходы?

— Можно подумать, у меня на работе курорт был, — хмыкнула Лариса, сообразившая, что опасения Кости находятся в той же метафизической области, что и ее собственные.

— Понятно, что не курорт, но все же... А ты не пыталась найти что-то по старым связям? У тебя ведь в визитнице весь город собран.

— О, да! В девяностые из Клуба банкиров я визитки килограммами приносила. Недавно пересмотрела, чуть от смеха не умерла. На одной визитке вместо имени кличка, на другой фотография, Ф.И.О и титул — «князь», на третьей ФИО и логотип «мерседеса», и больше ничего, кроме телефонов.

— Ну мало ли, как народ раньше развлекался, — хмыкнул Костя, очевидно, вспоминая многоцветную полиграфию гербов на визитках обитателей мэрии. — Люди меняются.

— Не знаю, не знаю... На одном из предприятий-партнеров видела в переговорной картину. Холст, масло, изображен «Гелендваген» директора. Говорят, лет десять уже висит. А в кабинете — яхта, тоже маслом. И подпись довольно известного художника. То есть это сейчас он известный, а лет десять-пятнадцать назад был рад нарисовать чье угодно средство передвижения. А еще на одном предприятии на столе у начальства — фотографии его дога и попугайчиков. Один раз там была, на всю жизнь впечатлилась.

— Но ты же понимаешь, что на твой новый бизнес нужно будет потратить массу сил и времени.

— Костя, а куда мне девать его, время это? — тихо сказала Лариса. —

Дарья выросла, роль бабушки на расстоянии много сил не отнимет. Скоро меня попросят с работы, и я буду свободна, как ветер.

— Насчет свободы... — Костя замялся и робко предложил: — Дела делами, но, может, как-нибудь встретимся?

Лариса вздохнула, понимая, к чему он клонит.

— Нет, Костя, не обижайся, не хочу. Пока, во всяком случае. Вот выйду на пенсию, тогда, если захочешь, вернемся к этому разговору, — Лариса улыбнулась. — Если ты к тому времени не женишься и научишься произносить слово секс.

Костя смутился.

— И дался тебе этот секс, вроде у нас с тобой неплохо было, вон Дарья появилась.

— Секс, как еда, не может быть плохим или хорошим, он должен быть качественным, — серьезно ответила Лариса и продолжила: — Суп будешь?

— Рассольник?

Лариса кивнула.

— Мой любимый!

Ларисе показалось, что Костя заурчал от удовольствия.

ГЛАВА 51

Очередная неделя подходила к концу, работа была сделана, планов никаких. Вернувшись домой, Наталья уселась в кресло, чтобы в очередной раз в тишине и покое перелистать пособие волшебника.

Денег ей хватало, но, как всегда, лишних не было. Онигодились бы и на поездку в Париж, и на покупку автомобиля, который никак не притягивался, несмотря на крышку от бензобака, помещенную дома на самом видном месте.

Руководство в очередной раз не подвело. Путей для добычи денег было два. Первый вариант поразил Наталью своей гениальностью. Проводя незамысловатую параллель, пособие предлагало для скорейшего получения желаемой суммы денег регулярно прыгать с унитаза. Для лучшего эффекта унитаз должен был находиться в банке или другом учреждении, связанном с крупными суммами денег, хотя домашний тоже годился.

Наталья решила немедленно применить метод на практике. Отправившись в туалет, она вскарабкалась на унитаз, с трудом удерживая хрупкое равновесие. Прыжок на пол отдался тяжелым эхом. Лишнего веса у нее было совсем немного, но мягкость и бесшумность приземления оставляли желать лучшего.

— Если я так несколько раз прыгну, ко мне прибегут соседи, — подумала вслух Наталья. — Как тут сосредоточиться на мысли о деньгах?

Прыжки в банке также отпадали. Лариса точно не поняла бы, почему Наталье приспичило прыгать с унитаза, причем именно в их туалете. «Выгонит меня в шею и будет права», — улыбнулась Наталья, представляя лица сотрудников.

Второй вариант показался еще забавнее.

— Ну, к Лариске с этим тоже не стоит обращаться, — прикинула Наталья и решила действовать самостоятельно. В конце концов, в руководстве было четко сказано, что главное в ритуалах не сами действия, а кураж, с которыми они производятся.

На следующий день Наталья принесла домой из супермаркета несколько вилок прошлогодней белокочанной капусты и целый вечер кромсала ее тупым кухонным ножом.

«Мне ведь что нужно? — рассуждала она. — Валюта. Доллары, например, вполне подойдут. «Капуста». «Зеленые». «Капусту» сдают в банк». Получалось вполне логично.

Перепортив капусту, Наталья, наконец, смогла настругать из кочанов ворох прямоугольных листочков, связала их в аккуратные пачки, сложила в сумку и отправилась в круглосуточный банк, недавно открывший отделение на соседней улице.

Время подходило к полуночи, за пуленепробиваемым окошечком скучал молоденький кассир. Наталье неожиданно стало страшно. Вдруг он позовет охранника или милицию? Сумасшедшая тетка приехала сдавать порезанные капустные листы, это попадет во все новости, а ее, Наталью, в смирительной рубашке отправят на «Агафуровские дачи», в известный психдиспансер, расположенный за городской чертой, основанный еще до революции и ставший именем нарицательным.

Собрав волю в кулак, Наталья подошла к кассе, непринужденно улыбаясь.

— Капусту примете? — поинтересовалась она, выкладывая свои запасы в лоток приемника.

Повернув лоток, кассир невозмутимо осмотрел капустные пачки, перетянутые аптечными резинками:

— Что это вы одна? Ваши час назад целой толпой приходили, опять капусту сдавали, — непонятно сказал он, кивнув головой в сторону, — вон, в углу целая сумка.

Действительно, через стекло Наталье была видна наполовину расстегнутая спортивная сумка, стоявшая у стены. Ей показалось, что там лежали точно такие же зеленые пачки.

Стараясь не выдать своего удивления, она терпеливо дождалась, когда кассир выпишет ей справку, где говорилось, что у гражданки такой-то принята капуста в количестве пяти пачек, дата, закорючка подписи.

Все еще сжимая «справку» в руке, Наталья отправилась на автобусную остановку, к круглосуточной палатке. Разглядывая витрину, она неожиданно поняла, зачем сюда пришла.

— Голова дырявая! Откуда у тебя возьмутся деньги, если ты даже билеты лотерейные никогда не покупаешь? — Наталья рассмеялась, вспомнив старый анекдот. — Богатого дядюшки у тебя нет, значит, наследства быть не может. Остается лотерея. Как там пишут в руководстве волшебников? «Не нужно требовать от чудес невозможного, позвольте им войти в вашу жизнь».

Наталья открыла дверь в павильон, тонко звякнул колокольчик.

— Дайте, пожалуйста, лотерейный билетик.

— Вам какой?

— В смысле? Мне чтобы выиграть, — удивилась Наталья.

Продавец странно на нее посмотрела и уточнила:

— Их много разных. Какой хотите? Вот новая мгновенная лотерея «Парижские тайны», — продавщица положила на прилавок картонный билетик. Стираете здесь и смотрите. Если сумма совпадает три раза, вы ее выигрываете.

— Беру! — Наталья отдала деньги и положила билет в портмоне.

— Не хотите сразу посмотреть? Мелкие суммы мы выдаем на месте.

— Здесь не мелкая сумма, — покачала головой Наталья, решившая пока не трогать защитный слой. Все-таки любому чуду нужно время, не стоит подталкивать его пинками.

Продавщица, привыкшая на работе ко всему, проводила ее удивленным взглядом.

ГЛАВА 52

Светлана давно ждала этого разговора, но, разумеется, оказалась совершенно не готова, когда за ужином в итальянском ресторане Александр взял ее руку.

Сердце бешено заколотилось. Светлана, проклиная себя за малодушие, попыталась завести разговор на отвлеченную тему. Маневр не удался. Александр внимательно посмотрел на нее, так, что она умолкла и опустила глаза, затем просто спросил:

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Нет, — Светлана отняла руку, стараясь не расплакаться.

— Но почему? Ведь тебя ничего с мужем не связывает.

— Подожди, попытайся меня понять. Твоя любовь меня душит, а должна окрылять. Слишком все стремительно. Пришел, увидел, получил. А любовь — это свобода. Ты не даешь мне сделать выбор, требуешь положительного ответа. Да, ты мне дорог, но иногда мне кажется, что будь на твоём месте другой мужчина, я точно так же побежала бы за ним. Слишком долго я была больше женой, чем женщиной. Как говорит Лариска, у каждой женщины в нашем возрасте должна быть лебединая песня. И я рада, что этим мужчиной оказался ты, а не другой, но у меня есть муж, сын, обязанности. Ты же предлагаешь все бросить.

— Да, предлагаю, — Александр был настойчив. — Мы поехали бы в Париж в свадебное путешествие, катались на кораблике по Сене, ужинали в тени каштанов, я уже все придумал!

— А меня ты спросил? — горько усмехнулась Светлана. — Я как раз об этом и говорю. Нельзя руководствоваться только чувствами, бежать на край света, не думая о тех людях, которые столько лет были рядом.

— Света, милая, я не хочу давить на тебя. Прости, если случайно так получилось. Хочешь, я куплю вам с подругами билеты на четверых? Ты же сама рассказывала, что ваша поездка срывается. Развеешься, подумаешь, соскучишься, наконец.

Светлана отрицательно покачала головой.

— Но я люблю тебя. Ты нужна мне.

— Знаешь почему? Ты хотел найти простую русскую женщину, о которой писали классики, но при этом ты искал ее на дорогих курортах, корпоративных вечеринках, через своих друзей. И не находил, откуда им там взяться. Не окажись ты у меня на кушетке, мы бы никогда не

встретились. Ты, как молодая девушка, мечтающая встретить принца-миллионера в булочной.

— Света, я должен уехать по делам в Москву, на три месяца. Мне будет очень плохо без тебя. Я надеялся, что мы уедем вместе, но вижу, что ты не хочешь.

— Это всего лишь три месяца, Саша, — тихо сказала Светлана. Они помолчали.

— Жаль, что мы не встретились лет пять-семь назад. А может быть, это и не важно. Главное, теперь я решила для себя, что не буду больше хвататься за мужа, как за соломинку, из страха остаться одной, но и выбрасывать на помойку тридцать лет семейной жизни считаю расточительством. Нельзя разбрасываться антиквариатом, — грустно пошутила Светлана. — Сегодня я поговорю с мужем. Каждый из нас должен решить сам, нужен ли ему рядом близкий человек или вторую половину жизни лучше прожить одному, а может быть, найти нового спутника.

— Хорошо, для себя я уже все решил. Буду ждать твоего ответа, даже если на это уйдет остаток жизни. В крайнем случае, если ты не выйдешь замуж за меня здесь, то... — он посмотрел вверх, — я дождусь тебя там, и уже точно никому не отдам.

Прощаясь с Александром, Светлана настояла на том, что должна вернуться домой на такси, а не в его машине.

Второй трудный разговор за вечер совершенно ее измотал.

Светлана сидела на диване, бесцельно перелистывая глянцевого журнал. Николай, до этого нервно ходивший по комнате кругами, сел в кресло напротив.

— Что дальше? — в десятый раз за вечер задал он вопрос, пытаясь возобновить разговор с женой.

Она ответила не сразу. Закрыв журнал, положила его на столик. Посмотрела на мужа и тяжело вздохнула.

— Я пыталась до тебя докричаться, старалась сохранить семью. Не знаю, все ли я сделала возможное, но поняла одно, как мне кажется, самое главное: жить так, как мы с тобой, — это преступление. Да, да, и не закатывай глаза. Нельзя жить вместе, когда любовь прошла, создавая видимость семьи, когда только перспектива раздела имущества заставляет людей оставаться в одной квартире.

— Значит, ты так все это видишь, — вскочив, Николай схватился за голову, заметался по комнате. Он не верил своим ушам, ведь когда-то семья была для Светланы всем! — Я-то, дурак, полагал, что семья держится на

общности интересов, моральном долге, чувстве опоры, поддержки, а у тебя, оказывается, деревяшки — вот он, главный пункт, связывающий двух людей, — последнее замечание он почти выкрикнул, показывая руками на «стенку». — Я целыми днями работаю, чтобы лишний рубль в дом принести, сделать нашу жизнь, быт как можно более удобными, комфортными, а оказывается, никому это не нужно. Ей, видите ли, романтики, любви захотелось на старости лет. Это все Лариска, ее влияние. Я давно тебе говорил, что не может эта кляча пережить уход мужа, напоказ играет всю из себя такую супер-пупер современную.

— При чем здесь Лариса? — вступилась за подругу Светлана. — Наши с тобой проблемы до ее развода начались.

— Проблемы? — прокричал Николай. — А не скажешь ли ты мне, Джульетта, что за глобальные семейные проблемы у нас были? Я тебя бил? Денег в дом не носил? Пил с утра как сапожник? Чего тебе не хватало, что ты за этим хмырем, как собачонка, побежала?

Николай стоял красный, правый глаз дергался от нервного напряжения. Он уже не стеснялся и орал на весь дом. Временами он хватался за голову, хмурился и начинал тереть лоб, как будто пытался поймать очень важную мысль, убегавшую от него.

— Видишь, — с грустью отметила Светлана, — ты так ничего и не понял. Скажи, ты любишь меня?

— При чем здесь любовь? — взвился Николай. — Ты, ты завела себе мужика и не имешь никакого морального права рассуждать о любви.

— Хорошо, что ты не пытаешься соврать, — как можно спокойнее сказала Светлана.

— Да, куца уж мне. Сколько времени ты с ним уже спишь?

— Николай, как ты можешь? — Светлана вскочила. — Невыносимо слышать от тебя подобные пошлости. Я думала, ты знаешь меня лучше.

Светлана смешалась, хотела что-то добавить, но упрек Николая сбил ее с толку. Она закрыла лицо руками.

Николай посмотрел на жену.

— А что тебя удивляет? Ты обманываешь меня который месяц, допоздна сидишь якобы на курсах, подружки тебя покрывают, тряпки вон, смотрю, новые накупила, а я должен думать, что у вас платоническая любовь? Не смейся! Что у тебя, кризис старшего среднего возраста?

— Коля, я прошу тебя, прекрати, иначе мы сейчас наговорим друг другу столько гадостей, что потом назад дороги не будет, даже если мы и захотим. Присядь, а то тебя удар хватит. Да, я виновата перед тобой, что обманывала. Я признаю, я увлеклась. Не перебивай, выслушай. Я понимаю,

что тебе тяжело это слышать, но он человек действительно неординарный. Главное, он подарил мне меня. Я жила ради семьи, ради пациентов. Я перестала быть просто женщиной. Стала превращаться в тетку, для которой все желания и мечты должны быть связаны или с семьей, или с работой, для которой страх остаться одной сильнее желания любить и быть любимой вновь.

Николай снова вскочил.

— Опять про любовь начала! Свет, нам же хорошо было, пока этот гад не появился. Ты мне, главное, скажи, что не так, я исправлюсь. Хочешь, буду цветы каждый день покупать, в кино ходим, в ресторан, а если хочешь, я летом отпуск возьму, и мы в Египет или в Турцию поедем.

— Коль, извини, но мне пора, — Светлана встала.

— Как? Куда? — не понял муж. Только сейчас он заметил две сумки, стоящие возле дивана.

— К нему побежишь?! — взвился он. — В койку... — взгляд Светланы не дал ему закончить фразу.

— Не к нему, успокойся. Он уезжает в Москву. Я договорилась с твоей мамой, что она к вам переедет, а я у нее поживу. Так будет лучше для всех.

— Ага, значит, и мама уже в курсе, — Николай сник. — Сыну сказала про развод?

— Нет.

— Что же так?

— Потому что о разводе я пока не думала. Я должна понять, люблю ли я тебя еще, согласна ли я прожить с тобой оставшиеся годы. Я поживу отдельно, у нас обоих будет достаточно времени подумать, как жить дальше.

Светлана вышла в прихожую, стала надевать плащ. Николай вынес в коридор сумки, горько отметив про себя, что сделал это по привычке: «Светка в коридор, я за ней чемоданы...» Светлана только возле лифта сообразила, что сумки несет за ней муж. Устало улыбнулась.

— Спасибо, Коля, только дальше я сама. Не хочу, чтобы разговоры пошли.

— Света, дай честное слово, что не к нему идешь.

Светлана серьезно взглянула на мужа, ответила:

— У нас с ним все кончено, — муж напрягся при этих словах. — И у нас с ним ничего не было.

На другом конце города Наталья положила перед собой телефонный справочник, перевернула несколько страниц, набрала телефонный номер.

— Девушка, у вас можно заказать билеты в Париж? Замечательно, забронируйте четыре штуки, пожалуйста. Подготовьте также предложения по отелям в Париже. В конце недели мы подъедем и выберем. Бюджет? Хороший вопрос... Минутку.

Наталья взяла портмоне. Достав лотерейный билет, монетой соскоблила защитный слой. На ее лице появилась торжествующая улыбка. Денег должно было хватить и на поездку, и даже на новую машину.

— Девушка, вы меня слушаете? Замечательно. Мы хотим надолго запомнить это путешествие!

*Ольга Бенца
Ирина Мосман*

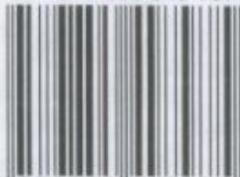
ОСЕННИЕ ЗВЁЗДЫ

«В сорок лет жизнь только начинается», а в пятьдесят, по общему убеждению женщин, она заканчивается. Вкус и острота ощущений притупились. Мечтать – трудно, реализовывать мечты – лень. Пятьдесят – не возраст! Четыре подруги – Лариса, Валентина, Наталья и Светлана – любят жизнь и живут так, как считают нужным. Они строят планы и осуществляют их, ссорятся и мирятся, воспитывают внуков и влюбляются, попадают в забавные ситуации и с честью из них выходят.

16+

ISBN 978-985-549-797-5

9 789855 497975

По вопросам реализации обращаться
в «ИНТЕРПРЕССЕРВИС».

Тел. в Минске: (10375-17)-387-05-51,
387-05-55.

Тел. в Москве: (495)-233-91-88.

E-mail: interpress@open.by

<http://www.interpres.ru>

интернет-магазин OZ.by

*аОльга Бенуа
Ирина Мосман
Осенние звёзды*

«В сорок лет жизнь только начинается», а в пятьдесят, по общему убеждению женщин, она заканчивается. Вкус и острота ощущений притупились. Мечтать — трудно, реализовывать мечты — лень.

Пятьдесят — не возраст! Четыре подруги — Лариса, Валентина, Наталья и Светлана — любят жизнь и живут так, как считают нужным.

Они строят планы и осуществляют их, ссорятся и мирятся, воспитывают внуков и влюбляются, попадают в забавные ситуации и с честью из них выходят.

16+

По вопросам реализации обращаться в «ИНТЕРПРЕССЕРВИС».

Тел. в Минске: (10375-17)-387-05-51, 387-05-55.

Тел. в Москве: (495)-233-91-88.

E-mail: interpress@open.by

<http://www.interpres.ru>

интернет-магазин OZ.by

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Примечания

1

Добрый вечер, дамы (фр.)

2

Добрый вечер. (фр.)

3

Как дела? (фр.)

4

Спасибо. Очень хорошо. А ваши? (фр.)

5

Прекрасно! (фр.)

6

Вы готовы пожертвовать этот вечер во имя счастья вашей подруги?
(фр.)

7

Вы в этом сомневаетесь? (фр.)

8

Я вам очень признателен. Я умею возвращать долги. (фр.)

9

Я это запомню. (фр.)

Пожалуйста, простите моего друга. Он добрый мальчик, но немного перебрал и потерял голову от вашей красоты. (фр.)